Жан Шено

ОЧЕРК ИСТОРИИ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

И * Л

Издательство
иностранной
литературы

Jean Chesneaux

CONTRIBUTION A L'HISTOIRE DE LA NATION VIETNAMIENNE

PARIS
1955

Жан Шено

ОЧЕРК ИСТОРИИ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Перевод с французского
В. Ф. МОРДВИНОВА, А. П. ШИЛТОВОЙ,
В. А. ЗЕЛЕНЦОВА

Под редакцией
Р. А. ПОПОВКИНОЙ

Предисловие
А. А. ГУБЕРА

ИЗДАТЕЛЬСТВО
ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, 1957

Редакция литературы по историческим наукам
Заведующий редакцией кандидат исторических наук И. П. СЕМИН

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая советскому читателю работа талантливого прогрессивного французского синолога представляет несомненный интерес. Написанная компетентным ориенталистом и проникнутая подлинной симпатией к вьетнамскому народу, его борьбе за независимость, высоко и справедливо оценивающая его древнюю культуру, эта книга является важной попыткой дать очерк истории вьетнамского народа с научных марксистских позиций. Отсутствие такого рода работ как за рубежом, так и у нас в Советском Союзе делает особенно своевременным издание работы Ж. Шено, тем более, что ученые Демократической Республики Вьетнам делают лишь первые, хотя и очень важные шаги на пути восстановления подлинной истории своего народа.

Глубокий интерес советского читателя к вьетнамскому народу и его истории и к героической борьбе за независимость, те чувства братской симпатии, с которыми советские люди следят за каждым успехом Демократической Республики Вьетнам, настоятельно требуют подробного научного освещения всех этих процессов. Однако подлинное изучение истории вьетнамского народа с древнейших времен и до наших дней все еще стоит как важная и неотложная задача советских востоковедов. Ряд работ советских ученых, в том числе и диссертации, защищенные за последние годы, освещает с достаточной глубиной и тщательностью лишь отдельные проблемы истории, экономики и национально-освободительной борьбы вьетнамского народа. При этом внимание советских вьетнамоведов главным образом концентрировалось на новейшей и отчасти новой истории Вьетнама. И это неудивительно, ибо яркие и славные страницы истории периода формирования и развития национального самосознания, появления на арене политической борьбы новых классов являются особенно привлекательными для советских людей — друзей вьетнамского народа. В этих процессах мы в первую очередь ищем и находим предпосылки победы справедливой борьбы за свободу и независимость, борьбы, увенчавшейся созданием Демократической

Республики Вьетнам и возрождением вьетнамского народа, сбросившего иго колониализма и строящего новую, счастливую жизнь. Однако совершенно очевидно, что подлинное раскрытие современных процессов немыслимо без тщательного изучения прошлого народа, его древней и сложной истории, его взаимоотношений и связей с другими древними государствами и культурами Восточной и Юго-Восточной Азии. Традиции вьетнамского народа, его материальная и духовная культура складывались тысячелетиями.

Между тем именно разработка древней и средневековой истории вьетнамского народа с научных, марксистских, позиций все еще находится в своей начальной стадии. Буржуазная востоковедческая наука, и в первую очередь французские ориенталисты, опубликовали немало работ, посвященных этим вопросам. Ими пущен в научный оборот значительный фактический материал, в первую очередь данные китайских источников, они подвергли анализу (в значительной мере формальному) и археологический материал. Однако основные методологические пороки в подходе к источникам не давали возможности воссоздать подлинную историю происхождения и развития вьетнамского народа.

В этих работах вьетнамцы часто предстают как дикий народ, получивший толчок к развитию материальных и духовных сил лишь в результате китайских завоеваний и под воздействием китайской культуры. Велико и бесспорно влияние древней китайской цивилизации на народы Восточной Азии, однако отрицание самобытности развития этих народов вряд ли может помочь воссозданию их истории.

Чрезвычайно характерно для работы даже крупных специалистов, опирающихся на данные династийных историй и оперирующих именами правителей и полководцев, низведение истории Вьетнама к дворцовым конфликтам и войнам, а также полное игнорирование роли и активности народных масс. При этом, как правило, история Вьетнама рисуется, как извечное господство феодализма.

В своей работе, посвященной, по существу, новой и новейшей истории, Ж. Шено в двух главах (занимающих всего 40 страниц из 335) пытается все же по-новому подойти также к древней и средневековой истории Вьетнама.

В отличие от буржуазных авторов Ж. Шено стремится показать как положение народных масс, так и их борьбу. Автор правильно подчеркивает, что именно народная поддержка, активное участие вьетнамского крестьянства предопределили успехи освободительной борьбы Вьетнама против господства китайских императоров, отмечает классовый характер народных движений.

Однако в этой части книги Ж. Шено советский читатель, к сожалению, еще не найдет отражения достижений ученых Демократической Республики Вьетнам, впервые приступивших к глубокому изучению вопроса о происхождении и развитии вьетнам-

ского народа. В частности, приходится особенно пожалеть, что автору осталась недоступной интереснейшая работа Дао-зюи-Аня, недавно опубликованная в Демократической Республике Вьетнам. В этой работе на основе глубокого анализа источников по-новому и убедительно исследуется древний и ранне-средневековый период истории Вьетнама [1]. Не мог использовать в своем труде Ж. Шено и опубликованные уже после появления в свет его книги летописные источники, а также описание Вьетнама в начале XV века, сделанное Као-хинь-Чынгом. Вне его поля зрения остались и дискуссии по вопросам истории Вьетнама, находящие свое отражение на страницах научных журналов Демократической Республики Вьетнам. В результате этого во II и III главах работы Шено по-прежнему остается невыясненным и неохарактеризованным рабовладельческий период истории Вьетнама, хотя автор вскользь и упоминает (на стр. 43), что «вероятно, после первобытного общества начала неолита они, как и другие народы, прошли стадию рабовладения».

Преувеличение отсталости вьетнамского народа к периоду завоевания его Китаем (автор пишет: «Еще полудикие обитатели Тонкина и Северного Аннама позаимствовали у Китая его более передовую экономическую, политическую и социальную организацию» (стр. 44) невольно приводит автора к приукрашиванию иноземного господства и роли иноземных феодальных бюрократических правителей.

В этом, очевидно, основная причина того, что Ж. Шено солидаризируется с оценкой Фан-хюи-Тхонга борьбы против господства китайских феодалов, как эпизодических проявлений местного партикуляризма, «который нельзя без преувеличения назвать национальным чувством» (стр. 45).

Глубокие противоречия между стремившимся к независимости вьетнамским народом и иноземным господством приводило к тому, что выступавшие в качестве борцов за независимость представители вьетнамской племенной верхушки и вьетнамские феодалы получали самую широкую народную поддержку.

Автору не удалось провести нужную грань между имевшими большое и положительное значение для вьетнамского народа взаимосвязями с китайским народом и китайской культурой, с одной стороны, и порабощением вьетнамского народа китайскими феодалами — с другой.

Вызывает серьезные сомнения и трактовка автором характера вьетнамской сельской общины и существовавших внутри ее отношений, в частности распределение общинной земли. Хотя этот вопрос, как и многие другие вопросы древней и средневековой истории, затронут лишь вскользь, однако создается впечатление, что вьетнамская сельская община извечно была орудием господства

---

[1] Издательство иностранной литературы готовит к изданию этот ценный труд Дао-зюи-Аня.

зажиточной верхушки. Таким образом, исторический процесс внутренней дифференциации сельской общины не находит достаточного освещения.

В то же время, когда автор в главе, посвященной истории Вьетнама в XIX веке, пытается охарактеризовать особенности вьетнамского феодализма и в этой связи уже более подробно останавливается на сельской общине, его мысли и выводы представляются нам весьма интересными и ценными, хотя и не всегда бесспорными.

В частности, вряд ли можно согласиться с положением автора, что основными эксплуататорами вьетнамского крестьянства выступала «олигархия нотаблей» — верхушка вьетнамской общины.

Это положение, правильное в части, подчеркивающей превращение этой общинной верхушки в звено феодально-бюрократической системы, приводит, однако, к отрицанию господства феодального класса и его основы — феодальной монополии на землю, пусть и в весьма своеобразных (отличающих Вьетнам от многих других стран Востока, в том числе и Китая) формах.

Мы сознательно остановились на неизбежных пробелах в более чем кратких главах, посвященных древней и средневековой истории, хотя их удельный вес в работе относительно невелик. Отсутствие на русском языке работ по этому вопросу — и особенно марксистских работ — при общем высоком качестве предлагаемого труда Ж. Шено может привести и к восприятию читателем не всегда точных и не всегда соответствующих современному уровню марксистской науки представлений об этом периоде.

С большой пользой и интересом, мы не сомневаемся, будут прочитаны основные главы книги, посвященные новой и новейшей истории.

Большой интерес представляет трактовка истории Вьетнама в XIX веке. В посвященных этому периоду главах автор, уделяя большое внимание положению народных масс, формам их эксплуатации и закабаления, в то же время правильно освещает процесс формирования вьетнамской нации и экономические предпосылки этого процесса.

В свете тех споров, которые в настоящее время ведутся по вопросу о складывании вьетнамской нации, в свете тенденций, проявившихся у многих крупных историков Демократической Республики Вьетнам, считать, что вьетнамский народ сложился в нацию чуть ли не в X веке н. э., аргументация и материал Шено представляются нам особенно ценными и плодотворными. Именно анализ процессов, имевших место в воссоединенном в крупное независимое государство Вьетнаме, подводит автора к бесспорно правильному выводу, наносящему еще один веский удар по апологетам колониализма. Завершая VI главу своей книги, Ж. Шено пишет: «...французская эскадра, которая бросила

якорь вблизи Турана 31 августа 1858 года, прибыла во Вьетнам совсем не для совершения этой исторической миссии. Наоборот, она положила конец тем имевшимся возможностям самостоятельного развития, которыми располагал тогда вьетнамский народ. Она не способствовала развитию страны, она задержала его».

Подлинными симпатиями к вьетнамскому народу и разоблачениями захватнических целей и практики колонизаторов проникнуты главы, посвященные завоеванию Вьетнама.

Ж. Шено вскрывает те причины, которые толкали французских капиталистов на захват Индокитая, разоблачает силы, поддерживавшие во Франции политику порабощения его народов, и прослеживает с первых шагов методы экономической эксплуатации, политического и культурного подчинения.

Правильно подчеркивая сочетание методов жестокой колониальной войны с маневрами в отношении различных групп господствующего класса, автор раскрывает на примере Вьетнама характерную для всех колонизаторов тактику.

Ж. Шено, несомненно, прав, когда конечный успех французских захватчиков в Индокитае видит не столько в преимуществах европейской военной техники, сколько во внутренних противоречиях вьетнамского общества и отсутствия сил, способных возглавить и объединить народное движение сопротивления. Приходится лишь пожалеть, что, довольно подробно останавливаясь на борьбе, возглавленной молодым королем Хам-Нги и патриотическими элементами феодального класса, Ж. Шено гораздо меньше внимания уделяет сопротивлению, возглавляемому отдельными выходцами из народов Вьетнама. Недостаточно показаны и силы, поддерживавшие движение, а также перегруппировка в лагере сопротивления в ходе военных действий и маневров колонизаторов. В этой части, как и в других, сказывается то, что Ж. Шено не мог использовать работы историков Демократической Республики Вьетнам.

В оценке причин поражения движения сопротивления автор явно преувеличивает момент национальных противоречий между вьетнамским населением и национальными меньшинствами и, наоборот, не дает полного освещения их совместной борьбы против захватчиков. Бесспорно, моменты религиозные (роль обращенных в католичество вьетнамцев) и национальные играли определенную роль и использовались колонизаторами, но именно в неспособности феодального класса последовательно бороться за независимость родины и в отсутствии в тот период другого класса, который смог бы возглавить и объединить борьбу народных масс, лежали основные причины победы французских завоевателей.

Наиболее ярко написаны содержащие фактический материал главы, относящиеся к периоду господства французского империализма и зарождению, развитию и победе национально-освободительного движения. Рекомендуем их вниманию советского

читателя, который, несомненно, найдет в них много нового и полезного для уяснения проблем новейшей истории.

Автору в целом, несомненно, удалось с марксистских позиций осветить линию развития Вьетнама в этот период.

В тесной связи с экономическими процессами в колониальном Индокитае, определявшимися господством французских монополий, показано положение народных масс, особенно формирование классов и их роль в национально-освободительном движении. Автор справедливо подчеркивает значение революционных событий в соседнем Китае для борьбы вьетнамского народа, прослеживает связи между освободительной борьбой китайского и вьетнамского народов и рассматривает процессы, имевшие место во Вьетнаме, в тесной связи с международной обстановкой.

Именно поэтому Ж. Шено не мог не уделить большого внимания последствиям для Вьетнама первой мировой войны, значению Великой Октябрьской Социалистической революции, обострению противоречий в связи с мировым экономическим кризисом и, наконец, периоду второй мировой войны и японской оккупации.

Правильно оценивая значение внешних факторов и событий международной экономической и политической жизни, а также важное значение для колониальной страны событий в метрополии (например, приход к власти Народного фронта во Франции, положение во Франции в период второй мировой войны и в послевоенные годы), Ж. Шено справедливо видит основные причины нарастания национально-освободительного движения вьетнамского народа, изменения ее форм и методов, завоевания гегемонии в этой борьбе рабочим классом во внутренних процессах самого Вьетнама. Все это делает главы, посвященные XX веку, особенно насыщенными и интересными.

Что касается отдельных пробелов и неточностей, то остановимся лишь на тех, которые кажутся нам наиболее существенными.

Прежде всего нам представляется, что Ж. Шено не удалось достаточно четко наметить два направления в поднявшемся в начале XX века национально-освободительном движении: направления, связанного с решительной постановкой вопроса о революционном, насильственном изгнании колонизаторов, с одной стороны, и направления борьбы за реформы из рук французского империализма — с другой. Между тем эти два направления могут быть прослежены в дальнейшем своем развитии как основные тенденции в национально-освободительном движении до выступления на политическую арену пролетариата как самостоятельной силы, борющейся за гегемонию. В обстановке начавшегося кризиса колониальной системы после первой мировой войны и Великой Октябрьской Социалистической революции мы можем обнаружить воплощение этих тенденций, с одной стороны, в революционных мелкобуржуазных партиях типа Вьет-нам куок-зан

данг, с другой — в Конституционалистской партии, отражавшей интересы крупной буржуазии и помещиков, связанных с французскими монополиями.

Ж. Шено в целом правильно оценивает значение образования Коммунистической партии Вьетнама в январе 1930, роль рабочего класса и его авангарда в революционном подъеме 1930—1932 годов и прослеживает сложные процессы борьбы после временного поражения национально-освободительного движения.

Однако здесь следует отметить некоторые неточности в перечислении коммунистических групп, существовавших в конце 1929 года до объединения их в единую коммунистическую партию. Ж. Шено называет (стр. 224) три организации: Аннамскую коммунистическую партию (предпочитая при этом называть ее Вьетнамской), распространявшую влияние главным образом в Центральном Вьетнаме, Индокитайский коммунистический союз, базой которого был Тонкин, и Революционную партию нового Вьетнама на юге страны. В действительности существовали Коммунистическая партия Индокитая, созданная впервые в Северном Вьетнаме (Тонкин), Аннамская коммунистическая партия (в Южном Вьетнаме) и Индокитайский коммунистический союз, возникший в результате откола революционной молодежи от партии Новый Вьетнам (Тан Вьет).

Не совсем точно представляется автору процесс возникновения этих трех организаций как процесс раскола в 1929 году единой организации Тхань-ниен, вызванный, как он полагает, «преобладанием региональных тенденций даже внутри революционного движения» (стр. 224). Бесспорно, региональные интересы имели место, но тенденция развивалась в направлении объединения отдельных, самостоятельно возникших коммунистических организаций в единую партию, что и произошло в начале 1930 года. Не совсем точно охарактеризован процесс разгрома партии Вьет-нам куок-зан данг после восстания в Йен-бае, в результате чего автор приписывает организацию демонстрации в Бен-тхюй этой партии, в то время как она проходила под руководством коммунистов и была связана с первомайскими выступлениями трудящихся.

Говоря о периоде японской оккупации, автор приводит много интересных материалов и более или менее подробно показывает рост демократических сил сопротивления под руководством Лиги Вьет-минь.

Хотелось бы видеть более подробное изложение Августовской революции и ее победного разрешения, анализа причин отречения Бао-Дая, взаимоотношения различных классовых сил в революционном лагере.

В изложении Ж. Шено не выступает достаточно отчетливо и роль назначенного правительством Виши генерал-губернатора Дэку, в результате чего может даже возникнуть ошибочное представление о его положительной для Вьетнама деятельности.

Нам представляется также, что Ж. Шено не учел в достаточной мере своеобразия периода японской оккупации в Индокитае (где японские захватчики действовали рука об руку со старыми колонизаторами вплоть до марта 1945 года) по сравнению с положением в других странах Юго-Восточной Азии. Нельзя согласиться с оценкой автором, правда данной вскользь, таких деятелей, как Сукарно, Аунг Сан или Субха Чандра Боз, как «правых националистов». Исследуя взаимоотношения различных классов и политических партий колониальных стран с японскими властями, нельзя механически распространять на эти взаимоотношения мерки и оценки европейского коллаборационизма.

Нет необходимости указывать на все неточности. Понятно, что в любой работе, посвященной современным проблемам, трудно угнаться за бурно развивающимися событиями. Именно поэтому при изложении аграрных преобразований в Демократической Республике Вьетнам автор не мог учесть оценок реформ, сделанных расширенным пленумом ЦК Партии трудящихся; он не остановился на допущенных при осуществлении этой подлинной аграрной революции отступлениях от генеральной линии партии и не показал, как исправлялись эти ошибки.

Однако, поскольку эти вопросы нашли свое отражение в советских востоковедческих изданиях, читателю легко будет внести соответствующие коррективы.

Наше краткое предисловие мы можем закончить выражением полной уверенности в том, что публикуемый перевод труда Ж. Шено, служащего благородному делу восстановления подлинной истории вьетнамского народа, явится действительным вкладом в изучение истории Вьетнама и принесет немалую пользу советскому читателю.

А. Губер.

О КНИГЕ ЖАНА ШЕНО «ОЧЕРК ИСТОРИИ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА» [1]

Прежде чем изложить свои замечания по книге Жана Шено «Очерк истории вьетнамского народа», мне, как и другим моим соотечественникам вьетнамцам, хочется выразить чувство радости по поводу того, что историю нашего народа написал французский друг, написал доброжелательно и тепло. Тот, кто читал книги по истории колониального Вьетнама, принадлежащие перу французских авторов, разделявших взгляды колонизаторов, особенно хорошо поймет добрые искренние чувства к вьетнамскому народу и правильную точку зрения автора этой книги.

Жан Шено намеревался написать скорее историю вьетнамского народа, чем историю страны. Это первая книга по истории Вьетнама, написанная французским автором с позиций исторического материализма. В ней объективно отображен процесс развития вьетнамской нации и дан глубокий анализ содержания классовой борьбы и революционных движущих сил исторического развития вьетнамского народа.

Наиболее важным периодом истории вьетнамского народа автор считает период с XIX века до 1954 года, когда, по его мнению, сформировалась вьетнамская нация, и этому периоду автор уделяет особое внимание. Как нам кажется, автор утверждает, что подлинное национально-освободительное движение во Вьетнаме началось со времени формирования вьетнамской нации.

В этой статье мы не будем дискутировать с автором относительно периода формирования вьетнамской нации; следует, однако, подчеркнуть, что он является первым французским востоковедом, который затронул эту важнейшую проблему как раз в тот момент, когда ряд вьетнамских историков также приступили к ее изучению и обсуждению.

---

[1] Статья написана по просьбе Издательства иностранной литературы вьетнамским ученым, председателем «Комитета по изучению литературы, истории и географии» Чан-хюи-Лиеу. — *Прим. ред.*

Ввиду того что автор придерживается научного мировоззрения, ему удалось правильно оценить прогрессивный характер и историческое значение крестьянских движений во Вьетнаме, особенно восстания тэй-шонов (тайшонов). Автор подчеркивает преступный характер и реакционную феодальную сущность династии Нгюенов и, на что следует обратить особое внимание, объективно излагает захватнические планы французских колонизаторов и их методы подавления и эксплуатации вьетнамского населения. Наконец, автор уделяет большое внимание роли народных масс и передовой партии вьетнамских трудящихся. Жан Шено смог сказать правду, смог правильно отобразить действительность.

Автор обнаружил не только хорошее знание политической и экономической жизни вьетнамского народа, но и знакомство с его культурой. Об этом свидетельствуют, например, строки, посвященные анализу аллегорического стихотворного произведения «Спор шести животных».

Что касается манеры изложения, то Жан Шено, связывая исторические события с народными песнями и пословицами, дает возможность читателю не только проследить повороты истории, но и глубже понять вьетнамские народные обычаи.

Короче говоря, для Жана Шено, иностранного автора, пишущего о Вьетнаме, данная книга является достижением. Она поможет читателю, в особенности иностранному, понять процесс развития вьетнамского народа и главным образом в период с XIX века. Работа Жана Шено — большой стимулирующий фактор для нас, работающих в области истории Вьетнама; эта книга в соответствии с ее заглавием [имеется в виду французское название книги «Contribution a l'Histoire de la Nation Vietnamienne». — *Ред.*] и замыслом автора действительно является вкладом в историю вьетнамского народа.

* * *

Однако необходимо обратить внимание на следующее. Книга Жана Шено, как было сказано выше, является только вкладом в историю вьетнамского народа, а не историей вьетнамского народа, так как в своем предисловии автор указывает, что *«неполный характер и неточность первоисточников и исследований на французском языке, к которым приходилось обращаться, осложнили эту работу»* (стр. 29). Таким образом, видимо, были использованы не уточненные еще материалы, в результате чего в книге содержится ряд положений, которые следует пересмотреть.

В главе «Древние и средние века» основным недостатком является то, что автор преувеличил значение захвата Вьетнама китайскими феодалами и неверно оценил восстания вьетнамского народа в период зависимости Вьетнама от Китая. На страницах 44—46 автор много говорит о заслугах *китайских феодалов, ко-*

торые способствовали проникновению во Вьетнам техники и производственных навыков китайского народа и принесли с собой китайские институты, язык, письменность, философию и т. д., благодаря чему получили развитие вьетнамское общество и класс вьетнамских феодалов. В особенности автор преувеличивает *цивилизаторскую роль таких представителей господствующих кругов того времени, как Као-Биен, Ши-Ниеп и др.* По определению автора, вьетнамцы начали *ассимилироваться с китайцами, все экономические, политические и общественные организации были заимствованы у Китая. Китайский язык стал официальным языком Вьетнама* (еще неизвестно, о каком заимствовании следует говорить: о заимствовании языка или письменности).

Что касается письменности «тьы-ном», *то она*, по словам Жана Шено, *изобретена на досуге, развлечения ради, учеными конфуцианского толка* (стр. 49). Так ли это было в действительности? Само собой разумеется, мы не отрицаем колоссального всестороннего влияния культуры Китая на Вьетнам. Однако совершенно неоспоримо и то, что, усваивая китайскую культуру, вьетнамский народ создал свою особую, самобытную национальную культуру. В то время как образованные люди из числа представителей класса вьетнамских феодалов копировали у феодального Китая все, начиная от идеологии и кончая манерами поведения, народ создал свою, народную литературу. Письменность «тьы-ном» возникла вовсе не по той причине, что ее на досуге изобрели ученые конфуцианского толка, ее возникновение было обусловлено жизненными потребностями развития вьетнамского общества. Именно поэтому письменность «тьы-ном» получала все более широкое распространение в народе и в некоторые моменты истории становилась официальной государственной письменностью, использовавшейся в официальных документах и во время экзаменов на ученую степень (в период государственной деятельности Хо-кюи-Ли и в период восстания тэй-шонов).

В нашей статье мы не можем глубже рассмотреть все эти проблемы. Ясно одно, что, если бы Жан Шено провел дополнительную работу, он нашел бы более надежные материалы, которые помогли бы ему сделать более правильные выводы. Мы не хотим сказать, что Жан Шено занимает неправильную позицию по отношению к захватчикам, мы только сожалеем, что он не располагал материалами для более глубокого изучения древней истории Вьетнама, что привело его к несколько поспешным выводам и даже ошибкам. Например, автор утверждает, что восстание под руководством сестер Чынг и восстание Ли-Бона против китайских феодалов были лишь эпизодическими *«проявлениями... местного партикуляризма»* (стр. 45). Говоря о восстании под руководством Ли-Бона, автор утверждает, что вьетнамские *феодалы вынуждены были брать на себя оборону страны, потому что китайские феодалы не могли более выполнять свою роль защитников* (стр. 46). Тем самым он, помимо своего желания,

недооценивает борьбу вьетнамского народа против гнета и эксплуатации китайских феодалов. Из этого утверждения можно сделать и другой вывод: если бы не было проявлений «местного партикуляризма», а иностранные феодалы-захватчики продолжали бы выполнять свою задачу «покровителей», то не было бы восстания под руководством сестер Чынг, не было бы восстания под руководством Ли-Бона, не было бы и других восстаний.

На самом деле восстание под руководством сестер Чынг (40-е годы н. э.) возникло вследствие противоречий между Ханьской династией, распространившей свое господство на Вьетнам, и группировками знати (вождей и военачальников) округа Зяо-ти. Это восстание получило горячую поддержку народа, так как оно соответствовало стремлениям и интересам угнетенных масс, боровшихся против иностранных поработителей. Поэтому, как только началось восстание, к нему присоединились племенные вожди округов Кыу-тян, Нят-нам и Хоп-фо. Повстанцы захватили 65 крепостей. Началось объединение страны на основе независимости под руководством сестер Чынг.

Восстание под руководством Ли-Бона (544 год н. э.) также явилось следствием противоречий между интересами господствовавшей тогда во Вьетнаме китайской династии Лян и интересами населения округов Зяо-ти, Кыу-тян и Ньят-нам. С самого начала восстание слилось с крестьянским движением на местах. Была освобождена столица Лонг-биен, создан государственный аппарат. Созданное государство носило название Ван-суан. Если согласиться с утверждением автора «Очерка истории вьетнамского народа» о том, что эти восстания были всего лишь проявлением личных устремлений сестер Чынг или притязаний Ли-Бона, то почему они получали такую мощную поддержку со стороны народа? И разве это было лишь проявлением «устремлений» нескольких личностей, а не показателем чаяний широчайших народных масс, желавших свободы, независимости, избавления от господства поработителей? Таким образом, то, что Жан Шено называет «личными устремлениями», на самом деле является справедливыми чаяниями народа.

Преувеличение роли захватчиков приводит к тому, что Жан Шено называет период господства китайских феодалов во Вьетнаме *китайско-вьетнамским* периодом (стр. 45), так как в то время в государственном аппарате вместе с китайцами сотрудничало некоторое число вьетнамцев. В таком случае можно было бы назвать период колониальной зависимости от Франции *франко-вьетнамским* периодом, потому что в системе управления государством находился императорский двор в Хюэ и к тому же в органах власти принимала участие свора феодалов-помещиков и компрадоров.

Говоря о централизованном феодальном государстве во Вьетнаме, автор утверждает, что *его возникновение в XI веке объясняется всего лишь... «потребностью поддерживать в порядке*

оросительные каналы и защитные дамбы» (стр. 47). Это замечание вызывает удивление.

Тот, кто изучал историю вьетнамского общества начала XI века, знает, что в период, когда к власти пришла династия Ли, развитие сельского хозяйства поощрялось всеми способами: сооружались дамбы, прорывались каналы, принимались меры для сохранения рабочего скота и для освоения новых земель. Воинам разрешалось сменять друг друга, чтобы, временно освободясь от службы, возвращаться к сельскохозяйственным работам в родных деревнях; были уменьшены налоги с населения; быстрее стало развиваться ремесло — в столице и в городах сосредоточились искусные ремесленники. Были налажены торговля и пути сообщения. Вдоль дороги мандаринов были созданы промежуточные станции для поддержания связи центра с провинциями и осуществления товарообмена между равнинными и горными районами страны. Была упорядочена система пошлин и установлены пошлины на товары, ввозимые из-за границы. Опираясь на относительно развитую экономику, феодалы в период династии Ли реорганизовали государственную машину. Были назначены чиновники для надзора за главными дорогами, столицей стал Тханг-лонг [1], возросла военная мощь государства, особенно усилились отряды, охранявшие императорский двор, был составлен свод законов; развивались литература и искусство. К сожалению, однако, автор «Очерка истории вьетнамского народа», говоря об образовании централизованного феодального государства, не вскрывает основных причин этого явления, а совершенно необоснованно объясняет его случайными факторами.

Автор не смог объяснить причин возникновения централизованного феодального государства в начале правления династии Ли. Кроме того, он не сумел дать правильную оценку восстанию Лам-шон и роли национального героя Вьетнама Ле-Лоя. По его мнению, *восстание крестьян «лишь способствовало дальнейшему укреплению старого, феодального режима»* (стр. 56). Таким образом, автор не признает прогрессивного характера народных восстаний против иностранных поработителей в XV веке и тем самым дает повод для упреков по его адресу в непоследовательном применении положений исторического материализма к изучению истории Вьетнама.

В какой же исторической обстановке вспыхнуло восстание, которое возглавил Ле-Лой? Как нам известно, в период, когда во Вьетнаме царил жестокий режим гнета и эксплуатации, установленный феодальным Китаем эпохи династии Мин, весь вьетнамский народ независимо от сословной принадлежности переносил тяжкие испытания. Китайские феодалы превратили «страну Юга» в провинцию Китая — вьетнамское государство перестало существовать. Они вывозили из страны золото,

---

[1] Древнее название Ханоя. — *Прим. перев.*

серебро, слоновую кость, рога носорогов, драгоценные камни, перец, пряности и таких редких животных, как белые косули, белые слоны, белые гиббоны. Они установили большой налог на землю и соль. Они заставляли вьетнамский народ служить в войсках, постоянно мобилизовывали людей на работу в качестве кули, вывозили в Китай искусных ремесленников, артистов, женщин. Помимо того что китайские феодалы тормозили развитие вьетнамского сельского хозяйства и ремесла, они разрушали национальную культуру вьетнамского народа. Так, например, китайские феодалы собрали все книги, созданные вьетнамцами в период начиная с династии Хо, и вывезли их в Ким-ланг. Они заставляли вьетнамский народ следовать китайским обычаям. В эпоху, когда «бушевала страна, объятая огнем», Нгюен-Чай [1] писал в «Воззвании по поводу разгрома войск династии Мин»:

Пусть бурно плещут все воды Восточного моря;
Они не смоют печали нашего народа.
Пусть вырубят леса бамбука в горах Лам
и сделают из них кисти:
Не хватит этих кистей, чтобы описать зверства
врага.
Все содрогаются от гнева,
Ни земля, ни небо не простят нашим врагам
их преступлений.

Итак, восстание Ле-Лоя было справедливым, соответствовало стремлениям народа. Оно не только выражало непреклонный дух нации — это была борьба за национальное существование. Благодаря огромной поддержке народа, точнее крестьянства, Ле-Лой разгромил врагов и, как многие руководители других восстаний в период феодализма, стал королем. Следует ли, однако, из-за этого преуменьшать значение великого восстания и сводить его значение только к тому, что оно способствовало *дальнейшему укреплению феодальных порядков*? История свидетельствует о том, что в феодальный период многие крестьянские вожди становились императорами. Династии сменялись, а общественный строй оставался прежним. Это и неудивительно. Но следует признать, что при каждой смене царствующего дома новая группа феодалов в какой-то степени давала толчок развитию производства. После того как группа феодалов, возглавлявшаяся династией Ле, захватила власть, аграрные отношения изменились к лучшему — было введено равное распределение земли. Землей наделялись мандарины, воины и население. В целях восстановления производства принимались меры для обработки заброшенных земель; воинам разрешалось заниматься земледелием; наказывалось бродяжничество. В результате некоторого прогресса в сельском хозяйстве товарное хозяйство сделало шаг вперед, хотя его развитие тормозилось; известное развитие получило де-

---

[1] Нгюен-Чай (1380—1442) — сподвижник Ле-Лоя, выдающийся государственный деятель и поэт, автор «Книги семейных наставлений». — *Прим. перев.*

нежное обращение. Таким образом, укрепление феодальных порядков при династии Ле было в первую очередь необходимо для развития производительных сил, что соответствовало интересам народа.

В той же самой главе автор книги «Очерк истории вьетнамского народа» утверждает, что *«восстановление феодального режима, проводившееся Ле-Лоем и Ле-тхань-Тоном, не могло не сопровождаться восстановлением старых связей с Китаем»* (стр. 58), и заключает: *историки, жившие при старом феодальном режиме, и современные историки — «умеренные националисты» идеализируют период царствования Ле-Лоя и Ле-тхань-Тона, рассматривая этот период, как «золотой век», с целью укрепить веру в то, что старый феодальный режим может прекрасно существовать, если его возглавит хороший король* (стр. 60). Необходимо рассмотреть это замечание Жана Шено. История Вьетнама показывает, что после победы каждого восстания или отечественной войны вьетнамского народа под руководством какой-либо феодальной группировки восстанавливалась независимость страны, вставала необходимость укрепить мир путем установления нормальных отношений с Китаем. Это не только выражение стремления к миру, но и метод самозащиты. Живя в согласии с китайкими господствующими кругами, Ле-тхань-Тон обычно говорил своим придворным: *«Мы должны тщательно охранять нашу землю, не отдадим никому ни камня с наших гор, ни капли воды из наших рек, оставленных нам королем Ле-тхай-Тоном».*

Мы не оспариваем того факта, что укрепление мира при первых королях династии Ле привело к усилению господства феодальной группировки, руководимой династией Ле. Но одновременно с этим происходило дальнейшее укрепление независимости вьетнамского государства. Мы не можем разделять упрощенческих взглядов Жана Шено, который утверждает, что установление связей между Китаем и Вьетнамом в эпоху феодализма было результатом сговора между феодалами Вьетнама и Китая. Такой подход применим лишь к тем случаям, когда господствующая верхушка Вьетнама капитулировала перед иноземными захватчиками-феодалами и служила им, нанося своим предательством ущерб Родине и угнетая вьетнамский народ. Однако, как уже было сказано, это положение не применимо к феодальной группировке, стоявшей у власти в первоначальный период правления династии Ле.

Возвращаясь к приведенному выше утверждению Жана Шено, мы видим, что следует еще раз напомнить известную истину исторического материализма, гласящую, что при рассмотрении любого исторического события нельзя отрывать его от определенного исторического периода. В XV веке и в начале XVI века феодальная группировка, возглавлявшаяся династией Ле, переживала период расцвета. Деятельность Ле-тхай-Тона (Ле-Лой), которому принадлежат заслуги в деле освобождения

2*

страны, и Ле-тхань-Тона, внесшего свой вклад в укрепление централизованного феодального государства, соответствовала чаяниям народа и поступательному движению истории. Поэтому мы должны здесь отметить прогрессивный характер деятельности первых королей династии Ле. Но эти факты отнюдь не дают оснований полагать, что феодальный режим может успешно существовать при условии, если будет царствовать хороший король.

Изложив вопрос о восстании Нго-Кюена, автор книги «Очерк истории вьетнамского народа» утверждает, что поскольку *тхаи и мыонги превращались в большую угрозу для вьетнамцев, а китайцы не могли более защищать их, то вьетнамцы объединились в целях самообороны. В этом причина успеха восстания Нго-Кюена* (стр. 46). Не ясно, на каком основании Жан Шено сделал этот вывод. Здесь мы не будем приводить многочисленных доказательств, касающихся восстания Нго-Кюена. Скажем кратко: под гнетом китайских феодалов в период династий Суй и Тан вьетнамский народ в долинах и горных районах страдал от безземелья, потому что его землю отобрали захватчики, страдал от различных поборов — *то*[1], *зунг*[2] и *диеу*[3], — введенных по образцу феодального Китая, страдал от того, что у него отбирали буйволов и лошадей[4]. По этой причине постоянно вспыхивали восстания, в которых участвовали как вьетнамцы, так и тхо, тхаи, мыонги и другие народности. Руководитель повстанцев в северо-западном Вьетнаме Ли-ты-Тиен (из народности тхаи) боролся против феодального ига в период с 705 по 710 год. Восстание под руководством Зыонг-Тханя в северо-западном Вьетнаме было поддержано выступлениями соотечественников из народности тхаи; восставшие убили китайского губернатора Чыонг-Ко. Эти выступления подготовили успех восстания Нго-Кюена. Таким образом, говоря о борьбе вьетнамского народа против иноземных поработителей, против режима протектората в период зависимости от феодального Китая, нельзя рассматривать изолированно народные выступления в долинах и горных районах и, конечно, нельзя согласиться с вышеприведенными утверждениями Жана Шено.

---

[1] *То* — подушный налог, взимавшийся с лиц, владевших землей. Ежегодно следовало платить по 2 хока неочищенного риса или 3 хока клейкого риса.

[2] *Зунг* — отработки. Каждый крестьянин должен был ежемесячно отработать 20 дней. В промежуточный месяц (по лунному календарю) эта норма увеличивалась еще на два дня. Тот, кто не выходил на работу, должен был платить по 3 тхыока (1 тхыок равняется 40 сантиметрам) шелка за каждый пропущенный день.

[3] *Диеу* — налог. Каждая семья была обязана ежегодно выплачивать по 2 тама шелка (каждый тхыок шириной в 1 тхык 8 так, длиной 4 чыонга), 2 чыонга блестящего шелка, 2 чыонга шелкового газа и 3 чыонга тканей из хлопка.

[4] В период правления губернатора Ли-Чака его прислужники «покупали» лошадей и буйволов у национальных меньшинств по баснословно низкой цене: за лошадь или буйвола давали по мерке соли.

* * *

Мы рассмотрели ряд положений, содержащихся в книге «Очерк истории вьетнамского народа», которые свидетельствуют об ограниченном характере изложения древней истории Вьетнама; автору следовало бы дать более глубокий анализ истории древних веков.

Что касается современной истории Вьетнама, то здесь автор располагает довольно богатым материалом и придерживается более определенной точки зрения. Однако и тут имеются ошибки и недостатки, на которых мы последовательно остановимся.

Августовской революции и дням вооруженного восстания, охватившего всю страну, автор посвящает всего десять строчек на странице 254, так что читатель не может получить ясного представления о великой революции вьетнамского народа.

Характеризуя деятельность известного французского колонизатора верховного комиссара Дэку, который подавил революционное движение во Вьетнаме и передал Индокитай японским фашистам, автор не скупится на похвалы: *то Дэку занимался распространением вьетнамской латиницы в различных учреждениях и начальных школах, то поощрял развитие вьетнамской литературы, поощрял использование вьетнамских служащих в органах власти.* По его словам, *«кадры вьетнамских служащих, сформировавшиеся в период правления Дэку, отдали затем свой опыт Демократической Республике Вьетнам»* (стр. 250).

В данной статье мы не собираемся уделять особое внимание исправлению ошибок Жана Шено, однако нас удивляет то, почему прогрессивный историк придерживается такой странной точки зрения. Мы должны лишь сказать следующее: у вьетнамского народа нет ложных представлений относительно коварных приемов верховного комиссара Дэку, который, с одной стороны, трепетал перед жестоким натиском японских фашистов, с другой стороны, старался сохранить в Индокитае престиж и привилегии французских колонизаторов, у которых почва уходила из-под ног. В данном случае Жан Шено дает еще одно неверное определение.

Жан Шено, как и все мы, признает, что когда совершается любая революция и на смену старому строю приходит новый строй, более прогрессивный, то аппарат управления нового строя полностью отличается от старого не только своей политической линией и методами работы, но и техникой организации, и новые специалисты также не похожи на старых. Поэтому опыт административных кадров периода французского господства сыграл очень незначительную роль в деятельности Демократической Республики Вьетнам.

Давая оценку революционным выступлениям национальных меньшинств Вьетнама в конце XIX — начале XX века, автор также допускает грубую ошибку (стр. 161). По словам автора,

большим препятствием на пути движения сопротивления французам во Вьетнаме с 1882 по 1905 год являлись распри, которые существовали в течение веков между национальностями тхаи, мыонг, тхо и т. д. и вьетнамцами. В подтверждение этого положения автор приводит пример, когда король Хам-Нги был выдан французам предателем Чыонг-ван-Нгоком, мыонгом по национальности (стр. 161). Тем самым автор использует единичный случай для характеристики всего явления в целом. Мы не оспариваем того факта, что в феодальную эпоху господствующий класс феодалов не мог выполнить миссию сплочения нации. В период французского господства колонизаторы в соответствии с их политикой «разделяй и властвуй» использовали все средства для того, чтобы разобщить народы, населяющие Вьетнам. И хотя их коварные приемы дали некоторые результаты, однако им не удалось подорвать единый национальный фронт, расширявшийся с каждым днем и способствовавший вовлечению в революционное движение все более широких масс национальных меньшинств. И именно движение 1882—1905 годов свидетельствует о том, что национальные меньшинства или самостоятельно поднимались на борьбу в различных местностях, или боролись против французов, действуя в союзе с жителями равнин.

В период монархического движения в Северном и Центральном Вьетнаме большинство восстаний опиралось на поддержку национальных меньшинств. Центры восстаний почти всегда находились в горных районах; в этих восстаниях участвовали коренные жители этих районов. В сражении при Ба-дине (1886—1887), наряду с такими представителями старой касты ученых, как Фам-Бань, Чан-суан-Соан, Динь-конг-Чанг и другие, участвовал Ха-ван-Мао, предводитель национальных меньшинств горных районов, который действовал со своими войсками в Ма-као. Восстание под руководством Тонг-зуй-Тана в Хунг-лине (1886—1892) происходило в тесном взаимодействии с Кам-ба-Тхыоком, коренным жителем этой местности, захватившим Шам-шон. Док-Нгы действовал в районе вдоль реки Да с 1886 по 1892 год; он опирался на народность мыонг, и возглавленное им восстание было разбито только тогда, когда французам удалось посеять вражду между мыонгами и вьетнамцами. Де-Тхам создал укрепленную базу в Йен-тхе; и сопротивление французам продолжалось более 30 лет, так как имелся прочный тыл — местные крестьяне, в числе которых было много представителей национальных меньшинств. Если бы восстания не пользовались поддержкой местного населения, которое состояло как из вьетнамцев, так и из национальных меньшинств, то они не смогли бы продолжаться и десяти лет. Это относится ко всем восстаниям, в том числе и к восстанию Фан-динь-Фунга в Хыонг-шоне (1885—1896).

Что же касается исторического периода, о котором идет речь, то, помимо движения ученых старого типа, имелись многочисленные группы повстанцев, возглавляемые коренными жителями из

числа национальных меньшинств, которые поднимались на борьбу против французов. Где бы ни появлялись французы, повсюду им преграждали путь тхо, тхаи, маны, мыонги, мео и ра-дэ. Мыонги в провинциях Нинь-бинь и Тхань-хоа под руководством Док-Тама, мыонга по национальности, оказывали французам сопротивление вплоть до 1896 года.

Тхаи в провинциях Шон-ла, Лай-тяу и Лао-кай под руководством Дэо-ван-Чи, Дэо-ван-Тоа, Кам-ван-Тханя, Кам-ван-Хоана и Нгюен-ван-Куанга препятствовали установлению власти французов в бассейне реки Да и реки Ма до конца 1889 года. Маны и тхаи в Нгой-хут, Шон-ла, Нгиа-ло, Ту-ле, Зя-сиу (Йен-баи) под руководством Дао-тинь-Люка, Данг-фук-Тханя и Бан-ван-Шиеу разгромили укрепления французов при Ту-ле и с 1887 по 1892 год не давали вражеской армии возможности захватить деревни, населенные коренными жителями. Народность мео в Хазянге и Тюен-куанге под предводительством Ха-куок-Тхыонга оказывала французам сопротивление с 1894 по 1896 год. Используя для обороны и сопротивления опасные места в горах, повстанцы из народности мео района Шам создали опорную базу в Опансе; повстанцы народности тхаи в Шон-ла вели маневренную войну — они отступали, когда враг наступал, и переходили в наступление, когда он отступал.

Французы причинили большие страдания национальным меньшинствам в провинции Тхай-Нгюен, но последние не покорились захватчикам. В первое время французские поработители разместили войска в нескольких городах, а затем стали направлять к племенам отряды вооруженной пропаганды с целью обмана местных жителей при помощи политических махинаций или запугивания оружием. Но вожди ряда племен, как например Мчанг-Геть, Ама-Вал, Ама-Кол и Ама-Ихас, приказали населению закрывать деревенские ворота и не впускать военизированные отряды пропаганды. Таким образом, эти племена с 1889 по 1905 год мешали французам проникнуть в глубь страны.

Упоминания о подобных конкретных событиях вносят очевидную поправку в утверждения Жана Шено, касающиеся движения сопротивления французам со стороны народностей горных районов Вьетнама.

Тот факт, что предатель из народности мыонг, по имени Чыонг-ван-Нгок, захватил в плен короля Хам-Нги, а также другие случаи предательств, имевшие место в равнинных или горных районах, не являются характерными фактами, и автор не может их использовать для принижения движения сопротивления французам, принижения борьбы за землю, за свои деревни, за Родину, которую вели жители горных районов, ибо сплоченность народов Вьетнама в борьбе с врагом проявилась на деле, едва только французы вступили на территорию Вьетнама.

Кроме вышеуказанных ошибочных положений, автор книги «Очерк истории вьетнамского народа» допускает некоторые

ошибки в изложении фактических данных. Например, он дает следующие названия трем коммунистическим организациям до момента их объединения (в январе 1930 года): Аннамская коммунистическая партия в Центральном Вьетнаме, Индокитайский коммунистический союз в Северном Вьетнаме и Революционная партия нового Вьетнама в Южном Вьетнаме (стр. 224). Это не соответствует истине.

В действительности существовали следующие организации: Коммунистическая партия Индокитая, впервые созданная в Северном Вьетнаме; Аннамская коммунистическая партия, которая была создана в Южном Вьетнаме; что же касается Индокитайского коммунистического союза, то он был создан в Центральном Вьетнаме молодежью, отколовшейся от партии «Новый Вьетнам».

Говоря о начавшемся 19 декабря 1946 года всеобщем движении сопротивления вьетнамского народа, автор пишет, что многие члены правительства ДРВ, как например министры, делегаты национального собрания и т. д., были арестованы французами (стр. 279). В действительности все члены правительства и почти все депутаты национального собрания оставили Ханой, чтобы встать во главе народа, ведущего войну сопротивления...

Автор пишет о том, что после Йенбайских событий в 1930 году вьетнамские гоминьдановцы организовали демонстрацию в Бентхюи (стр. 235). В действительности забастовка и демонстрация рабочих спичечной фабрики в Бен-тхюй начались 1 мая 1930 года по случаю Международного дня трудящихся и была организована не вьетнамским гоминьданом, а Коммунистической партией Индокитая.

Автор пишет, что восстание в До-лыонге было поддержано крестьянами-бедняками (стр. 247). На самом деле восстание в До-лыонге, начавшееся 13 января 1941 года под руководством группы солдат, во главе которых стоял До-Кунг, проходило изолированно и поэтому было подавлено сразу же после того, как повстанцы подошли к Нге-ану.

Автор пишет, что Чан-чунг-Лап был опытным революционером. На самом деле Чан-чунг-Лап был руководителем «Общества возрождения вьетнамского государства» — прояпонской организации, выступавшей за изгнание французов. Он вернулся в Лангшон в тот момент, когда японская армия перешла границу Северного Вьетнама, в июне 1940 года. Затем французы сговорились с японцами и разгромили «Общество возрождения вьетнамского государства», а Чан-чунг-Лап был убит.

Автор пишет, что после Августовской революции был случай, когда вьетнамские гоминьдановцы арестовали в качестве заложников министра внутренних дел Во-нгюен-Зиапа и министра пропаганды Чан-хюи-Лиеу. Это неверно.

Можно привести и другие примеры, когда неправильно дается дата, место события или обстоятельства, при которых оно про-

исходило, однако мы не можем останавливаться на всех этих недочетах. Тот, кто следил за переменами, которые произошли во Вьетнаме после 1930 года, в особенности в период после Августовской революции и до настоящего времени, при чтении книги Жана Шено непременно обнаружит эти ошибки.

* * *

Мы отметили достоинства и основные недостатки книги Жана Шено. Наряду с положениями, которые мы должны приветствовать и изучать, имеются недостатки, которые подлежат исправлению. Книга «Очерк истории вьетнамского народа» свидетельствует о том, что автор старается понять Вьетнам, но хочет достигнуть этого только путем изучения различной литературы. Материалы, которыми пользуется автор, — это книги на французском языке, и почти все они написаны с колонизаторской точки зрения. Это и приводит к тому, что автор допускает ряд ошибок как фактического, так и теоретического характера. Очень жаль, что автор не использовал материалы на вьетнамском языке, написанные вьетнамскими историками в процессе революционной борьбы, в особенности в период после Августовской революции и в настоящее время.

Однако мы не можем требовать слишком многого от иностранного автора, каким является Жан Шено, тем более, что он пишет с самыми добрыми намерениями.

Теперь, когда вьетнамские историки стремятся создать полный и правдивый труд по истории Вьетнама, который отвечал бы требованиям вьетнамского народа и знакомил бы иностранного читателя с историей Вьетнама, книгу Жана Шено «Очерк истории вьетнамского народа» можно рассматривать как определенный вклад в эту работу.

Чан-хюи-Лиеу.

5 октября 1956 года.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА

Причины, которые в течение восьми долгих лет способствовали продолжению войны во Вьетнаме, противоречившей национальному достоинству, здравому смыслу и даже самым незначительным материальным интересам, несомненно, многочисленны, но не последней причиной является то, что подавляющее большинство французского народа до недавнего времени ничего не знало о Вьетнаме.

Со школьной скамьи каждому французу толковали только об искусственно созданном, колониальном «Индокитае» и его пяти составных и неприкосновенных частях: «Тонкин», «Аннам», «Кохинхина», Лаос, Камбоджа. Будущим французским гражданам лишь мимоходом говорили о том, что население первых трех из этих «стран» говорит на одном и том же языке и принадлежит к одному и тому же народу, совершенно обходя молчанием то упорное сопротивление, которое в течение восьмидесяти лет этот народ оказывал колониальному режиму. Более того, этот режим преподносился как кристально чистый и безупречный. Избегали упоминать, что эти три «аннамитские» страны еще задолго до их завоевания составляли прочное национальное государство с не менее древней историей, чем история Франции. И даже само традиционное название этой страны и нации — *Вьетнам* — вплоть до 1945 года было изъято из всех французских учебников начальной, средней и высшей школы.

Можно ли в таком случае удивляться растерянности многих честных людей, когда они увидели, что «цивилизаторская деятельность», в которую они верили до этого, как в догму, ставится под вопрос именно теми, кто должен был извлечь из этого выгоду! Можно ли удивляться скептицизму, с которым многие относились к вьетнамскому национальному движению после 1945 года и к национальному характеру Демократической Республики Вьетнам! Можно ли удивляться, что во Франции многие не верили в военные и политические способности противника,

убежденные в том, что «признательное» колониальное население не захочет оказать ему поддержки!

Немалая вина в этом французских историков и французских учебников истории. Упрощению школьных учебников способствовали более ловкие искажения, допускаемые исследователями и учеными, которых в течение пятидесяти лет считали теми, кто движет вперед изучение истории Вьетнама.

В течение всего колониального периода, а также после 1945 года французские ученые, специализировавшиеся в области изучения народов Индокитая, их языка, истории и культуры, находились в финансовой и политической зависимости от колониальных властей. Можно ли было в таком случае ожидать от них объективного освещения истории вьетнамской нации, постоянное отрицание которой в теории и на практике было самим условием сохранения этой колониальной власти? Правда, предпринимались исследования, иногда довольно ценные, в области искусства и археологии; издавались и комментировались некоторые древние тексты. Однако ни одного серьезного исследования не было посвящено крестьянским восстаниям в старом Вьетнаме или процессу развития торговой буржуазии в период до завоевания, то есть истории предшественников тех, кто в дальнейшем неустанно боролся против колониального режима; не было посвящено ни одного исследования также экономическим и социальным последствиям колонизации, эволюции крестьянского хозяйства, упадку ремесла, препятствиям, мешавшим развитию буржуазии и формированию пролетариата; тем более не было никаких работ, посвященных изучению этапов национального движения в колониальный период, если не считать нескольких компиляций военного или полицейского происхождения.

Само собой разумеется, что этот пробел в истории страны нельзя разъяснить *личным* нежеланием ориенталистов, которые, впрочем, не были лишены научной честности и беспристрастия, тем более, что бóльшая часть из них не принадлежала к тем, кто извлекал большие выгоды из колониального режима. Но вполне понятно и исторически оправдано, что они обращались скорее к раскопкам Ангкора, чем к исследованию классовых отношений во вьетнамской истории. Работая под покровительством колониальных властей, они не могли, следовательно, встать на единственно научную точку зрения, то есть на точку зрения национального развития вьетнамского народа.

К тому же не было еще вьетнамских историков, по крайней мере до самого недавнего времени, от которых можно было бы ожидать серьезных научных работ. Некоторые из них, примирившись с зависимым положением своей родины, тем самым оказались в том же тупике, что и французские историки и французские ориенталисты. Что же касается тех, верность которых национальному делу никогда не ослабевала, то они писали историю

своей страны не пером, а действиями: подпольной борьбой, восстаниями и забастовками, пребыванием на каторге.

Сейчас можно надеяться, что в скором времени будет создана вьетнамская историческая школа, свободная школа, базирующаяся на новых основах. С установлением мира согласно решениям Женевского совещания [1], с достижением Вьетнамом независимости в условиях мира именно вьетнамским историкам прежде всего надлежит продвинуть вперед изучение истории своей страны. Именно им надлежит полностью возродить картину своего национального прошлого с его достоинствами и недостатками; именно им надлежит взяться за многие еще не изученные проблемы, проблемы, которые автор этой книги лишь ставит, не пытаясь дать на них преждевременный ответ. Скромность, ясное сознание своих возможностей — такова единственная позиция, которая приличествует и все более и более будет приличествовать французскому историку, занимающемуся историей вьетнамского народа. Он на вьетнамской земле только иностранец, он никогда не будет знать ее так, как ее собственные сыновья.

Не была ли, однако, неразумной попытка написания данного очерка? Неполный характер и неточность первоисточников и исследований на французском языке, к которым пришлось обращаться, осложнили эту работу. Как уже говорилось, ввиду того, что французские историки не имели возможности заниматься вопросами национального развития Вьетнама и классовых отношений вьетнамского общества, наиболее важные проблемы остаются неосвещенными и, кроме того, данные, приводимые в этих работах, не всегда надежны.

Так, согласно данным, опубликованным в период правительства Виши, инвестированные в Индокитае капиталы на 1940 год составляли 39 миллиардов франков по курсу 1940 года, а согласно исследованию Эмиссионного банка, они составляли 34 миллиарда франков по курсу 1939 года; разница уже значительная. В результате тщательных подсчетов, основанных на официальных курсах, эта цифра недавно была доведена до 11,5 миллиарда франков по курсу 1940 года. Автор одного авторитетного труда по индокитайской экономике, опубликованного в 1934 году, оценивает в 650 миллионов франков сумму расходов на общественные работы, производившиеся с 1900 года; в 1937 году в новой работе на ту же тему он без всякого смущения сводит эту цифру к 522 миллионам, за период, однако, более длительный. Другой автор в достойном внимания исследовании по истории Вьетнама с 1941 по 1951 год считает, что перед второй мировой войной на долю Франции приходилось 95 процентов индокитай-

---

[1] Речь идет о Женевском совещании пяти великих держав в 1954 году, на котором было достигнуто соглашение о восстановлении мира в Индокитае. — *Прим. ред.*

ского экспорта каучука; простой расчет с привлечением официальных ежегодников приводит, однако, к цифре, «несколько» меньшей: лишь к 30,5 процента.

И все это надо было попытаться собрать в единую работу, слабые стороны которой, безусловно, не скроются от глаз знатоков. Не слишком ли рано автор попытался дать синтез вьетнамской истории? Думаем, что нет, несмотря на то, что в этой книге, безусловно, есть что-то преходящее, неполное, что будет подвергнуто критике и пересмотрено.

Появление этой работы оправдывает уже то, что, спустя восемьдесят лет колониального господства, которое не могло быть принято и не было принято вьетнамским народом, после восьми лет войны, которая не могла быть выиграна и не была выиграна французами, Франции и Вьетнаму необходимо, *наконец*, лучше узнать друг друга, чтобы установить отныне нормальные отношения сотрудничества и дружбы, чтобы внести свой вклад в дело мира во всем мире [1].

---

[1] Ценность исторического труда зависит от его коллективного характера. Автор приносит здесь благодарность А. Лану, видному знатоку экономической истории Вьетнама, который любезно несколько раз внимательно просмотрел рукопись на различных стадиях ее подготовки; историку Ж. Брюа, который не имеет себе равного по опыту; Ж. Дрешу, А. Г. Ходрикуру, П. Леви, которые любезно, так же как и многие вьетнамские друзья, высказали свои соображения и замечания по различным вопросам. Они помогли осветить вопросы, намеренно затемнявшиеся многими авторами. Однако ответственность за окончательный текст ложится только на автора. Автор приносит заранее благодарность также всем читателям, которые возьмут на себя труд прислать свои соображения, дополнительные сведения и особенно критические замечания.

Глава I

ВЬЕТНАМСКАЯ ЗЕМЛЯ

Что дает вьетнамская природа человеку? Облегчает она или, напротив, делает еще труднее ту наследственную и гигантскую борьбу, которую ведет человек с самых древних веков против голода и непогоды, против хищных зверей и болезней? Какие ресурсы предоставляет она в распоряжение крестьян, рыбаков и ремесленников? В какой мере благоприятствует она зарождению и развитию цивилизованного общества, самобытного народа, нации?

Не следует спешить с ответом на эти вопросы. Во Вьетнаме не в меньшей мере, чем во Франции или в России, а в Египте не в меньшей мере, чем в Англии, судьба народа зависит не только от расположения гор, мощности рек или суровости климата. Огульная геополитика очень часто приводила в колониальную эпоху некоторых авторов к желанию оправдать географией, неизменной самой по себе, такие временные факторы, как слабое развитие вьетнамской промышленности, деление страны на Кохинхину, Аннам и Тонкин [1], тогда как причиной этого была потеря Вьетнамом независимости в XIX веке...

---

[1] Мы сохраним эти термины для обозначения Южного Вьетнама, Центрального Вьетнама и Северного Вьетнама в тех случаях, когда французскому читателю будет трудно без них понять текст. Но необходимо еще раз подчеркнуть, что они совершенно чужды вьетнамской традиции.

Миссионеры и купцы самым бессмысленным образом окрестили в XVII веке Тонкином Северный Вьетнам; они позаимствовали это слово у китайских торговцев, которые называли так город Ханой (буквально — Столица Востока, ср. Пекин, Нанкин — Столицы Севера и Юга). Название «Кохинхина», неясное по своему происхождению, было дано также европейцами Центральному Вьетнаму; еще при Наполеоне III называли Нижней Кохинхиной устье Меконга. Без всякой причины в 1870—1880 годах вошло в привычку именовать Кохинхиной более южный район; в то же время за Центральным Вьетнамом сохранилось название Аннам («Умиротворенный юг»), одно из тех названий, которым раньше вьетнамцы называли всю страну в целом. Однако этими словесными уловками не удалось заставить вьетнамцев утратить чувство их национального единства, но они, безусловно, помогали скрывать от французов факт существования *единого* Вьетнама.

Рельеф и климат, растительный мир и реки, являются тем не менее существенными факторами, которые нельзя не учитывать. Само географическое положение, очертание страны давало вьетнамскому народу, с одной стороны, определенные возможности, с другой — ставило определенные препятствия. Надо выяснить эти возможности и эти препятствия, чтобы реально представить себе влияние различных режимов и деятельность сменявших друг друга на протяжении веков правительств.

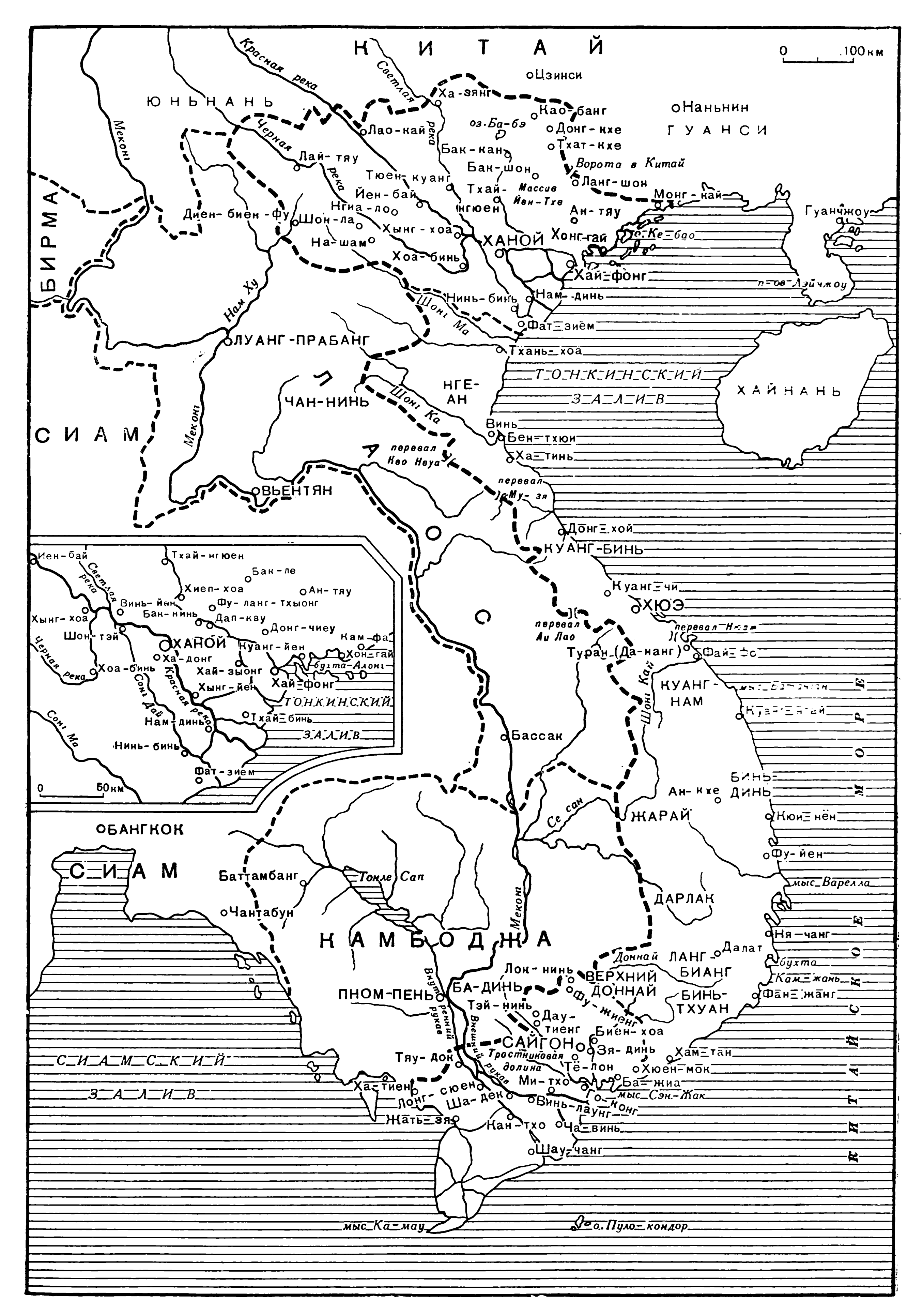
Достаточно беглого взгляда на карту, чтобы увидеть, что территория Вьетнама чрезмерно вытянута — она тянется на 1600 километров от перевала Као-банг на севере и до мыса Камау на крайнем юге, расширяясь на своих концах, где реки Красная и Меконг образуют дельты, и, сужаясь в средней части (около Хюэ, например, только 40 километров отделяют море от границы Лаоса), которая опирается на склоны Аннамских Кордильеров.

Но этому столь своеобразному очертанию вьетнамской территории (329 тысяч квадратных километров, приблизительно около $^{3}/_{5}$ территории Франции) соответствует в действительности весьма разнообразный рельеф, который гораздо больше, чем это кажется на первый взгляд, благоприятствует формированию монолитного и прочного национального коллектива. Этот рельеф, за исключением крайнего юга, четко отделяет Вьетнам от соседних Лаоса и Камбоджи.

Северный Вьетнам, наиболее континентальная часть этой морской страны (массив Пу-нам-лонг, к западу от Лай-тяу, находится на расстоянии 450 километров от берега моря), представляет обширный четырехугольник, разделенный на три резко отличающиеся друг от друга зоны: Верхний район, Средний район и Нижний район. В Верхнем районе, несмотря на его довольно значительную высоту над уровнем моря (самая высокая вершина Фан-ши-пан достигает 3142 метров), не следует, однако, искать такие мощные хребты, как наши Альпы и Пиренеи. Его горы, в основном известковые, глубоко изрезаны водами Прозрачной, Красной (Шонг-кай[1]) и Черной рек. Что касается незначительного по своей площади треугольника Нижнего района (едва 15 тысяч квадратных километров, то есть меньше Эльзаса), то он полностью образован дельтой Красной реки; еще и в настоящее время более 80 миллионов кубических метров плодородного ила отлагается там каждый год, благодаря чему поверхность земли поднимается здесь в среднем на 50 сантиметров в столетие. Эти красноватого цвета аллювиальные отложения окрашены, как гласит легенда, кровью дракона — хранителя реки. В древности китайский губернатор Као Биен, пытаясь очи-

---

[1] Географическое название Красной реки по-вьетнамски — Хонг-ха; Шонг-кай — это народное название Красной реки, что означает «Великая река». — *Прим. перев.*



Зак. 2162 Ж. Шено

стить от скал русло реки путем магических заклинаний и якобы действуя чересчур грубо, поранил вены священного чудовища... Наконец, между этой узкой равниной, колыбелью вьетнамской нации, и Верхним районом тянутся холмы и невысокие горные хребты Среднего района, между которыми простираются внутренние равнины и широкие долины, удобные для земледелия.

В Центральном Вьетнаме Аннамские Кордильеры так близко подступают к морю, что прибрежные равнины представляют здесь лишь узкие полоски: небольшие дельты Тхань-хоа, Нге-ана и Ха-тиня на севере составляют вместе около 7 тысяч квадратных километров; еще меньше по площади долины Хюэ, Куанг-нама, Куанг-нгая и Бинь-диня. Названия этих клочков земли, настолько крохотных, что население может существовать там только ценой мучительных усилий, часто повторяются в рассказах о крестьянских восстаниях давно прошедших времен, а также в летописях крупных народных восстаний колониальной эпохи. Что касается гор, к которым примыкают эти равнины, то они совершенно не заслуживают своего претенциозного названия; в действительности это всего лишь отроги плато, известковые на севере, гранитные и базальтовые на юге, которые отделяют от моря долину Меконга. Впрочем, Вьетнам занимает только узкую их полосу, которая опускается к морю крутыми откосами. Лишь на юге эта центральная зона расширяется: плато Жарай, Дарлак, Ланг-бианг часто покрыты плодороднейшими красноземами, которые образуются от выветривания базальта.

Южный Вьетнам представляет собой обширную равнину, образованную аллювиальными отложениями Меконга и небольших прибрежных рек (Вай-ко, Дон-наи, Сайгон). Между этими реками расположены обширные, затопляемые в сезон дождей и высыхающие в остальное время года Тростниковая долина на левом берегу Меконга и Долина птиц на правом берегу, доходящая до полуострова Ка-мау; именно здесь в 1862 году нашли себе убежище непокорные вьетнамцы, продолжая сопротивление адмиралам; здесь же укрывались в 1945 году и их внуки. Эти покрытые аллювием равнины исключительно плодородны, поскольку реки, образовавшие их в недалеком прошлом, берут свое начало на севере в богатых красноземами базальтовых холмах, примыкающих к плато Южного Аннама.

Этот рельеф, который резко подчеркивает общий контур Вьетнама, тем не менее никоим образом не изолирует его. Географическое положение страны нисколько не препятствует и не препятствовало в прошлом активным связям Вьетнама с его соседями. В горах севера очень много проходов в Китай: ущелье Красной реки в районе Лао-кая на северо-западе страны, проход Као-банг на севере, «Ворота в Китай» в Ланг-шоне, через которые с древних времен осуществлялись торговые и дипломатические связи между Вьетнамом и его северным соседом. Кордильеры Центрального Вьетнама, где одно за другим следуют

низкие и удобные для прохода ущелья Кео-неуа, Му-зя, Ай-лао, тем более никогда не являлись историческим барьером между Вьетнамом и Лаосом.

Но когда речь заходит о международных отношениях, то необходимо помнить, что Вьетнам не лежит на больших международных путях; из-за Сиамского залива он находится несколько в стороне. Выражение «балкон на Тихий океан», брошенное в 1931 году французским министром колоний с целью оправдать выжидательную позицию, занятую тогда французским правительством перед лицом японских агрессивных действий, было географически более точным, чем выражение «ключ к Юго-Восточной Азии», которое недавно пользовалось таким успехом в западных кругах среди сторонников продолжения войны.

Вьетнам — морская страна. Ни одна из равнин, где концентрируется подавляющее большинство населения, не удалена на сколько-нибудь значительное расстояние от моря. Морские берега Вьетнама имеют самое разнообразное очертание. Скалистые на севере, разбросавшие вокруг залива Алонг свой грандиозный лабиринт островов и береговых скал, они становятся низкими и песчаными вплоть до Турана. Аллювиальные наносы, приносимые реками, а также пески, оставляемые прибрежными течениями, способствуют постоянному росту прибрежных низменностей; старый вьетнамский кодекс предусматривал предоставление прав на образованные таким путем новые земельные участки точно так же, как это предусматривает принятый в 1953 году в Демократической Республике Вьетнам закон об аграрной реформе. Начиная с восемнадцатой параллели морской берег вновь становится более скалистым и более изрезанным — выступы мысов Коль де Нюаж, Батанган и Варелла чередуются с бухтами Турана, Кюи-нёна и Кам-жаня. Однако даже там, где берег превращается в узкую полоску земли, береговой проход никогда полностью не преграждается; именно здесь проходила политическая ось старого монархического Вьетнама — дорога мандаринов, часто дублированная, впрочем, прибрежными каналами и береговыми лагунами.

Таким образом, море является постоянным фактором в жизни вьетнамцев. Его продукты — соль и рыба — играют первостепенную роль в их питании. Известно, что легендарные императоры, первые основатели вьетнамской монархии, татуировали у себя на бедрах морских чудовищ, чтобы им сопутствовал успех в рыболовных экспедициях. В XVII—XVIII веках английские агенты, посланные во Вьетнам Ост-Индской компанией, признавали вьетнамцев лучшими мореходами Дальнего Востока. И именно море еще в большей степени, чем береговой коридор, часто очень узкий в Центральном Вьетнаме, являлось основным связующим путем между севером и югом, а следовательно, и существенным фактором национального единства вьетнамского народа с экономической точки зрения.

* * *

Но еще в большей степени, чем от расположения суши и моря, долин и гор, судьба человека на вьетнамской земле зависит от климата, точнее от муссонов.

За летним дождливым муссоном, дующим с юго-запада, следует зимняя система сложных ветров, которую географы все чаще отказываются называть «зимним муссоном». От этого режима ветров зависело, например, мореплавание в старом Вьетнаме.

Между такими портами, как Фай-фо или Зя-динь (Сайгон) и близлежащими берегами острова Хайнань или Филиппинского архипелага, можно было совершать ежегодно только один рейс. Вьетнамские летописцы называют «сезонной войной» ряд походов короля Нгюен-Аня, будущего Зя-Лонга, флот которого каждую весну начиная с 1791 года отправлялся из Зя-диня, чтобы атаковать восставших подданных, во главе которых стояли знаменитые тэй-шоны (тайшоны) [1].

Тайфуны еще больше осложняют атмосферный режим. Дуя с Филиппин, они в несколько часов опустошают и разоряют берега Тонкинского залива. Как греки в «Одиссее» и как все первобытные народы, вьетнамцы в древности отражали в наивных легендах эти страшные силы природы, с которыми им приходилось постоянно сталкиваться. Еще и в настоящее время во Вьетнаме рассказывают предание о Тхюй-Тине, духе, который царствует над водами, и о Шон-Тине, духе горы Тан-виен. Эти два могучих духа оспаривали друг у друга Ми-Ныонг, дочь Хунг-Выонга, короля Ван-Ланга. Шон-Тинь добился ее в конце концов у отца и увез на свою гору, расположенную на юго-западе дельты Красной реки. Тхюй-Тинь в гневе напустил ураганы и тайфуны, переполнил реки и заставил их выйти из берегов. По его призыву армия водяных чудовищ ринулась в долину. Отброшенный назад, он каждый год пытается вернуться со своими тайфунами...

Во Вьетнаме, целиком расположенном в тропической зоне, жарко круглый год: температура никогда не падает здесь ниже +10°; в Сайгоне, например, средняя температура летом +29° и зимой + 26°. Только чередование ветров, а не смена холода и тепла, как в нашей стране, отличают сезоны друг от друга. Зимой ввиду особого режима ветров дожди не выпадают совершенно. Вьетнам, являющийся страной с очень влажным климатом (в Сайгоне выпадает два метра осадков в год, то есть в три раза больше, чем в Париже), имеет все же совершенно сухой сезон от ноября до апреля (в Сайгоне в феврале в течение всего месяца выпадает только 3 миллиметра осадков). Эти контрасты в

---

[1] Тэй-шоны (тайшоны) — участники крестьянского восстания конца XVIII века. Подробнее см. на стр. 76—82. — *Прим. ред.*

выпадении осадков проявляются еще ярче, если рассматривать количество осадков по годам, а не только по сезонам; и тут вьетнамский крестьянин встречается еще с одной страшной трудностью. В Вине, например, среднее количество осадков в год составляет 1788 миллиметров, но, по наблюдениям, в самые засушливые годы там выпадало только 987 миллиметров, а в самые дождливые — 2671 миллиметр, то есть в три раза больше.

Действительно ли климат Вьетнама вреден для здоровья? В этом отношении, несомненно, допускаются преувеличения. Здесь сказываются субъективные впечатления европейцев, употребляющих под тропическим солнцем без всякой предосторожности обильную пищу (...и спиртные напитки), принятую в странах холодного климата. Подтверждается ли этим теория «физиологической отсталости» цветных народов? Несомненно, климат тяжелый; полуденный перерыв необходим. Несомненно также, и это наиболее важно, что этот климат способствует вспышкам таких серьезных заболеваний, как туберкулез, амебная дизентерия, малярия. Но этот климат вовсе не препятствует нормальной деятельности. Жюль Ферри в ответ на атаки, объектом которых был «его» Тонкин, привел [1] один пример, и, независимо от того, для какой цели этот пример был заготовлен, он был довольно убедительный. Ферри напомнил, что для пятнадцати викариев, дата прибытия которых в Тонкин и дата смерти которых были известны, средняя продолжительность пребывания в этой стране равнялась тридцати двум годам. Слишком легко приписывали влиянию климата физические недостатки, действительно наблюдавшиеся у вьетнамского населения, истинной причиной которых, несомненно, были нищета и хроническое недоедание.

Чередование сухого и дождливого сезонов, то есть чередование муссонов, непосредственно сказывается также на режиме рек.

Красная река образовала равнину Северного Вьетнама. Но в то же время она постоянно ей угрожает. Режим Красной реки, составляющий в среднем около 4 тысяч кубических метров воды в секунду, то есть в два раза больше, чем Роны (для бассейна во много раз меньшего), имеет важное значение для этого района с развитой оросительной системой. Но режим Красной реки сильно колеблется в течение года: в низкую воду он падает до 700 кубических метров в секунду, в высокую воду поднимается до 30 тысяч кубических метров. В 1926 году уровень Красной реки в районе Ханоя в высокую воду поднялся до 11,93 метра, тогда как в низкую воду был только 2 метра. Режим Меконга, хотя и более полноводного, является, однако, более равномерным. Довольно значительная прибыль воды в Меконге происходит более равномерно. Большое озеро, находящееся в центре Камбоджийской равнины, играет здесь роль регулятора: оно поглощает в сезон дождей избыток воды в реке, с которой оно связано

---

[1] Ferry, Jules, Le Tonkin et la mère-patrie.

естественным каналом, и постепенно возвращает ей воду обратно в сухой сезон. Здесь нет необходимости в таких дамбах, как в Тонкине, так как угроза наводнения никогда не принимает здесь таких опасных форм, как на севере.

Именно в этих своеобразных условиях вьетнамский народ с очень древних времен должен был заботиться о своем существовании и организовывать свою деятельность.

Постоянная высокая температура, несомненно, благоприятна для выращивания сельскохозяйственных культур. Нет такого времени года, когда растительная жизнь прекращается. Однако крестьянин живет под постоянной угрозой двух бедствий: засухи, неизбежной каждый год, но иногда необычно затягивающейся, и паводка рек, который также регулярно происходит в сезон дождей, но иногда может принять катастрофический характер наводнения, когда дует исключительно сильный муссон или когда на страну обрушивается тайфун.

Борьба против засухи и наводнений, которую нельзя успешно вести в одиночку, составляет, таким образом, насущную социальную необходимость: необходимо создавать ирригационную сеть на рисовых полях, необходимо сооружать дамбы вдоль рек. С древнейших времен жизнь вьетнамского народа проникнута коллективными традициями. Здесь очень рано возникла потребность в централизованной администрации, способной координировать устройство каналов и содержать в порядке дамбы. Эти каналы, которые соединяют рукава крупных рек на равнинах севера и юга или мелкие прибрежные реки центра, образуют в то же время отличную сеть внутренних путей сообщения: каналы, арыки *(жать)* позволяют легко переезжать на сампанах [1] из деревни в деревню, из провинции в провинцию.

Таким образом, являясь фактором, обеспечивающим благосостояние, вьетнамский климат в то же время влечет за собой постоянную угрозу ужасных катастроф. Летописи древнего Вьетнама, а также колониального Вьетнама представляют длинный перечень голодных лет и наводнений, начиная с бедствий, которыми в 1289 году сопровождалось монгольское нашествие, до неурожая в 1896 году, наводнения 1926 года и голода в 1945 году, когда умерло около двух миллионов человек.

Но можно ли считать эти опасности, издавна угрожающие Вьетнаму, неизбежным роком? Конечно, нет! Усилия, предпринимаемые вьетнамским правительством Ханоя с 1946 года, и результаты этих усилий показывают, какими средствами [2] можно было бы спасти людей, погибших в 1945 и 1926 годах. Однако к борьбе против общественных бедствий власти старого режима не умели и не могли привлечь необходимую силу, то есть силу всего народа.

---

[1] Сампаны — распространенный во Вьетнаме вид лодок. — *Прим. ред.*
[2] Об этом см. главу XII, стр. 259.

* * *

Из домашних животных, приспособившихся к климату Вьетнама, необходимо назвать слона, лошадь, буйвола, козу и свинью, а также домашнюю птицу. Однако животный мир, если даже добавить к нему скромного шелковичного червя, не играет здесь, за редким исключением, такой важной роли, как в других странах. Использование буйвола в качестве рабочего скота ограничено его физическими возможностями, использование слона и лошади, этих «благородных» животных, — их редкостью и большой ценой. Мясо (говядина, птица, свинина) всегда представляло только второстепенный продукт питания. В стране, где поля всегда находятся в непосредственной близости от моря или реки, от арыка или ирригационного канала, основной продукт питания после риса составляет рыба. Многочисленные продукты морского и речного промысла, содержащие необходимое количество азота и витаминов, в течение тысячелетий употребляются в пищу как в естественном виде, так и в виде соуса *ньок-мам*, приготовляемого из перебродившей рыбы.

Однако растительный мир представлен более щедро как естественными видами, так и культурными растениями.

Зоны распространения естественной растительности на равнинах в настоящее время ограничены. Во время своего «продвижения на юг» (*нам-тиен*) вьетнамцы медленно, но упорно, спускаясь вдоль побережья, оставляли леса только в районах, временно или постоянно затопляемых водой; именно здесь встречаются столь характерные мангровые, то есть затопляемые леса, где корни деревьев поднимаются над болотом, переплетаясь в причудливые арки. Кроме того, здесь, на крайнем юге, встречаются долины, поросшие тростниками или другими водяными растениями, окаймленные вдоль каналов чудесными галереями пальм. Но за этими двумя исключениями естественная растительность на равнинах ограничивается небольшими рощицами из бамбука и индийского тростника, а также другими видами растений, имеющих разностороннее применение в домашнем хозяйстве. На плато и в горах, напротив, преобладают леса. Местами они очень густые, как например в районе севернее Хюэ или на известковых грядах северо-запада, затем редеют, уступая на центральном плато место обыкновенной саванне. Многие породы деревьев являются ценными: различные сорта лакового дерева, коричное дерево, алоэ, деревья, дающие строительную древесину, *гу*, *лим*, *сау*, и другие породы, из которых некоторые не подвержены гниению, как например *соан*, применяемый для строительства морских судов или крыш домов, розовое дерево *хюэ-мо*, из которого делают дорогостоящие, не подверженные гниению гробы.

Наряду с естественными видами произрастают растения, которые человек сумел постепенно акклиматизировать и селекционировать. На первом месте стоит, конечно, рис: как горный рис,

являющийся суходольной культурой, так и рис, выращиваемый на орошаемых землях, — белый рис, а также «красный рис», или клейкий рис, употребляемый для изготовления кондитерских изделий или для производства спирта. Помимо этого, имеется еще много других продовольственных культур: кукуруза, кунжут, игнам, или репа, тыква и арбуз, многочисленные фруктовые деревья — банановые пальмы, апельсины, хлебное дерево, ананасы, папайя, манговое и гранатовое деревья. Произрастает также много и технических культур: хлопок, шафран, индиго и другие красящие растения, тутовое дерево, табак. Все эти культуры имеют свой календарь, который изменяется в зависимости от районов и периодов выпадения муссонных дождей. Так, например, в Тонкине, где зима не такая сухая, как на юге, так как там ввиду более низкой температуры выпадают «крашэны» — мелкие пронизывающие дожди, — снимают два урожая в год — в мае и в октябре. Но в Северном Аннаме, где зимний муссон, сухой во всех других районах, приносит дождь, так как он пересекает Тонкинский залив, основной урожай риса снимается в начале весны.

Начало разведения этих культур относится к самым различным эпохам; некоторые культуры известны во Вьетнаме с незапамятных времен. Рис, несомненно, появился здесь только в первом тысячелетии до нашей эры, а кукуруза даже значительно позже — она была завезена из Америки испанскими галионами в XVII—XVIII веках, проезжавшими через Тихий океан на Филиппины. Но все эти культуры прочно вошли в жизнь вьетнамцев; рассказы крестьян в простой и трогательной форме повествуют об их происхождении. Вот легенда о бетеле[1] и арековой пальме, листья и плоды которой, освежающие на вкус и смешиваемые с небольшим количеством извести, охотно жуют вьетнамцы.

> После смерти мандарина Кау два его сына, Тан и Ланг, поступили в услужение к человеку по имени Дао-Ли. Вскоре они оба влюбились в его дочь Лиен, очень красивую семнадцатилетнюю девушку. Лиен решила выйти замуж за старшего брата и добилась согласия своих родителей.
>
> После того как отпраздновали свадьбу, младший брат, который был сильно привязан к своему старшему брату, решил уйти куда глаза глядят. Проходя через лес, он подошел к широкому и глубокому потоку, перейти который не смог; рыдая, он упал на его берегу и пришел в такое отчаяние от своей печальной судьбы, что умер. Его тело превратилось в куст с тонким стволом, увенчанный на вершине цветами и плодами. Это и была арековая пальма.

---

[1] Бетель — перечное растение, лист которого, пряный и жгучий на вкус, любят жевать вьетнамцы. — *Прим. ред.*

Старший брат, видя, что его брат не возвращается, отправился искать его. Он подошел к потоку, увидел необычное дерево и едва попытался сесть в его тень, как превратился в известняк. Жена, не дождавшись возвращения мужа, также пошла к потоку; увидев арековую пальму и известняк у ее корней, божественным откровением она поняла, что произошло. Обезумев от горя, она прильнула к дереву, сжимая в объятиях камни и громко призывая мужа. Она умерла, и ее красивое тело превратилось в гибкую лиану с ароматными цветами, ветви которой обвили известковые камни и ствол арековой пальмы.

Растительный мир Вьетнама дает человеку обилие продовольствия. В то же время он предоставляет в его распоряжение многочисленные и разнообразные материалы: древесину, лианы, бамбук, хлопок, которые издавна давали возможность вьетнамским ремесленникам изготовлять одежду и домашнюю утварь, строить дома и даже сооружать сложные морские суда, используя только материалы растительного происхождения.

Но можно ли ввиду этого говорить о «растительной цивилизации», как это делают некоторые специалисты? Можно ли навечно приговаривать вьетнамский народ к бамбуковому стволу, к соломенным хижинам и сампанам, сделанным из досок, скрепленных лианами?

Это богатство растительного мира, которое в древнюю эпоху решительным образом благоприятствовало борьбе вьетнамского народа против непогоды, засухи и голода, не могло помешать его дальнейшему развитию, так как недра страны богаты полезными ископаемыми. Ничто в природе Вьетнама не обрекает эту страну, хотя это и не нравится некоторым географам, на то, чтобы вечно оставаться только потребителем продукции, поставляемой странами, которым «предопределено» великое индустриальное будущее. Совсем напротив.

Северный Вьетнам очень богат полезными ископаемыми. Уголь имеется в большом количестве по всему побережью залива Алонг (в Донг-чиеу, Хонг-гае, на острове Ке-бао), кроме того, залежи угля встречаются около Тюен-куанга в Среднем районе. Железо обнаружено в соседней провинции Тхай-нгюен в большом количестве в виде руды с высоким содержанием железа (60%); касситерит и вольфрам (руды олова и вольфрама) — около Каобанга, цинк — в Тё-диене, сера (цинковая обманка и серный колчедан), а также графит — между Черной и Красной реками; фосфаты — около Лао-кая, бокситы — около Ланг-шона, южнее Красной реки. Недра центральных гор также богаты важными полезными ископаемыми: антрацит обнаружен в районе Нонг-шона (около Хюэ), марганец и хром — в районе Ко-диня (провинция Тхань-хоа), золото — в районе Бонг-миеу (юго-западнее Турана[1]).

[1] Современное название этого города — Да-нанг. — *Прим. ред.*

Конечно, в старом феодальном и аграрном Вьетнаме с его примитивной техникой эти месторождения эксплуатировались очень слабо. В колониальный период по причинам, к которым мы еще вернемся, французский капитал был заинтересован только в том сырье, которое могло найти *за пределами Вьетнама* прибыльные рынки, а именно в угле, цинке, вольфраме. Что касается других полезных ископаемых, то их оставляли без внимания; не было серьезной геологической разведки. Приведем только один пример. В своем классическом труде по экономике Индокитая, опубликованном в 1939 году, профессор Робекэн считал, что «индокитайские фосфаты составляют незначительные по размерам разрозненные залежи». Но в 1940 году японцы начали эксплуатацию этих фосфатов, а в 1946 году «план экономического развития Индокитая», выработанный в период, когда капиталы метрополии вновь стали настойчиво искать новых сфер приложения, признавал, что залежи Лао-кая представляют «сотни миллионов тонн почти чистого апатита». Эти умышленные неточности и безразличие мешают, как и во всех колониальных и зависимых странах, составить правильное представление о наличии полезных ископаемых во Вьетнаме. Необходима их полная переоценка, как это сделал у себя Китай после 1949 года.

Даже при значительно заниженных данных (как, несомненно, обстоит дело в этом случае) цифры, которыми мы располагаем, все-таки подтверждают, что Вьетнам имеет достаточно минеральных ресурсов, чтобы выйти из «растительной» стадии, на которой кое-кто хотел бы его оставить. Многие ли из стран с «металлической» цивилизацией располагают железной рудой в таком большом количестве и с таким же высоким процентом содержания железа, как залежи в Тхай-нгюене, расположенном поблизости от таких крупных угольных месторождений, как Хонг-гай и Донгчиеу? Доменная печь, которую не умели строить в старом феодальном Вьетнаме, которую не хотели строить французские колонизаторы, будет обязательно построена в Тонкине.

Глава II

ДРЕВНИЕ И СРЕДНИЕ ВЕКА

Сколько тысячелетий назад поселился человек в дельте Красной реки и на вьетнамском побережье? К какой этнической группе принадлежали наиболее древние обитатели страны? На каком языке они говорили? Когда и как постепенно перешли они от кочевого образа жизни к оседлому земледелию, от варварства к цивилизации? На эти вопросы еще нельзя ответить точно.

Довольно поздно, лишь около II века до нашей эры, китайские историки начинают упоминать о стране, расположенной на территории современного Вьетнама, которую они называли «страной Йюэ» или «страной Вьет».

Можно ли безусловно полагаться на сведения, приводимые в древних вьетнамских летописях, составленных приблизительно в XIII веке нашей эры, для того чтобы получить представление о более раннем периоде? Летописи упоминают о восемнадцати мифических королях Хунг-Вьюнг, правление которых якобы продолжалось 2631 год и предшествовало китайскому завоеванию во II веке до нашей эры. Но эти летописи, написанные в эпоху, когда Вьетнам только что отделился от Китая, не имеют совершенно никакой исторической ценности; их составители пытались главным образом доказать, что молодой Вьетнам может гордиться столь же древней историей, как и его бывший северный суверен.

Из археологических раскопок известно, что жизнь человека в Юго-Восточной Азии восходит к очень отдаленной эпохе. В самом Вьетнаме не обнаружено таких следов древности, как останки питекантропа на Яве. Но черепа, найденные в пещерах нынешнего Вьетнама, позволяют думать, что первыми обитателями здесь были негроиды — люди небольшого роста и, без сомнения, с вьющимися волосами. Их сменили протоиндонезийцы, потомками которых являются теперешние *мои* [1], проживающие на плато

[1] *Мои* — в переводе с вьетнамского означает «голые». Так презрительно называли французские колонизаторы народность, населяющую горные районы Центрального Вьетнама. Автору книги Жану Шено, видимо, не известно научное название этой народности — *тхьонг*. — *Прим. ред.*

Центрального Вьетнама. В результате раскопок, производившихся в Северном Вьетнаме (около Бак-шона), довольно хорошо известны их орудия из полированного камня; этот «бакшонский» век, как его называют специалисты, соответствует по времени середине эры неолита на Западе.

Это племя, которое древние китайские историки именуют *зяо-ти*, поселившись на заболоченных пространствах дельты, должно было вести борьбу с хищными зверями. Люди этого племени вели подсечно-огневое земледелие (система *жай* существует еще и в настоящее время у некоторых народов внутреннего Индокитая) и обрабатывали землю примитивной мотыгой из полированного камня. Они не знали письменности, однако у них существовала система узлов, завязываемых на шнурке, которая давала возможность передавать некоторые сведения. Многие из их своеобразных обычаев (покрывать лаком зубы, жевать бетель и арек, татуировать тело) унаследовали вьетнамцы исторической эпохи. Их политическая организация нам почти не известна. Вероятно, после первобытного общества начала неолита они, как и другие народы, прошли стадию рабовладения, остатки которого можно было наблюдать во Вьетнаме вплоть до современной эпохи; так, кодекс Зя-Лонга (начало XIX века) еще регламентировал некоторые случаи рабства. Но очень быстро, по всей вероятности ввиду сложности выращивания риса, они вынуждены были заменить рабовладение организацией феодального типа, при которой племенные вожди, являвшиеся единственными собственниками земли, заставляли своих крестьян обрабатывать эту землю.

Аналогичный режим сохранялся вплоть до последнего времени у мыонгов, народности Среднего Тонкина, которая по своему архаичному языку родственна древнему населению Вьетнама. Вьетнамские летописи сообщают о ста легендарных племенах, которые произошли от пятидесяти духов гор и пятидесяти духов моря, порожденных мифическим королем из династии Хунг. Китайские историки в свою очередь говорят о ста сеньорах, которые поделили между собой Вьетнам во II веке до нашей эры — еще до появления там китайского копья и плуга.

В последние столетия, предшествующие нашей эре, Вьетнам начинает подвергаться все более сильному влиянию соседнего Китая, который находился уже на более высокой стадии развития. Раскопки указывают на проникновение во Вьетнам металлических орудий и, несомненно, орошаемой культуры риса. Это — *донгшонский* век (соответствует бронзовому веку на Западе), который получил свое наименование по названию города в Северном Вьетнаме. Политический нажим Китая был еще более сильным. В эпоху, когда римляне начали прибывать в Галлию, император Цинь Ши-хуан, объединитель Китая, впервые в 214 году до н. э. напал на Вьетнам, но его попытка захватить Вьетнам не имела успеха. После этого один китайский генерал предпочел создать автономное княжество между Тонкином и Южным

Китаем. Но в 111 году до н. э. в страну пришли солдаты могущественной династии Хань, которая объединила под своей властью весь Китай. Территория, на которой позднее образовался Вьетнам, вошла на десять веков в состав Китайской империи.

*

Еще полудикие обитатели Тонкина и Северного Аннама позаимствовали у Китая его более передовую экономическую, политическую и социальную организацию. Это существенный факт. Дельта Красной реки составляла единственную обширную равнину Ханьской империи к югу от Янцзы. Это облегчило китайцам приобщение жившего там населения к своей материальной культуре и усовершенствование местных способов выращивания риса, техники литья и керамики. Таким образом, Вьетнам, хотя и более отдаленный, оказался «китаизированным» гораздо сильнее, чем горные местности, которые простираются по всей территории Китая к югу от Янцзы.

Некоторые китайские губернаторы Вьетнама добились легендарной славы благодаря своей цивилизаторской деятельности, как например Ши-Ниеп, ставший впоследствии объектом настоящего религиозного культа, или Као-Биен, который сооружал каналы и, по всей вероятности, впервые применил порох (его попытки взорвать скалы Красной реки легли в основу легенды о цвете реки); эта легенда уже приводилась выше.

Наряду с этими усовершенствованиями, которые способствовали развитию производительных сил Вьетнама, китайцы ввели там свою политическую организацию. Они основали такой же, как и у себя в стране, институт мандарината. Они принесли с собой свою сложную идеографическую письменность, состоящую из многих тысяч различных иероглифов. Древний китайский язык стал официальным языком и оставался таковым до XX века, даже когда в Китае он стал уже мертвым языком (так же как латынь, которая в средние века сохранялась в странах бывшей Римской империи).

Китайцы распространяли также свои философские произведения, в которых излагались философские конформистские воззрения Конфуция и его школы; знание этих произведений оставалось вплоть до 1915 года обязательным для кандидатов на конкурсах «ученых», из числа которых отбирались чиновники. Вьетнамские ученые отныне стали соперничать со своими китайскими и корейскими собратьями в знании «Ицзин» («Книга перемен»), «Шицзин» («Книга песен»), «Шуцзин» («Книга истории»), «Чуньцю» («Летописи весны и осени»), «Лицзи» («Книга установлений»), «Луньюй» («Беседы и суждения Конфуция»).

Но один существенный момент остается все же неосвещенным. Ни древние китайские и вьетнамские летописцы, ни современные историки Франции и Вьетнама до настоящего времени не уста-

новили, каким образом это разностороннее китайское влияние могло изменить социальный строй страны и особенно социальное положение крестьянства. Можно спросить, не способствовало ли в конечном счете это влияние сохранению и даже усилению господства феодалов над вьетнамскими крестьянами? Применение китайской техники привело к увеличению сельскохозяйственной продукции у вьетнамских феодалов. С другой стороны, иерархия мандаринов, к которой они имели свободный доступ, предоставляла в их распоряжение сильный аппарат власти. При таких могущественных династиях, как династия Хань (II век до н. э. — II век н. э.) или династия Тань (VI—IX века н. э.) вьетнамцы допускались в Пекине на самые высшие должности имперской администрации.

Этим объясняется, что восстания против китайских правителей были лишь «эпизодическими проявлениями определенного местного партикуляризма, который нельзя без преувеличения назвать национальным чувством» [1]. Они являлись лишь выражением личных честолюбивых стремлений. Таково, например, восстание в 39—42 годах н. э., руководимое Чынг-Чак, вдовой феодала из Тонкинской дельты, и ее сестрой Чынг-Ни, которое было подавлено китайским губернатором Ма-Виеном. Такой же характер носило движение, начатое в конце VI века вьетнамскими феодалами, которых позже летописцы назвали «первой династией Ли». Но в целом в период, называемый «китайской оккупацией», который лучше было бы называть «китайско-вьетнамским периодом», власть вьетнамских феодалов значительно укрепилась. Экономическое и политическое господство вьетнамских феодалов над крестьянами приняло более высокие организационные формы благодаря вхождению Вьетнама в феодальный средневековый Китай.

И тем не менее освободительное движение возникло и одержало победу над китайским господством. Режим, введенный китайцами, безусловно, значительно поднял экономический уровень района дельты и тем самым разжег захватнические вожделения у соседних народностей, стоявших на более низкой ступени политического развития, а именно у мыонгов, проживавших в горных районах южного Тонкина, «отдаленных сородичей» вьетнамцев; у тхаи (таи), завоевателей, обосновавшихся в Юньнани, на северной границе Вьетнама с Китаем, и начавших свое продвижение к югу, которое завершилось в XIII—XIV веках их утверждением в Лаосе и в Верхнем Тонкине; и главным образом у тямов (шамов), пришедших с островов южных морей и основавших на скалистых берегах в узких долинах Центрального Вьетнама государство с индийской культурой.

Китайские губернаторы должны были организовывать оборону страны от многочисленных нападений этих племен. Они строили крепости. Так, в VI веке для защиты Тонкинской дельты была

---

[1] Pham Huy-Thong, L'esprit public vietnamien hier et aujourd'hui.

построена крепость Ханой. Но древний Китай, который часто потрясали династические кризисы, зачастую не мог защитить Вьетнам. И вьетнамские феодалы вынуждены были, таким образом, брать оборону страны на себя. Так, например, местные военачальники первой династии Ли, которая восстала против китайских губернаторов, собственными силами противостояли крупному вторжению тямов с моря в 542 году, в период, когда центральная власть в Китае была крайне ослаблена.

Крах династии Тан (IX век) дал новый толчок освободительному движению. В этот период угроза со стороны тхаи и мыонгов еще более возросла. «Не рассчитывая на помощь ослабевшей империи, население Вьетнама — этой пограничной провинции Китая — превращает Вьетнам в автономную военную единицу, для того чтобы обеспечить его оборону... Только тогда после целого ряда политических потрясений Вьетнам отделился от Китая... Только тогда родилось национальное чувство вьетнамцев» [1]. В 939 году вьетнамский феодал Нго-Кюен изгнал последние китайские гарнизоны. Но, безусловно, крестьянские массы, которые в конечном счете несли на себе всю тяжесть китайского режима, сыграли в этом освободительном движении, руководимом феодалами, немалую роль, которую следовало бы уточнить.

* * *

Таким образом, Вьетнам стал политически независимым от Китая. Но кто же пришел на смену китайским правителям? После смерти освободителя Нго-Кюена какой-то период казалось, что Вьетнам может вернуться к той эпохе, когда политическая власть была раздроблена между соперничавшими княжествами. В летописи говорится, что двенадцать феодалов (*шы-куан*) пытались занять место китайских правителей и разделить между собой территорию дельты. Но этот кризис был скоро разрешен — погонщик быков крестьянин Динь-бо-Линь (967—979) восстановил единство страны и провозгласил себя королем. Он поставил перед входом в свой дворец чан с постоянно кипящим маслом и клетку с тиграми в качестве двойного предостережения всякому, кто осмелился бы уклониться от своих обязанностей.

Царствование династии Динь длилось очень недолго. Но тем не менее вьетнамское государство приняло форму объединенной монархии, которая сохранилась в дальнейшем и была укреплена двумя крупными средневековыми династиями — Ли (1010—1225) и Чан (1225—1400). Следовательно, необходимость в достаточно прочной централизованной власти возникла во Вьетнаме очень рано, в период, когда первые Капетинги с большим трудом подчинили себе небольшой район между Сеной и Луарой. Этот факт, несомненно, объясняется прежде всего потребностью поддержи-

[1] Pham Huy-Thong, L'esprit public vietnamien hier et aujourd'hui.

вать в порядке оросительные каналы и защитные дамбы, потребностью, которая сама явилась результатом развития сельского хозяйства в период китайского господства. Вьетнамская средневековая монархия выросла из настоятельной необходимости координировать ирригационные работы на территории всей дельты и, таким образом, эффективнее бороться с засухой и наводнениями. Именно поэтому попытка *шы-куанов* повернуть ход развития вспять была обречена на провал. При династии Ли, так же как и при династии Чан, содержание в порядке дамб составляло постоянную заботу королей. С 1108 года Ли строят большую дамбу Ко-са около столицы Ханой (которая тогда называлась Ланг-тхонг). В 1244 году король Чан-тхаи-Тонг учреждает комиссию, которая должна была выплачивать возмещения владельцам тех рисовых полей, на которых необходимо было сооружать дамбы.

Однако восстановление объединенной монархии нисколько не затронуло ни социальной структуры страны, ни власти феодалов над крестьянскими массами. Напротив, обеспечив получение лучших урожаев, монархия упрочила феодальный режим. Что же, однако, представляет собой вьетнамский феодальный режим, который существовал до французского завоевания и сохранился позже? Безусловно, нельзя употреблять здесь слово «феодальный» в узком его смысле; можно легко провести различие между древним Вьетнамом и, например, средневековым Западом и отметить отсутствие во Вьетнаме таких институтов, как лен, клятвенное обещание верности своему сеньору или запрещение крепостному покидать свою землю. Но средневековый французский феодализм являлся лишь частным случаем социальной системы, сфера распространения которой была во много раз шире, простираясь от Франции до Китая через весь старый континент. Это система, при которой незначительная горстка земельных собственников контролирует прямо или косвенно плоды труда крестьян.

Отсутствие интереса к данному вопросу или умышленное замалчивание было причиной того, что ни вьетнамские историки (по крайней мере до 1945 года), ни французские историки не дали ни одного удовлетворительного анализа социальной структуры средневекового Вьетнама. Однако данные, которые можно найти в древних летописях или в работах, основанных на них, позволяют уже безошибочно установить, что в этот период в сельском хозяйстве Вьетнама существовали феодальные отношения. При династии Чан, например, официально различали в фискальных целях четыре категории рисовых полей: *куок-кхо диен* — королевские владения (эти земли часто раздавались принцам крови или фаворитам; декрет 1397 года санкционировал эту практику, которая, несомненно, существовала уже давно, и разрешал образование крупных владений для членов королевской семьи), *тхао-дао диен* — земли, раздаваемые «заслуженным» чиновникам (эта категория представляла еще одну форму образования крупных владений; мандарины, которым даровали эти земли,

получали право собирать с них налоги в свою пользу), *конг диен* — земли коллективного пользования деревенских общин (*са, ланг*), которые их периодически безвозмездно перераспределяли между своими членами; последние являлись в то же время собственниками личных участков земли — *бон-тхо диен*, эти участки составляли четвертую категорию земель.

Вьетнамская «община», происхождение которой почти не известно, появилась, следовательно, в эту эпоху. Эта община контролировалась богатыми крестьянами; большинство жителей деревни не пользовались *конг диен*. Таким образом, это в гораздо большей степени олигархический институт, нежели демократический, как иногда его пытаются изобразить.

В общем, рассмотрев четыре категории земель, можно сделать вывод, что подавляющая часть земли, подавляющая масса крестьянства прямо или косвенно эксплуатировались привилегированным меньшинством, которое, учитывая вышеуказанные особенности, нет оснований не называть феодалами. Тяжелая эксплуатация неоднократно находила выражение в народных песнях, как например в старой колыбельной песне провинции Нге-ан:

И вот меня отдали в богатую семью в качестве слуги.
И повсюду-то надо мной измываются.
То я бегу смотреть за буйволами, то быстро возвращаюсь
    Очищать рис.
    Я весь обливаюсь потом.
От моей одежды в лохмотьях остался один воротник.
Кто позаботится обо мне? Мои родители слишком далеко...
Хозяйка дома платит мне лигатуру[1] и два *тиена*[2].
И это тянется уже несколько лет.
С первым криком петуха, до зари,
Когда старуха еще спит, не думая о моем тяжком труде,
Я должен наносить воды и убрать двор;
Из рыбы, которую я ей приношу, она готовит вкусное блюдо,
    От которого мне оставляет одни кости;
Все мясо она съедает сама и ничего не дает мне...
Жирная и тучная от обильной пищи,
    Она никогда ничего не дает маленькому слуге;
Ни капли жалости к несчастным детям.

Держать в повиновении эти миллионы крестьян — такова была постоянная забота вьетнамской монархии средних веков. Это определяло все стороны ее деятельности и, в частности, объясняет ее явно противоречивую позицию по отношению к бывшим китайским хозяевам.

Вьетнамские феодалы оберегали свою независимость, дорожили свободой действий, которую они завоевали в X веке. В 981 году король Ле-Хоан отразил китайское вторжение и закрепил, таким образом, дело освободителя Нго-Кюена. В конце XIII века короли из династии Чан отразили три новых наступле-

[1] Лигатура (по-вьетнамски куан) — старая денежная единица Вьетнама. По курсу 1825 года она равнялась 2 франкам 75 сантимам. — *Прим. ред.*

[2] Денежная единица.

ния монголов, которые были в то время властителями Китая. Так, в 1284 году было отражено наступление монгольской армии, насчитывавшей 500 тысяч солдат, которая под командованием внука самого Чингисхана вторглась во Вьетнам с моря и с суши. Вьетнамский полководец Чан-хынг-Дао, опираясь на поддержку крестьян дельты, сумел противостоять монголам. Он стал легендарной личностью и долгое время был объектом культа в буддистских пагодах. В 1951 году Во-нгюен-Зиап назвал его именем одну из крупных наступательных операций, которую он начал против укрепленной линии Делаттра.

Но правители Вьетнама не могли в то же время забыть, насколько китайские методы управления содействовали укреплению их феодальной власти, и поэтому не собирались отказываться от них. Таким образом, когда образовалась вьетнамская монархия, она продолжала в точности копировать институты Китайской империи. Конфуцианство продолжало оставаться религией, или скорее идеологией, государства, так же как это было и до установления независимости. Проповедуя сыновнюю почтительность, но отвергая всякую общественную деятельность, воспевая сельское хозяйство, но пренебрегая изучением науки и техники, призывая к конформистскому уважению традиции, но запрещая нарушать «общественный порядок» *(тхиен-мень)*, конфуцианство давало Вьетнаму, теперь политически независимому от Китая, идеологию, которая так же служила поддержанию феодального порядка, как и в период китайских правителей.

В XI веке король Ли-тхань-Тонг воздвиг в Ханое храм Конфуцию и его семидесяти двум ученикам. Он ввел литературные конкурсы, основанные, как и в Пекине, на знании конфуцианских классических трудов. Эти конкурсы поставляли гражданских и военных мандаринов, которым доверялась власть. При династии Чан бюрократическая иерархия мандарината была еще больше подведена под китайский образец.

Поддержание тесных связей с феодальным Китаем влияло также на литературную жизнь средневекового Вьетнама. Сохранялась китайская письменность, китайский язык оставался единственным государственным языком. Только на китайском языке писали ученые и мандарины свои литературные труды. В порядке развлечения вьетнамские ученые ввели особую систему письменности — *тьы-ном,* которая позволяла китайскими иероглифами передавать звуки вьетнамского языка. При династии Чан вьетнамская литература, написанная на *тьы-ном*, была уже довольно распространена. Видный ученый Хан-Тхюен успешно создает поэтические произведения, национальные по форме. Но эти первые произведения вьетнамской литературы на национальном языке, разумеется, были доступны только ученым, которые уже знали китайский язык. Следовательно, и в этой области Вьетнам также оставался зависимым, причем добровольно зависимым от своего старого хозяина. Такое положение сохранялось вплоть до XIX века.

Династия Ли, так же как и династия Чан, регулярно посылала императору Китая символическую дань: слитки золота, слоновые бивни, корицу и другие ценные продукты — в обмен на инвеституру, которую соглашался им даровать Пекин. Эта «дань», которая совмещалась с бдительным поддержанием политической независимости страны, в действительности подчеркивала значительную общность интересов, существовавшую между феодальными правителями Вьетнама и Китая.

Вьетнамская средневековая монархия продолжала одновременно свое «продвижение на юг» (*нам-тиен*), которое, впрочем, было начато еще до окончания китайской оккупации. Продвигаясь на юг, вьетнамцы столкнулись с тямами. Тямы, пришедшие, вероятно, с южных морей, но подвергшиеся сильному влиянию индийской культуры, обосновались на узких скалистых берегах Вьетнама; они также были опытными земледельцами — их большие плуги с железными лемехами и огромные двенадцатиметровые приспособления для перекачивания воды, используемые для орошения, сохранились до наших дней у вьетнамцев района Турана и Куанг-нгая. Их дворцы и храмы с высокими башнями в индийском стиле еще и в настоящее время величественно высятся на побережье Южного Аннама, в местах, где, по всей вероятности, были расположены их древние столицы.

Но тямское общество в отличие от феодального Вьетнама было обществом рабовладельческим. Немногочисленные тямские аристократы были настоящими работорговцами; они жили грабежами и набегами, которые совершали на берега соседних стран. Следовательно, столкновение между двумя противниками было неизбежным: тямских пиратов, искавших добычи, привлекали цветущие поля северной дельты. Вьетнамские феодалы со своей стороны без всякого труда вовлекали своих безземельных крестьян в ответные походы, которые скоро превратились в завоевательные набеги.

Начались непрекращающиеся войны, которые продолжались около шести столетий и завершились полным уничтожением тямского государства. Его гибели, несомненно, способствовал его рабовладельческий строй. В X веке король Ле-Хоан отбил наступление тямов и организовал карательную экспедицию против города Индрапура — вражеской столицы, которую он разграбил в 982 году. В 1069 году тямы были отброшены приблизительно до семнадцатой параллели, а в 1306 году вьетнамцы достигли района Турана. Однако в XIV веке тямский король Те-бонг-Нга, воспользовавшись династическими распрями, ослаблявшими династию Чан на закате ее могущества, попытался перейти в контрнаступление. В1371 году он захватил и разграбил Ханой. Но этот успех был непродолжительным: в XV веке вьетнамцы взяли блестящий реванш.

Уже тогда вьетнамские крестьяне, поощряемые мандаринами,

проникали в завоеванные при династиях Ли и Чан районы, поднимали там целину и засевали рисовые поля.

Это продвижение на юг не являлось радикальным решением крестьянской проблемы, тем более что в районах, завоеванных у тямов, монархия ввела ту же феодальную структуру, что и в долинах севера, раздав земли принцам и мандаринам. По всей стране крестьяне продолжали нести всю тяжесть феодальных повинностей, реквизиций, военной службы, налогов. Их постоянная враждебность к феодалам проявлялась не только в традиционных шутках и поговорках, как например в приводимой ниже, в которой говорится о невозмутимом спокойствии паромщика, от которого нетерпеливый мандарин требует исполнения повинности:

Мандарин спешит,
Народу же спешить некуда.
Если мандарин спешит,
То пусть бросится в воду
И вплавь продолжает свой путь.

Эта враждебность принимала также, и очень часто, форму настоящих организованных восстаний. Летописи, в которых перечисляется большое число восстаний, приводят в качестве основных причин, вызывавших эти восстания, — войны, голод, засуху. Да и нельзя было ожидать, чтобы мандарины, составлявшие эти летописи, обвиняли в этом феодальный режим страны, который был им самим выгоден. Серьезные волнения отмечались, например, в 1290 году после ужасной засухи, которая совпала с монгольским нашествием. Волнения происходили также и в 1343 году.

В году *Кань-зан* (1290)... в королевстве свирепствовал голод, каждая мера риса стоила лигатуру. Многие люди были вынуждены, чтобы добыть денег, продавать свои рисовые поля и даже своих детей — сыновей и дочерей. Король согласился даровать отсрочку по всем налогам и приказал раздавать милостыни.

В году *Кюи-ви* (1343)... пятый и шестой месяцы были засушливыми. Король своим указом снизил наполовину подушный налог с населения. Поскольку во втором месяце урожай погиб, голодное население объединялось в банды, занимавшиеся грабежом [1].

Особенно интересно, что во главе этих крестьянских восстаний стояли буддийские или таоистские [2] бонзы. В противоположность официальному конфуцианству, которое стояло на страже установленного порядка и являлось доктриной феодалов и мандаринов, эти религии, по своему содержанию более народные и также

---

[1] E. Chassigneux, L'Irrigation dans le delta du Tonkin. Paris, 1912.

[2] Таоизм (даосизм) — одна из трех распространенных в Китае религий (наряду с конфуцианством и буддизмом); проповедует покорность и смирение. Обряды таоизма основаны на суевериях, магии и заклинании духов. Основоположником философского даосизма является Лао-Цзы, религиозного — Чжан Дао-лин. — *Прим. ред.*

заимствованные из Китая, служили выражением социального недовольства [1]. Так, например, в 1142 году жрец Тхан-Лои пытался провозгласить себя королем. В 1391 году крестьянские отряды во главе с жрецом Шу-Он атаковали Ханой — столицу династии Чан.

Эти крестьянские волнения представляли могучую силу, но они были стихийными, неорганизованными. Честолюбивым генералам, недовольным принцам королевских семей легко удавалось использовать эти волнения в своих интересах и, таким образом, привлечь на свою сторону большие силы. Именно этим объясняется крайняя неустойчивость вьетнамской монархии в средние века. Таков неприглядный, но прочный холст, по которому летописи рисуют красочные картины вьетнамской истории. В накаленной и жестокой обстановке, которая напоминает обстановку в Англии в период войны Алой и Белой розы и обстановку во Франции в период последних Валуа, во вьетнамских летописях стали все чаще встречаться описания насильственных отречений от трона, случаев убийств малолетних королей или принудительного замужества принцесс, преступной борьбы враждующих братьев, зверских убийств целых княжеских семейств, беспокойных периодов регентства, соперничества между министрами и узурпации ими власти.

Эти красочные, но утомительные своим однообразием описания становятся понятными, если принимать во внимание роль многотысячных крестьянских масс, готовых пойти за любым честолюбцем, восставшим против существующей власти. Именно их вмешательство решило, например, в XIII веке судьбу династии Ли, свергнутой министром Чан-тху-До, или борьбу между членами династии Чан в конце XIV века, борьбу, которая явилась причиной китайского вторжения в 1407 году.

Несомненно, всю политическую историю средневекового Вьетнама следовало бы пересмотреть под этим углом зрения. Авторы большинства старых и современных работ довольствуются тем, что вслед за королевскими летописями перечисляют дворцовые перевороты и династические кризисы, не стараясь объяснить причины их возникновения. Очень мало историков, которые пытались если не разрешить, то по крайней мере поставить эту проблему. К ним можно отнести аббата Лонэя, работа которого опирается на документы католических миссионеров, тесно соприкасавшихся с крестьянством, или широко эрудированного историка Шрайнера.

> Вообще летописцы рассказывали о распрях и поступках великих людей, о войнах с соседними королевствами, но вовсе не интересовались народом.
>
> Нам трудно восполнить этот пробел. Однако вьетнамский народ существовал, он страдал... он принимал свою

---

[1] По этой же причине крупными крестьянскими восстаниями средних веков в Китае, как например крестьянским восстанием «желтых тюрбанов» или восстанием «красных бровей», руководили таоистские жрецы.

судьбу, не слишком жалуясь. Иногда, однако, недовольные бежали в горы и занимались грабежами; они нападали на деревни и забирали все, что попадалось. Только тогда летописцы, кажется, вспоминали о народе, гнев которого, как всегда, находил выражение в кровавых действиях, грабежах и жестокостях [1].

Остается удивляться, видя с какой непосредственностью народ склонялся то на сторону одного, то на сторону другого претендента на власть. После того как мы рассмотрели политические институты дальневосточных стран, для нас понятны причины дворцовых переворотов: соперничество мандаринов... Но не понятно, почему массы с такой легкостью поднимались на войну... Нет ли в этом социальных причин, которых мы не замечаем?

Там, как и всюду, имелся реакционный класс и класс, не имевший ничего и готовый на все. Организация деревень указывает нам на существование огромной массы людей, которые не пользовались в общине никакими правами, разве только правом на жизнь, но несли большое число обязанностей. Это был, конечно, огромный резерв неимущих, стремившихся к улучшению своего положения и готовых также идти на любой риск, поскольку им нечего было терять [2].

Тесные отношения с Китаем, от которого, впрочем, держались на почтительном расстоянии, продвижение на юг, непрекращающиеся крестьянские восстания, которые часто удавалось использовать честолюбцам, — все эти явления еще не дают полной картины средневекового Вьетнама. Феодальная монархия должна была определить также свое отношение к народностям, населявшим горы и соседние плато.

Что это за народы? К мои, населявшим плато Центрального Вьетнама, наиболее древним обитателям Индокитая, к мыонгам, населявшим южные холмистые районы дельты и родственным древним вьетнамцам, присоединились новые пришельцы — тхаи. Выходцы из Южного Китая, они закончили к XIV веку свою вековую миграцию. Одни из них обосновались в Сиаме, другие основали в Лаосе большое королевство Лан-санг, остальные ветви того же народа: тхо, нунг, белые и черные тхаи, именуемые так по цвету их одежды, — поселились в Верхнем и Среднем районах Тонкина [3]. Все отличает эти народы от вьетнамцев: их высокие хижины на сваях совершенно не похожи на соломенные хижины

---

[1] Launay, Histoire ancienne et moderne de l'Annam, Paris, 1884.

[2] A. Schreiner, Abrégé d'histoire d'Annam, Saigon, 1906.

[3] В этот период этнический состав Вьетнама в общих чертах уже определился. Он изменился только в XVII веке с появлением небольших групп *манов* (по-китайски — *яо*), пришедших из Гуандуна, и с приходом *мео* (по-китайски — *мяо-цзэ*) из Сычуаня в конце XVIII века.

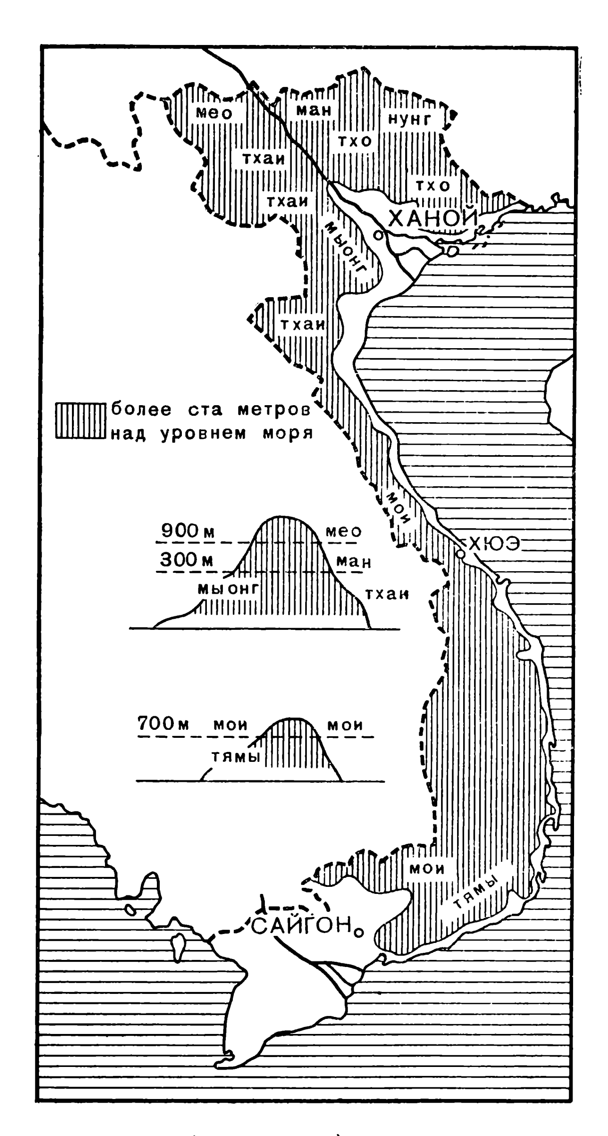
района дельты, обнесенные бамбуковой изгородью; вместо соломенных шляп конической формы, как у крестьян на рисовых полях, они носят (по крайней мере женщины) нечто вроде больших вышитых тюрбанов; их методы обработки земли отличны от вьетнамских; и еще в большей степени отличается их политическая организация: у этих народностей, разделенных на враждующие племена, отсутствует прочная политическая основа, которую китайский режим и конфуцианство придали в районе дельты вьетнамскому феодальному строю.

Между этими народностями и армиями вьетнамской монархии также были неизбежны столкновения. Рисовые поля равнинных районов подвергались налетам горных племен. Вьетнамцы со своей стороны не в меньшей степени хотели навязать этим народностям свой сюзеренитет. Это диктовалось превентивными мерами обороны и в то же время стремлением завладеть горными и лесными богатствами этих районов (ценной древесиной, корицей, слоновой костью, рудой). Многочисленные военные походы постепенно позволили династии Ли, а затем династии Чан подчинить этих беспокойных соседей и легко прибрать к рукам богатства их земли. Таким образом, Вьетнам стал многонациональным государством, государством, в котором этнические меньшинства полностью подчинены феодальным правителям господствующей национальности.

Горные народности не мирились с этим игом. Среди многочисленных восстаний, о которых рассказывают летописи, можно, например, отметить восстание мыонгов в 1029 году, восстание нунгов на севере в 1038 году, еще одно восстание мыонгов в 1300 году, восстания тхо в 1351 году в районах Ланг-шон и Тхаингюен.

* * *

В начале XV века вьетнамская монархия прошла еще через один из династических кризисов, которые периодически ее поражали. Узурпатор Хо-кюи-Ли сверг династию Чан. Его правление было жестоким — он увеличил налоги и сроки военной службы. Этим благоприятным обстоятельством воспользовался знаменитый Юн Ло, император китайской империи Мин, которая сменила монгольских оккупантов и находилась тогда в полном расцвете. В 1407 году его армия вторглась в Северный Вьетнам по двум историческим путям: через «Ворота в Китай» и проход Лао-кай. Юн Ло сверг узурпатора Хо и установил непосредственно китайскую власть. Начался новый период китайской оккупации, который, кажется, оставил о себе худшую память, чем первый. Были введены тяжелые налоги и повинности, разрушены библиотеки, хищнически эксплуатировались рудники, соляные копи и леса, и вся продукция вывозилась в Китай; по всей стране шла вербовка солдат, деревни находились под строгим надзором.



Размещение (современное) основных национальных меньшинств на территории Вьетнама

Размещение национальных меньшинств на деле обстоит гораздо сложнее, чем это отражено на карте, так как в каждом районе различные народности расселены на различной высоте над уровнем моря. Так, например, мео и маны, позже других пришедшие в страну, занимают самые высокие районы.

Крестьяне, которые несли на себе основную тяжесть оккупации, стали зачинателями нового освободительного движения. В провинциях Тхань-хоа и Нге-ан — районах, издавна населяемых бедным крестьянством,— вспыхнуло стихийное сопротивление китайским гарнизонам. Эти районы впоследствии стали очагом многих других движений.

В те времена тайно распевались куплеты, сохранившиеся в форме народных сказаний, которые призывали всех присоединяться к восставшим:

Путь в провинцию Нге-ан светлый,
светлый,
Горы Нге-ана голубые и воды
серо-зеленые, как на картине.
Пусть каждый идет в Нге-ан!

В 1418 году во главе движения стал Ле-Лой, богатый землевладелец, который, согласно преданию, был бедным рыбаком. В одной легенде рассказывается, что однажды, когда он забросил свои сети в озеро в Ханое, то вытащил не рыбу, а прекрасный меч, клинок которого излучал свет. В этот момент он услышал божественный голос. Он тщательно спрятал меч и приступил к подготовке народного восстания. Объединив вождей отрядов, которые до тех пор вели борьбу в основном изолированно друг от друга, Ле-Лой набрал добровольцев и начал партизанскую войну против оккупантов, результаты которой очень скоро сказались. Разгромив около Ланг-шона китайское подкрепление, он освободил в 1427 году Ханой. Согласно преданию, Ле-Лой собирался тогда принести жертву духу озера, в котором он некогда рыбачил. Но когда его свита прибыла к озеру, все увидели, как меч Ле-Лоя сам вылез из ножен и превратился в дракона нефритового цвета, который бросился в воды озера. Это озеро с тех пор получило название «Озеро меча» (Хоан-кием)[1].

Для крестьян, которые поддерживали Ле-Лоя, борьба против оккупантов, против поборов, налогов и реквизиций сливалась с борьбой, которую они во все времена вели против любого вида феодальных налогов, реквизиций, податей. Именно поэтому они так самоотверженно включались в борьбу за освобождение. Однако Ле-Лой использовал победу только в своих личных интересах. Если сначала он вел борьбу от имени старых суверенов Чан, то в 1428 году он провозгласил себя королем под именем Ле-тхай-То и основал династию Ле. Восстание крестьян, таким образом, лишь способствовало укреплению старого, феодального режима.

Задача, которой отныне посвятили себя Ле-Лой и его мандарины, а после него Ле-тхань-Тон (1460—1497), самый могущественный король династии Ле, заключалась в восстановлении и укреплении старого феодального режима. Необходимо было защитить привилегированный класс от крестьянских волнений, ко-

---

[1] Хоан-кием по-вьетнамски означает озеро «Возвращенного меча». — *Прим. ред.*

торые стали тем опасней, что крестьяне в ходе победоносной борьбы против китайских императорских войск осознали свою силу.

Ле-Лой, так же как и короли династии Чан до него, щедро раздавал земли тем, кто помог ему прийти к власти. Ле-тхань-Тон в свою очередь как повествует летопись, «жаловал мандаринам крупные земельные владения на содержание и на расходы, связанные с отправлением культа». Монархическая администрация, постоянным центром которой в это время был Ханой, восстанавливалась на старых основах: были восстановлены конкурсы, проводимые каждые три года для пополнения рядов мандаринов, и император Ле-тхань-Тон, будучи сам видным конфуцианским ученым, лично председательствовал на них в 1466 году. Была укреплена налоговая система, налоговые реестры по решению того же Ле-тхань-Тона регулярно, каждые три года, пересматривались, причем мандарины и ученые, разумеется, были освобождены от налогов. Таким образом, после народного натиска периода войны за освобождение старые узы, некогда опутывавшие крестьянские массы, стали затягиваться вновь.

Кодекс законов, который принял Ле-тхань-Тон, являлся важным элементом в этом восстановлении феодального режима. Он позволял ещё более строго, чем плохо согласованные декреты династий Ли и Чан, регламентировать социальные отношения при помощи хорошо разработанных и эффективных законов. Этот кодекс, составители которого руководствовались китайскими кодексами средних веков, был призван прежде всего защищать существующий строй. Он предусматривал самые жестокие наказания (ссылку или смертную казнь) за «десять тяжких преступлений», среди которых значатся «бунт», «крупный бунт» (разрушение храмов и могил предков монарха), измена, «мерзкий бунт», «уклонение от обязанностей» (отказ от послушания трем основным столпам феодальной монархии: чиновнику, которому должны подчиняться, учителю, который обучает, офицеру, который отдает приказания).

Правосудие начала средних веков, еще совсем примитивное, было заменено точной градацией наказаний. Каждое из пяти наказаний: избиение розгами, избиение палками (*чыонг*), отдача в рабство, ссылка, смертная казнь — в свою очередь подразделялось в зависимости от серьезности проступка: удары — по их числу, отдача в рабство — по сроку, ссылка — по отдаленности расстояния, даже смертный приговор подразделялся по назначаемому способу казни (повешение, обезглавливание или медленная смерть) [1]. К этой градации наказаний прибегали как для урегули-

---

[1] Ссылка считалась более тяжелым наказанием, чем временное рабство, так как она лишала осужденного возможности совершать ритуальные жертвоприношения предкам в родной деревне. Обезглавливание или особенно медленная смерть (постепенное разрубание на части еще живого осужденного) считались более тяжелыми наказаниями, чем повешение, так как при повешении тело оставалось целым и душа могла обитать в нем после смерти.

рования всевозможных споров, так и для наказания правонарушителей и преступников.

Следовательно, кодекс укреплял старый режим. В нем, конечно, можно встретить и меры, направленные против привилегированных классов: наказание снижением в чине или отдача в рабство (статья 371), применяемые против мандаринов и людей из народа, которые захватывали земельные площади более значительные, чем те, которыми они имели право владеть; наказание снижением в чине (статья 364), применяемое против «благородных и могущественных лиц, которые силой и самовольно захватывали рисовые поля, жилища, пруды и водоемы, принадлежавшие жителям высоких званий». Однако эти статьи, разоблачавшие столь частые в те времена лихоимства феодалов, имели своей целью только предотвращение некоторых индивидуальных злоупотреблений, которые могли бы угрожать безопасности режима, но они нисколько не затрагивали сам режим.

Восстановление феодального режима, проводившееся Ле-Лоем и Ле-тхань-Тоном, не могло не сопровождаться восстановлением старых связей с Китаем, с которым они оставались полностью солидарными, так же как и династии Ли и Чан до них. Они продолжали опираться на китайскую систему правления, чтобы держать крестьян в повиновении. Сам Ле-Лой, который отразил нашествие армии империи Мин, тем не менее вновь послал китайцам трехлетнюю дань почтения, чтобы получить в обмен инвеституру, пожалованную ему его недавними врагами. Актом политической мудрости может служить тот факт, что первую дань составили отлитые из золота статуи двух китайских генералов, павших во время освободительного движения... Китайский язык по-прежнему оставался официальным языком; именно на китайском языке по приказу Ле-тхань-Тона составлялись летописи истории.

Монархов династии Ле в XV веке занимали также вопросы укрепления дамб и развития сельского хозяйства. В кодексе самым подробным образом говорилось о содержании и укреплении дамб: эти работы возлагались на военнослужащих, население соседних деревень и лиц, несших трудовую повинность (статьи 181—182). Кодекс определял даже дату начала работ: десятый день второго месяца (февраля) и дату их завершения (максимум два месяца после начала работ). Ле-тхань-Тон создал также институт инспекторов по наблюдению за дамбами.

> В год *Зяп-нго* (1474), — говорится в летописях, — король учредил должность *ха-зе-куана* для надзора за работами на дамбах и должность *кхюен-нонга,* обязанностью которого было призывать народ к развитию сельского хозяйства. Далее король приказал главам *фу* и *хюенов* [1] раз-

[1] *Фу* и *хюены* — административные единицы, из которых состояли провинции. — *Прим. ред.*

личных провинций сообщать *ха-зе* и *кхюен-нонгу* сведения о рисовых полях, которые обычно имели достаточно воды для урожая пятого месяца. После сезона дождей эти два чиновника должны были произвести осмотр этих земель и заставить народ сооружать земляные насыпи, чтобы задержать воду, необходимую для урожая пятого месяца [1].

Кроме того, король Ле-тхань-Тон пытался стимулировать развитие сельского хозяйства и обеспечить землей безземельных крестьян, неизменных участников всех восстаний. Он требовал, чтобы ему сообщали о всех необрабатываемых землях, обязывал каждого землевладельца обрабатывать свою землю, широко жаловал свободные или заброшенные земли всякому, кто просил об этом. Он заставлял также прорывать каналы, строить дороги, разрабатывать новые рудники, развивать шелководство.

Эта реорганизованная вьетнамская монархия теперь была в состоянии возобновить политику экспансии в южном и западном направлениях, начатую еще при династиях Ли и Чан. Были укреплены армия и флот, и король Ле-тхань-Тон сам составил положение о морской тактике. В 1471 году Вижая, южная столица, где тямы обосновались после потери ими Индрапуры в XI веке, была взята штурмом, и 40 тысяч человек было вырезано. Побежденные были оттеснены до мыса Варелла, на 400 километров к югу от той территории, которую они занимали в период расцвета своего могущества. Тямская монархия исчезла, уступив место небольшим княжествам, которые были вынуждены платить вьетнамцам дань [2].

В завоеванных районах селились безземельные крестьяне. Ле-тхань-Тон разделил эти районы на сорок два *дон-диена* — своего рода военные колонии, которые должны были выполнять три функции: служить местом поселения для недовольных, увеличивать производство сельскохозяйственной продукции и защищать вновь завоеванные территории. Незадолго до того, как был предпринят этот новый шаг на пути продвижения на юг, вьетнамский король пытался установить протекторат над Лаосом.

Царствование первых монархов из династии Ле было в то же время периодом расцвета литературы. Ле-тхань-Тон сам был страстным поклонником литературы; он окружил себя «академией двадцати восьми светил», в которую входили виднейшие поэты его двора. Один из видных генералов Ле-Лоя — маркиз Нгюен-Чай — был в то же время известным писателем своей эпохи. Нгюен-Чай оставил после себя поэмы и политические сочинения на китайском языке, однако он не пренебрегал писать и на национальном языке — *тьы-ном*. В своем небольшом сборнике правоучений, *Зя-хуан Ка* («Книга семейных наставлений»), он

---

[1] E. Chassigneux, L'Irrigation dans le delta du Tonkin.

[2] В XVII—XVIII веках эти княжества полностью растворились во вьетнамском государстве; но еще и в настоящее время на побережье к югу от Ня-чанга проживают несколько десятков тысяч тямов.

пытался простым, а иногда даже вульгарным языком возродить у крестьян дух порядка и дисциплины. В этот же период стали сооружаться храмы, пагоды и королевские дворцы в изящном стиле. В эпоху, когда Франция едва оправлялась от Столетней войны, когда Англия переживала ожесточенную войну Красной и Белой розы, Вьетнам при первых монархах династии Ле представлял собой уже далеко не варварскую страну. И вовсе не для того, чтобы принизить изысканную средневековую вьетнамскую культуру, мы подчеркиваем ее феодальный и бюрократический характер. Мы делаем это для того, чтобы показать, что крестьянские массы не имели доступа ни к этим дворцам, ни к этой дворцовой литературе, между тем как сооружению этих дворцов и расцвету этой литературы способствовали налоги, взимаемые с крестьян.

Но является ли, однако, XV век — период величия вьетнамской монархии и в особенности период энергичной реставрации старого социального и политического строя — «золотым веком», как представляют его средневековые летописцы и современные историки из числа «умеренных националистов» [1]? По-видимому, попытка идеализировать царствование Ле-Лоя и Ле-тхань-Тона отвечает совершенно определенной цели: усилить лояльность населения, распространить идею, будто старый режим может удовлетворительно функционировать при условии, если во главе государства стоит достойный монарх. Примерно то же наблюдалось во Франции, где память о «добром короле Генрихе», который восстановил порядок после смутного периода религиозных войн, заставила французских крестьян примириться со старым режимом феодального абсолютизма Людовика XIV и Людовика XV.

Эта идеализация учеными последующих веков царствования первых монархов династии Ле, ставшая возможной ввиду того, что память о них связывалась с изгнанием китайских армий, впрочем, дала свои результаты. Династия Ле стала популярной и в противоположность династиям Чан и Ли не была свергнута по крайней мере до конца XVIII века. Честолюбивые вьетнамские генералы, как например Чини в XVII веке, довольствовались установлением опеки над ней и всегда остерегались править от своего имени. Но соответствовал ли действительности этот идеал, эта искусно поддерживавшаяся легенда? Сомнительно, так как «Великий век» Ле-Лоя и Ле-тхань-Тона имеет свою оборотную сторону.

Восстания этнических меньшинств — тхо и нунгов, тхаи и

---

[1] Историк Нгюен-ван-Кюэ, друг лидера монархистов Чан-чонг-Кима, писал в 1932 году о Ле-тхань-Тоне: «Этот король самый великий из всех в истории Аннама. Заботясь о выполнении своих королевских обязанностей, он сам, не сознавая того, сделал свою монархию конституционной и демократической... Хороший король и хорошие мандарины... Это самое лучшее из правлений» (Nguyen-van-Que, Histoire des pays de l'Union indochinoise, Saigon, 1932).

мыонгов — были столь же многочисленны в XV веке, как и в начале средних веков. Навязанный им протекторат и дань правительству Ханоя, были для них всегда очень тяжелым бременем. Так, например, только за десять лет, прошедших с основания династии Ле, с 1430 по 1440 год, произошло пять восстаний мыонгов, два восстания тхо в Тиен-куанге и Тхай-нгюене (Средний район Северного Вьетнама, к северу от дельты), восстание нунгов и тхо в Ланг-шоне. В самом районе дельты после смерти Ле-тхань-Тона крестьянские восстания возобновились с прежней силой. В 1516 году в провинции Хай-зыонг, у самых ворот Ханоя, вспыхнуло восстание под руководством жреца Чан-Као, который выдавал себя за одно из воплощений Будды, одевался в черное и заставлял брить головы своим солдатам.

Реставрация феодализма в XV веке, несмотря на всю свою полноту, не достигла, однако, и не могла достигнуть окончательного подчинения крестьян дельты и навязать монархический порядок народностям, населявшим горные районы. Дело Ле-Лоя и Ле-тхань-Тона было недолговечным. Когда на горизонте появилась невиданная угроза — первые корабли иностранцев, феодальный Вьетнам не смог выдержать нового потрясения.

Глава III

ВРАЖДУЮЩИЕ ФЕОДАЛЫ, МЯТЕЖНЫЕ КРЕСТЬЯНЕ И УСЕРДСТВУЮЩИЕ ЕВРОПЕЙЦЫ (XVI—XVIII века)

В 1558 году высокопоставленный мандарин Нгюен-Хоанг был сослан на побережье Центрального Аннама с титулом губернатора провинций юга: семья Чинь, самая могущественная при ханойском дворе, хотела таким путем избавиться от своего опасного противника. На первый взгляд это всего лишь незначительный эпизод феодального соперничества, многочисленные примеры которого уже дал средневековый Вьетнам, на самом же деле этот эпизод повлек за собой самые серьезные последствия.

Нгюены, отстраненные таким образом от двора, направили свои честолюбивые помыслы в другом направлении: они, не колеблясь, пошли на отделение и создали на юге фактически совершенно независимое княжество. Единство Вьетнама, укрепленное в средние века в борьбе против китайских вторжений, а также поглощением тямских территорий во время исторического продвижения на юг (*нам-тиен*), было нарушено. Два вьетнамских государства стали враждующими сторонами; между ними шли братоубийственные войны, вся тяжесть которых ложилась на народ, *зан*, на крестьянские массы.

Нгюены и Чини, эти два феодальных дома, которые в течение более трех столетий играли первую роль на политической арене Вьетнама, впрочем, не всегда были врагами. Несколькими годами раньше они вместе оказали помощь монархии Ле, которой в то время угрожал узурпацией генерал Мак-данг-Зунг, бывший рыбак, пытавшийся в 1527 году основать в Ханое свою династию. Те и другие стремились к верховной власти, прикрываясь династией Ле, власть которой ослабевала, но популярность которой не позволяла свергнуть ее открыто. Чини, избавившись, как уже говорилось, от своих соперников Нгюенов, очень скоро подняли свой престиж, отвоевав в 1593 году у узурпаторов Маков Ханой.

В Ханое они являлись полными хозяевами. Только ради удобства они сохраняли монархию Ле. Во время правления Чиней, вплоть до их падения в 1786 году, сменилось пятнадцать

«праздных королей» Ле, которые продолжали давать своё имя годам календаря и получать из Пекина инвеституру в обмен на традиционную дань. Но потомок Ле-Лоя, *вуа* (король), был вынужден официально уступить управление государством главе семьи Чинь, *тюа* (сеньору). *Вуа* и *тюа* во время официальных церемоний всегда ехали рядом на своих почетных слонах.

Однако власть дома Чинь ограничивалась фактически Тонкином и прибрежными равнинами Северного Аннама. Она кончалась около Донг-хоя, на широте семнадцатой параллели, о которой несколько веков позднее вновь зайдет речь. Дальше простиралось княжество Нгюенов. В Хюэ, вскоре избранном столицей, была создана другая центральная администрация по образцу ханойской. Нгюены с помощью ученых, находившихся под их покровительством и последовавших в 1558 году в ссылку за Нгюен-Хоангом, организовали в свою очередь собственные литературные конкурсы, чтобы иметь возможность набирать своих мандаринов.

Но ни один, ни другой из противников не считали окончательным этот раскол. Причиной этого, безусловно, были феодальное честолюбие и желание как тех, так и других контролировать и иметь возможность эксплуатировать более обширную территорию, а также патриотические настроения народа, который связывал с династией Ле-Лоя свои воспоминания об утраченном единстве страны. «Освободите династию Ле!» — таков был лозунг Нгюенов. Они пытались получить согласие своих подданных на ведение длительных войн против семьи Чинь, прельщая их перспективой освобождения законной династии от узурпации *тюа*. Со своей стороны Чини, предпринимая против Нгюенов одно наступление за другим, заявляли, что они действуют только от имени своего монарха, *вуа*, с единственной целью восстановить целостность его владений.

Однако полный разрыв между двумя противниками наступил не сразу; Нгюенам прежде всего необходимо было укрепить свое молодое княжество. Но, когда в XVII веке они почувствовали себя достаточно уверенно, чтобы отказаться от всяких уступок Чиням, началась война, которая продолжалась около пятидесяти лет. В период между 1627 и 1672 годами наступления Чиней следовали одно за другим, одновременно с суши и с моря. Самые упорные битвы происходили к югу от Аннамского прохода, где Нгюены, воспользовавшись узостью прибрежной равнины, построили большую «Донгхойскую стену» и укрепили ее артиллерией. Противники располагали большими военными силами: Чини выставили до 100 тысяч человек, 500 боевых слонов, 500 больших военных джонок, тогда как Нгюены, власть которых распространялась на менее населенную территорию, снарядили 40 тысяч солдат. Содержание этих армий обходилось очень дорого и было возможно только за счет увеличения налогов.

Каждый пытался использовать с выгодой для себя недовольство налогоплательщиков своего противника:

> Ваши начальники роют глубокие рвы, — говорилось в воззвании Чиней к подданным Нгюенов, — они воздвигают высокие стены. Именно для этого они облагают тяжелыми налогами, изнурительными податями, угнетают народ. Они заставляют вас взять в руки копье и меч, забросить изучение книг и отправление обрядов. Если вы покоритесь нам, налоги будут уменьшены и бремя, которое несет народ, будет облегчено [1].

Но атаки Чиней были отбиты одна за другой, и после кампании 1672 года они отступили. Победу одержали Нгюены, так как они хотя и не сумели «освободить династию Ле», но заставили уважать свою независимость. Победа была достигнута потому, что многие факторы действовали в пользу сеньоров Юга.

Чини почувствовали себя далеко не уверенно в своем государстве. В горах продолжались волнения народностей тхо и тхаи. Вьетнамские феодалы ловко использовали партикуляризм этих народностей для создания небольших, практически независимых княжеств. Например, феодальный род Во в течение сорока семи лет был полным хозяином района Тюен-куанг; род Маков, изгнанный из Ханоя в XVI веке после поражения Мак-данг-Зунга и его сыновей, опираясь на племена тхо в районе Као-банга, создал там свое государство, которое просуществовало до 1692 года. Китай пожаловал ему даже инвеституру, чтобы иметь возможность оказывать политический нажим на Чиней; кроме того, это диктовалось заботой о китайских купцах, которые широко эксплуатировали в то время рудные богатства этих горных районов.

Чини не чувствовали себя в безопасности и перед лицом своих подданных, проживавших на равнине. Но не только тяжелые налоги на военные нужды были причиной крестьянских восстаний, которые в течение веков потрясали район дельты. Как и раньше, непосредственным поводом, если не причиной этих восстаний были стихийные бедствия:

> В году *Бинь-тхан* (1596 году)... вследствие сильной засухи летний урожай полностью погиб. Вся трава высохла, все водоемы и пруды иссякли; деревья не принесли плодов. Появилось множество воров и пиратов; они собирались большими бандами в семьсот-восемьсот человек, чтобы днем и ночью грабить деревни. Все сухопутные дороги и водные пути были перерезаны ими. Большое количество жителей вынуждено было покинуть свои деревни [2].

Княжество же Нгюенов, напротив, не сталкивалось с подобными внутренними трудностями. Согласно удачному выражению

---

[1] Masson, Histoire de l'Indochine.
[2] E. Chassigneux, L'Irrigation dans le delta du Tonkin.

историка Нгюен-ван-Кюэ, «оно было избавлено от ударов в спину и волнений в тылу». Действительно, горы, которые окружали княжество, были населены отсталыми племенами мои, гораздо менее предприимчивыми, чем тхаи или тхо, и княжеству не угрожало ничего, что в какой-либо степени могло сравниться с угрозой, которую представляли для Чиней нападения Маков или интриги китайцев. Крестьянский вопрос на территории Нгюенов также стоял менее остро: «граница», открытая на юг, в сторону почти незаселенных долин Меконга, являлась постоянной отдушиной для наиболее бедных слоев сельского населения, отдушиной, которой север был лишен.

Наконец, необходимо иметь в виду, что государство Нгюенов представляло собой общество более нового типа, в котором было много искателей приключений и предприимчивых людей, вроде тех, кто построил «Донгхойскую стену». Конфуцианские и консервативные традиции там были менее сильны. Порты княжества Нгюенов, в особенности Фай-фо, являлись активными центрами торговли с Филиппинами и Сиамом, Японией и Южным Китаем. Японцы, эти настоящие «морские извозчики» Дальнего Востока, имели в Фай-фо свой привилегированный квартал, «концессию», куда, используя муссон, они привозили продукты из соседних районов.

> Из Кантона японские джонки, — по словам Томаса Боуира, субрекарга британской Ост-Индской компании, — привозили сапеки [1], которые приносили им большие прибыли, а также набивные шелка различных сортов, китайские фарфоровые изделия, чай, тутенаг (сплав меди, цинка и железа), ртуть, имбирь и различные аптекарские товары.
>
> Из Сиама — бетель, саппановое дерево, лак, перламутр, слоновые бивни, олово, свинец, рис.
>
> Из Батавии [2]— серебро, сандаловое дерево, бетель, грубый коленкор красного и белого цвета, киноварь.
>
> Из Манилы — серебро, серу, саппановое дерево, кори (раковины, используемые в качестве денег), табак, воск, сухожилия, лаки и т. д.
>
> Из Кохинхины [3] доставляли золото, железо, грубые и узорчатые шелка... орлиное дерево, сахар, ласточкины гнезда, шкуры, хлопок.

В этих портах зарождались элементы новой социальной жизни, например торговая буржуазия, которая, несомненно,

---

[1] Во время правления династии Нгюенов основной денежной единицей Вьетнама был сапек (по-вьетнамски — *донг*). 600 сапеков составляли лигатуру (*куан*). — *Прим. ред.*

[2] Батавия — старое название индонезийского города Джакарты. — *Прим. ред.*

[3] Напомним, что в XVII веке европейцы называли так Центральный Вьетнам («Аннам» колониального периода).

очень активно поддерживала Нгюенов. Мандарины юга оказывали самый доброжелательный прием европейцам, которые в конце XVI века появились во вьетнамских водах; оружие, которое они у них покупали, компенсировало их слабость в количественном отношении. Они привлекали также иностранных «техников», как например португальского метиса Жоао де ла Круз, создавшего в начале XVII века около Хюэ мастерскую по литью пушек.

* * *

Чини в этот период отказались от своих планов покорения Нгюенов; в течение более века оба вьетнамских княжества жили каждое своей собственной жизнью.

Не сумев уничтожить своих противников на юге, сеньоры севера старались по крайней мере укрепить свою власть на собственной территории. Они уничтожили отколовшиеся от них княжества рода Во, а затем Маков. В 1692 году был окончательно взят Као-банг. Они укрепили протекторат над Лаосом, навязанный ему еще раньше, и дань, которую король Вьентяна согласился в 1696 году платить, была далеко не символична: он должен был выплачивать четыреста слитков серебра, десять слонов, десять пар слоновых бивней, десять рогов носорога. Княжество Чиней, несмотря на то, что территориально оно было гораздо меньше государства Ле-Лоя и Ле-тхань-Тона, все же сохраняло облик великого государства. Его столица Ханой вызывала восхищение европейских путешественников XVII и XVIII веков.

> Город Ка-тё (Ханой), — пишет приблизительно в 1683 году английский метис Сэмуэл Барон, — может по своей территории сравниться со многими городами Азии; он превосходит большинство из них по количеству населения, особенно в первый и пятнадцатый день лунного месяца, которые являются рыночными днями, или днями большого базара, когда народ из соседних деревень со своими товарами стекается туда в невероятном количестве. Многие улицы, очень широкие и просторные, в эти дни настолько забиты народом, что редко удается в течение получаса продвинуться в этой толпе хотя бы на сто шагов...[1]

> Единственным городом, который, собственно, заслуживает это название, — считает аббат Ришар, — является Ке-тё или Ка-тё, столица королевства... Улицы Ке-тё широкие и красивые, вымощенные частично или полосами кирпичом, так как в этом городе оставляют немощеными проходы для лошадей, слонов, королевских экипажей и скота...

---

[1] S. Baron, Description du royaume du Tonkin («Revue Indochinoise», 1914).

Количество судов настолько велико, что очень трудно приблизиться к берегу реки. Наши реки и наши самые большие торговые порты, даже Венеция со всеми ее гондолами и судами, не могут дать представление о движении на реке Ке-тё и о населении в ее районе [1].

Однако основной проблемой оставалась феодальная проблема, проблема отношений между крестьянами и привилегированным классом, который жил за их счет. Чини были способны разрешить ее не больше, чем все их предшественники.

Война ложилась тяжелым бременем на *зан*, на крестьянство. Налоги были повышены и продолжали оставаться высокими даже после окончания больших экспедиций на юг; фискальная реформа 1723 года устанавливала выкуп за освобождение от трудовой повинности и от несения караульной службы, налог на добычу соли и другие налоги: на торговые суда, на рыбную ловлю. Одновременно был составлен новый земельный кадастр. В свою очередь наборы в армию отвлекали из деревень большое количество работоспособных мужчин, многие из которых не возвращались назад. Еще в XVIII веке непопулярность воинской службы вдохновила поэтессу Доан-тхи-Зием на создание знаменитого произведения — «Плача жены воина» («Тинь-фу-нгам»), который был переведен на вьетнамский язык с китайского текста одним из ученых.

...На большой стене звучит «там-там», сея тревогу в сердцах, но луна безучастно светит сквозь листья! Поднимается дымок кровавого цвета, прорезывая бледную ночь — зловещая змея и зловещий признак! О! На этом кончаются несколько мирных лет и начинаются превратности войны! Вновь надо надевать свою броню, говорить «прощай» своей семье и уходить в осеннюю непогоду!

...Господин мой, я скорблю о том, что я не ваша лошадь, не ваш сампан!
Вода течет, но она не смывает печали;
трава благоухает, но она не приносит сердцу успокоения.

В связи с обнищанием тонкинской деревни, причиной которого являлись войны, участились случаи захвата крестьянских земель богатыми, что широко отмечалось в законах начала XVIII века.

Начиная с этого дня богатые не смогут больше использовать уход крестьян из деревень и их бедность для захвата земли под видом покупки (*тиен-май*) и предоставлять убежище беглым крестьянам с целью использовать их в качестве батраков.

Но, по всей вероятности, эти декреты остались только на бумаге, так как Чини продолжали сами жаловать обширные земельные владения своим мандаринам и феодалам.

Король, — писал в XVIII веке, основываясь на расска-

---

[1] Richard, Histoire naturelle civile et politique du Tonkin, Paris, 2 vol., 1778.

зах миссионеров, аббат Ришар, — раздает часть своих земель чиновникам, их женам и даже детям, и эта раздача приняла значительные масштабы; он жалует им доход одного или нескольких селений, и, пока они пользуются им, они считаются их сеньорами и представителями короля по сбору налогов... Эти временные сеньоры являются тиранами, вымогательства которых еще более тягостны для народа, чем вымогательства государственных чиновников [1].

В то же время внутри общины нотабли и богатые крестьяне использовали обнищание населения для усиления своей власти над другими крестьянами и для захвата так называемых «общинных земель» *(конг диен)*. С 1669 года они добились права самим распределять между всеми членами общины налоги, в то время как правительство устанавливало только общую сумму налогов. Закон 1708 года пытался восстановить периодический передел земель *конг диен*, который, следовательно, перестал проводиться.

Таким образом, войны XVII века, плод феодального соперничества могущественных родов, привели к усилению феодальной эксплуатации крестьянства. Поэтому в XVIII веке вновь вспыхивают с еще большей силой восстания крестьян как на равнине, так и в горных районах. В письмах миссионеров постоянно упоминается об увеличении числа бродяг. Перепись 1725 года, а также результаты фискальной реформы 1723 года послужили причиной серьезного восстания. Несколько лет спустя, в 1740 году, крестьянские вожди Нгюен-Кы и Нгюен-Тюен возглавили восстание в провинции Хай-зыонг, старом районе крестьянских войн, расположенном в самом центре дельты. Нгюен-Кы, схваченный солдатами Чиней, был привезен в Ханой и подвергнут страшной казни — медленной смерти. Вьетнамская монархия защищалась с такой же жестокостью, что и французская монархия, казнившая почти в тот же период несчастного Дамьена...

Но уже в 1743 году Нгюен-хыу-Кау, один из соратников казненного вождя, возобновил борьбу в соседнем районе, в Бакнине. «*Грабя богатых и помогая бедным*, Нгюен-хыу-Кау всегда поступал разумно, был сильным и популярным» [2], — заявляет историк Кюэ, ссылаясь на древние летописи. Его сторонники, изгнанные из провинции Бак-нинь, продолжали борьбу в более удаленных районах, около Ха-донга, затем в провинциях Тхань-хоа и Нге-ан, которые также в течение многих веков являлись центрами мятежей. Бунтовщик Кау, который провозгласил себя «Великим защитником народа», был пойман только

---

[1] Richard, Histoire naturelle civile et politique du Tonkin, Paris, 2 vol., 1778.

[2] Nguyen-van-Que, Histoire des pays de l'Union indochinoise, Saigon, 1932.

в 1751 году, привезен в железной клетке в Ханой и казнен. Одновременно с ним был обезглавлен вождь народности тхо Нгюен-зань-Фыонг, который в течение нескольких лет руководил движением, имевшим место в тот же период на севере.

Члены семьи Ле, желавшие освободить свою династию от опеки Чиней, часто становились во главе этих крестьянских движений, пытаясь использовать их в своих интересах. Так, в течение около двадцати лет принц Ле-зюи-Мат возглавлял в Тхань-хоа и в Нге-ане своего рода партизанское движение, которое затем распространилось до лаосских границ. Преследуемый солдатами Чиней, он в 1770 году покончил жизнь самоубийством в своем убежище на плато Чан-нинь, сгорев со всей своей семьей на костре, под который он подложил порох.

Но крестьянские восстания были обречены на провал. Этим людям, привыкшим к тяжелому труду на рисовых полях, вполне доставало решимости, упорства, выносливости; они вновь и вновь поднимались против феодалов, мандаринов и нотаблей. Но их кругозор ограничивался деревней, самое большее провинцией, в которой они жили. Они могли противостоять королевским армиям в *отдельной* местности, но они не умели создать организацию, способную сломить весь монархический аппарат. К тому же им недоставало перспективы будущего. Век за веком они видели, как феодальный режим становился все более тягостным, королевская налоговая система все более сложной и все более жестокой, вымогательства мандаринов все более нестерпимыми. Тогда они обращали свои взоры к прошлому, к эпохе менее тяжелой нужды, которая сохранилась в их представлении как эпоха процветания. Скорбь о благополучии былых времен отождествлялась в их умах с воспоминаниями о старых династиях, рассказы о которых передавались из поколения в поколение: таков социальный корень «легитимизма династии Ле», столь живучего в XVIII веке, а также в XIX веке среди бедных крестьян Северного Вьетнама. Это была тоска по прошлому, которая проявлялась у крестьян Европы тех времен в шотландском якобинизме, испанском карлизме или в восстаниях Лжедмитриев в России в начале XVII века... Таким образом, вьетнамские крестьяне, предоставленные самим себе, были не в состоянии освободиться от старого режима.

Однако даже такие непрекращавшиеся крестьянские волнения являлись для монархии серьезным беспокойством, любопытным свидетельством чего является известная поэма «Спор шести домашних животных по поводу их заслуг» (*«Люк сук чань конг»*). Нельзя ли усмотреть в этой забавной сатире, приписываемой перу одного ученого, жившего в конце XVIII века, характерную попытку протащить дух «социального мира» и заставить народ, *зан,* примириться со своей несчастной судьбой?

Автор изображает постоянный спор буйвола, собаки, лошади, петуха, козы и свиньи, каждый из которых превозносит свои

качества и хочет высмеять недостатки других; только хозяину удается восстановить между ними мир.

Буйвол, в образе которого распознается простой крестьянин рисовых полей, первым с готовностью перечисляет все тяготы своего труда:

Благодаря мне люди имеют шелковичного червя, шелк и рис; без меня не было бы урожая, не было бы ни бобов, ни кунжута.
Это я везу собранный рис и опять-таки я мну ногами его колосья, сваленные на току...
Посмотрите на этих собак, безобразных и совершенно бесполезных животных. Для чего вы тратите столько труда, чтобы накормить этих выродков: они только и делают, что едят да жиреют.

Собака, то есть стражник или полицейский, возражает:

В течение шести часов дня мой слух напряжен,
и нечестный боится попасть мне на глаза.

Лошадь в свою очередь восклицает, полная воинственного красноречия:

Я столько раз пробегала города и деревни,
столько раз покоряла юг и усмиряла север.
Я ставлю всю силу моих ног на службу родине.
Моя спина носит герцогов и принцев...

Защитительная речь козы выдает путем прозрачного намека тот социальный тип, который она представляет:

Во время ритуального праздника в первую очередь думают о козе.
Идет ли речь о постройке динь [1] или рынка,
козу используют при церемониях;
в день назначения генерала или набора войск
коза также необходима.
Я имею чин мандарина, чин «Длиннобородого хранителя реестров».

Но петух отвечает козе:

Тех, кто хочет избавиться от дурного и делать хорошее,
я бужу с самого раннего утра.
Устанавливая час пробуждения, я приношу радость тем, кто
ждет конца ночи, чтобы оставить постель.
...Если вы имеете титул Хранителя реестров, то я — глашатай
зари...

А куплеты свиньи своими непочтительными шутками над духовенством могли понравиться только крестьянам, которым поэма намеревалась внушить мораль социального конформизма.

Из шести домашних животных кто еще столь же дороден,
как я;
если я не появлюсь, не может состояться обряд помолвки и
женитьбы [2];
в примирениях прежде всего свинье принадлежит заслуга.

---

[1] Динь — центральная постройка в деревне.

[2] Коза и свинья использовались в качестве жертвоприношения в некоторых религиозных церемониях.

Петух завидует льготам, которыми пользуется свинья:

Каждый день ей непременно необходимо три раза есть,
И никогда она не пропускает случая поесть.
Разве она настолько ценна, чтобы люди окружали ее такой заботой?

Хозяин говорит буйволу и собаке:

Прекратите вы восставать друг против друга.
Мир — самое драгоценное благо.

Лошади и козе:

И та и другая сторона друг друга стоит;
пусть каждый выполняет свою работу.

Петуху и свинье:

Прекратите же, прекратите всякое соперничество,
живите вместе, растите и размножайтесь.

Он, видимо, преподносит в сказочной форме мораль всеобщего равенства. Но не желал ли в действительности неизвестный ученый и искусный автор поэмы заставить крестьянина, работающего и день и ночь, как буйвол, в поле, согласиться на существование солдат или мандаринов, полицейских, ночных сторожей или жрецов, то есть тех, кто являлся помощниками феодалов, эксплуатировавших его труд!

* * *

Со своей стороны, вьетнамское княжество юга, освободившееся от бремени войн против Чиней, продолжало свой захватнический марш к устью Меконга. Тямский вопрос был окончательно разрешен после того, как за восстанием в 1692 году, не имевшим успеха, последовала прямая и открытая аннексия последних тямских княжеств. Мандарины государства Нгюенов могли теперь активно взяться за организацию миграции бедных крестьян за мыс Варелла, а в конце XVII века они достигли даже дельты Меконга, что явилось последним этапом исторического «продвижения на юг», начатого около тысячи лет назад еще на южных границах Тонкинской дельты. Этот малонаселенный район находился в то время в номинальной зависимости от королевства Камбоджа. Вьетнамцы, используя соперничество между камбоджийскими принцами, установили свой протекторат над Сайгоном, который назвали Зя-дином, затем в 1691 году они окончательно аннексировали город, а также примыкающий к нему район.

Приблизительно в то же время в этом районе появились группы китайцев, изгнанных новой, маньчжурской династией за то, что они пытались восстановить в Южном Китае власть императоров старой династии Мин. Нгюены оказали им хороший прием, и вождь китайцев Мак-Кыу, обосновавшийся к западу от дельты Меконга, в районе Ха-тиен, признал себя их вассалом. Другая группа китайцев основала город Тё-лон, около Сайгона.

«Зя-динь Тхонг-ти» (*«Заметки о Зя-дине»*), своего рода официальная история Кохинхины, составленная в XIX веке при императоре Минь-Манге, повествуют о либеральных методах колонизации, которые использовали мандарины Хюэ, заботившиеся о том, чтобы избавиться от бродяг и бедных крестьян:

> Было приказано разыскать и собрать людей из народа, *особенно бродяг,* проживающих в районе от провинции Куанг-бинь, выше Хюэ, до Бинь-тхуан, и переселить их в качестве поселенцев в эти новые провинции...
>
> В то время было очень легко и просто таким способом управлять народом. Так как основной целью было заставить обрабатывать землю и прикрепить население к земле, то жителям Зя-диня (Сайгона) было разрешено захватывать землю на территории Биен-хоа, а жителям Биен-хоа — земли Зя-диня. Новым поселенцам предоставлялась свобода передвижения, а также свобода обрабатывать землю там, где им удобней. Народ имел, таким образом, возможность осваивать те земли, которые казались ему лучше, строить свои жилища и распахивать новые рисовые поля, основывая свои деревни в облюбованных им местах... После того как земельный участок выбран, достаточно было сделать заявление мандарину, чтобы стать его владельцем. Когда жаловали землю, ее не измеряли...

Безусловно, что продолжение «продвижения на юг» облегчало в княжестве Нгюенов тяготы феодального режима. Беднейшая часть крестьянства княжества Нгюенов находила отдушину, которую Чини не в состоянии были предложить своим подданным. Несомненно, в течение какого-то времени крестьянские восстания были менее многочисленны в южном княжестве, чем в северном.

Однако, если государство Нгюенов поступало либерально по отношению к поселенцам Кохинхины, то оно не ослабляло свой нажим на крестьян прибрежных долин Центрального Вьетнама, которые были первоначальной базой их могущества еще со времени ссылки Нгюен-Хоанга в 1558 году. Именно в этих узких равнинах провинций Куанг-нгая и Бинь-диня, население которых было задавлено вымогательствами мандаринов и земельными налогами, в конце XVIII века зародилось мощное повстанческое движение тэй-шонов.

* * *

Незадолго до окончания войн между Нгюенами и Чинями на вьетнамском побережье появились новые пришельцы в поисках пряностей и прозелитов.

В 1535 году португалец Де Фариа, помощник знаменитого Альбюкерка, прибыл в гавань Фай-фо. С тех пор как португальцы заняли Макао в 1557 году, их соотечественники, используя муссон, каждый год посещали вьетнамские порты. Голландцы, обос-

новавшиеся с начала XVII века в Батавии, в свою очередь открыли в Фай-фо процветавшую «факторию». Они были изгнаны оттуда в 1643 году после крупного морского боя с флотом Нгюенов, несомненно, инспирированного их португальскими соперниками; но их торговая контора в Ханое, на территории государства Чиней, продолжала свою деятельность с 1637 до 1700 года. Огромные выгоды, которые извлекали португальцы и голландцы из торговли золотом, шелками, ценной древесиной, перцем, привлекли, впрочем, очень скоро третьего конкурента: в 1673 году английская Ост-Индская компания также учредила свою факторию около Ханоя.

Одновременно с купцами корабли доставляли во Вьетнам миссионеров. В 1626—1627 годах неутомимый иезуит Александр де Род, уроженец города Авиньона, посетил государство Чиней, а затем — Нгюенов. Повсюду он учреждал португальские и испанские иезуитские миссии, которые вскоре объединились с французскими миссионерами из Общества иностранных миссий. Одновременное прибытие купцов и монахов не было случайным. С этого времени католические миссионеры проявляли все большую заботу в отношении торговых операций своих соотечественников:

> Они очень богаты, — заявлял миссионер де Род о вьетнамцах, — так как почва там плодородна; земля орошается двадцатью четырьмя реками, которые создают исключительное удобство для передвижения по воде во всех направлениях, что облегчает торговлю и путешествия.
>
> В Кохинхине имеются золотые прииски, выращивается большое количество перца, который закупается приезжающими туда китайцами, много шелка, который обычно используется даже для изготовления рыбацких сетей и снастей для галер. Кохинхинцы имеют сахар в таком количестве, что продают его не дороже двух су за фунт; они отправляют его в большом количестве в Японию [1]...

Успех миссионерской деятельности по обращению местного населения в христианство полностью зависел от успеха европейской торговли. В 1658 году один из основателей Общества иностранных миссий Франсуа Паллю предложил организовать французскую компанию для торговли с Дальним Востоком.

> Хотя путешествие, предпринимаемое в Китай, имеет своей основной целью деятельность во славу господа и обращение в христианскую веру, не следует упускать возможности извлечь из нее пользу, а для того чтобы стало ясно, какую прибыль можно получить от этого (она может составлять более трехсот процентов), необходимо знать местные возможности [2].

---

[1] A. de Rhodes, Histoire du royaume du Tonkin, Lyon, 1651.
[2] Cordier, Histoire générale de la Chine, t. III.

И когда в 1660 году с этой целью действительно была создана руанская торговая компания, ее устав конкретно предусматривал сотрудничество между миссионерами и купцами.

> Основная цель этого общества — облегчить своим учреждением переезд их высокопреосвященств епископов... решено, что они будут приниматься на корабль со своими миссионерами, слугами и багажом, с них ничего не будут брать ни за провоз их багажа, ни за питание и что их будут высаживать в одном или нескольких портах Тонкина, Кохинхины или Китая по выбору... (ст. XIII).
>
> Общество просило их высокопреосвященства епископов, принимая во внимание оказанную им обществом услугу, следить в этих странах, чтобы специально назначенные служащие вели точный учет продажи и покупок, с тем чтобы они по возвращению из путешествия могли бы дать точный и правдивый отчет о своей деятельности... (ст. XIV) [1].

Какое влияние оказала деятельность этих новых пришельцев, купцов и миссионеров на старое вьетнамское общество? Помогли ли они крестьянам освободиться от феодальных пут, которые связывали их в течение столетий? Стимулировали ли они производство и обмен, развитие которых тормозилось налогами и вымогательствами мандаринов? Повлияла ли их деятельность на самих мандаринов, которые до этого были приверженцами традиционного конфуцианства? Короче говоря, способствовало ли общение с европейцами освобождению Вьетнама от феодального режима, который препятствовал социальному, экономическому и культурному развитию страны?

Нет сомнений в том, что весьма благоприятный прием, оказанный европейцам, свидетельствовал о противоречиях старого Вьетнама. С XVII века миссионеры обратили в христианство несколько сот тысяч человек, часто целые деревни. Крестьяне, враждебно настроенные к конфуцианству, которое они отождествляли с ненавистными мандаринами, возлагали все свои надежды на новую веру. Католицизм распространялся также среди портовых торговцев, о гостеприимстве которых повествует в своих рассказах Александр де Род; они, несомненно, учитывали прежде всего перспективу более активной торговли с европейскими купцами, которые сопровождали миссионеров.

Наконец, европейцы привезли с собой науку, передовую технику, чем заинтересовали даже правящие круги, которые всегда проявляли заботу об усилении военной мощи своего государства. С XVII века между Макао и государством Нгюенов, а также между Батавией и княжеством Чиней осуществлялась очень активная торговля оружием, которая, по всей вероятности, играла

---

[1] Cordier, Histoire générale de la Chine, t. III.

не последнюю роль в часто повторяющихся в течение целого полувека братоубийственных войнах. И в XVIII веке при дворе Нгюенов ученым-миссионерам оказывали такой же радушный прием, какой их собратья встречали в это время у маньчжурских императоров Пекина. Немецкий иезуит Зиберт стал придворным математиком и врачом короля; португальский иезуит Монтэйро возглавил изучение физических наук при дворе Хюэ, а его соотечественник иезуит Лурэйро занимался изготовлением пожарных насосов. То же происходило и в Тонкине. Хотя христианство было там в принципе запрещено, правитель из рода Чиней в 1748 году обратился к скрывавшемуся у крестьян иезуиту чеху Палашеку с требованием изучить устройство голландского судна, потерпевшего крушение у берегов Тонкина; тогда же он выписал из Европы пять иезуитов — «математиков и артиллеристов», которые прибыли в 1751 году.

Но множество противоречивых интересов мешали тогда дальнейшему развитию экономических и культурных связей между Вьетнамом и Западом.

Западные купцы, обосновавшиеся в своих «факториях» в Тонкине или в Кохинхине, думали прежде всего о том, чтобы заполучить по дешевой цене выгодный груз. Миссионеры в своих сообщениях высказывали даже беспокойство по поводу «неблагоразумных и далеко нелояльных поступков» своих соотечественников. Грубое поведение европейских купцов было настолько общеизвестно, что в 1822 году, когда английская Ост-Индская компания пыталась восстановить свои связи с Вьетнамом, она настоятельно рекомендовала своему полномочному представителю Кроуфёрду избегать ошибок его предшественников:

> ...жестокость, неблагоразумие и *презрение к национальным правам* характеризовали поведение всех европейских наций в прошедший период их торговой деятельности в этом районе...
>
> ...беспристрастно рассмотрев нашу торговую деятельность за прошедший период, Совет склонен приписывать последующий упадок нашей торговли и торговли других европейских наций или ее произвольные ограничения главным образом непопулярным привилегиям, которых мы добились, *и имевшим место злоупотреблениям ими* (много примеров чего можно привести).

Мандарины всегда были настроены враждебно к торговле; они рассматривали ее только как второстепенную деятельность, отягощенную налогами; необузданное поведение европейцев еще более усилило их враждебность. Вскоре были приняты меры, ограничивавшие торговую деятельность европейцев, как например нижеприводимый указ, принятый Чинями в 1662 году.

> Иностранные торговцы, проживающие в королевстве и живущие в течение долгого времени среди его жителей,

а также приезжающие в королевство, презирают законы и нарушают запрещения, поэтому стало необходимым изолировать их от остального населения.

Европейцам теперь было не так-то легко, как в первые времена их прибытия в страну, добиться создания привилегированных торговых «контор». Мандарины были научены опытом. Когда в 1696 году англичанин Томас Боуир попытался получить у правительства Хюэ разрешение на открытие в Фай-фо фактории, которая не была бы подчинена властям правительства, он получил вежливый отказ. В 1700 году была закрыта также голландская торговая контора в Ханое.

Была ограничена деятельность и миссионеров, которая также беспокоила вьетнамское правительство. Несомненный успех их проповедей подрывал прочность государства, непосредственно опиравшегося на официальное конфуцианство, несовместимое с новой религией. К тому же миссионеры создали упрощенную систему письма — *куок-нгы*, и поскольку эта система была основана на буквенном алфавите, изучить ее было нетрудно. Безусловно, для них это являлось главным образом практическим средством для более широкого распространения евангелия и катехизисов, которые их стараниями издавались в Макао. Но эта новая письменность, по-видимому, угрожала самим основам старого, феодального общества, поскольку обязательное и трудное изучение китайских иероглифов, являвшихся источником официальных знаний, не было теперь необходимым.

Мандарины колебались между этой серьезной политической угрозой и выгодами, которые можно было извлечь, в особенности в военной области, из более передовых научных знаний миссионеров. В течение всего XVII века, а затем и XVIII века меры, запрещавшие христианство, и меры, предусматривавшие веротерпимость, сменяли друг друга как в Тонкине, так и на территории Нгюенов. У Чиней, например, за призывом, обращенным в 1751 году к группе миссионеров-математиков, последовал в 1765 году эдикт о гонении на них. Остается серьезно изучить эти изменения, основываясь на анализе существовавших тогда противоречий, оказывавших влияние на мандаринов.

* * *

В конце XVIII века Вьетнам, все еще разделенный на враждующие северное и южное княжества, не извлек, следовательно, никакой особенной пользы из своих первых связей с Западом. Власть феодалов и мандаринов, казалось, не была затронута. На крестьянах по-прежнему лежало все то же бремя, которое недавние крестьянские восстания несколько поколебали, но не ликвидировали. Конечно, деятельность городских торговцев некоторое время стимулировалась торговлей с Западом, но она по-прежнему тормозилась экономической политикой, служившей интересам землевладельцев и считавшей по конфуцианской тра-

диции торговлю презренным занятием. Такая экономическая политика не могла не вызвать удивления европейских путешественников.

> Имеются торговцы, которые становятся богатыми благодаря своему уму и умению использовать обстоятельства, но они вынуждены делать мандаринам, которые распоряжаются на границах, подарки столь значительные, что они поглощают большую часть их прибылей [1].
>
> Капиталисты, ссужающие деньги, являются единственной категорией населения, которая могла бы быть богата, но они скрывают размеры своих капиталов, боясь, как бы их богатства не навлекли на них притеснения мандаринов [2].

Зарождение торговой буржуазии, которая в результате первых торговых отношений с Западом почувствовала себя более прочно, придало более сложный социальный характер крупному крестьянскому восстанию тэй-шонов, которые, восстановив единство страны, в течение тридцати лет противостояли армиям вьетнамской феодальной монархии, ее французским наемникам и ее маньчжурским защитникам.

Это движение тэй-шонов остается и в настоящее время популярным во Вьетнаме [3], однако оно ждет еще своего исследователя. Французские источники составлены под прямым воздействием компаньонов Пиньё де Беэна, этого воинствующего прелата, вмешательство которого способствовало поражению восстания. Вьетнамские официальные источники отражают враждебность к тэй-шонам монархии Нгюенов XIX века, пришедшей к власти после подавления этого мощного восстания; если верить им, то восстание тэй-шонов было не чем иным, как простой волной бандитизма. Но какова была бы история французской революции, если бы она писалась только по письмам эмигрантов и шуанов, по памфлетам Бюрка и других озлобленных реакционеров или по официальным трудам, составленным после возвращения на трон Людовика XVIII?

Движение тэй-шонов зародилось в южном княжестве Нгюенов. В 1772 году три брата Нгюен-ван-Хюэ, Нгуйен-ван-Няк и Нгюен-ван-Лы, которые, несомненно, происходили из торговых кругов, организовали в районе Кюи-нёна и Ан-кхе восстание, вскоре охватившее крестьян района западных гор (тэй-шон), где некоторое время скрывались три брата. Во главе правительства

---

[1] Richard, Histoire naturelle civile et politique du Tonkin, Paris, 2 vol., 1778.

[2] P. Lemonnier de la Bissachère, Etat actuel du Tonkin, de la Cochinchine et des royaumes de Cambodge, Laos et Lacthô, Paris, 2 vol., 1812.

[3] В августе 1946 года газета «Нян-зан» («Народ»), выходящая в Ханое, отмечая первую годовщину Августовской революции, напоминала о «революционной войне тэй-шонов конца XVIII века, когда крестьянские массы Вьетнама, избавившись от своих внутренних угнетателей, начали победоносную борьбу против иностранных агрессоров».

Хюэ в то время стоял регент Чыонг-Фук, не пользовавшийся популярностью в народе (наследнику Нгюенов тогда было только двенадцать лет).

По-видимому, некоторые круги торговцев были с самого начала причастны к восстанию. По преданиям, собранным миссионерами и английским путешественником Бэрроу (который посетил государство тэй-шонов в 1793 году), один из братьев — Няк — был богатым купцом, до того как стал казначеем своей провинции и был выгнан за растрату (согласно источникам, благосклонно относящимся к Нгюенам). Сообщают также, что три брата принадлежали к семье торговца ареком, то есть продуктом, для которого начиная с XVIII века стал складываться национальный рынок. Такие богатые купцы Кюи-нёна, как Нгюен-Тхонг, с самого начала субсидировали это движение.

Это восстание в то же время являлось крестьянской войной. Крестьянство играло в нем существенную роль, как свидетельствуют об этом рассказы испанских миссионеров, являвшихся очевидцами возникновения этого восстания.

> В 1773 году, — рассказывает миссионер Диего де Хумилья, — с начала апреля кохинхинские войска начали военные действия против бандитов, которые пришли с гор, разделявших провинции Кюи-нён и Фу-йен. Днем эти бандиты, вооруженные одни мечами, другие — стрелами, третьи — ружьями, наводняли рынки. Они не причиняли никакого ущерба ни людям, ни имуществу. Напротив, они, казалось, желали равенства для всех кохинхинцев; они входили в дома богатых, и если им преподносили какой-нибудь подарок, то они не причиняли там никакого вреда, но если они встречали какое-либо сопротивление, то отбирали самые дорогие вещи, которые раздавали бедным, оставляя для себя только рис и другие продукты; *их называют ворами, добродетельными и милосердными к несчастным плебеям.*
>
> Они, — заявляет другой испанский миссионер, — стали разъезжать по деревням и объявлять жителям, что они не воры, а посланцы неба, что они стремятся установить справедливость и освободить все население от тирании короля и мандаринов. Они проповедовали равенство во всем. И верные своей доктрине, эти предшественники современного социализма отбирали у мандаринов и богачей их имущество и распределяли его среди бедных. Деревни, задавленные непомерными податями, одна за другой переходили на их сторону...

Так же как в старых крестьянских восстаниях средних веков, буддийское и таоистское духовенство оказывало поддержку движению. Один из братьев — Лы — сам был раньше жрецом и стал главой жрецов Кохинхины при новом режиме. Тэй-шонам оказы-

вало поддержку и горное национальное меньшинство мои, которое, как указывает историк Петрус Ки, прежде поддерживало последнего потомка тямских князьков.

Опираясь на эту мощную коалицию, братья тэй-шоны скоро одержали победу. В 1776 году они взяли Сайгон. «Заметки о Зядине» сообщают, что прежде всего они выбросили из складов в море товары китайских купцов, что свидетельствует об их торговых интересах и напоминает действия американцев в Бостоне, которые приблизительно в это же время выбрасывали в море английский чай.

Няк провозгласил себя королем, тогда как его брат Хюэ стал «главным начальником Драконов Красных земель». Изгнанный почти со всей своей территории Нгюен-Ань, последний из династии Нгюенов, пытался вести партизанскую войну в дельте Меконга. Сайгон переходил из рук в руки пять раз до 1783 года, когда Нгюен-Ань отказался от борьбы и скрылся в Сиаме. Именно в этот период он вступил в сношения с французским миссионером Пиньё де Беэном, епископом Адранским, который предложил ему сотрудничество и увез его сына в Пондишери, надеясь добиться помощи.

Тэй-шоны повернули тем временем свое оружие против Чиней, с которыми они в 1775 году заключили временный союз. В 1786 году Хюэ направился на север и взял Ханой в результате блестяще проведенной кампании, в которой он проявил свои способности стратега. Чини и Нгюены, эти два враждовавших в течение двух веков дома, были отстранены от власти. Путь был свободен. Однако Хюэ из осторожности согласился сначала номинально восстановить старую династию Ле, последний потомок которой Ле-хиен-Тонг отдал ему в жены свою дочь.

Эти неоднократные успехи восставших беспокоили феодалов и мандаринов, пользовавшихся по-прежнему влиянием в Ханое: они обратились в Пекин к правительству маньчжурской династии Цынь, которое было готово воспользоваться этим случаем. Китайская армия в 100 тысяч человек напала на Тонкин, однако Хюэ, находившийся на вершине своей военной славы, обратил ее в 1789 году в бегство. Тэй-шоны стали хозяевами всего Вьетнама, за исключением нескольких южных прибрежных районов, где сторонники Нгюен-Аня еще продолжали борьбу.

Определить характер режима тэй-шонов так же трудно, как трудно установить его точное происхождение. Значительным фактом, безусловно, являлось восстановление национального единства и ликвидация раскола страны на два соперничавших княжества. Именно тэй-шоны, а не Нгюены в XIX веке, которым часто приписывают эту заслугу, возродили единое вьетнамское государство. Только с практической целью тэй-шоны распределили между собой различные районы страны: Лы остался в Южном Вьетнаме, Няк обосновался в Хюэ как верховный император и Хюэ, одержавший победу над китайцами, правил Северным

Вьетнамом под именем Куанг-Чунга. Гордость за то, что они восстановили национальный престиж Вьетнама, проявляется, например, в прокламации Куанг-Чунга:

> Вы все, знатные и простой люд, в течение более двадцати лет живете нашими благодеяниями, благодеяниями братьев тэй-шонов. И если в течение всего этого периода мы одерживали победы на севере и на юге, то этим мы обязаны, и мы это признаем, преданности народа наших провинций. Именно там мы нашли храбрых людей и способных мандаринов, чтобы сформировать наш двор. Всюду, где мы пронесли оружие, наши враги были рассеяны... Что же касается грязных остатков старого двора, то разве за тридцать с лишним лет они сделали что-нибудь хорошее [1]?

Такие меры, как замена китайского языка вьетнамским в качестве официального языка, как введение единой монеты, которую при Зя-Лонге стали называть «сапеками восставших», как учреждение в 1798 году «исторического бюро», обязанного пересмотреть старые анналы и составить полную национальную историю Вьетнама, также раскрывают стремление вождей тэй-шонов к национальному возрождению.

Китайские анналы той эпохи сообщают также, что вьетнамский флот во главе «банды подозрительных бродяг» постоянно совершал набеги на побережье Южного Китая, что «среди пиратов, которых брали в плен, находились вьетнамские военачальники и генералы, официально назначенные и снабженные королевскими грамотами». Однако тэй-шоны покрывали этих вьетнамских полководцев, прибыльная деятельность которых была чем-то средним между торговлей и военными набегами, так же как у корсаров Елизаветы Английской. Это является еще одним свидетельством того, что торговая буржуазия играла не последнюю роль при новом режиме.

Даже судя по этим очень отрывочным сведениям, можно заключить, что режим тэй-шонов был гораздо более прочным, чем режим их предшественников — Нгюенов и Чиней. Иначе нельзя было бы объяснить тот факт, что он смог продержаться в течение около тридцати лет, до 1802 года. Все свидетельства современников подтверждают эту точку зрения:

> Так как все королевство было охвачено беспорядками и повсюду происходили убийства, грабежи, пожары, Зяокуанг (тэй-шоны) направили во все края своих солдат для преследования воров. Эти кохинхинцы вершили суровое правосудие. По первому обвинению, без всякого долгого расследования, они отсекали головы ворам или тем, кто был обвинен в воровстве. *Повсюду хвалят их бескорыстие,*

---

[1] Bouillevaux, L'Annam et le Cambodge, Paris, 1874.

так как они никого не грабили и довольствовались тем, что рубили головы... (Письмо французского миссионера Общества иностранных миссий, 1786 год.)

В настоящее время мы наслаждаемся миром в Кохинхине и в Тонкине... Мандарины заняты своими делами; они избрали из своей среды троих и передали им бразды правления. *Все трое мирные, храбрые и уважаемые населением люди.* (Письмо французского миссионера из Общества иностранных миссий, 1796 год.)

Многие мятежные мандарины, — рассказывает испанский миссионер де Хумилья, — нанесли затем мне визит и попросили у меня медикаментов. Я обязан им многими милостями. В частности, они разрешили мне проповедовать публично святое евангелие и строить церкви...

...никто не смел причинить мне никакого вреда и украсть что-либо из нашего дома или церкви. Тринадцать вооруженных солдат днем и ночью охраняли нас.

Англичанин Кроуфёрд, посетивший Вьетнам в 1822 году после поражения тэй-шонов, категорически возражает против неблагоприятных суждений, которые начали уже тогда высказывать о тэй-шонах западные историки:

Весьма сомнительно, чтобы народные массы были заинтересованы в восстановлении законного монарха, как это изображают европейские апологеты Зя-Лонга, и что правление тэй-шонов было непопулярно. В действительности я узнал от китайских купцов, с которыми разговаривал в Хюэ и которые жили в стране под властью и тех и других, что тэй-шоны правили более справедливо и менее жестоко, чем нынешний король или его отец.

Однако власть тэй-шонов была недолговечной. Первая династия Нгюенов, как ее иногда называют, погибла в результате своей внутренней слабости и иностранной интервенции.

Несмотря на несколько значительных реформ, как например использование разговорного языка в официальных актах, тэй-шоны, по-видимому, не предусматривали коренного переустройства политической и социальной системы старого Вьетнама. Крестьянство было неспособно руководить этим переустройством, торговая же буржуазия была еще очень слабо для этого развита. Таким образом, это мощное восстание не смогло вылиться в настоящую революцию. Как только исчезло первое поколение руководителей движения (Хюэ умер в 1792 году, Няк — в 1793 году), их сыновья и окружение последних стали следовать феодальным и бюрократическим обычаям старого Вьетнама.

Тэй-шоны претерпели, так же как и тайпины в Китае шестьдесят лет спустя, своего рода «феодальное перерождение». Первоначальный подъем крестьянства очень быстро ослабел, поскольку новое правительство не установило в деревне новых социальных отношений. Зя-Лонг в ходе борьбы за восстановление

своей власти воспользовался этим растущим недовольством. Тэй-шоны не сумели «сохранить сердце народа» (мы используем выражение, которым Хо-ши-Мин в 1947 году определил свою политическую линию). Но эту народную поддержку, которую теперь утратили тэй-шоны, не мог сыскать и их противник Нгюен-Ань, наследник феодальных сеньоров Хюэ. Для того чтобы вновь завоевать Вьетнам, он обратился за помощью к иноземцам. Начиная с 1785 года Пиньё де Беэн действовал очень активно. Он увез в Версаль маленького принца Кань, сына Нгюен-Аня, и в 1787 году был подписан договор, по которому французы обещали оказать Нгюен-Аню помощь в обмен на торговые привилегии. После того как граф Конвэй, губернатор французской Индии, отказался выполнять эти обязательства из-за антипатии к Пиньё де Беэну, епископ решил действовать самостоятельно.

О его деятельности часто говорят с восторгом те, кто видит в нем предшественника французских колонизаторов XIX века. Но нельзя не отметить, что экспедицию «добровольцев», которую он организовал в 1790 году, очень трудно представить как выражение национальных интересов Франции, ибо те два с половиной десятка авантюристов и эмигрантов, которых он набрал в то время, когда их родина противостояла не прекращавшимся атакам армий всей Европы, безусловно, были бы расстреляны, если бы попали в руки властей республиканской Франции.

Помощь Пиньё де Беэна и его сообщников — Оливье де Пюиманеля, Шеньё, Ваннье — очень часто преувеличивают западные историки, однако снаряжение флота, постройка фортификационных сооружений методом Вобана [1] позволило Нгюен-Аню начиная с 1791 года постепенно оттеснить армии тэй-шонов. Сайгон был вновь взят Нгюен-Анем и стал плацдармом, откуда с тех пор ежегодно в период муссонов посылались военные экспедиции «сезонной войны». В 1799 году был взят Кюи-нён; в 1801 году — Хюэ, в 1802 году — Ханой. С тех пор Нгюен-Ань становится хозяином всего Вьетнама [2]. В 1804 году он провозгласил себя императором под именем Зя-Лонга и получил инвеституру от китайского посольства, прибывшего в Ханой. К власти пришла династия Нгюенов, последняя династия старого, монархического Вьетнама.

В XIX веке во Вьетнаме вновь был восстановлен старый социальный и политический строй.

---

[1] Вобан, Себастьян де Претр (1633—1707) — французский военный инженер и экономист. За искусную постройку и осаду крепостей получил звание маршала Франции. — *Прим. ред.*

[2] Это он дал объединенному вьетнамскому государству официальное название *Вьет-нам*. При династиях Ли, Чан и Ле обычно употреблялся термин *Дай-Вьет*.

Глава IV

ВЬЕТНАМ В XIX ВЕКЕ. КРЕСТЬЯНЕ И РЕМЕСЛЕННИКИ

Вьетнамский народ в XIX веке был земледельческим народом, основным занятием и основным источником существования которого было сельское хозяйство. Доминирующая роль сельского хозяйства находила отражение в дворцовых ритуалах и в организации государства, в языке и в народных обычаях. Ежегодно сам император совершал традиционный обряд первой борозды на одном из полей, расположенных по соседству с его дворцом в Хюэ. За единицу измерения времени считали время, необходимое для того, чтобы сварить котелок риса на четырех человек; мерой длины было расстояние, которое занимали вместе буйвол и человек, сидящий на корточках. Рис, взимавшийся с крестьян в виде натурального налога, являлся основным источником доходов государства. Тяжкий труд крестьян служил темой для бесчисленных жалобных народных песен.

О мой буйвол, послушай, что я тебе скажу, мой буйвол!
Мой буйвол пойдет со мной на рисовое поле, мой буйвол
будет работать вместе со мной...
...Пахать землю и пересаживать рис — таково обычное
занятие земледельцев...
Я здесь, ты там, — разве мы щадим свои силы?

Важнейшей культурой сельского хозяйства был рис, который являлся основным продуктом питания крестьян. Выращивание риса было традиционным занятием вьетнамцев, и это еще со времени китайского господства отличало вьетнамцев от горных племен и впоследствии исторически определило расширение вьетнамской территории в сторону прибрежных низменностей, где были наиболее благоприятные условия для выращивания этой культуры.

Каждый из многочисленных сортов риса, выращиваемых во Вьетнаме: твердый рис, клейкий рис, пловучий рис — требует кропотливой обработки. Уже залитые водой рисовые поля нужно бороновать, затем вручную пересадить в землю рассаду риса. Кроме того, на поля нужно регулярно подавать воду, чтобы

поддерживать необходимый уровень воды по мере роста риса; нужно также вовремя спустить воду с рисовых полей, чтобы дать возможность зернам риса дозреть. За уборкой риса следуют молотьба, провеивание и, наконец, очистка риса. Таким образом, рисовые поля благодаря деятельности человека накладывают отпечаток на весь вьетнамский пейзаж с его земляными бровками полей, искусно расположенных ярусами, с его рисовыми посевами, окрашенными то в ярко-зеленый, то в золотисто-желтый цвет.

Но эта сложная техника выращивания риса в древнем Вьетнаме требовала не только искусного распределения труда крестьян по разным временам года, она требовала также такой организации общества, которая была бы в состоянии действенно и коллективными усилиями регулировать поступление воды. Эта проблема усложнялась еще тем, что бурный и непостоянный характер больших рек, и особенно Красной реки, не давал возможности непосредственно использовать их для орошения. Необходимо было обуздать их широкой сетью дамб. Сооружение этих дамб, которые должны были защищать низменные районы от наводнений, было начато со времени династии Ли и даже еще раньше. В конце XIX века общая протяженность этих дамб, строительство и содержание в порядке которых лежало на обязанности как общин, так и государства, составляла 2400 километров. Ширина этих дамб у основания была равна 21 метру, в верхней части — 5 метрам, а высота достигала 5 метров. Однако недостаточно было только защитить поля от затоплений, необходимо было еще приложить немало усилий, чтобы избавить их от угрозы засухи: нужно было соорудить широко разветвленную сеть мелких каналов, создать разного рода водохранилища и водоемы, подавать воду на высокие поля при помощи бамбуковых черпаков, подвешенных на треножниках, черпаков, приводимых в движение двумя параллельно натянутыми веревками и при помощи примитивных механизмов: норий — бамбукового колеса с черпаками; установки, состоящей из деревянного желоба, по которому движется непрерывная лента с лопастями, и приводимой в движение при помощи ножных педалей и т. д.

Специалисты отмечают исключительно большое значение, которое имеет в жизни вьетнамских крестьян орошаемая культура риса. Она дает возможность прокормить в четыре раза больше людей, чем любая другая зерновая культура, выращенная на той же площади. В то же время орошаемая культура риса способствует наилучшим образом поддержанию плодородия почвы: она дает возможность во время затопления рисовых полей с минимальным использованием удобрений непрерывно восстанавливать в почве достаточное количество необходимых для растений питательных веществ, не подвергая землю эрозии и не прибегая к пару.

Кроме того, культура риса является эмпирической, но чрезвычайно действенной формой борьбы с москитами и малярией.

Исследования института Пастера во времена колониального господства научно подтвердили то, что вьетнамские крестьяне на практике осуществляли уже испокон веков: заболеваемость малярией значительно уменьшается и даже может прекратиться совсем, если вся земля регулярно подвергается обработке, так как личинки москитов не могут существовать, если их лишить воздуха путем густой посадки растений на затопляемых водой площадях. Это обстоятельство определило продвижение вьетнамских крестьян в равнинные районы юга, а не в районы внутренних областей страны. Народные легенды о «вредной воде», о «лесных духах» отражают этот извечный страх перед малярией, свирепствующей на плоскогорьях и в горных районах страны.

Но при этом во избежание серьезной исторической ошибки не следует превращать временную тенденцию в постоянно действующий неизбежный фактор. Для вьетнамских рисоводов, населявших дельту Северного Вьетнама, было значительно удобнее продвигаться в равнинные районы Центрального и Южного Вьетнама, так как там они могли быстро найти применение своим знаниям в области земледелия, и, кроме того, природные условия там были более благоприятными для здоровья. Но это отнюдь не означает, что они не могли приспособиться к жизни в более высоких районах. Еще до французского завоевания можно было встретить вьетнамские деревни, расположенные в обширных долинах Среднего района Тонкина около Тхай-нгюена или за Фуланг-тхыонгом. Они начали также еще до полного заселения Кохинхины поселяться в холмистых районах Куанг-нама, Куанг-нгая, Бинь-диня и даже на склонах гор, например в районе Анкхе, где началось движение тэй-шонов. Необоснованным домыслом является легенда о том, что вьетнамский народ в пределах своей территории якобы является «пленником равнины», не может приспособиться к жизни на территории, расположенной на более высоком уровне над морем, и поэтому обречен на неизбежные бедствия от «сельского перенаселения». В древнем Вьетнаме у вьетнамцев вообще не было никакой необходимости покидать равнинные районы. Но в тех немногочисленных случаях, когда это представляло какой-то интерес, они покидали их.

В эпоху колониального господства были другие, совершенно определенные причины, по которым крестьяне отказывались покинуть действительно перенаселенные равнинные районы и пойти на работу в Средний район Северного Вьетнама или на плоскогорья Центрального Вьетнама. Причина, которая их удерживала, была не «рутина», а страшная репутация французских рудников и плантаций.

Наряду с культурой риса в древнем Вьетнаме было широко развито производство и других продовольственных культур: кукурузы, завезенной в более поздние времена миссионерами из Америки, кунжута, бобовых и овощей. Сады и многолетние куль-

туры также занимали важное место: вьетнамцы разводили плодовые деревья и чай. Выращивание сахарного тростника, который сначала удовлетворял потребности местного населения, а с XVII века стал важной экспортной статьей, безусловно, имело второе после риса экономическое значение, по крайней мере в провинциях Южного Аннама. В XVIII веке французский путешественник Пьер Пуавр, который, как и другие «философы», был ярым сторонником экономической свободы, исключительно высоко отзывался о технике производства сахара во Вьетнаме. Параллель, которую он проводит между этой независимой страной и французскими колониями того времени, оказалась невольным пророчеством:

> Нужно отметить, что Кохинхину — это новое государство, которое производит этот продукт в таком большом количестве и по таким низким ценам, можно в известном смысле сравнить с колонией, хотя сахарный тростник выращивается здесь свободными людьми и все производство и очистка сахара также ведется с помощью свободного труда. Затем сравним цены на кохинхинский сахар с ценами на сахар, производимый несчастными рабами колоний европейских стран, и рассудим, нужно ли было для получения сахара из наших колоний узаконивать рабство африканцев, вывозимых в Америку.
>
> После того, что я видел в Кохинхине, я не сомневаюсь, что свободные земледельцы, которым была бы выделена без ограничения земля в Америке, смогли бы дать продукции вдвое больше, чем рабы.

Кроме этих продовольственных культур, во Вьетнаме выращиваются также хлопок, табак и бамбук. Поэтому необходимо соблюдать искусное распределение культур по месяцам. Многочисленные примеры такого распределения по разным провинциям Кохинхины приводятся в «Заметках о Зя-дине», составленных в 1835 году:

> Хюен Фыок-тянь в провинции Биен-хоа включает в себя два кантона[1] — Фыок-винь и Тянь-ми, на полях которых возделывается ранний и поздний рис.
>
> В этих кантонах выращиваются также бобы, фасоль, кукуруза и сахарный тростник.
>
> Ранний рис сеется в пятом месяце, пересаживается в шестом и собирается в девятом.
>
> Поздний рис сеется в шестом месяце, пересаживается в седьмом и собирается в одиннадцатом.
>
> Бобы и фасоль сеются в четвертом месяце и собираются в шестом.
>
> Кукуруза сеется в четвертом месяце и собирается в седьмом.

---

[1] Автор применяет французское название к административной единице, которая по-вьетнамски называется *тонг (tông)*. — *Прим. ред.*

Сахарный тростник высаживается в первом месяце и собирается в двенадцатом.

Таким образом, сельскохозяйственное производство старого Вьетнама характеризуется разнообразием выращиваемых культур. Наряду с рисом важное место занимали и другие продовольственные культуры. Широко были представлены и технические культуры, необходимые для местного кустарного производства. Это разнообразие выращиваемых культур было ликвидировано в период колониального господства, но уже в 1946 году правительство Демократической Республики Вьетнам призвало вьетнамских крестьян «приступить вновь к производству разнообразных продовольственных культур, которые выращивались их предками».

Теперь следует остановиться более подробно на описании социальных основ этого высокоразвитого сельского хозяйства, более точно определить его организацию, которая уже в средние века была *феодальной* и против которой в течение многих веков крестьяне поднимали многочисленные восстания.

Первое же знакомство с сельскохозяйственным производством Вьетнама в XIX веке показывает, что в его основе лежал своеобразный институт «вьетнамской общины» (*са* или *ланг*), при котором вся земля деревни делилась на частные земли, принадлежавшие отдельным крестьянам, и на общинные земли (*конг диен*). Эти общинные земли, которые пополнялись главным образом за счет освоения новых земель, перераспределялись обычно каждые три года или каждые шесть лет между «внесенными в списки» крестьянами, то есть крестьянами, платившими налог.

Община управлялась нотаблями [1], которые избирались или кооптировались в зависимости от местных обычаев. Эти нотабли подчинялись мандаринам центральной власти, и их роль сводилась в основном к сбору налогов и к вербовке солдат. Налоги платили обычно только «внесенные в списки»; это были зажиточные крестьяне, ученые, получившие степень на провинциальных экзаменах, бывшие чиновники.

Нотабли имели возможность держать под контролем всю жизнь в деревне: они ведали перераспределением *конг диен* между внесенными в список крестьянами, пользовались юридической властью примирения в небольших судебных делах, ведали местными финансами: общинными сборами и распределением трудовой повинности (которые налагались на невнесенных в список), арендой паромов, рынков, прудов и территории общины.

Община была действительно активной и крепкой ячейкой общества. У нее был свой *динь*, общинный дом, где перед алтарем духа — покровителя общины происходили собрания, разбирались

[1] Французы называли нотаблями деревенскую верхушку, входившую в общинный совет. Вьетнамцы называли их *ки-мук*. — *Прим. ред.*

судебные дела и совершались торжества нотаблей. Община имела также свою *тюа*, буддийскую пагоду.

Эта прочная организация общины накануне завоевания являлась объектом восхищения многих французских и вьетнамских наблюдателей, которые наперебой превозносили этот образец «крестьянской демократии», этот «инструмент социальной справедливости и равенства». Однако следует выяснить действительные причины, которые вдохновляли этих панегиристов. Идеализация древней вьетнамской общины была выгодна прежде всего «умеренным националистам» колониальной эпохи, которые стремились к независимости своей страны, но не желали никаких изменений в ее старом социальном строе, то есть феодальном строе. И по курьезному совпадению это же было излюбленной темой наиболее искушенных колониальных администраторов, которые прекрасно понимали, что прочная организация общины может помочь их господству [1]. Но ни те, ни другие не испытывали никакого желания дать глубокий анализ социальных противоречий, потрясавших вьетнамскую деревню. А между тем эти противоречия отчетливо проявлялись как в XIX веке, так и в более ранние времена.

Удельный вес *конг диен*, безусловно, не превышал в среднем 20—25 процентов площади всех рисовых полей деревни. Остальная же часть земель была распределена между крестьянами очень неравномерно. Некоторая часть крестьян, причем, безусловно, бóльшая их часть, совсем не имела земли. Это были «бродяги», о числе которых, за неимением точных статистических данных, можно судить по многочисленным упоминаниям о них в законах и декретах: правительство выражало беспокойство по поводу численности этих «людей, личность которых никак нельзя было точно установить», этих «неизвестных и странствующих бродяг», этих «воров, картежников, темных личностей, людей с дурной славой».

Именно эти безземельные крестьяне, которых использовали нотабли на барщинных работах, и из числа которых набирались солдаты, которых переселяли к границам в военные колонии *(дон-диен)*, составляли основную движущую силу крестьянских восстаний в XIX веке, так же как и в средние века и в восстании тэй-шонов.

До сих пор не появилось еще ни одного серьезного исследования о делении вьетнамского сельского населения того времени на крупных и мелких землевладельцев, о делении земель на сдаваемые в аренду и непосредственно обрабатываемые землевладельцами. Но в 1953 году Фам-ван-Донг в своем докладе о земельной реформе, оперируя данными, относящимися к периоду коло-

---

[1] Идеализированное описание общины дается, например, генерал-губернатором Паскье в его книге «L'Annam d'autrefois» и историком-националистом Чан-чонг-Кимом.

ниального господства, подсчитал, что 60 процентов земли принадлежало 10 процентам сельского населения. Если даже допустить, что концентрация земель особенно усилилась при колониальном режиме в результате роста нищеты, тем не менее Вьетнам в XIX веке являлся, как об этом свидетельствовали путешественники того времени, феодальным государством, государством, в котором бо́льшая часть земли принадлежала меньшинству населения.

Правильно ли говорить о «собственности» в точном смысле этого слова? Некоторые французские историки и юристы отрицают существование земельной собственности во Вьетнаме. Знаменательно, например, что сразу же после завоевания Тонкина среди «ферристов» и «оппортунистов» разгорелись такие же алчные аппетиты на обширные «концессии», какие за несколько лет перед этим были вызваны оккупацией Туниса. Они утверждают, что во Вьетнаме вообще не было действительных владельцев земли, а были только «арендаторы императорских земель» и что императорское правительство было «единственным подлинным собственником земли». Разумеется, что в то время, когда императорское правительство покорно выполняло все указания колониальных властей, таким путем было легче всего узаконить захват земель новыми пришельцами. 1 мая 1908 года апелляционный суд Индокитая объявил, что во вьетнамском праве не существует права собственности на землю и что тот, кто перестает обрабатывать землю, теряет всякое право на нее.

В 1912 году один из колониальных администраторов Ж. Морель, который хорошо знал вьетнамскую жизнь и к которому крупные колонизаторы Тонкина относились с великим пренебрежением, подверг серьезной критике эту псевдотеорию [1]. Он напомнил, что налог, который в XIX веке взимался королем, вовсе не являлся, как это могло быть в прошлом, осуществлением действительного права собственности. На самом деле земельные собственники свободно распоряжались своими землями, и государство, по старому вьетнамскому праву, не имело права по своему усмотрению отбирать у них землю. Закон, изданный в 1834 году императором Минь-Мангом, предусматривал, например, что заброшенные земли, которые впоследствии с разрешения мандаринов были вновь освоены новыми хозяевами, должны быть возвращены старым владельцам в случае их возвращения в деревню.

Однако для феодального вьетнамского общества было характерно не только большое количество безземельных крестьян и концентрация земель в руках зажиточных крестьян. Организация сельской общины, несмотря на ее кажущийся «демократизм», еще более содействовала усилению власти богатых крестьян: нотабли, функции которых были так широки, выбирались из них или из числа купцов и богатых рантье, очень благосклонных к за-

[1] J. Morel, Les Concessions de terres au Tonkin, Paris, 1912.

житочным крестьянам. Чтобы обогащаться за счет крестьянских масс, они прибегали к самым разнообразным способам, что могли наблюдать еще первые французские администраторы в 1860 году в Кохинхине и в 1890—1900 годах в Тонкине. Передел общинных земель (*конг диен*) был для них существенным источником обогащения. Этот передел земель производился совершенно официально в том порядке, который устанавливался самими нотаблями. Как отмечает в конце XIX века администратор Ори,

> те, кто значился в начале списка, получали лучшие рисовые поля, дающие два урожая в год, остальные же получали такую землю, которая давала только один урожай, причем, как правило, обработка этих земель требовала таких затрат труда, которые не соответствовали низкому урожаю.
>
> В некоторых общинах влиятельные нотабли включали в списки на получение земли двенадцати-, тринадцати- и четырнадцатилетних мальчиков, своих племянников, двоюродных братьев или слуг. Это приводило к тому, что из списков исключались люди в возрасте двадцати и более лет, единственным недостатком которых было то, что они не принадлежали к влиятельным семьям...

С начала XIX века захват общинных земель нотаблями принял уже настолько значительные размеры, что император Минь-Манг приказал разбогатевшим нотаблям отдать (то есть возвратить) общинам $^{2}/_{3}$ всех их земель и попытался запретить им продавать общинные земли с выгодой для себя.

К тому же нотаблям было очень легко спекулировать на народном суеверии. Так, например, они оправдывали причудливую форму, которую подчас принимала сеть оросительных каналов, необходимостью беречь вены великого дракона, поддерживавшего вьетнамскую землю. Но здесь была другая подоплека...

> Итак, мнение нотаблей очень уважалось, — рассказывает Паскье, который, кстати сказать, очень благосклонно относился к нотаблям. — Тем не менее я не стану утверждать, что некоторые богатые и скептически настроенные нотабли никогда ловко не спекулировали на наличии священных вен, чтобы провести в другом направлении канал, который должен был пересечь их рисовые поля, или соорудить в другом месте дамбу, которая должна была бы засыпать их поля.

Сбор налогов, который мандарины поручали нотаблям, также давал им много других возможностей угнетать крестьян и совершать различные жульнические манипуляции. Общий пересмотр земельных реестров, который был поручен нотаблям при Минь-Манге, предоставлял им даже возможность лично устанавливать размеры налогов, что они, разумеется, использовали в своих интересах.

Вполне возможно, что исторические корни вьетнамской общины следует искать в очень древних формах первобытного сельского коммунизма. Однако в XIX веке вьетнамская община стала совершенно иной: она превратилась в орудие в руках крупных землевладельцев, «в руках нескольких влиятельных семей, которые ею управляли по своей воле и которые принимали все меры, чтобы не произошло никаких изменений в существующем порядке» [1]. «Бамбуковая изгородь» (*люи-че*), окружавшая каждую вьетнамскую деревню, служила не только защитой от грабителей или хищных зверей и являлась не только поэтическим символом «замкнутости» жизни вьетнамских деревень, как утверждают некоторые. Это барьер, за которым феодалы осуществляли полную власть над массой мелких арендаторов и безземельных крестьян, заставляя их нести всю тяжесть общинных налогов, принуждая нести барщину и эксплуатируя их другими способами.

Итак, сельское хозяйство Вьетнама носило ярко выраженный феодальный характер. Но этот феодальный характер сельского хозяйства Вьетнама имел свои, только ему присущие, особенности, обусловленные прежде всего техникой выращивания риса и историческим продвижением на юг: во Вьетнаме не было крупных поместий, принадлежавших одному владельцу, а были только мелкие крестьянские хозяйства. С другой стороны, крупные «феодальные владения», которые появились при династиях Чан и Ле, то есть группы деревень, захваченные каким-нибудь принцем или высокопоставленным мандарином, были упразднены Зя-Лонгом, так как монархия Нгюенов в эпоху своего расцвета не могла допустить даже малейшего ущемления своей власти. Таким образом, Вьетнам в XIX веке не знал классовой сегрегации; там не было класса, подобного французским владельцам замков, английским сквайрам с их поместьями, китайским землевладельцам с их *яменами*, но тем не менее крестьянство *внутри общины* было закрепощено властью феодального типа — властью олигархии богатых нотаблей.

* * *

Наряду с земледелием были развиты добыча полезных ископаемых и морской промысел, а также кустарная обработка их продукции. В XIX веке Вьетнам имел уже разностороннюю экономику. Целые прибрежные деревни занимались исключительно рыболовством; рыболовство служило также побочным занятием всех крестьян, которые с исключительной ловкостью, приводившей в восхищение европейских путешественников, ловили рыбу в многочисленных реках, каналах, на заливных рисовых полях и в других водоемах.

> Эти способы [рыбной ловли. — *Ред.*] были чрезвычайно разнообразны, — рассказывал в начале XIX века миссионер

---

[1] P. Ory, La Commune annamite au Tonkin, Paris, 1894.

Лемоннье де ла Биссашер. — Многие из этих способов известны только жителям Тонкина, а те из них, которые известны и другим народам, применяются в Тонкине гораздо искусней. Несравненно более ловко владеют там удочкой, сетью и другими рыболовными принадлежностями. Верши и сети делаются значительно лучше и ставятся более удачно. При помощи зажженных на воде факелов спугивают рыбу и принуждают ее в поисках убежища прыгать прямо в рыбацкую лодку.

В светлую лунную ночь к лодке прилаживают в наклонном положении покрытую глазурью доску, на которую прыгает рыба, а оттуда падает в лодку. Некоторые рыбаки ходят по воде на ходулях и ловят рыбу руками... искусные пловцы ныряют на самое дно, хватают рыбу и вытаскивают ее на поверхность. Иногда искусные пловцы устраивают настоящие игры с рыбами, которые, принимая рыбаков за себе подобных, привыкают к ним и следуют за ними прямо в сети, откуда их вытаскивают вместе...

Применяются и многие другие способы рыбной ловли. Есть рыбы, которые любят заплывать в сосуды определенной формы, сделанные из определенного материала, расставленные поблизости от них. Других рыб привлекают определенным цветом. Приманкой для третьих рыб служат пахучие листья, запах которых им нравится. Есть и такие рыбы, которых заманивают звуком. Таким образом, все органы чувств рыбы: осязание, обоняние, слух, зрение — используются для приманки... [1]

Добыча соли была неразрывно связана с рыболовством, так как из рыбы изготовляют соус *ньок-мам*. Это привело к резкому разделению труда между деревнями рыбаков и солеваров одного района и между рыбаками и солеварами одной деревни. Важное значение соли в экономической жизни страны подчеркивалось тем фактом, что она не облагалась налогом. Введение жесткой монополии на соль и учреждение управления по сбору налога на соль губернатором Думером [2], известным своей деятельностью в области финансов, разрушили эти существовавшие издавна порядки и разорили тем самым целые деревни.

Список рудников, составленный при императоре Минь-Манге, свидетельствует, что уже в XIX веке во Вьетнаме довольно широко была развита добыча полезных ископаемых. В то время во Вьетнаме насчитывалось тридцать четыре золотых прииска, двадцать девять рудников по добыче железной руды, четырнадцать серебряных рудников, девять медных, семь цинковых, три свинцовых, один оловянный. Наибольшее количество рудников

---

[1] P. Lemonnier, de la Bissachère, Etat actuel du Tonkin, de la Cochinchine et des royaumes de Cambodge, Laos et Lacthô, 2 vol., Paris, 1812.

[2] О Думере см. на стр. 102. — *Прим. ред.*

было в районе Тхай-нгюена на севере Вьетнама; там имелось двенадцать железных рудников, десять серебряных, шесть золотых, пять цинковых, два свинцовых и один оловянный. Принимая во внимание примитивную технику того времени, можно с уверенностью сказать, что эксплуатация полезных ископаемых Вьетнама в то время была более развита, чем в колониальный период. Демократическая Республика Вьетнам начиная с 1947 года возродила эту традицию на территории освобожденных районов и стала снова развивать добычу полезных ископаемых.

Однако эти рудники были королевской монополией, и мандарины Хюэ предоставляли права на их эксплуатацию чаще всего китайцам, да и то только на очень короткий срок.

Таким образом, громоздкий аппарат старой монархии, всецело занятый увеличением налоговых сборов, скорее ставил препоны, чем содействовал развитию производственных возможностей Вьетнама.

Производство таких ходовых товаров, как сосуды из бамбука, плетеные изделия — циновки и перегородки для хижин, по существу, обеспечивалось прежде всего ремесленниками каждой деревни, которые использовали местное растительное сырье. Но бóльшая часть товаров производилась в деревнях, специализировавшихся на производстве какого-либо одного вида товара. Например, были деревни, занятые исключительно производством шелковых или хлопчатобумажных тканей, черепицы или кирпича, касторового масла, гончарных изделий, сампанов, камышовых циновок и т. д. Товары этих деревень поставлялись на рынок данной провинции. В результате еще более детального разделения труда существовали даже настоящие «конвейеры деревень», каждая из которых выполняла одну из необходимых операций: гончарные изделия могли обжигаться в одной деревне, покрываться краской — в другой и расписываться — в третьей. В окрестностях таких крупных городов, как Ханой, некоторые деревни пользовались почти полной монополией на производство отдельных товаров. Например, инкрустация перламутром была развита в трех деревушках, которые позднее вошли в состав города и образовали там улицу инкрустаторов; производство зонтиков для чиновников — в деревне Хиен-лыонг около Ханоя и т. д. Эти деревни искусных ремесленников очень часто имели своего духа-покровителя: медники, например, почитали жреца Кхонг-Ло, который в свое время впервые привез бронзу из Китая. Наконец, в Хюэ, в столице империи, в государственных мастерских работали лучшие вышивальщики, инкрустаторы, мастера по производству лаковых изделий, золотых и серебряных дел мастера, резчики по слоновой кости, которых мандарины отбирали по провинциям для работы на Сына Неба [1].

---

[1] Сын Неба — так называли вьетнамского императора. — *Прим. ред.*

Эти вьетнамские ремесленники были замечательными мастерами. Случай, который приводит по этому поводу миссионер Бенинь Ваше, уже неоднократно приводился другими авторами:

> Чтобы показать... насколько способны были кохинхинцы, я хочу привести один факт, очевидцем которого я был и который я очень серьезно исследовал и изучил. Однажды я подарил великому принцу серебряный будильник и объяснил, как им пользоваться. Случилось так, что через несколько месяцев королевский золотых дел мастер при их сборке сломал зуб одного из двух зубчатых колес, что нарушило ход часов. Принц сообщил мне, что его часы погибли. В то время я жил у одного золотых дел мастера, который был христианином. Я разобрал часы и объяснил этому мастеру причину их неисправности. «Только-то и всего? — сказал он. — Я их сейчас же починю, так как нужно сделать только одну деталь, точно соответствующую той». Напрасно я ему доказывал, что ему не удастся этого сделать; и действительно, я никак не думал, что это может сделать человек, который никогда не занимался часовым делом. Мало сказать, что он сумел это сделать. Через двадцать три или двадцать четыре дня он положил передо мной два будильника, которые были настолько похожи друг на друга, что невозможно было отличить новый от старого. Это могло бы показаться совершенно невероятным, похожим на сон, если бы я не видел этого своими собственными глазами: оба будильника были абсолютно одинаковыми. Но самое замечательное то, что этот мастер смог сделать аналогичный механизм, взглянув только на одну из его частей. Надо сказать, ему не понадобилось много времени, чтобы стать хорошим часовщиком. В заключение мне остается только отметить, что как в ремесле, так и в науках нельзя желать бо̀льших способностей, чем те, которыми обладают кохинхинцы [1].

Древнее вьетнамское ремесло было технически оснащено. Уже использовались элементарные механизмы: рычаги, клиновые прессы, зубчатые колеса, гидравлические установки, педальные системы, шкифы, поршни и т. д. В XVII веке миссионер де Род сообщал, что прекрасные шелковые нитки использовались для рыболовных сетей и корабельных снастей. Сплав меди и свинца, распространенный во Вьетнаме, по мнению специалистов колониальной эпохи был исключительно подходящим для изготовления колоколов и имел особые свойства: раскаленный докрасна, а затем резко охлажденный в воде, он становился ковким и ковался даже на сухом песке.

---

[1] Bénigne Vachet, Mémoires sur la Cochinchine, «Bulletin de la Commission archéologique de l'Indochine», 1913.

Однако до завоевания Вьетнама особое внимание европейских путешественников, которые и сами были прекрасными корабельными мастерами, привлекало мастерство вьетнамских кораблестроителей.

> Их галеры для увеселительных прогулок представляют собой прекрасно сооруженные суда, — писал в 1793 году сэр Ж. Бэрроу, который сопровождал в то время лорда Макартнея, представителя Ост-Индской компании при китайском императоре. — Эти суда от пятидесяти до восьмидесяти футов длиной были иногда сделаны из пяти цельных досок во всю длину судна. Концы этих досок прочно скреплены деревянными шипами и бамбуковыми канатами без единого гвоздя. Высоко поднятые форштевень и ахтерштевень были тщательно украшены изображениями драконов и змей и раскрашены яркими красками [1].

Американский капитан Уайт, который посетил Сайгон в 1820 году и любовался в городском арсенале ста пятьюдесятью прекрасными галерами, заявляет, что «аннамиты, безусловно, являются наискуснейшими кораблестроителями и выполняют работу с исключительной точностью».

Кроуфёрд, этот умный и пытливый наблюдатель, в свою очередь отмечал в 1822 году, что «кохинхинцы славятся как наиболее искусные моряки на Дальнем Востоке» [2]. В то же время он приводит очень важные сведения об условиях жизни вьетнамских ремесленников: во время его пребывания во Вьетнаме ремесленник в Хюэ зарабатывал примерно в девять раз больше того количества риса, которое ему было необходимо для питания; значительная доля его доходов шла на другие, помимо риса, продукты питания; кроме того, у него оставалась еще половина всех доходов (около полутора испанских долларов) на покрытие расходов его семьи: на жилище, одежду и т. д.

Наконец, вьетнамское ремесло в XIX веке характеризовалось тем, что оно имело уже организованный сбыт своих товаров. Как уже отмечалось, бо́льшая часть ремесленников (горшечники, ткачи, лодочники и т. д.) селилась в отдельных деревнях или даже группами деревень; их товары шли на довольно широкий рынок.

Но при этом следует отметить, что социальный и политический строй старого Вьетнама мешал ремеслу развернуться в полную силу. Вьетнамская деревня в силу бедности крестьянских масс представляла собой очень ограниченный рынок сбыта. Кроме того, большим препятствием для развития ремесла было то, что по приказу двора мандарины разыскивали по провинциям

---

[1] J. Barrow, A Voyage to Cochinchina, London, 1806.

[2] J. Crawfurd, Journal of an Ambassy to Siam and Cochinchina, London, 1828.

лучших ремесленников и отправляли их в Хюэ для работы в королевских мастерских. Таким образом, старый режим тормозил экономическое развитие страны.

* * *

Довольно развитый торговый обмен охватывал прежде всего те товары, которые в силу чисто географических причин или в силу размещения центров ремесла не встречались в каждой общине и даже в каждом районе: ткани, гончарные изделия, сампаны, а также арек (орехи), рыбный соус *ньок-мам*, спирт, сахар.

Рис, который в избытке производился в Кохинхине, в большом количестве отправлялся в Северный и Центральный Вьетнам. Значительная часть товаров переправлялась носильщиками, но бóльшая их часть транспортировалась по воде — по многочисленным арыкам, каналам и рукавам рек, сеть которых, фактически не прерываясь, покрывала не только дельты Северного и Южного Вьетнама, но и прибрежную полосу Центрального Вьетнама. Кроме того, товары перевозились морем на судах, совершавших плавание вдоль побережья между Сайгоном, который был уже в то время важным торговым центром, Ня-чангом, Кюи-нёном, Фай-фо, Тураном и Ханоем (несмотря на значительное расстояние от моря, Ханой был доступен для джонок). Напротив, сухопутные дороги имели прежде всего политическое значение. Длинная и узкая, выложенная камнем полоска была удобна только для пеших и конных королевских курьеров, передвигавшихся от одной почтовой станции (*чам*) к другой.

Торговые центры старого Вьетнама, то есть рынки, не располагались в деревнях, так как землевладельцы, которые беспрепятственно господствовали за «бамбуковой изгородью», окружающей общину, относились явно недоброжелательно к поселению новых пришельцев, деятельность которых могла выйти из-под их контроля. Но купцы избегали также селиться и в «городах», которые с их крепостями и дворцами мандаринов были фактически только политическими центрами. Купцы боялись соседства с алчными феодалами-мандаринами. Рынки располагались на пересечении речных путей в стороне от портов и таких крупных центров, как Ханой и Сайгон (точнее, Зя-динь). В «Заметках о Зя-дине» приводятся многочисленные примеры того, как создавались во вновь освоенном районе дельты Меконга торговые центры: были случаи, когда торговля производилась прямо на реке — на паромах и плотах; а затем многие из этих мест перерастали в постоянные населенные пункты.

Каков был объем внутренней торговли накануне колониального завоевания? На этот вопрос нельзя ответить точно ввиду отсутствия серьезных исследований по экономике Вьетнама

в XIX веке. Однако замена одних денежных знаков другими указывает на развитие торговли. В средние века и даже еще в период раздела Вьетнама между феодальным домом Чиней и феодальным домом Нгюенов основной монетой был *сапек* из чистой меди или сплава меди, несколько сотен которых составляли громоздкую монету — *лигатуру*. Эта монета, небольшая по стоимости и очень неудобная в обращении, могла быть пригодна только в обществе, экономическая деятельность которого еще не вышла за рамки деревни и где торговые отношения были развиты очень слабо (налог взимался главным образом рисом). Но в XIX веке Зя-Лонг и Минь-Манг начинают плавить драгоценные металлы — золото и серебро. Они не только сами чеканили монеты из этих металлов, но даже предоставляли это право некоторым частным лицам, что является первым признаком развития товарных отношений.

Однако монархический аппарат власти, находившийся в руках мандаринов, интересы которых были связаны с сельским хозяйством, препятствовал развитию торговли, так же как и развитию добычи полезных ископаемых и развитию ремесла. Торговцы облагались многочисленными сборами: были установлены налоги за пользование рынками и паромами, джонками и сампанами. С другой стороны, торговля некоторыми товарами являлась королевской монополией; эти товары подлежали сдаче государству и, следовательно, выпадали из нормального торгового оборота. К таким товарам относились, в частности, товары, производимые в горных районах и часто отбиравшиеся силой у племен тхаи, тхо и мыонгов: корица, оленьи рога, воск, слоновая кость, ценные породы деревьев.

Развивалась также и внешняя торговля, причем основным импортером и экспортером был Китай. Вьетнамские джонки [1] везли в Китай главным образом соль, а оттуда привозили шелк, чай, огнестрельное оружие. Из Сингапура импортировалась индийская хлопчатобумажная пряжа, которая служила сырьем для кустарных мастерских (из вьетнамского хлопка изготовлялась пряжа только низкого качества). Накануне завоевания, по подсчетам миссионеров, таможенные пошлины приносили доход в три миллиона золотых франков в год при общей сумме бюджета в сорок миллионов. Это вполне вероятно, особенно если принять во внимание свидетельство миссионера Легран де ла Лирэй о том, что мандарины присваивали себе по меньшей мере в два раза больше этой суммы, и, таким образом, фактическая сумма таможенных пошлин намного превышала те доходы, которые Хюэ получал от таможенных сборов.

---

[1] В 1822 году из Сайгона, как сообщает Кроуфёрд, направилось в Китай 30 джонок водоизмещением 6500 тонн; из Фай-фо — 16, из Хюэ — 12, из Тонкина — 38 джонок. Общий тоннаж этих джонок составил 17 тысяч тонн. Это была еще незначительная по своим размерам торговля.

К 1850 году испанские и мексиканские серебряные пиастры, на основе которых велась торговля по всему Тихому океану, уже проникли во вьетнамские порты, и в частности в Сайгон, где адмиралы впоследствии сделали их официальной денежной единицей колонии.

Однако торговля между Вьетнамом и соседними государствами также не могла свободно развиваться: мандарины обложили ее тяжелыми налогами. Европейские путешественники с досадой описывают утомительные формальности, связанные с этими сборами. К этому следует еще добавить всевозможные запрещения: для вывоза риса, соли, меди, драгоценных металлов необходимо было получить специальное разрешение, которое выдавалось крайне редко. Кроме того, купцы должны были постоянно поставлять рис для армии, экипировать ее или перевозить строительные материалы для королевских построек, и все это без всякого вознаграждения.

Таким образом, громоздкий аппарат монархии Нгюенов в XIX веке ставил препоны для деятельности вьетнамских крестьян, ремесленников и купцов.

Глава V

ВЬЕТНАМ В XIX ВЕКЕ. МОНАРХИЯ НГЮЕНОВ

Со времени поражения тэй-шонов в 1802 году Нгюен-Ань, который принял имя Зя-Лонга, стал владыкой всего Вьетнама. Но его победа была еще непрочной: старый строй был сильно расшатан движением тэй-шонов; хотя это движение и потерпело поражение, крестьяне почувствовали свою силу. На долю Зя-Лонга выпало восстановить этот старый строй, за что он и взялся с большой энергией. Это возвращение к старому режиму придало своеобразный характер правлению Зя-Лонга, а также его преемников, последних императоров старого независимого Вьетнама: Минь-Манга (1820—1841), Тхиеу-Чи (1841—1847) и Ты-Дыка (1847—1883).

Зя-Лонг и Минь-Манг опирались на мощный административный аппарат, который в течение веков создавался вьетнамскими феодалами, заимствовавшими опыт китайских мандаринов.

Правительство было размещено в Хюэ, в столице, основанной Нгюенами в то время, когда они еще были только «сеньорами Юга». Ханой, древняя национальная столица, был покинут, то есть была покинута дельта — колыбель вьетнамской нации, были покинуты миллионы крестьян, являвшихся в свое время опорой монархии, то есть были покинуты те самые крестьяне, которые боролись в защиту национальной независимости: под руководством Чан-хынг-Дао от нашествия монголов в 1284 году и во главе с Куанг-Чунгом от нашествия маньчжуров в 1789 году. В своих дворцах, которые были скопированы с дворцов Запретного города [1] в Пекине, императоры династии Нгюенов отгородились от народа девятикилометровой стеной «а ла Вобан», построенной по указаниям сообщников Пиньё де Беэна. Им казалось, что они находятся в безопасности, но когда нависла действительная опасность, они оказались лишенными поддержки народа.

[1] Резиденция китайского императора. — *Прим. ред.*

Подобно правителям Пекина, вьетнамский император, *Хоанг-Де* («Сын неба»), особа которого была священна, обладал в принципе абсолютной властью. Ему оказывались при дворе всевозможные почести, для него устраивались торжественные и пышные церемонии, он называл своим именем годы своего царствования, он один имел право носить одежду из шелка желтого цвета, который являлся эмблемой его высокого сана. «Сын неба» окружал себя высокопоставленными советниками, набираемыми из числа старших мандаринов. Самым влиятельным из них был «маршал Центра» (нечто вроде коннетабля[1]), который в свою очередь был окружен «четырьмя столпами Империи» — высокопоставленными военными мандаринами, носившими звание маршала правого фланга, маршала левого фланга, маршала арьергарда и маршала авангарда. Существовал трибунал цензоров, который также был заимствован у Китая; этот трибунал располагал большими правами контроля.

По китайскому же образцу министерства Вьетнама управлялись не отдельными лицами, а коллегиями, состоявшими из председателя, вице-председателя и нескольких членов. Именно таким было руководство шестью центральными министерствами: внутренних дел, финансов, культов и обрядов, юстиции, общественных работ и военного министерства. Так же как и в Пекине, не существовало министерства иностранных дел. Вьетнамский император поддерживал регулярные сношения только с китайским императором, которому он продолжал посылать традиционную дань и от которого получал инвеституру. Поддержание отношений с «иностранными варварами» входило в компетенцию местных чиновников.

Эта центральная администрация опиралась на целую пирамиду мандаринов провинций (*тиней*), маленьких и больших округов (*хюенов* и *фу*) и нотаблей кантонов. В каждой общине управление находилось в руках нотаблей, уполномоченный которых (*ли-чыонг*) обеспечивал выполнение приказов, поступавших от вышестоящих инстанций. Но в силу прежде всего меньших размеров страны, а также в силу более крепкого национального единства вьетнамская администрация отличалась от своего китайского образца в одном: она была значительно более централизована. Не было ничего похожего на широкие полномочия, которые в Китае были предоставлены провинциальным властям. Мандарины всех ступеней играли только роль промежуточных и исполнительных инстанций. К тому же небольшой по своим размерам Вьетнам накануне завоевания насчитывал в своем составе тридцать одну провинцию, в то время как в огромном Китае насчитывалось всего восемнадцать провинций. И каждая из этих провинций, которые по своим размерам часто были меньше, чем французский департамент, находилась под непосредственным

[1] Коннетабль — во Франции в XVI—XVII веках — главнокомандующий армией. — *Прим. ред.*

контролем Хюэ. Попытки создать промежуточную инстанцию, предпринятые при Зя-Лонге, а затем и при Ты-Дыке, не увенчались успехом. Таким образом, искусственное разделение Вьетнама в эпоху колониального господства на «Тонкин», «Аннам» и «Кохинхину» не имело прецедента в административной практике старого Вьетнама.

Сеть из тридцати одной провинции покрывала не только собственно вьетнамские районы равнины, но и плато Центрального Вьетнама и горы Северного Вьетнама. Племена мои, жившие в деревушках, разбросанных на большом удалении друг от друга, племена тхаи и мыонг, жившие к югу от Красной реки, племена нунг, тхо, ман, мео, обитавшие на пограничной с Китаем территории, находились под более или менее эффективной властью мандаринов, одной из основных функций которых было взимание натуральных налогов (в виде корицы, слоновой кости, ценных пород деревьев и т. п.). Но эта унификация управления отнюдь не разрешила проблему национальных меньшинств, которые все время находились в зависимом положении, что тормозило их экономическое и культурное развитие.

Отлично организованная сеть почтовых станций (*чам*), расположенных вдоль дорог и обслуживавших курьеров мандаринов, составляла костяк этой централизованной администрации. Зя-Лонг и его преемники еще более укрепили эту сеть почтовых станций, особенно вдоль «дороги мандаринов», протянувшейся от Ханоя до далекого Сайгона, которая являлась как бы позвоночным столбом древней монархии.

Своих министров и чиновников Зя-Лонг вооружил грозным оружием — новым сводом законов, который был направлен на то, чтобы призывать возмущенные крестьянские массы к общественному порядку. Такая его целеустремленность чувствуется даже в преамбуле:

> С течением времени утрата добрых нравов привела к тому, что народ стал все больше и больше нарушать порядок и, в конце концов, наказания стали слишком мягки и статьи кодекса далеко несовершенны. Вот почему возникла *крайняя необходимость расширить кодекс.*
>
> Так как нравы империи стали уже не те, новый кодекс законов стал необходимостью.
>
> Каждая из предшествующих династий королевства Аннам имела свои собственные законы и порядки вплоть до восстания тэй-шонов, которое, опрокинув все законы и порядки, привело к несправедливости и *забвению всякого долга...*

Не случайно этот новый кодекс носил на себе печать значительного влияния законов, обнародованных в Китае маньчжурской династией Цин. Снова, как и не раз прежде, вьетнамский привилегированный класс заимствовал у старого китайского режима средства для поддержания своей власти.

Новый кодекс восстанавливал и усиливал наказания, предусмотренные кодексом династии Ле за сопротивление властям, за восстания и за измену.

Кодекс обеспечивал защиту ненавистным народу чиновникам, предусматривая, например, наказание ссылкой за 3 тысячи ли (статья 236) за избиение сборщиков налогов. Он устанавливал также (статья 262) строгий режим пропусков, согласно которому каждый путешественник обязан был иметь выдаваемый местными властями пропуск, который проверялся в пути контрольными постами.

Кодекс не давал возможности крестьянам и ремесленникам уклоняться от несения тяжелых повинностей: статья 80 кодекса предусматривала сто палочных ударов для тех, кто убегал с целью избавиться от уплаты налогов и несения трудовой повинности, и от десяти до пятидесяти палочных ударов для ремесленников, которые скрывались, когда должны были выполнять трудовую повинность.

Для поддержания своей власти императору была не менее необходима и вооруженная сила. Солдаты поставлялись общинами из расчета один человек от каждых пяти, семи или десяти «внесенных в списки» налогоплательщиков в зависимости от благосостояния деревни. Постоянной заботой Зя-Лонга и Минь-Манга было не допустить еще раз возникновения такого восстания, как восстание тэй-шонов. Именно с этой целью войска размещались в крепостях «а ла Вобан», построенных эмигрантами, которых привез с собой еще Пиньё де Беэн, и вьетнамцами, которых они обучили. Размещение этих крепостей ясно показывает, что их назначение состояло прежде всего в наблюдении за крестьянскими массами: укрепления были возведены не только в Хюэ и Сайгоне, но и в таких городах, как Куанг-нгай, Нге-ан и Тхань-хоа, которые были расположены по соседству с традиционными очагами крестьянских восстаний.

Наряду с кодексом и крепостями третьим основным колесом в политической машине, восстановленной Зя-Лонгом, был кадастр. Пересмотр кадастра Зя-Лонг доверил самим нотаблям, узаконив тем самым их привилегированное положение. На основе этого кадастра взимался поземельный налог как с общинных, так и с частных земель в размерах, установленных в зависимости от их качества. Кроме кадастра, существовал еще реестр (*диа-бо*), на основе которого взимался подушный налог с каждого «внесенного в списки», то есть с налогоплательщиков, имеющих какой-то доход. Пересмотр реестра при Минь-Манге также был доверен нотаблям, однако государство требовало, чтобы число лиц, «внесенных в списки», не уменьшалось. В случае необходимости нотабли должны были пополнять списки из числа крестьян, ранее освобожденных от налогов. Так как распределение налогов между налогоплательщиками проводилось также самими нотаблями, не приходится сомневаться, что

они имели возможность разнообразными способами использовать в своих интересах эту фискальную систему.

Налоги, взимаемые преимущественно в виде риса, поступали в императорские амбары, чтобы затем удовлетворять потребности двора, армии и мандаринов. Но в XIX веке в силу возросших финансовых потребностей монархии начинает развиваться и денежный налог.

Кроме этих налогов, существовали еще налог на внешнюю торговлю, налоги на рынки и паромы, налоги на места рыбной ловли и на места добычи соли (последний налог выплачивался солью), а также на доходы от монополии на рудники и лесной промысел. По оценке Люро, чиновника французской колониальной администрации, бюджет вьетнамской монархии накануне завоевания Кохинхины составлял 40 миллионов золотых франков. Эта цифра приблизительно совпадает с данными, которые приводит миссионер Луве: 36 миллионов золотых франков, из которых 12 миллионов поступали от поземельного налога, 10 миллионов — от особых статей королевских доходов (главным образом поступления от национальных меньшинств), 3 миллиона — от таможенных сборов и 11 миллионов — от других налогов и сборов [1].

Кроме того, население несло на себе тяжесть трудовой повинности, которую выполняли главным образом крестьяне «внесенные в списки». Продолжительность трудовой повинности, которая не была точно установлена, равнялась приблизительно шестидесяти дням в год, а общинная трудовая повинность по поддержанию в порядке дорог и дамб, по прорытию каналов и так далее ложилась на плечи беднейшей части населения — на не внесенных в списки крестьян.

Что представляли собой эти налоги и повинности для населения? Разумеется, они были очень обременительны. Но, если сравнить сумму налогов в 30—40 миллионов франков с теми огромными налоговыми сборами, которыми в последующий период кичилась колониальная администрация, то эта сумма покажется относительно умеренной. Руководство различными отраслями управления страной находилось в руках гражданских и военных мандаринов, которые собирали налоги, вершили суд, управляли провинциями, *фу*, *хюенами* и кантонами, командовали армией. Эта бюрократия мандаринов была прочно объединена в единую иерархию. Каждый мандарин, какова бы ни была его должность, принадлежал к одной из девяти ступеней мандарината, каждая из которых в свою очередь состояла из двух классов. Например, мандарину второго класса третьей ступени соответствовали должности вице-председателей бюро, в которое поступали из провинций доклады дворцовых интендантов по про-

---

[1] Цит. по J. Silvestre, L'Empire d'Annam et le peuple annamite, Paris, 1889.

довольствию, управляющих императорскими конюшнями, вице-советников трибуналов, подполковников гвардейских полков, помощников военачальников провинций... Однако в соответствии с конфуцианским учением, которое призывало мудрых к отречению от земных благ, жалованье мандаринов было очень низким: *тонг-док* (начальник провинции) получал в месяц две унции серебра и паек риса, глава хюена получал четыре лигатуры (меньше двух золотых франков) и паек риса. Это низкое жалованье, разумеется, дополнялось разного рода пожалованьями натурой: бесплатным предоставлением жилого помещения и многочисленной прислуги, предоставлением права охоты и рыбной ловли в императорских владениях. Тем не менее не приходится сомневаться, что мандарины занимались всевозможными вымогательствами у своих подчиненных. Таким образом, происходило тесное переплетение конфуцианской морали и феодальных порядков... Уже во время правления Зя-Лонга очевидцев поражало это лихоимство мандаринов. Например, французский эмигрант Шенье писал в 1807 году:

> Народ живет в невероятной нищете. Король и мандарины угнетают народ самым возмутительным образом. Правосудие во власти денег. Богатый может безнаказанно притеснять бедняка, так как он уверен, что при помощи денег ему удастся привлечь правосудие на свою сторону [1].

Меры, которые, хотя только на словах, должен был принять Зя-Лонг против некоторых наиболее возмутительных злоупотреблений, показывают, как злоупотребляли обычно мандарины. Кодекс устанавливал наказание в сто палочных ударов для чиновников, которые оправдывали богатых и сваливали всю вину на бедных (статья 78), и предусматривал новые меры наказания в том случае, если вышестоящие власти отказывались принимать жалобы от пострадавших. Чиновник, который заставлял своих подчиненных работать на себя, получал за это от сорока до восьмидесяти палочных ударов (статья 81).

Лихоимство мандаринов было очень тяжелым бременем для народа. Кроме того, это лихоимство, как отмечал английский врач Финлэйсон во время своего пребывания во Вьетнаме в 1822 году, препятствовало подъему сельскохозяйственного производства, мешало развитию внутренней и внешней торговли, отвлекало из сферы производства рабочую силу.

> Печально сознавать, — писал он, — какое огромное число людей занято на работах, совершенно непроизводительных для государства и даже вредных для развития национального мастерства. Каждый мандарин, даже самого низшего ранга, пользуется услугами многочисленной челяди.

---

[1] Письмо, опубликованное в «Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient» за 1912 год.

Как пополнились ряды мандаринов? В принципе это происходило «демократическим» путем: путем государственных литературных конкурсов, лауреаты которых могли быть назначены на эти доходные административные должности. Однако следует отметить, что до сих пор точно не известно, к каким социальным слоям они относились и, что особенно важно, чьи интересы они представляли. По установившейся традиции историки монархии обычно приводят примеры высокопоставленных мандаринов очень низкого происхождения, как, в частности, Фан-тхань-Зян, знаменитый вице-король Западной Кохинхины, который в 1867 году покончил жизнь самоубийством в знак протеста против захватнической политики французских адмиралов. Однако сомнительно, чтобы все мандарины были выходцами из низших слоев населения. Существование специального колледжа Куок-ту-зям для сыновей мандаринов уже говорит само за себя. Кроме того, известны «знатные роды» мандаринов, например род высокопоставленного мандарина Нгюен-хыу-До, который родился в 1833 году, а в 1886 году был назначен французскими властями вице-королем Тонкина. Один из его далеких предков был старшим наставником при дворе Ле-Лоя в XV веке, и с тех пор представители этого рода занимали различные высокие должности при дворе династии Ле, затем при дворе династии Нгюенов в Южном Вьетнаме, командуя королевскими армиями в борьбе против Чиней и камбоджийцев, сопровождая Нгюен-Аня в его походах против тэй-шонов. Возникает также вопрос, не перерождались ли при старом режиме и мандарины простого происхождения, воспитанные с детства на конфуцианской морали? Не вставали ли они на защиту привилегированных, на защиту богатых нотаблей, так же как если бы они сами вышли из их рядов? Не начинали ли они жить, в конце концов, за счет крестьян и не руководили ли репрессиями против них во время восстаний?

В XIX веке конфуцианство продолжало играть во Вьетнаме такую же важную роль, как и в прошлом. Оно было необходимой опорой монархии и всего старого социального строя.

Западные толкователи конфуцианских текстов очень часто останавливались на моральной стороне учения Конфуция и его последователей. Но не менее важной является политическая сторона его учения, хотя она и менее ясно изложена. Конфуцианское понятие общественного строя *тхиен-мень* (которое часто переводят как «приказ неба») приводит к самому ограниченному политическому конформизму. «Принц должен быть принцем, министр — министром, отец — отцом, а сын — сыном», — так определял Конфуций правильный образ правления («Беседы», XII, 11). Народ заслуживает только презрения: «Людьми низкого происхождения очень трудно управлять. Если вы будете с ними обращаться хорошо, они перестанут вам повиноваться, если же вы

будете держать их на подобающем расстоянии, они будут высказывать недовольство» («Беседы», XVII, 25). Поэтому конфуцианские мудрецы прежде всего старались держать народ в подчинении; этому должно было способствовать соблюдение долга сыновней почтительности: «Если будет соблюдаться почтительное отношение к родителям и нежное отношение к детям, тогда и народ будет лояльным» («Беседы», II, 20). Итак, уважение к традиции, почтительное отношение к словам стариков и древних критиков надежно гарантировали общество от всяких опасных новаторов. «Я не ел весь день и не спал всю ночь, — заявляет сам Конфуций, — но это ничего не дало мне. Нужно заниматься более тщательным изучением» («Беседы», XV, 30). Это означает, что иссушающие комментарии древних текстов следует предпочитать мышлению оригинальному, но могущему стать разрушительным.

Разумеется, политические деятели, воспитанные на конфуцианской морали, давали иногда образцы подлинного морального совершенства. Например, взятый вне текста цитируемый нами отрывок из преамбулы кодекса Зя-Лонга ставит вопрос о ликвидации преступности в выражениях, достойных самого высокого уважения.

> Мы приказали мандаринам высшего ранга тщательно изучить различные кодексы... и составить свод законов, который мы сначала сами изучили, а затем обнародовали, с тем чтобы каждый знал, что ему разрешено и что запрещено, чтобы наши законы и правила, чистые и ясные, как свет солнца и луны, были всюду известны и чтобы каждая статья, которую так же легко понять, как услышать раскат грома, не могла быть никем нарушена без ясного сознания того, что это является нарушением закона. Каждый мандарин должен точно знать законы, входящие в кодекс. Темный люд также будет их знать и поэтому будет стараться не попасть в число виновных. Таким образом, народ, изменив свое поведение, обратится к добродетели и *наказание уступит место воспитанию*. Когда преступлений больше не будет, суд станет ненужным и наказания будут ликвидированы.
>
> Как можем мы не надеяться и не ждать того дня, когда настоящий кодекс станет ненужным?

Древний идеал «правильного образа правления», предание о «золотом веке», которое тысячелетиями сохранялось в памяти крестьян Дальнего Востока, вдохновляли на создание таких текстов, как например возвышенная надпись в память основателя города Тяу-док в Южном Вьетнаме:

> Пусть писания и литература будут такими же правильными, как след колеса; пусть таможни и почтовые станции хорошо управляются, равнины заселяются и застраиваются деревнями, пусть все жители будут записаны в земельные

реестры, а поля будут засажены тутовыми деревьями и коноплей, пусть за огнем всегда следует дым [1].

Однако этой традиции правильного образа правления воздавали лишь мимолетное уважение; основное содержание конфуцианства от этого отнюдь не менялось: защита существующего порядка, а точнее — защита несправедливостей существующего порядка.

Знание этой конфуцианской морали и требовалось от кандидатов на больших государственных литературных экзаменах. В каждой провинции полугодовые конкурсы представляли собой лишь простые отборочные испытания. В таких крупных центрах, как Зя-динь (Сайгон), Хюэ, Нам-динь, Ханой, каждые три года происходили конкурсы на присвоение званий *ту-тай* (бакалавра) и *кы-нян* (лиценциата). И только самые достойные из числа кы-нянов допускались на конкурсы в Хюэ, происходившие каждые три года в присутствии самого императора или его представителя, для получения высокого звания доктора *(тиен-ши)*. Эти конкурсы, наиболее значительные из которых привлекали тысячи и десятки тысяч любопытных, происходили в торжественной обстановке в «лагере ученых», обнесенном деревянной изгородью. Темы объявлялись утром. Каждый кандидат помещался в отдельной маленькой каморке, сделанной из камыша и бамбука, под надзором солдат, вооруженных копьями. Незадолго до полуночи удары гонга извещали о том, что каждый должен сдать свое сочинение, свои стихи или свой философский трактат. Затем глашатаи объявляли результаты конкурса.

Одни из *кы-нянов* и *тиен-ши* становились мандаринами, другие оставались просто учеными. Последние возвращались в свои деревни или свои провинции, где жили в бедности, но в почете, обучая детей азам китайской письменности, помогая в организации местных церемоний. Таким образом, они в свою очередь несколько своеобразно и более скромно, чем мандарины, но, возможно, более действенно способствовали защите монархического строя, пытаясь удержать массы крестьянского населения под влиянием конфуцианства. Но в то же время это «низшее духовенство» старого вьетнамского режима было тесно связано с крестьянскими массами и в тяжелые моменты оно могло встать во главе этих масс. Так, после 1888 года конфуцианские ученые-монархисты руководили борьбой против колониального режима с таким упорством, которое способны были проявить далеко не все мандарины императорского двора.

Династия Нгюенов, которая прочно опиралась на конфуцианство, проявляла резкую враждебность к народным религиям — буддизму и таоизму. Кодекс Зя-Лонга предусматривает многочисленные и очень строгие меры наказания для последователей

---

[1] C. Briffaut, La Cité annamite, Paris, 1909.

этих религий: сорок палочных ударов для чиновников, которые позволяли своим женам и дочерям посещать пагоды Будды, Дао или духов-покровителей (статья 143); ссылку за три тысячи ли для «служителей и служительниц вредных религий» и для занимающихся колдовством и некроманией (статья 144); восемьдесят палочных ударов для тех, кто без разрешения побреет голову или сделает прическу таоистских жрецов, что является «бесполезной тратой богатств народа» (статья 75). За этими жрецами, способными оказывать опасное влияние на крестьян, был установлен строгий надзор.

* * *

Защита привилегий нотаблей, эксплуатация налогоплательщиков и тех, кто обязан нести трудовую повинность, расходы двора и армии — все эти заботы отнюдь не освобождали правителей династии Нгюенов от заботы о судьбе крестьянства. Как раз наоборот, чтобы избежать постоянной угрозы крестьянских восстаний, им необходимо было заботиться об обеспечении безопасности крестьянских полей и о предоставлении им новых земель.

На первом плане всегда стоял вопрос о содержании в порядке дамб и каналов. Проблема эта была очень сложной: с одной стороны, дамбы защищали поля от наводнений, а с другой стороны, лишали эти поля воды, столь необходимой в период низкой воды, и тем самым обрекали их на засуху. Серьезно ставился вопрос даже об уничтожении дамб.

> В год *Кюи-хой* (1803), — рассказывается во вьетнамских летописях, — императорским декретом предписывалось мандаринам и всем жителям Тонкина обсудить вопрос о том, полезны или вредны дамбы... «Так постарайтесь же вы, — говорилось в декрете, — кто родился в этой стране, кто здесь вырос, кто здесь постоянно живет и, следовательно, знает обычаи и нужды народа, постарайтесь дать нам ответ, выгодно ли уничтожить дамбы или, наоборот, сохранить и укрепить их» [1].

Минь-Манг в свое время также заявит, что этот вопрос об уничтожении дамб «не выходит у него из головы ни днем, ни ночью». Ты-Дык в свою очередь даже назвал сеть дамб «необдуманным предприятием, которому мы обязаны бесчисленными общественными бедствиями».

Однако никто и никогда не решился разрушить дамбы. Народная поговорка, которую привел Минь-Манг мандаринам во время обсуждения этого вопроса, поясняет все опасения, связанные с этим: «Воздерживаться от еды из боязни подавиться».

---

[1] Цит. по E. Chassigneux, L'Irrigation dans le delta du Tonkin, Paris, 1912.

Разрешить эти противоречивые стремления — защитить поля от затопления и обеспечить их водой — удалось другими мерами. Принятый Минь-Мангом в 1833 году важный декрет представляет собой, по словам историка Шассиньё, «изложение новых взглядов на ирригацию»:

> Когда рисовые поля затоплены дождевой водой и когда уровень воды в реках еще довольно низкий, представляется целесообразным прорыть дренажные каналы и отвести воду с полей в реку. Таким образом можно избежать затопления полей и сгнивания на корню летнего урожая. Наоборот, если дождей нет и поля высыхают, а уровень воды в реках довольно высокий, тогда нужно направить воду по каналам из реки на поля... Целесообразно поэтому поручить присмотр за всеми дамбами, общественными и частными, провинциальным мандаринам, которые будут содержать их в порядке, согласно предписанным правилам, и одновременно будут изучать возможности сооружения дренажных и оросительных каналов... Во время летнего и зимнего урожая они должны будут в зависимости от того, угрожает ли полям засуха или затопление, то подавать воду из рек на поля, то отводить ее с полей в реки. Они будут закрывать трубы, проложенные под дамбами, когда уровень воды в реке будет высоким...

Замечательно уже это теоретическое усилие Минь-Манга разрешить во взаимосвязи вопрос о дамбах и вопрос о засухе, несмотря на то, что это усилие не привело к существенным результатам. Подчинение мандаринов, ведавших общественными работами, провинциальным мандаринам, лучше знавшим *общие* потребности местного хозяйства, являлось мерой, подобную которой тщетно пытались найти в эпоху колониального господства...

В стране, население которой постоянно росло, освоение новых земель являлось не менее важным делом, чем поддержание в хорошем состоянии уже существовавших посевных площадей. Начиная с 1817 года Зя-Лонг приказал разыскивать всех безработных, чтобы поселять их на целинных и заброшенных землях. Указом Минь-Манга от 1831 года предусматривалось бесплатное предоставление любого участка целинных и заброшенных земель «каждому, кто попросит об этом». Не довольствуясь только мерами поощрения частной инициативы, государство само занималось освоением целинных земель путем организации военных колоний и колоний заключенных. Например, Минь-Манг вновь приступил к созданию на юге страны военных колоний *дон-диен*, которые впервые начали создаваться в XV веке королями династии Ле. Эти группы военных колонистов обрабатывали земли, пожалованные королем. Кроме уплаты натурального налога в падди [1], они должны были в первый месяц каждого года являться

[1] Падди — неочищенный рис. — *Прим. ред.*

на военные учения в крепость. В 1849 году Ты-Дык предпринял новые шаги в этом направлении. Отныне солдаты, направляемые на юг страны, обязаны были осваивать целинные земли и платить налог только по истечении семи лет. Их *дой* (сержант) основывал рынок и являлся начальником деревни, в которой сооружался небольшой форт, куда солдаты должны были являться для несения караула. Эти деревни *дон-диен* были особенно многочисленны на западе Кохинхины, территория которой часто подвергалась налетам камбоджийских и сиамских отрядов. Колонисты *дон-диен* в 1860—1870 годах сыграли важную роль в организации сопротивления войскам адмиралов Наполеона III.

Наряду с крестьянами-солдатами в Кохинхину, так же как и в долины Среднего района Тонкина, направлялись осужденные по кодексу на далекую ссылку или на временное отбытие наказания в колониях заключенных.

Однако, так же как продвижение на юг и сооружение первых дамб не оказались достаточными, чтобы предотвратить средневековые крестьянские восстания, мероприятия династии Нгюенов в области сельского хозяйства не облегчили тяжелого положения крестьян. В XIX веке вновь вспыхивают крестьянские восстания.

Как и в прошлом, эти восстания не выходили за рамки простых крестьянских бунтов, которые вызывались голодом, наводнениями (как, например, восстание в Тонкине в 1807 году) или другими бедствиями. Национальные меньшинства также продолжали принимать участие в этих восстаниях. Например, в 1833—1835 годах Нунг-ван-Ван, один из нотаблей племени нунгов, повел за собой всех нунгов и тхо провинции Тюен-куанг. Так же как и раньше, во главе этих восстаний часто вставали более или менее законные представители династии Ле, как например в восстании в Нинь-бине в 1833 году и в восстании в Шонтае в 1854 году. Вьетнамские крестьяне, находившиеся в тяжелом положении, по-прежнему искали утешения в воспоминаниях о прошедших временах.

В 1826—1827 годах на севере страны вспыхнуло крестьянское восстание, характерной особенностью которого было то, что оно явилось продолжением восстания тэй-шонов. Один из руководителей этого восстания Нгюен-Хань был другом и соратником Нгюен-ван-Хюэ или Куанг-Чунга, наиболее активного и предприимчивого из трех братьев тэй-шонов. Этот «последний из могикан движения тэй-шонов», как его называет историк Голтье, бежавший в 1802 году в Китай, поднял в 1826 году против армий Минь-Манга население всей Тонкинской дельты.

Мощное восстание 1833 года под руководством Ле-ван-Кхоя, которое в течение целых двух лет потрясало весь Южный Вьетнам, носило более сложный характер. Кхой был приемным сыном знатной особы маршала левого фланга Ле-ван-Зюета, друга и соратника Зя-Лонга еще с тех времен, когда Зя-Лонг носил имя Нгюен-Аня и боролся против тэй-шонов. Однако Минь-Манг

после смерти Ле-ван-Зюета подверг опале Кхоя и всех сподвижников старого маршала. Некоторое время Кхой находился в заключении, но затем был освобожден своими сторонниками. В 1833 году он открыто выступил против Минь-Манга и правительства Хюэ. Кхой захватил всю Кохинхину и назначил там своих мандаринов. Все крестьянское население дельты Меконга поддержало его. Только ненавистью народа к Минь-Мангу можно объяснить длительный успех этого восстания, возникшего из-за чисто личного соперничества.

Но честолюбивый Кхой прекрасно понимал, какое влияние имеют католические миссионеры на некоторую часть крестьян. Он, разумеется, знал также и о том, что миссионеры пользуются авторитетом у правительств западных держав и что при их посредничестве можно получить от этих держав помощь. Кхой отправил посольство к миссионеру Таберу, французскому епископу Кохинхины, который в это время скрывался в Шантабуне в Сиаме. Но посольство было задержано войсками Минь-Манга, которому, таким образом, стало известно о роли, которую играли католики в этом восстании. Французский миссионер Маршан присоединился к Кхою и по его просьбе отправился вместе с ним в Сайгонскую крепость, когда под натиском войск Минь-Манга восставшие вынуждены были там укрыться. Когда Сайгон был взят, Кхоя уже не было в живых, а миссионер Маршан и пять других руководителей восстания были доставлены в Хюэ и приговорены к мучительной казни — медленной смерти. Французские историки неоднократно упоминали о судьбе миссионера Маршана. Но не делалось ли это в некоторых случаях для того, чтобы найти удобный повод для французской экспансии, которая в 1858 году началась под предлогом необходимости «защитить» миссионеров? И не является ли, например, более верным суждение историка Шрайнера?

> Каково было участие миссионеров в этом восстании? Народ утверждает, что они стояли за войну. Католическая миссия энергично опровергает это утверждение. Что касается лично нашего мнения, то мы лишь отметим, что вплоть до прибытия в крепость миссионер был совершенно свободен...
>
> Кхой рассчитывал с помощью этого миссионера привлечь на свою сторону христиан, а также, безусловно, найти в его лице посредника для связи с Францией, от которой он добивался помощи. В свое время Нгюен-Ань нашел в лице епископа Пиньё де Беэна именно такого человека, какой был ему необходим в той обстановке. Кхою не удалось найти такого человека. Но если бы Кхою удалось одержать победу, миссионер Маршан стал бы «великим патриотом, знаменитым государственным деятелем». Однако Кхой потерпел поражение — и миссионер стал «мучеником».

В 1848 году, на второй год восшествия Ты-Дыка на престол, в Тонкине повторилось нечто похожее на восстание Кхоя. Старший брат нового короля Хонг-Бао, отстраненный от престола в результате дворцовых интриг, предпринял попытку поднять восстание при поддержке крестьян, и особенно крестьян-католиков, а также испанских миссионеров, с которыми он поддерживал связь. Хонг-Бао потерпел неудачу. Но это новое вмешательство миссионеров в политическую жизнь Вьетнама подействовало на сознание Ты-Дыка так же сильно, как восстание Кхоя подействовало на сознание его деда Минь-Манга.

* * *

Монархия Нгюенов наряду с борьбой против крестьянского движения должна была противостоять еще более серьезной опасности: на сцену выступили европейцы, — и с тех пор судьба Вьетнама перестала зависеть только от вьетнамцев.

И действительно, после окончания наполеоновских войн корабли европейских держав вновь стали бороздить морские просторы в поисках выгодных сделок. В 1819 году англичане обосновались в Сингапуре. Они уже устремили свои взоры на Китай, на пути к которому Вьетнам являлся очень удобной базой. В 1822 году посол Кроуфёрд от имени Ост-Индской компании потребовал у правительства Хюэ открытия вьетнамских портов для британской торговли. Со своей стороны французские купцы из Бордо и других портов, изгнанные из Индии и утратившие всякую надежду на обратное возвращение, стремились обрести новое поле деятельности еще дальше на Востоке. В 1817 году миссия Кергариу прибыла во Вьетнам с требованием ни больше ни меньше, как выполнения условий мертворожденного договора 1787 года и передачи Франции острова Пуло-кондор. В 1821 году другая французская миссия предложила Вьетнаму подписать новый торговый договор.

Но эта возросшая активность европейцев могла только насторожить вьетнамских императоров. У них за плечами был печальный опыт XVII века, когда вьетнамские княжества должны были противостоять постоянным захватническим устремлениям европейцев. У них перед глазами был пример Индии, судьба которой им была хорошо известна. А вскоре после «опиумной» войны им стала также известна незавидная судьба Китая. Эти политические соображения еще более усилили традиционную враждебность мандаринов к торговле.

Поэтому ни Зя-Лонг, ни Минь-Манг не пошли на предложения французов и англичан.

> В отношении этого вопроса, — отвечал Минь-Манг в 1821 году Людовику XVIII, — в нашей стране каждый, кто занимается торговлей или продажей (товаров), должен подчиняться определенным правилам. Все купцы, прибы-

вающие из других государств, должны действовать сообразно с этим. Если подданные вашей страны хотят торговать в нашем королевстве, то они должны будут, само собой разумеется, подчиняться этим правилам [1].

Эта последняя фраза Минь-Манга звучала как настоящее приглашение. В принципе он не был враждебно настроен к торговле с европейцами, которые владели более передовой техникой, но при условии, что эта торговля не будет угрожать внешней самостоятельности и внутреннему строю его государства. Доказательством этого могут служить важные предложения, которые были переданы в 1820 году по распоряжению Минь-Манга американскому капитану Уайту, побывавшему проездом в Сайгоне.

Вице-король, — рассказывает Уайт, — во время моего недавнего визита упомянул, что император высказал желание заключить соглашение о поставке артиллерии, обмундирования для своих войск, картин, изображающих морские битвы и сражения, репродукций европейских пейзажей, научных трудов по европейскому законодательству, книг по истории Европы, огнестрельного и холодного оружия высокого качества, посуды и украшений из стекла, а также о поставке всевозможных европейских литературных и научных произведений...

Несколько дней спустя на корабль прибыл уполномоченный, который привез с собой огромный рулон бумаг, содержащих прекрасно выполненные технические чертежи орудий разных калибров... а также длинный список товаров, на поставку которых вьетнамцы изъявили желание заключить с нами соглашение...

Однако Уайт отказался от этого любопытного соглашения о «техническом оснащении» как недостаточно выгодного с коммерческой точки зрения.

Большой интерес к Вьетнаму проявляли также и другие европейцы, а именно католические миссионеры: испанские иезуиты и французские святые отцы из иностранных миссий хотели продолжить дело своих предшественников XVII и XVIII веков. Но их деятельность казалась монархии Нгюенов столь же опасной, как и деятельность европейских купцов. И действительно, проповедь католицизма, противоречившая конфуцианству, всегда угрожала вьетнамскому монархическому строю. Восстание во главе с Кхоем и одновременный торговый нажим европейцев свидетельствовали о том, что деятельность миссионеров может представлять еще более непосредственную опасность. Поэтому не удивительно, что Минь-Манг, отказывавшийся подписывать торговые соглашения, без всякого колебания прикладывал свою печать к эдиктам, запрещавшим католицизм: первые эдикты появились к 1825 году, а наиболее важные — после 1833 года.

---

[1] J. Silvestre, La Politique française dans l'Indochine.

Однако не следует преувеличивать серьезность этих «эдиктов о преследовании». В 1874 году, а затем и в 1885 году в Тонкине миссионеры навлекли на многие десятки тысяч католиков репрессии, которые были предприняты против них учеными; сам же католицизм не пострадал от мероприятий, принятых Минь-Мангом.

Впрочем впоследствии император изъявил желание установить *модус вивенди* по вопросам христианства и торговли. С этой целью он направил в 1840 году посольство к Луи-Филиппу, что является обычной дипломатической мерой, когда иностранные подданные, в данном случае миссионеры, отказываются подчиниться законам страны, в которой они пребывают. Однако это посольство не было принято. По мнению историка Кюльтрю, именно Общество иностранных миссий строило козни при королевском дворе Франции, чтобы помешать заключению соглашения, так как оно не хотело брать на себя связанные с этим расходы.

Во время правления Тхиеу-Чи (1841—1847) нажим европейцев усилился и методы убеждения сменились методом применения силы. Огромный бассейн Тихого океана начал уже привлекать алчные взоры западных держав. Соединенные Штаты домогались Калифорнии и Гавайских островов. Китай вынужден был открыть свои порты после поражения, которое он потерпел во время «опиумной» войны. Французский и английский флот обосновался на Таити, в Новой Зеландии и на других островах. Таким образом, и Вьетнам втягивался в сеть международных противоречий.

Сомнительная привилегия на приоритет первой вооруженной интервенции против Вьетнама принадлежит кораблю флота Соединенных Штатов Америки. В 1845 году один американский коммодор, имя которого история не сохранила, подошел к Турану, высадил десант, чтобы потребовать освобождения заключенного в тюрьму французского епископа, захватил всех мандаринов, а также все военные джонки, находившиеся в порту. Но заложники сопротивлялись, и американец, не зная, что дальше делать со своими пленниками, отпустил их в конце концов на волю и ушел в открытое море.

Этому примеру последовало правительство Гизо. В 1847 году французская эскадра вошла в ту же Туранскую бухту. Будущий адмирал Риго де Женуйи, как бы проводя генеральную репетицию вторжения 1858 года, в ультимативной форме потребовал освобождения арестованных французских миссионеров и без предупреждения напал на вьетнамцев, «считая себя, — как об этом заявляют историки колонизации, — находящимся под серьезной угрозой». В результате было потоплено большое количество вьетнамских джонок и убито много вьетнамских моряков.

Правительство Хюэ не поддалось на угрозы, и дело обернулось не в пользу французов. Но это было уже серьезным преду-

преждением для Вьетнама. Мандарины Ты-Дыка, преемника Тхиеу-Чи, прекрасно сознавали, что опасность возросла.

> Европейские варвары, — говорится в одном из их докладов,— отличаются твердым и настойчивым характером. Дело, которое они не в состоянии завершить, они передают своим потомкам для полного завершения. Замыслы, для осуществления которых у них нет времени, они завещают следующим поколениям, которые доводят их до желанного конца. Они не отказываются ни от одного предприятия и не теряются ни перед какими трудностями. Именно это должно нас заставить серьезно задуматься. Эти варвары направляются во все государства, не страшась никакой усталости. Они подкупают население, не останавливаясь ни перед какими расходами [1].

Перед лицом этих опасностей, перед лицом этих усиливавшихся домогательств европейцев монархия Нгюенов находилась в безвыходном положении. Разумеется, не могло быть и речи о том, что она может рассчитывать на поддержку крестьянских масс, за счет эксплуатации которых она существовала и о враждебности которых она имела так много доказательств. Следовательно, ей не оставалось ничего другого, как безнадежно пытаться укрепить тот же старый режим, укрепить связи с феодальным Китаем, что и делали Зя-Лонг, который заимствовал свой кодекс у династии Цин, и Минь-Манг, который поощрял при своем дворе изучение конфуцианства и классической литературы на китайском языке. Однако эти тщетные попытки укрепить старый режим не были в состоянии защитить его от нависшего над ним удара, но в то же время они препятствовали формированию нации, которое уже началось во Вьетнаме.

---

[1] Цит. по J. Silvestre, La Politique française dans l'Indochine.

Глава VI

ВЬЕТНАМ В XIX ВЕКЕ. ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИИ

В какой мере сложились *национальные* особенности вьетнамского народа накануне утраты Вьетнамом независимости? В чем проявилась его собственная индивидуальность? Вот вопросы, на которые следует ответить хотя бы вкратце, прежде чем перейти к изучению колониального периода, который только в этой связи можно будет рассматривать в правильной исторической перспективе.

В середине XIX века практически завершается формирование вьетнамской территории, что является одним из основных признаков складывания вьетнамской нации. Эта территория, вытянувшаяся от Као-банга до Ка-мау и вплотную примыкавшая к горным массивам Северного и Центрального Вьетнама, даже в своей форме отражает двойственность исторического процесса: с одной стороны, отделение от Китая, а с другой — продвижение на юг вдоль прибрежных равнин. Дельты Тонкина и Северного Аннама, являвшиеся на протяжении более двух тысяч лет традиционными очагами вьетнамского народа; издавна населенные тямами районы побережья Центрального Вьетнама, занятые во время «продвижения на юг»; земли в устье Меконга, номинально принадлежавшие Камбодже, но остававшиеся почти свободными и занятые вьетнамцами в конце XVII века, — все эти земли начали складываться в единую территорию. Несомненно, однако, что накануне завоевания еще не было полного слияния этих столь различных районов, особенно Южного Вьетнама, присоединенного позднее и освоенного неполностью.

Существование общего языка является другим важным признаком формирования вьетнамской нации. Вьетнамский язык наряду с другими языками Индокитая, такими, как *мыонг* или как древний камбоджийский язык, причисляется лингвистами к семейству мон-кхмерских языков. Несмотря на заимствования из соседних языков, особенно из китайского, он ясно отличается от них своим основным словарным фондом. Начиная с XIX века

уже вся страна говорила на вьетнамском языке, хотя и существовал ряд местных диалектов.

Но в тот период вьетнамский язык употреблялся во Вьетнаме наряду с древнекитайским языком и даже уступал последнему место в основных областях общественной жизни: в правительственной, административной и научной сферах (в философии, истории, морали). Привилегированное место китайского языка в этих областях отражало политику защиты старых социальных порядков и солидарности с Китаем, проводимую императорами династии Нгюенов. Более того, со времен средневековья вьетнамский язык получает систему письменности, *тьы-ном*, приспособленную к вьетнамским звукам, но основанную на китайских иероглифах, без знания которых ею нельзя было пользоваться.

Следовательно, вьетнамский язык, находившийся в двойной зависимости от древнекитайского языка, который являлся к тому же мертвым языком, не играл еще в XIX веке роли национального языка в полном смысле слова. Однако второстепенная роль вьетнамского языка сохранялась искусственным образом; как бы то ни было, он доказал свою жизнеспособность и силу: в конце XVIII века тэй-шоны сделали вьетнамский язык официальным языком вместо китайского. Это мероприятие тэй-шонов оставило столь глубокий след, что Зя-Лонг не смог быстро восстановить прежнее значение китайского языка, и только при Минь-Манге последний вновь обретает свое привилегированное положение.

Следует также напомнить о том, что уже в середине XIX века во Вьетнаме хозяйственная жизнь стремится выйти за тесные рамки деревни или провинции и разорвать многочисленные путы, которыми ее связывала бюрократия мандаринов. Некоторые товары, как например сахар, арек, *ныок-мам*, соль, являлись предметом торговли, охватывающей более обширный район страны. Стало более оживленным каботажное судоходство, соединявшее прибрежные порты Сайгон, Ня-чанг, Кюи-нён, Фай-фо, Туран и др. Эти еще весьма скромные успехи в торговле и хозяйственной жизни в общенациональном масштабе нашли свое выражение в развитии денежного налога и в необходимости чеканки золотых и серебряных монет. Первые попытки унификации системы мер и весов, эталоны которых были в то время выставлены в Хюэ, также свидетельствовали о развитии вьетнамской национальной экономики.

Вьетнамская культура в самом широком смысле этого слова, различные традиции и обычаи существенно дополняют своими оригинальными чертами характеристику старого Вьетнама.

Образование играло уже большую роль. Оно составляло основу гражданской жизни, поскольку способствовало распространению верноподданнической конфуцианской морали; оно порождало всякого рода честолюбивые устремления среди отдельных лиц, поскольку путь к почестям лежал через полугодичные или трехгодичные конкурсные экзамены; образование было

окружено всеобщим почитанием, что находило выражение в привилегированном положении в деревенской общине сдавших конкурсные экзамены, а также в существовании многочисленных «храмов литературы»[1] в Ханое и в других городах. В старом Вьетнаме имелось приблизительно 20 тысяч школ, в которых мандарины в отставке обучали детей основам китайской письменности и конфуцианской морали. Прежде чем пользоваться кисточкой и рисовой бумагой, они чертили при помощи палочки наиболее почитаемые иероглифы на доске, покрытой свежей грязью. Так, например, иероглиф *вьонг* (король) в своем весьма несложном начертании уже отражает социальный смысл, который ученики должны были покорно воспринимать: иероглиф состоит из трех горизонтальных черточек, параллельных между собой; первая изображает Небо, средняя, более короткая, — Человека, а нижняя — Землю; вертикальная черта, соединяя Небо с Землей, пронизывает Человека, заставляя его смириться со своей участью; эту вертикальную черту проводят сверху вниз, ибо Человек должен подчиняться воле Неба и вкладывать свой труд в Землю; только король наделен достаточно обширной властью, чтобы охватить систему мира...

王

Но существовавшая система образования, хотя и стояла на защите старых социальных порядков, вместе с тем обеспечивала широкое распространение вьетнамских художественных произведений. В XIX веке продолжали пользоваться успехом поэмы и рассказы прошлого, как например знаменитый «Плач женщины, муж которой ушел на войну» поэтессы Доан-тхи-Зием. В царствование Зя-Лонга и Минь-Манга появились новые произведения в форме традиционных жанров: лирической поэмы и большого многопланового романа, одновременно проникнутого авантюрными, сентиментальными и историческими мотивами.

Известный роман в стихах «Ким Ван Киеу» наглядно свидетельствует о жизнеспособности вьетнамской литературы времен Нгюенов. Написанный по китайским мотивам Нгюеном-Зу, придворным ученым Зя-Лонга, роман повествует о приключениях девушки Киеу, которая, чтобы спасти отца от тюрьмы, отказывается от своего жениха, ученого Кима, вступает в брак с другим и в силу ряда обстоятельств доходит до положения куртизанки. Нет почти ни одного вьетнамца, который бы не знал наизусть какого-либо отрывка из этого произведения, особенно стихов, прославляющих заключительную встречу и объяснение Кима и Киеу:

«Я знаю, повелитель, что сердце ваше было полно ко мне любовью. Но слишком стыдно было б мне свет видеть свадебных огней; и наступленья осени своей я ждать хочу в глухом уединеньи. Нет, не религиозна я...»

---

[1] В «храмах литературы» хранились стэллы с именами лиц, успешно сдавших конкурсные экзамены. — *Прим. перев.*

Й Ким ответил:

«О, как искусны ваши речи! Но случай этот означает для нас совсем не то, что для других людей. Всегда случалось много разных обстоятельств, порою неожиданных, порою весьма обычных, когда невинность женская, что вы упомянули, бывала опорочена... Но слава Небу, пришел сей день: туман рассеялся в аллеях, а в небе чистом поплыли, расправив паруса, корветы облаков, и вешней свежестью наполнился цветок, казалось бы совсем увядший!»

Но на пути к своему расцвету собственно вьетнамская литература встретила два препятствия.

Во-первых, конкуренцию литературы на китайском языке. Поскольку китайский язык оставался основным языком политической жизни, большинство мандаринов предпочитало изъясняться и писать на нем. Очень характерным для этой «китайско-вьетнамской литературы» являлось, например, произведение высокопоставленного мандарина Фан-хюи-Тю, посвященное жизни двора Минь-Манга; это произведение, написанное на китайском языке, представляет собой фундаментальную энциклопедию, состоящую из 49 томов.

Во-вторых, вьетнамская литература оставалась преимущественно придворной литературой, литературой ученых. Китайская иероглифическая письменность была распространена в деревнях недостаточно, для того чтобы обогатить народное творчество, которое по-прежнему находило свое выражение в пословицах и поговорках, в жалобных песнях крестьян, в сказках и мимических представлениях на ярмарках. Народное творчество так богато, что оно представляет, по выражению Чыонг-Тиня «сокровище, которое наши деятели культуры должны еще долго изучать, прежде чем оно будет исчерпано» [1]. Такие произведения, как например широко известная песня девушек, сажающих рис, ярко воспроизводят условия крестьянской жизни того периода:

Что ты, жнец-красавец, один в поле делаешь?
Лучше ко мне приходи, я ведь еще незамужняя.
— Эй, на дамбе, твое лицо мне нравится,
Разреши проводить тебя до дому,
Я хочу вместе с тобой пожевать бетель... [2]
Не выходите замуж за ученых,
У них сутулая спина,
И любят они носить красивую одежду,
Холить свою шевелюру, отращивать длинные ногти
И оставляют стол свой лишь на время сна...

Театр и музыка, также очень популярные виды народного творчества, были, как и в Китае, тесно связаны между собой. Вьетнамский театр заимствовал у Китая обрядовые и символические

---

[1] Из доклада Чыонг-Тиня на Национальном конгрессе деятелей культуры, состоявшемся в июле 1948 года на территории Демократической Республики Вьетнам.

[2] По вьетнамским обычаям жених и невеста жуют бетель, после чего считаются помолвленными. — *Прим. ред.*

костюмы, условные маски, почти полное отсутствие декораций, смешение различных жанров, что так удивляет западного зрителя (музыка, пение, танцы, мимика, акробатические номера и драма исполняются в одном и том же представлении одновременно). Но сюжеты, положенные в основу драматических спектаклей, часто воспроизводили старинные вьетнамские легенды и повествования о военных подвигах, совершенных во время войн против тямов или китайцев. Что касается вьетнамского оркестра с его многочисленными гитарами, медными барабанами, кастаньетами, сделанными из мелких монет, и бамбуковыми флейтами, то на нем явственно виден отпечаток как китайского, так и южного или даже индийского влияния.

Вьетнамские художественные творения в области архитектуры и пластических искусств также отражают сложный процесс складывания подлинно национальной культуры. И в этой области вкусы мандаринов определялись их стремлением сохранить тесные связи с феодальным Китаем: в этих видах искусства китайское влияние проявляется весьма сильно. Но вьетнамское искусство представляет все же нечто иное, нежели провинциальный или колониальный вариант китайского искусства; оно подверглось также южному (индонезийскому или даже индийскому) влиянию, которое осуществлялось через посредство тямов и камбоджийцев. Наряду с этим оно впитало в себя собственно вьетнамские народные традиции, местные приемы резьбы по дереву и гончарного производства, и вьетнамские мастера не могли не использовать их при возведении для мандаринов различных сооружений, основные черты которых заимствовались из китайской архитектуры.

Дворцы, храмы и надгробные памятники Хюэ, особенно те, что построены во время царствования Минь-Манга, на первый взгляд повторяют китайские постройки того же периода: восьмиугольные ступенчатые пагоды, низкие крыши с приподнятыми и украшенными глиняной лепкой углами, узоры из черепицы, подчеркивающие очертания стен, внешние галереи, покоящиеся на балках, и богато украшенные внутренние галереи. Но кирпичный мост в саду, где находится гробница Минь-Манга, судя по кривизне его линий и общему облику, построен скорее в индийском стиле, а тяжелая декоративная роскошь кровель и главных частей здания императорского дворца в Хюэ, свойственная южному стилю, очень далека от китайской умеренности.

Если художественная роспись не играла существенной роли, то декоративная скульптура, применяемая для украшения панелей, алтарей и парадных лож, является весьма характерной; мотивами этих украшений служат китайские иероглифы, существующие и аллегорические животные, цветы и плоды, волны и горы. Прикладное искусство — эмали, лаки, бронза — составляли славу первоклассных мастерских Хюэ и Ханоя, так же как и инкрустация из перламутра, являющаяся оригинальным видом искусства

этого земледельческого, но все еще тесно связанного с морем народа.

Итак, древняя вьетнамская культура, представленная такими литературными произведениями мирового значения, как роман «Ким Ван Киеу», такими полными прелести творениями зодчества, как архитектурные ансамбли Хюэ, являлась накануне колониального завоевания культурой высокоцивилизованного народа. Но была ли это уже вполне национальная культура?

Разумеется, что в развитии вьетнамской национальной культуры нашли отражение политические и социальные стремления старого вьетнамского режима. Тесные связи правителей Вьетнама с феодальным Китаем способствовали тому, что вьетнамская культура приобрела, по выражению Чыонг-Тиня, «гибридный» характер, о чем свидетельствуют приведенные выше многочисленные примеры. С другой стороны, главенствующая роль конфуцианства, этой традиционной идеологии, защищавшей устои земледельческого общества, которое само покоилось на традициях, сильно нарушила равновесие интеллектуальной жизни страны: философии, ораторскому искусству и толкованию древних текстов всегда отдавалось предпочтение перед научным познанием окружающего мира; естественные и точные науки находились в эмбриональном состоянии.

Наконец, эта сильно китаизированная культура, культура, которая почти не оставляла места естественным и техническим наукам, представляла собой культуру привилегированного общества, если не считать таких исключений, как театральное искусство. Двор и мандарины составляли ограниченный круг, для которого творили писатели, архитекторы и художники. Когда в 1948 году Чыонг-Тинь обратился к вьетнамским деятелям культуры с призывом создать новую *национальную культуру, опирающуюся на науку и неразрывно связанную с народом,* то он прежде всего призвал их произвести полную переоценку культурных ценностей.

Сложный характер вьетнамской культуры периода Нгюенов наложил свой отпечаток и на организацию семьи, на религиозную жизнь и повседневный быт.

Прочность вьетнамской семьи, так же как и в Китае, была связана с земледельческим характером общества. Семья являлась основной производственной ячейкой, внутри которой в зависимости от возраста и силы каждого ее члена существовало элементарное разделение труда: одни занимались пахотой, другие пересадкой рисовой рассады, рыболовством, сбором плодов, уходом за скотом и поддержанием в порядке дамб.

Как и в Китае, эта прочность семьи выражалась в неограниченной власти отца семейства, который в средние века был властен над жизнью и смертью своих детей (этот обычай перестал существовать только в XIX веке). Обязанности детей по отношению к родителям определялись законом: наказание в восемьдесят

палочных ударов ожидало всякого, кто бросал своих родителей, для которых он был единственным кормильцем. О прочности семьи свидетельствовал и культ предков, обычай зажигать благовонные палочки перед древними табличками, на которых было начертано генеалогическое древо предков. Отправление культа предков являлось абсолютной необходимостью, и если никто из членов рода не мог больше его совершать, они должны были обратиться за помощью к посторонним. Старшему сыну выделялись специальный участок земли и определенные средства — *хыонг-хоа* (фимиам и огонь) — на расходы по поддержанию культа предков; это чисто вьетнамский обычай.

Положение вьетнамских женщин довольно значительно отличалось от положения женщин в Китае. Во Вьетнаме было известно узаконенное многоженство среди богатых, а женщина занимала подчиненную роль, не принимала, например, участия в отправлении культа предков и не имела права наследования. Но женский вопрос в старом Вьетнаме никогда не достигал той трагической остроты, как в Китае, где варварский обычай бинтования ног являлся более, чем символом. Не является ли это следствием «молодости» вьетнамского общества? Не следует ли в этом искать следы южного влияния — влияния тямов или индонезийцев, сохранивших следы матриархального общества древних народов Индокитая?

В то время как в Китае той эпохи большая патриархальная семья, «клан», представляла собой очень прочную организацию, во Вьетнаме она быстро приходила в упадок. Кланы *(хо)* существовали только теоретически и являлись традиционными объединениями людей, фамилия которых начиналась с одного и того же слога (Чан, Нгюен и т. д.). В принципе клановая связь между членами *хо* поддерживалась до девятого колена, фактически же она была значительно слабее. В своей массе вьетнамский народ почти достиг стадии развития семьи, основанной на браке, стадии *зя-динь.* Не объясняется ли это чрезвычайно большой подвижностью вьетнамской семьи и историческим «продвижением на юг», столь сильно отразившимся на вьетнамцах?

Религиозная жизнь носила на себе тот же доминирующий, хотя и не единственный отпечаток китайского влияния. Три больших течения — конфуцианство, буддизм и таоизм — широко проникли во Вьетнам. Но в то время как конфуцианство, являвшееся идеологической и политической основой государства, существовало там почти в той же форме, что и в Китае, буддизм и таоизм смешивались с остатками древних местных верований более или менее южного происхождения. Отсюда чрезвычайная пестрота в религиозных отправлениях, когда бок о бок, а часто даже в одной и той же пагоде встречаются амулеты и магические обряды таоистских жрецов, культ «духов трех миров» и почести, отдаваемые Конфуцию или Будде. Во вьетнамском пантеоне на-

ходятся обожествленные национальные герои, как Чан-хынг-Дао, который в XIII веке прогнал монголов, и мифические животные вроде драконов, благосклонности которых ежегодно добивались путем церемоний во время новогоднего праздника *тэт*.

Эта склонность к смешению религий при отсутствии, впрочем, всякого фанатизма, поскольку вьетнамец обращается без особого разбора и к конфуцианскому служителю, и к колдуну, и к буддийскому жрецу в зависимости от обстоятельств, особенно характерна для юга. Кохинхина, «китаизированная» в гораздо меньшей степени, чем Северный Вьетнам, испытала более продолжительное влияние древних индонезийцев, тямов и камбоджийцев. В колониальную эпоху национальное движение в Южном Вьетнаме на различных этапах носило религиозную окраску: антифранцузские тайные общества и магические амулеты 1890—1915 годов, каодаизм, движение *хоа-хао*, глава которого «сумасшедший бонза» в 1940—1945 годах представал перед своими последователями не иначе, как на таинственно освещенном алтаре.

Этнографический анализ, как например проведенный профессором Хюаром, дает реалистическую картину повседневной жизни вьетнамского народа, а также позволяет обнаружить в ней сочетание китайского влияния с местными и южными элементами, идет ли речь о питании и кулинарном искусстве, о народных развлечениях, шахматах, картах, о соревновании бритоголовых борцов, о птичьих и рыбьих боях и состязаниях кузнечиков; идет ли речь об одежде, которая имеет для обоих полов либо форму юбки, распространенной на всем азиатском Юго-Востоке, либо форму штанов, заимствованных в Китае главным образом зажиточными слоями.

Формирование национальной территории, успешное развитие национального языка в ущерб официальному китайскому, складывание национального рынка, выделение своей культуры, «обычаев и нравов» — все эти процессы формирования вьетнамской нации хотя еще не завершились полностью, однако обозначились в XIX веке настолько явно, что уже привлекли внимание западных наблюдателей.

> Как в Кохинхине, так и в Тонкине образ правления один и тот же, так как кохинхинцы являются ветвью той же нации, — констатировал в 1695 году англичанин Боуир.
>
> Тонкинцы и кохинхинцы сходны между собой по происхождению, языку, обычаям, образу правления; это один и тот же народ, — заявляли в XIX веке миссионеры, анонимные авторы «Обозрения... Аннамитской империи» [1].

Вскоре после оккупации Кохинхины один из представителей французской администрации Люро приветствовал

> аннамитскую нацию, укрепившуюся в результате десятивекового контакта с китайской цивилизацией и омоло-

[1] Цит. по J. Silvestre, L'Empire d'Annam et le peuple annamite, Paris, 1889.

дившуюся вследствие кровосмешения с различными расами, которые она подчинила или отбросила при своем движении на Юг.

Но могли ли развиваться и в XIX веке эти еще эмбриональные элементы будущей вьетнамской нации? Или политическая, экономическая и культурная жизнь Вьетнама недвижимо застыла в своих архаических формах, из которых ее могло вывести только внешнее потрясение? И, следовательно, необходимо ли было такое потрясение? Иначе говоря, мог ли Вьетнам преодолеть свое отставание, присущее также и другим дальневосточным странам, по сравнению с Западной Европой, где уже слышались шум моторов и потрясения «промышленной революции»? Одним словом, какие существовали в XIX веке возможности для *самостоятельного развития* Вьетнама по пути политического и экономического прогресса, по пути, на который страны Запада встали в конце средних веков?

Значение этой исторической проблемы далеко выходит за рамки маленького Вьетнама. Она касается также взаимоотношений между Западной Европой и странами Азии и Африки, над которыми первая установила свое господство во второй половине XIX века. Это не только теоретическая проблема, так как защитники господства западных держав всегда доказывали неизбежность этого господства и неспособность азиатских и африканских стран пойти по другому пути развития, хотя путь колониального развития неизбежно связан с «злоупотреблениями». Что касается Вьетнама, то следует рассмотреть это положение хотя бы в общих чертах.

Беглое описание экономической жизни и политической организации старого Вьетнама, сделанное выше, ясно показывает, какие серьезные препятствия стояли на пути развития Вьетнама в XIX веке. И хотя эти препятствия имели своеобразные, присущие Дальнему Востоку особенности, они тем не менее не представляли собой чего-либо исключительного и не были непреодолимыми. Эти препятствия, вопреки широко распространенному мнению, не отличались в принципе от тех препятствий, которые Запад успешно преодолел в период между XVI и XIX веками. Налоговый режим, таможенный контроль, мелочная опека, которые монархия и мандарины навязывали экономической жизни, не способствовали, конечно, развитию промышленного и сельскохозяйственного производства. Но являлись ли эти трудности более непреодолимыми, чем те, которые встретила в конце средних веков европейская экономика времен крепостного права, запрещения церковью займов под проценты и строгой регламентации цеховых объединений в городах? Но, с другой стороны, отмечалось, что в XIX веке в недрах феодальной и аграрной экономики Вьетнама появляются зачатки нового.

Еще одним препятствием для развития Вьетнама, как и для всего Дальнего Востока, являлась конфуцианская идеология, которая проповедовала культ прошлого, культ установившихся порядков. Она тормозила расцвет научной мысли, без которой невозможен технический прогресс. Но и этот «обскурантизм» Дальнего Востока не являлся более непреодолимым препятствием, чем мракобесие средневекового Запада; следует даже подчеркнуть, что феодальный Вьетнам никогда не сжигал своего Джордано Бруно, не преследовал своего Галилея. Напротив, начиная с XVIII века, несомненно под влиянием развития торговли, в конфуцианстве появились новые течения, которые стали относиться менее враждебно к более развитой технике Запада. Как об этом свидетельствуют предложения, сделанные в 1820 году американцу Уайту, даже сами правители вьетнамского государства, вынужденные прежде всего уделять внимание решению стоявших перед ними военных задач, не оставались безразличными к этим возможностям технического прогресса.

«Самостоятельное развитие» не означает в действительности развития в стеклянном сосуде, в полном отрыве от окружающего мира. Это самостоятельное развитие Вьетнама в XIX веке могло происходить только за счет заимствований у Запада, более развитого в техническом отношении. Точно так же, как в те времена, когда страны Дальнего Востока были более передовыми, Европа заимствовала у них такие технические открытия, как компас, книгопечатание и порох, благодаря чему она в свою очередь совершила новые открытия и изобретения, которые, в частности, помогли ей навязать свое господство тем же дальневосточным странам.

Но французская эскадра, которая бросила якорь вблизи Турана 31 августа 1858 года, прибыла во Вьетнам совсем не для выполнения этой исторической миссии. Наоборот, она положила конец тем имевшимся возможностям самостоятельного развития, которыми располагал тогда вьетнамский народ. Она не способствовала развитию страны, она задержала его.

Глава VII

ПЕРВОЕ РАСЧЛЕНЕНИЕ ВЬЕТНАМСКОГО ГОСУДАРСТВА (1858—1882)

31 августа 1858 года в бухту Туран вошла французская эскадра под командованием адмирала Риго де Женуйи. Командующий эскадрой после предъявления мандарину-губернатору ультиматума о сдаче города в течение двух часов высадил 2 сентября французские и испанские войска. Укрепления бухты были захвачены без объявления войны, без каких бы то ни было предварительных переговоров. Этот эпизод значительно превосходил разведывательные операции 1821 года или 1847 года, поскольку он открыл новую эпоху для Вьетнама, эпоху его колониального порабощения.

Незадолго до начала этой «демонстрации», предпринятой совместно французским и испанским правительствами, два человека — епископ Пельрэн и дипломат Монтиньи — развернули активную деятельность, которая выдавала действительные замыслы этих государств. В принципе экспедиция якобы имела своей целью запугать правительство Хюэ и взять под защиту католических миссионеров. Французский епископ Сайгона миссионер Пельрэн провел перед этим во Франции широкую кампанию по подготовке общественного мнения, особенно среди консервативных кругов, у которых Наполеон III надеялся получить политическую поддержку. В 1857 году он добился того, что во Вьетнам был направлен полномочный представитель Франции с целью получить от короля Ты-Дыка согласие на предоставление свободы вероисповедания католической религии, однако эта миссия закончилась провалом. Но уже сам выбор Монтиньи в качестве полномочного представителя Франции показал, что в действительности религиозный вопрос был далеко не единственной причиной вторжения во Вьетнам. Монтиньи, автор «Руководства французскому купцу на Дальнем Востоке», бывший консул Франции в Шанхае, основатель «французской концессии» в этом городе, был тесно связан с французскими торговцами, интересы которых распространялись на моря, омывающие Китай.

Нападение в 1859 году на Сайгон, в то время как большая часть миссионеров, под предлогом защиты которых французы напали на Вьетнам, находилась в Тонкине, показало, что торговые интересы организаторов экспедиции были не менее значительными, чем их религиозное рвение.

Действительно, в это время все более отчетливо встает проблема захвата рынков на Дальнем Востоке. Во Франции продолжали царить нищета; покупательная способность населения при Луи-Филиппе и Наполеоне III отставала от роста промышленного производства. Экспедиция в Китай весной 1858 года, в которой до нападения на Туран участвовала и эскадра Риго де Женуйи, принесла успех французским торговцам. Основной целью захвата «опорного пункта» в Индокитае было установление контроля за ходом дел в Китае.

Туранская экспедиция вскоре потерпела политический и военный крах. Правительство Хюэ не поддалось запугиваниям и отказалось вести переговоры в таких условиях. В свою очередь и вьетнамская армия оказала решительное сопротивление.

> Триста человек, — сообщает Сильвестр, один из ветеранов завоевания, — были вынуждены выступить против четырех тысяч регулярных войск аннамитов, укрывшихся за укреплениями двухметровой толщины, защищенных рядами вбитых в землю заостренных бамбуковых кольев и волчьих ям, расположенных в шахматном порядке... После взятия и разрушения вражеских укреплений наши войска отступили на исходные позиции, но на следующий день аннамиты восстановили те же оборонительные сооружения.

Тогда французские войска решили действовать в другом направлении: они направились к южному порту — Сайгону, «*торговое* и политическое значение которого, — по заявлению Сильвестра, — было хорошо известно». Сайгон был захвачен 18 февраля 1859 года, а уже 23 февраля с поспешностью, которая раскрывала действительные цели французских завоевателей, адмирал односторонним актом принял решение о снижении таможенных пошлин на 50 процентов, открыл порт «всем дружественным нациям», а также объявил об установлении свободного экспорта риса, который до этого был запрещен. Об облегчении судьбы миссионеров, что являлось официальным предлогом нападения на Туран, было забыто. Более того, французские войска оставили Туран в марте 1860 года.

В 1860 году Франция возобновила войну против Китая, что потребовало значительного увеличения сил. В Сайгоне был оставлен небольшой франко-испанский корпус, который должен был противостоять жестоким атакам вьетнамских войск, пополненных добровольцами и отрядами колонистов с земель *дондиен*, этими солдатами-крестьянами, переселенными в Южный Вьетнам Минь-Мангом и Ты-Дыком. Но вскоре после захвата и

разграбления Летнего дворца в Пекине Китай заключил мир. Войска и эскадра адмирала Шарнэ, возглавлявшего экспедицию в Китае, были переброшены в Сайгон; в феврале 1861 года вьетнамская армия вынуждена была оставить укрепления близ Ки-хоа, откуда она угрожала Сайгону. В то время как французские войска в 1861 году расширяли контролируемую ими зону вокруг Сайгона и Ми-тхо, адмирал Шарнэ немедленно приступил к политическим преобразованиям. «Господство мандаринов уступило место господству Франции», — писал он в одном из циркуляров своим офицерам. В июне 1861 года в ответ на предложения правительства Хюэ начать мирные переговоры, адмирал Шарнэ выдвинул двенадцать условий. Хотя эти условия и начинались с требования свободы исповедания христианской религии, но наиболее важные из них касались вопроса о передаче французам огромных территорий и предоставлении им торговых привилегий по всей стране. Все это расходилось с целями, провозглашенными французами в 1858 году.

Но на оккупированной территории уже зарождалось движение сопротивления. Это было народное сопротивление, поддерживаемое крестьянскими массами, и в то же время сопротивление со стороны всего государства, поскольку в нем участвовали регулярные полки колонистов с земель *дон-диен* и мандарины, оставшиеся верными правительству Хюэ:

> Тайные агенты разъезжали по провинциям, рассказывая об убийствах и грабежах, вербуя молодежь для регулярной армии и даже осмеливаясь взимать от имени короля налоги, которые были отсрочены адмиралом... Мандарины, пришедшие в себя после первого страха, осмелели теперь до того, что отваживались посещать по ночам своих бывших подчиненных, которых они, по рассказам очевидцев, призывали к сопротивлению, подбадривая их или рисуя картину страшной опасности [1].

Например, бывший мандарин Тоан сформировал отряд из шестисот бывших военных колонистов. Он был убит в июне 1861 года во время нападения на Го-конг. Тогда во главе движения встал Куанг-Динь, бывший офицер колонистов с земель *дон-диен*, который командовал в 1860 году отрядом крестьян-добровольцев во время обороны укрепленной линии Ки-хоа. Его поддерживали как бывшие мандарины, так и крестьяне, развернувшие широкое партизанское движение.

> Лишившись правления нашего короля, — говорится в одной надписи, обнаруженной в 1862 году на дереве вблизи Го-конга и, несомненно, составленной деревенским ученым, — мы испытываем такое же чувство скорби, какое переживает дитя, потерявшее отца и мать.

---

[1] A. Schreiner, Les Institutions annamites en Basse-Cochinchine avant la conquête française, Saigon, 3 vol., 1900—1902.

Ваша страна принадлежит морям Запада, а наша страна — морям Востока.

Как лошадь и буйвол отличаются друг от друга, так и мы отличаемся по письменности, языку и обычаям. Каждый человек принадлежит к определенной расе, *везде он заслуживает одинакового уважения,* но природа людей не одинакова.

Признательность привязывает нас к нашему королю: мы или отомстим за оскорбления, нанесенные ему, или умрем за него. Если вы будете продолжать сеять огонь и смерть, *сопротивление долго не прекратится,* но мы действуем по законам Неба, и *наше дело восторжествует.*

Если вы хотите мира, возвратите нашему королю его владения. Мы сражаемся во имя этой цели.

...Мы боимся вашей силы, но Неба мы боимся больше, чем вашего могущества. Клянемся, что мы будем бороться вечно и неустанно. Если у нас не будет оружия, мы вооружим наших солдат деревянными палками. *Как же вы сможете в таком случае жить среди нас?*

Мы просим вас внимательно рассмотреть нашу просьбу и положить конец создавшемуся положению, *гибельному как для вас, так и для нас* [1].

Перед лицом растущего сопротивления Шарнэ пытался умиротворить крестьян временной отсрочкой уплаты налогов. Но крестьяне, хотя и страдали в свое время от вымогательства мандаринов, все же не прекратили сопротивление. Уже в мае 1861 года французам пришлось ввести осадное положение, к чему неоднократно прибегали колонизаторы и в последующие годы своего господства. Новые военные успехи французов, такие, как захват провинциальных центров Биен-хоа, Ба-жиа и Винь-лонг, по выражению офицеров — составителей «Военной истории» [2], «не оказали никакого воздействия на повстанческое движение, развернувшееся на оккупированной территории».

Но правительство Хюэ более легко, чем его подданные, пошло на компромисс. Договор, подписанный в июне 1862 года, разрешал свободное исповедование католической религии, уступал французам три провинции — Ми-тхо, Сайгон и Биен-хоа, что создало тяжелое положение для вьетнамских провинций южной и западной Кохинхины, оказавшихся отделенными от остальной территории Вьетнама зоной, отданной французам. Безусловно, в этом заключался зародыш будущих столкновений, перспектива которых, конечно, не шла вразрез с желаниями французов, ведших переговоры о заключении договора... Кроме того, Вьетнам уплатил победителям 4 миллиона пиастров и открыл ряд портов

---

[1] Цитировано адмиралом Ревейером в «Revue indochinoise», 9 juin 1902.

[2] «Histoire militaire de l'Indochine dès débuts jusqu'a nos jours», составленная офицерами Генерального штаба, Ханой, 1922.

для французской торговли. В свою очередь Франция сделала широкий жест — открыла все свои порты для вьетнамской торговли... Испания, которая вместе с Францией подписала этот договор, очень скоро отошла в сторону, поскольку вопрос о католической религии был уже решен, а принимать участие в политических домогательствах, которыми французское правительство теперь подменило первоначальные религиозные требования, она не хотела.

Возобновление крестьянских волнений в Тонкине, неразрывно связанном со старой императорской династией, только ускорило подписание Ты-Дыком договора с Францией. В 1861—1862 годах авантюрист-католик Та-ван-Фунг, воспитанный на острове Пуло-пинанг французскими миссионерами, действовавшими в Сиаме, встал во главе крестьянского движения в дельте Красной реки. Он выдавал себя за потомка династии Ле, но в то же время, следуя примеру Кхоя и Хонг-Бао, вступил в связь не только с испанскими миссионерами, но и с французскими властями Сайгона (в 1858 году во время захвата Турана он был переводчиком у французов). В начале 1862 года он стал хозяином всего восточного Тонкина. Но адмирал Боннар, заменивший Шарнэ, не решился оказать ему поддержку, хотя, безусловно, и боялся, что испанцы используют это восстание для укрепления своих позиций в Тонкине. Кроме того, он опасался, что в тот момент, когда французская экспедиция в Мексике становилась непопулярной в связи с безуспешной осадой Пуэбла, его действия вызовут недовольство и без того обеспокоенного общественного мнения Франции. Предоставленный самому себе Та-ван-Фунг был наголову разбит войсками Ты-Дыка в 1865 году.

Договор 1862 года, навязанный Вьетнаму силой, подписать который правительство Хюэ поспешило, боясь всеобщего крестьянского восстания, не рассматривался вьетнамским правительством как окончательный. Правительство Хюэ, стремившееся урегулировать вопрос об изменении договора легальным путем, послало в 1863 году в Париж высокопоставленного мандарина Фан-тхань-Зяна с предложением выкупить восточную Кохинхину. Фан-тхань-Зяну, благосклонно относившемуся к соглашению с Францией, благоприятствовали следующие обстоятельства: французское правительство было обеспокоено неудачами в Мексике, а также победой во Франции левых элементов во время выборов 1863 года. Даже значительная часть деловых кругов враждебно относилась к колониальным войнам и довольствовалась заключением выгодных торговых договоров, соответствовавших идее свободного обмена, популярной в то время. Все это способствовало успеху миссии Фан-тхань-Зяна. Для переговоров об уступке провинций, захваченных в 1862 году, в Хюэ был послан морской офицер Обарэ, большой знаток и поклонник вьетнамской цивилизации. Однако сторонники колониальной экспансии не признали себя побежденными. Офицеры морского флота Франции во главе

с адмиралом Шарнэ, депутаты от портовых городов, купцы и промышленники начали активную кампанию против миссии Обарэ. Так впервые в политической жизни Франции возникла «партия колониалистов», роль которой непрерывно возрастала до конца XIX века. В брошюре, опубликованной под псевдонимом Абель капитан-лейтенантом Риёнье, изложены аргументы и цели противников уступки захваченных провинций. Уже в этой брошюре появляется выражение «цивилизаторская миссия Франции», которому предстояло блестящее будущее. Но в то же время автор брошюры, оценивая возможности экспорта риса из Сайгона в 80 тысяч тонн, подчеркивал, какую прибыль получат французские купцы, если Франция сохранит захваченную территорию. По его подсчетам, накануне завоевания $^9/_{10}$ этого количества риса направлялось в центральный Аннам, где им кормилось более 100 тысяч семей. Эти семьи, таким образом, должны были быть лишены основного источника своего существования.

Брошюра эта, незаслуженно преданная забвению, с неменьшей искренностью признает, что партия колониалистов рассматривала аннексию только одной восточной Кохинхины как временное явление и не только не намеревалась возвращать ее вьетнамцам, а, наоборот, вынашивала далеко идущие планы:

> Правду говоря, мы стремились захватить шесть провинций Нижней Кохинхины, по крайней мере таково было единодушное желание экспедиционного корпуса, так как эти провинции образуют единое целое, и было бы трудно оставить их разделенными на две части в течение длительного времени. Только после объединения этих провинций, что *легко осуществить,* мы сможем избавиться от необходимости поддерживать постоянный контакт с правительством Ты-Дыка...
>
> После установления нашей власти в шести провинциях наше влияние распространится на всю империю, и тогда наша колония превратится в огромную торговую контору, которая, поглотив торговлю этого королевства, станет *управлять судьбами аннамитского народа.*

Когда Обарэ, прибывший в Хюэ, подписал 15 июля 1864 года договор об уступке трех провинций, партия колониалистов была уже достаточно сильна, для того чтобы помешать Парижу ратифицировать этот договор. На этом примере вьетнамское правительство смогло убедиться, чего стоят обязательства, подписанные Францией; в этом оно имело возможность неоднократно убедиться и в дальнейшем.

Тем временем восстание в Кохинхине продолжало расширяться. Крестьяне относились враждебно как к адмиралу Боннару, так и к его преемнику ла Грандьеру. Мандарины и ученые в большинстве своем отказывались служить новому режиму. Захватчикам трудно было достать даже кодекс законов и, чтобы обеспечить деятельность судов, пришлось (хотя это и было

нелегко) прибегнуть к помощи двух старых потрепанных экземпляров, найденных в одной хижине.

Крестьянин по прозвищу «Тигр» (Онг-Коп) организовал отряды повстанцев в районе Ми-тхо. Когда в декабре 1862 года началось всеобщее восстание, этот руководитель, настоящее имя которого было Куанг-Динь, захватил Го-конг. В августе 1864 года он погиб, но борьба продолжалась в непроходимых зарослях Тростниковой долины под руководством его сына Чыонг-Кюена. С момента занятия ла Грандьером Камбоджи в 1863 году отряды камбоджийских крестьян под предводительством своих жрецов, например жреца Покамбао, начали действовать совместно с вьетнамскими повстанцами в окрестностях Тэй-ниня.

Жестокость репрессий, предпринятых против этих повстанцев, потрясла современников. Французы неоднократно организовывали крупные карательные экспедиции, как например в 1866 году в Тростниковой долине. Методы, к которым прибегали каратели, вынудили даже одного официального историка — Паллю де ла Барьера — попытаться оправдать их:

> Жестокость, проявленная некоторыми людьми и напоминавшая собой страсть к разрушению, которая толкала испанцев на уничтожение индейцев, вызывалась незнанием языка, лжесвидетельствами и подражанием английским приемам.

Несомненно, что начиная с 1862 года движение сопротивления получило большую поддержку в «свободной зоне» — в западных провинциях Кохинхины, которые по условиям договора были оставлены за Вьетнамом. Ни крестьяне, ни мандарины не примирились с положением, созданным в результате высадки французов в Сайгоне в 1859 году. В июне 1867 года без всякого предупреждения адмирала ла Грандьер оккупировал и аннексировал эти свободные провинции с целью лишить повстанцев их опоры. Фан-тхань-Зян, которому правительство Хюэ поручило опасный пост губернатора этих провинций, тщетно протестовал:

> Я жил в мире с вами, доверяя договорам, но вы пришли, как враги, и с такими силами, которым бессмысленно было сопротивляться. Воевать с вами значило сделать несчастным безвинное население и потерпеть поражение. Поэтому я отдаю вам то, что вы требуете, но протестую против насилия [1].

Позиция, занятая Фан-тхань-Зяном, была типична для высокопоставленного мандарина, воспитанного в духе конфуцианской морали и уважения к порядку. Ему даже в голову не пришло призвать население к восстанию, он и не думал опереться на эти народные силы, воля которых нашла свое выражение уже в гоконгской надписи и к которым обратилось 20 декабря 1946 года с призывом демократическое правительство Ханоя.

---

[1] Nguyen-van-Qué, Histoire des pays de l'Union indochinoise, Saigon, 1932.

(«Кто имеет винтовку, пусть сражается с винтовкой в руках, кто имеет меч, пусть поднимет меч..») Фан-тхань-Зяну, имевшему высокое понятие о своем долге, неспособному предстать перед своим государем после провала политики доверия к французам, которую он защищал, ничего не оставалось, как прибегнуть к классическому виду самоубийства — отравиться.

* * *

В то время в практике французского правительства существовал порядок, по которому управление населением колоний находилось в ведении Министерства морского флота. В течение двадцати лет до введения гражданского правления в 1879 году вьетнамское население Кохинхины было подчинено «правлению адмиралов».

Как управлять этими новыми подданными? Адмиралы, и особенно адмирал Боннар, были прекрасно информированы об образе жизни вьетнамцев. Они знали силу конфуцианских традиций, надежную прочность мандарината и общины, несмотря на их феодальный характер. Поэтому они старались делать как можно меньше нововведений и извлечь максимальную выгоду из того политического аппарата, который был создан в результате векового опыта правителей древнего Вьетнама. Боннар намеревался даже восстановить трехлетние конкурсы. На страницах «Официального бюллетеня» его экспедиции он заявил о своем намерении «уважать *национальные* законы и обычаи аннамитов». Его первые мероприятия по наведению порядка не отстранили от обязанностей прежних местных мандаринов в *фу* и *хюенах*, а ставили над ними лишь небольшое число чиновников французской колониальной администрации. Для проведения в жизнь этой политики, одобренной в Париже министром Шасселу-Лоба, Боннар собрал вокруг себя блестящую «плеяду» — Люро, Филястр, Обарэ, Легран де ла Лирэй. Действительный интерес, который эти люди проявляли к старому Вьетнаму, стимулировался их желанием дать колониальным властям возможность глубже познать страну. Таким образом, стремясь обеспечить более действенное управление, они создали важные научные работы, которым не было равных среди книг, вышедших из-под пера последующих колониальных администраторов. Обарэ, а затем Филястр перевели кодекс Зя-Лонга, Обарэ перевел «Заметки о Зя-дине», миссионер де ла Лирэй составил свои «Исторические заметки об аннамской нации», Люро — «Лекции по аннамитской администрации».

Однако недостаточно было только знать, что нужно делать, необходимо было еще иметь возможность это сделать. Даже самые ярые «поклонники» вьетнамской культуры, такие, как Люро и Обарэ, были не в состоянии воздействовать на то, что большая часть ученых и мандаринов отказывалась от сотрудничества

с ними. Повинуясь приказам из Хюэ, они просто-напросто исчезли с горизонта. По словам историка Кюльтрю, «класс, способный управлять, отсутствовал либо был настроен недоброжелательно». Таким образом, адмиралы поневоле должны были встать на опасный путь *создания непосредственно французской администрации.*

Из числа морских офицеров, которые заменили отсутствующих мандаринов, был создан институт «инспекторов по туземным делам»; их полномочия были чрезвычайно широки. В 1873 году был сделан еще один шаг в этом направлении: административное управление было изъято из ведения морских офицеров, временно откомандированных из флота, и передано в ведение «чиновников колониальной администрации», чья карьера и продвижение по службе отныне не зависели от морского ведомства.

Католическая миссия, обеспокоенная последствиями, которые могла иметь для проповеди евангелия «конфуцианская» политика Боннара, не скрывала своего враждебного отношения к нему, причем такое отношение миссионеры мотивировали необходимостью лучшей защиты колониального режима:

> Боннар, — заявлял один из выразителей мнения миссионеров аббат Лёней, — реорганизовал преподавание китайской письменности и восстановил старые звания докторов и лиценциатов, не задумываясь над тем, что не лучше ли было бы лишить аннамитов всего, что могло поддерживать в них национальные и, следовательно, антифранцузские настроения.

Однако для нормального осуществления своих функций французская администрация, к которой вынуждены были прибегнуть адмиралы в силу общего нежелания вьетнамцев сотрудничать, должна была использовать хотя бы минимум вьетнамского персонала (переводчиков, секретарей и т. д.). Но и на эту работу соглашались только лица, наименее достойные уважения. Создалось положение, опасность которого не ускользнула от внимания наиболее наблюдательных колонизаторов.

> С нами, — заявлял позднее вице-адмирал Риёнье, — были только христиане и мошенники.
>
> Сюда прибывали бродяги, — писал полковник Ф. Бернар, — бежавшие от нищеты или изгнанные из своих деревень за преступления, низкопоклонничавшие, охваченные одним желанием жить, неспособные к национальной борьбе, готовые служить любым хозяевам. Из числа этих бродяг набирался весь необходимый персонал администрации и домашней прислуги: бои, кули, сторожа, а также переводчики и писари, слегка пообтесавшиеся в школах католической миссии, и через общение с подобными ничтожествами вновь прибывшие колонисты и чиновники знакомились с народом Аннама...

Гордые тем, что они получили некоторое подобие европейского образования, — пишет историк Кюльтрю, — эти молодые аннамиты, ставшие секретарями, инспекторами или переводчиками, составляли в колонии касту деклассированных; злоупотребляя своим официальным положением, они от имени французских властей, не имевших возможности следить за их деятельностью, изнуряли налогами население, вынужденное прибегать к их посредничеству...

Из числа аннамитов-христиан в Кохинхине набирались первые помощники французской администрации, — пишет очень умеренно настроенный вьетнамский националист Фам-Кюинь. — Что они собой представляли?.. Бóльшая часть из них была всего-навсего лицами, преподававшими катехизис, которых прогнали епископы за недостойное поведение и которые латинскими терминами (так как они хотя и довольно слабо, но знали латынь) прикрывали всю свою азиатскую хитрость, вероломство и продажность.

Некоторые утописты считали «ошибкой» введение непосредственно французской администрации, ошибкой, помешавшей Франции в 1947 году провести «операцию», подобную которой успешно осуществили англичане в Индии с помощью своих туземных коллаборационистов. Другие жаловались на «недоразумение», сразу же возникшее между французами и вьетнамцами, которое мешало колонистам понять «вьетнамскую душу» и в результате чего, по словам полковника Бернара, они общались во Вьетнаме только с «деклассированными элементами, раболепными и зловредными, которые жили в крупных городах и подчинялись только силе».

Однако эти «ошибки» и это «недоразумение» были неизбежными. У адмиралов не было иного выбора. Эти ошибки и это недоразумение были вызваны силой и единодушием протеста вьетнамского народа; именно это заставило французскую администрацию с самого начала завоевания встать на путь, который поставил под угрозу ее будущее.

Налоговая и финансовая политика адмиралов была еще менее способна подготовить для французского господства безоблачное будущее. Но и в этом вопросе не было иного выбора, так как в условиях политического кризиса Второй империи было крайне необходимо в срочном порядке предоставить новой колонии «финансовую автономию». «Нас упрекали в том, — говорил чиновник колониальной администрации Сильвестр, — что наша новая колония стоила огромных сумм». Поэтому нужно было показать, что Кохинхина может «платить по векселю».

С самого начала чисто фискальным интересам отдавалось предпочтение перед экономическим развитием.

Кроме военных расходов, которые были значительными в силу того, что сопротивление народа не прекращалось, бюджет обременялся огромными расходами на содержание администрации

(еще одна «ошибка», вызванная введением непосредственно французской администрации) и субсидиями католическим миссиям (например, епископы получали жалованье в размере 15 тысяч золотых франков в год).

Для покрытия этих расходов был увеличен поземельный налог с шести до одиннадцати франков с гектара, а также введены различные поборы — подушный налог, налог на сампаны и другие, — причем взимание этих налогов за неимением опытных сборщиков было поручено нотаблям общин. Лихоимство последних было настолько значительным, что, по словам будущего гражданского губернатора ле Мир де Вильера, «это был прогрессивный налог, увеличивающийся обратно пропорционально богатству». Кроме прямых налогов, были еще и другие источники доходов. В 1861 году адмирал Шарнэ разрешил и ввел налоги на азартные игры, которые вообще запрещались конфуцианской моралью и строго наказывались кодексом Зя-Лонга, а Боннар ввел налоги на спиртные напитки и опиум. Короче говоря, если до завоевания в Кохинхине налоги составляли сумму менее двух миллионов золотых франков, то в 1867 году она поднялась до 5375 тысяч, в 1871 году — до 10 174 тысяч золотых франков, а в 1879 году составила более 19 миллионов франков, включая в эту сумму местные и провинциальные бюджеты. Следовательно, налоговое бремя, которое должно было нести на себе население Вьетнама, увеличилось за двадцать лет в *десять раз.*

Главным образом все в тех же фискальных целях поощрялся также экспорт риса, который был запрещен прежним вьетнамским правительством мандаринов из-за боязни возникновения голода: в 1860 году было экспортировано 57 тысяч тонн риса, в 1870 году — 229 тысяч тонн. В то же время было необходимо ввести в стране денежную единицу, которая была бы способна обеспечить этот торговый обмен. Выбор адмиралов пал на серебряный мексиканский пиастр, который был широко распространен по всему бассейну Тихого океана и который начал проникать во Вьетнам еще до завоевания (например, по договору 1862 года правительство Хюэ должно было выплачивать контрибуцию в пиастрах). После многочисленных проектов в 1875 году исключительное право эмиссии было предоставлено специально созданному для этой цели Индокитайскому банку.

Но эти фискальные и финансовые мероприятия, предпринятые в силу необходимости, не могли примирить массы населения с новым режимом: ученые осуждали французов за то, что они разрешили открывать игорные дома и курильни опиума и установили на них налоги; экспорт риса вызвал рост цен и помешал созданию запасов, которые крестьяне могли использовать в случае неурожая. Растущее бремя налогов было невыносимо как для ученых, так и для крестьян. Может показаться парадоксальным, что сопротивление французам не только не ослабевало, но, напротив, подогревалось самим успехом завоевания.

Это сопротивление приняло самые разнообразные формы. В то время как ученые и мандарины отказывались сотрудничать и продолжали бойкотировать новые порядки, народ оказывал хотя и пассивное, но действенное сопротивление фискальной машине колонизаторов. Одной из распространенных форм этого сопротивления было сокрытие размеров посевных площадей. Например, в 1879 году обрабатываемые площади составляли 650 тысяч гектаров, а в налоговых реестрах было зарегистрировано всего 419 641 гектар. Проявлению народного недовольства способствовала также «общая трудовая повинность», которая была введена адмиралами в связи с тем, что возникли большие трудности с набором рабочей силы.

> Эти значительные скопления голодных, низкооплачиваемых, спящих под открытым небом и полуголодных людей, — пишет Кюльтрю на основе донесений чиновников колониальной администрации, — имели исключительно серьезные последствия для народного здравоохранения и общественного спокойствия; подстрекатели беспорядков вербовали там свои банды, и администрация отмечала, что проведение больших общественных работ почти всегда кончалось попытками восстания.

В то же время не прекращалась и вооруженная борьба. В 1868 году сыновья Фан-тхань-Зяна — Фан-Лием и Фан-Тон, — желая отомстить за своего отца, возглавили движение в районе Ша-дека в нижнем течении Меконга. После поражения восстания они были сосланы. В том же году крестьянские отряды во главе с Нгюен-чунг-Чыком неожиданным нападением захватили город Жать-зя. В непроходимых болотах на границе с Камбоджей в районе Тяу-док и Лонг-сюен жрецы создали нечто вроде антифранцузской политико-религиозной секты, известной под названием движения *Дао-лань*. Глава секты, «главный жрец», был в прошлом военным мандарином. В 1875 году восстание поднял вернувшийся из ссылки на острове Реюньон один из руководителей движения 1862—1863 годов Тху-кхоа-Хуан.

Эти восстания заставили колониальные власти принять радикальные меры. И первой из этих мер было сооружение сети каналов в болотах западной Кохинхины. Так же как и проходы, проделанные примерно в это же время в рабочих кварталах старого Парижа бароном Хаусманом, эти каналы предназначались сначала для военных и полицейских целей. Впоследствии они, разумеется, содействовали развитию сельского хозяйства, но первое время, по сдержанному выражению экономиста Поля Бернара, эти результаты экономического порядка «были достигнуты и без того, чтобы их преднамеренно добивались».

Одновременно адмиралы проводили политику жестоких репрессий против руководителей движения сопротивления. Префект ле Мир де Вильер, который в 1879 году, когда был введен «гражданский режим», сменил последнего адмирала, приводит в своих

мемуарах многочисленные примеры принятых в то время жестоких мер:

> Господин губернатор! Я имею честь представить на Ваше утверждение приговор, осуждающий некоего Ту, который был арестован вчера утром и *казнен вечером того же дня* в половине пятого.
>
> *Приговор:* Ввиду того, что обвиняемый сознался в том, что он был раньше главой восставшего *хюена* и сдался Сайгону; ввиду того, что он признал также и то, что получил из рук Хуана знак отличия главы *фу* и спрятал его на вершине дерева; ввиду того, что в то время, когда его задерживали в Хыонг-дине, он, защищаясь, разорвал одежду одного нотабля; ввиду того, что *он не захотел сделать никакого другого компрометирующего признания,* объявляем его виновным в мятеже и приговариваем к смертной казни». Одобрено: Губернатор (*sic*!).
>
> *Приговор от 25 мая:* Принимая во внимание, что все трое обвиняемых сдались только через два дня после казни Хуана, и что по *их внешнему виду* они кажутся созданными специально для грабежей и восстаний, и что они не во всем признались, объявляем их виновными в мятеже и т. д., приговариваем всех троих к обезглавливанию и просим заменить это наказание десятью годами заключения на острове Пуло-кондор.
>
> *Примечание:* Одобряю настоящий приговор *без смягчения наказания.* Приговор привести в исполнение немедленно.
>
> Подпись: Губернатор.

Создание каторги на острове Пуло-кондор наряду с объявлением пиастра государственной денежной единицей Вьетнама и налогообложением игорных домов и курилен опиума явилось самым знаменательным и значительным с начала оккупации мероприятием адмиралов-губернаторов.

* * *

Расчленение Вьетнама по договору 1862 года и в результате односторонней аннексии 1867 года было пока еще частичным. Оно касалось только малонаселенных провинций, сравнительно поздно включенных в состав вьетнамского государства. Районы Северного и Центрального Вьетнама, являвшиеся традиционными очагами вьетнамской культуры в средние века и в новое время, оставались нетронутыми. Между 1862 и 1882 годами, когда произошло нападение Ривьера на Тонкин, существовал независимый Вьетнам, которому еще принадлежала бóльшая часть его древней территории. Какой же отзвук имела там оккупация Южного Вьетнама? Не вызвала ли она национального пробуждения, стремления к обновлению или чувства надви-

гающейся опасности? Европейские историки, которые кропотливо разбирали малейшие подробности «деятельности адмиралов», не только не удосужились дать ответы на эти вопросы, имевшие, кстати сказать, решающее значение для дальнейшей судьбы Вьетнама, но даже не поставили их.

Правительство Хюэ, несмотря на настойчивые требования французов, отказалось признать переворот 1867 года и оккупацию западной Кохинхины французами. Оно имело твердое намерение восстановить единство страны и отвоевать потерянные провинции. Оно поддерживало связь с повстанцами Кохинхины, что расценивалось французами как «предательский» акт. Указ Ты-Дыка, опубликованный в 1867 году, накануне оккупации западных провинций Кохинхины, заслуживает того, чтобы привести его почти полностью. В этом указе ясно чувствуется серьезное беспокойство правительства Хюэ, но в то же время и его неспособность возглавить руководство движением за подлинное восстановление единства страны:

Никогда еще не было столько роковых событий, как в наше время, никогда еще не происходило столько больших несчастий, как в этом году...

Когда я обращаю свой взор в небеса, я испытываю страх перед велениями неба, а когда я смотрю вниз, меня днем и ночью угнетает чувство сострадания к людям. В глубине моего сердца я дрожу и краснею одновременно. Я всегда беру на себя все грехи, чтобы народ избежал ответственности за них, но не успеет прийти искупление, как наступают новые бедствия. Поистине не известно, что говорить и что делать, чтобы помочь подданным королевства...

Я часто присутствую на торжественных приемах, но это только для формы. Когда я остаюсь один, меня охватывает печаль и я не нахожу слов, чтобы выразить свои чувства. Это истощает мою кровь, изнуряет и ослабляет мое тело.

В этом году, хотя мне еще не исполнилось и сорока лет, моя борода и голова поседели, я уже почти старик. Я боюсь, что из-за этих тайных переживаний я больше не смогу отправлять культ моих предков по утрам и вечерам...

Среди забот по управлению страной, среди преследующих нас бедствий мы читали, несмотря на усталость, книги, написанные мудрецами, но мы не знаем, как претворить их содержание в жизнь...

Как может человек, имеющий только одно сердце и одно тело и обремененный десятью тысячами дел, вынести эту ношу?..

Основной заботой отцов семейств в настоящее время является забота о восстановлении королевства. Пусть

десять тысяч семей объединятся в единой воле, и это послужит действенным средством для обеспечения успеха...

Нужно уничтожать все негодное и плохое; нужно искать и поддерживать все, что может быть полезным. Образованные люди должны помочь своими советами, сильные люди должны отдать все свои силы, богатые должны оказать помощь своими богатствами, а те, кто имеет особые способности или профессию, кто сделал полезное изобретение, должны удовлетворять нужды армии и королевства.

Все, по велению собственного сердца, должны стараться искупить и загладить наши ошибки...

В моем глубоком несчастье я был бы счастлив искупить мои прежние ошибки, воздать должное заслугам моих предков! Только об этом я молю, только это является основным моим желанием...

Увы! К сожалению, жизнь всегда полна скорби, и человек постоянно живет в печали и страхе! Таково наше мнение, и мы его высказываем, для того чтобы оно было всем известно.

Таково слово короля. Уважайте его [1].

Несчастный Ты-Дык, вероятно, смутно сознавал, что национальное спасение может быть делом только всего народа. Он рискнул даже обратиться с робким призывом проявить личную инициативу и нашел подлинно патриотические слова для выражения своего смятения. Однако, находясь полностью в плену монархической, авторитарной традиции, он оставался человеком, имеющим «только одно сердце и одно тело и обремененным десятью тысячами дел». Он не знал выхода из этого одиночества и пути к подлинному национальному возрождению. Его пессимизм, его почти болезненное чувство сознания собственной вины составляют полный контраст всепобеждающему оптимизму, который спустя восемьдесят лет проявляли в еще более трудной обстановке Хо-ши-Мин, Чыонг-Тинь и Фам-ван-Донг («Рассчитывать главным образом на себя, то есть на народ. Эта сила неистощима: сила человеческая, сила материальная, сила духовная...»).

В условиях политической обстановки старой вьетнамской монархии призыв Ты-Дыка был напрасным. Действительно, угроза французского вторжения не ликвидировала ни одного противоречия, которые раздирали вьетнамское общество. Напротив, она обострила их еще больше. Потеря рисовой житницы на юге страны, тяжесть контрибуции в размере 4 миллионов пиастров, увеличение трудовой повинности и налогов — все это начиная с 1862 года еще более усилило аграрный кризис в Тонкине. На юге и на востоке дельты Красной реки, на этой «тонкинской Вандее», как ее совершенно правильно назвал историк Романэ

[1] Ch. Gosselin, l'Empire d'Annam, Paris, 1904.

дю Кайо, движение сторонников династии Ле продолжало привлекать на свою сторону недовольных крестьян. Отряды повстанцев нападали на государственные склады и местных чиновников, захватывали рис и делили его между бедными крестьянами.

Кроме того, политическая обстановка в Тонкине усложнялась новым обстоятельством. В горном районе Тонкина, в издавна непокорных провинциях Лао-кай, Као-банг и Тюен-куанг, нашли приют после поражения в 1865—1866 годах оставшиеся в живых участники тайпинской революции в Китае. Объединившись во враждовавшие между собой отряды: Черных флагов, Желтых флагов, Красных флагов и Белых флагов, — они образовали нечто вроде феодальных владений, более или менее независимых от центрального вьетнамского правительства. Последнее вынуждено было примириться с этим. В 1871 году Ты-Дык предоставил неограниченные полномочия одному из вождей тайпинов Лыу-винь-Фуку в районе Лао-кая, фактически уже находившемуся под его полным контролем. Старый антагонизм между населением равнины и народностями, населяющими горы, стал проявляться в новой форме.

Афера Франси Гарнье вскрыла все эти внутренние слабости старого вьетнамского режима и его неспособность возглавить борьбу за подлинное национальное возрождение.

Основание французской колонии в устье Меконга отнюдь не удовлетворило французские круги, заинтересованные в торговле с Дальним Востоком, тем более что в 1868 году французская экспедиция Дудара де Лагрэ и Франси Гарнье совершенно точно установила невозможность судоходства по Меконгу. В 1869 году руководители экспедиции опубликовали роскошно изданную книгу, в которой они обращали внимание французских торговых кругов Лиона, Бордо и Марселя на тот факт, что Красная река является наиболее удобным путем в Южный Китай. Но для этого необходимо было добиться открытия портов и водных путей Тонкина для европейской торговли, необходимо было убеждением или силой добиться пересмотра договора 1862 года.

Начиная с 1870 года это мнение распространилось среди французских правящих кругов Сайгона. Адмирал Дюпрэ заявил, что проникновение в Тонкин является «вопросом жизни или смерти для будущего господства французов на Дальнем Востоке». Это же мнение разделяли французские купцы в Китае, такие люди, как Е. Мийо, бывший председатель французской торговой палаты Шанхая, и Ж. Дюпюи, купец из Ханькоу.

Деятельность Дюпюи дала адмиралу Дюпрэ тот повод, который он давно искал. Еще во время экспедиции в Китай и тайпинской революции Дюпюи торговал оружием в Шанхае, затем он отправился в Юньнань для переговоров с китайским маршалом Ма, который руководил подавлением восставшего

мусульманского населения. Он предложил снабжать маршала Ма оружием и в обмен на это закупать у него свинец.

В конце 1872 года Дюпюи во главе нескольких сот азиатских наемников и двадцати трех европейских авантюристов, среди которых был и Е. Мийо, пересек Тонкин в направлении к Юньнани, хотя это явно противоречило условиям договора 1862 года. Выражение «прибрежные пираты», которое употребил Франси Гарнье в отношении Дюпюи и его сообщников, хотя он впоследствии и выступил в их защиту, не оставляет никакого сомнения в степени моральной честности и патриотизма этих людей, ради которых пожертвовали честью Франции.

Во время первой поездки Дюпюи через Тонкин мандарины заняли по отношению к нему примирительную позицию. Но когда он, возвращаясь из Юньнани, через несколько месяцев снова предстал перед ними с большим грузом свинца, полученным от маршала Ма, они блокировали его суда. Тогда Дюпюи поднял французский флаг, на что он не имел никакого права, и отправил своего помощника Мийо в Сайгон за помощью.

Позиция, занятая адмиралом Дюпрэ, который был в то время губернатором Кохинхины, ясно показывает, насколько преднамеренными были его действия. Он предоставил Мийо на покрытие основных нужд 30 тысяч пиастров и даже обсуждал с ним возможность французского вмешательства в поддержку сторонников династии Ле. Телеграмма от 28 июля, которую он направил в Париж, явно свидетельствует о его намерении снова поставить под сомнение статут независимого государства, предоставленный Вьетнаму договором 1862 года:

> Тонкин открыт благодаря успеху экспедиции Дюпюи. Огромное воздействие на английскую, немецкую и американскую торговлю. Абсолютно необходимо оккупировать Тонкин и обеспечить Франции этот единственный в своем роде путь. Не требую никакой помощи, все сделаю своими собственными силами. Успех обеспечен [1].

Дюпрэ намеренно создал атмосферу двусмысленности вокруг экспедиции Франси Гарнье, которую он послал в Ханой в октябре 1873 года с небольшим вооруженным отрядом. Согласно его инструкциям, основной обязанностью Гарнье, как и просило об этом правительство Хюэ, было урегулирование дела Дюпюи. Однако, хотя Гарнье официально заявил властям Ханоя, что он прибыл только с этой целью, он в то же время имел поручение Дюпрэ добиться открытия Красной реки для торговли. Впрочем и сам Гарнье, чтобы успокоить Дюпюи, которого он незадолго до этого называл «прибрежным пиратом», писал ему, «что адмирал не намерен отказываться ни от одного из достигнутых успехов в торговле».

---

[1] «Bulletin de la Société des Etudes indochinoises», 2-e sem. 1947.

Но власти Ханоя не сдавались. В это время в Ханое находился старый маршал Фыонг, защитник укрепленной линии Кихоа в 1861 году, там же были и сыновья Фан-тхань-Зяна. Никто из них не имел особых причин чрезмерно доверять французам. Они категорически отказались обсуждать что-либо, кроме вопроса об эвакуации Тонкина, то есть вопроса, на разрешение которого Гарнье имел полномочия. Чтобы избежать неправильного толкования визита Гарнье, маршал Фыонг расклеил по городу афиши, извещавшие об официальных мотивах пребывания Гарнье в Ханое. Плану Дюпрэ, который состоял в том, чтобы использовать аферу Дюпюи и путем запугивания добиться новых выгод для Франции, грозил провал. Тогда Гарнье решил прибегнуть к силе.

При активной поддержке миссионера Пюжинье, французского епископа в Тонкине, с которым Гарнье поддерживал тесный контакт с момента своего прибытия, последний односторонним актом, который противоречил договору 1862 года, объявил, что отныне судоходство по Красной реке является свободным и таможенные пошлины отменяются.

Ровно на семьдесят три года раньше того момента, когда другая попытка французов лишить Вьетнам права свободно распоряжаться своими таможнями повлекла за собой бомбардировку Хай-фонга, Гарнье без предупреждения атаковал и захватил крепость Ханоя. Старик Фыонг, получивший смертельную рану, гордо ответил епископу Пюжинье, который явился к нему с утешениями:

> Как! Вы, глава французских миссионеров, пришли потешиться моей агонией! Вы, значит, не можете дать мне спокойно умереть! Вы все-таки должны быть довольны, так как именно благодаря Вам и Вашим советам эти французские разбойники похитили у нас Кохинхину и собираются еще отнять Тонкин. После стольких бедствий моим самым большим желанием является умереть как можно скорее[1].

Добившись первоначального успеха, Гарнье решил продолжать наступление. При поддержке руководителей отрядов сторонников династии Ле и христианских общин он захватил всю дельту. Он спешил ввести в районе дельты постоянную французскую администрацию, что еще более противоречило условиям договора. Но 21 декабря 1873 года Гарнье был убит.

По приказу из Парижа, где опасались осложнений, Дюпрэ вынужден был, к своему сожалению, пойти на попятную. Капитан-лейтенант Филястр, которого Дюпрэ направил для урегулирования тонкинского вопроса и эвакуации отряда Гарнье, был лично настроен враждебно к деятельности своего коллеги.

> Неужели Вы, — писал он ему незадолго до этого, — на самом деле решились на позор, который падет на Вас и

---

[1] E. Millot, Le Tonkin, Paris, 1888.

на нас, когда узнают, что Вы вместо того чтобы прогнать какого-то *авантюриста* и постараться найти общий язык с аннамитскими чиновниками, заключили союз с этим авантюристом, чтобы без предупреждения открыть огонь по людям, которые на Вас не нападали и не были защищены?

Сразу же после своего прибытия Филястр эвакуировал крепости дельты. В марте 1874 года он подписал с вьетнамским правительством новый договор, который предусматривал открытие для торговли портов Кюи-нён, Хай-фонг, Ханой, а также Красной реки. Этот договор официально признавал права Франции на всю Кохинхину, которая фактически находилась под ее властью с 1867 года, когда французы аннексировали три западные провинции Кохинхины. Согласно статье 3 договора, правительство Хюэ «обязывалось согласовывать свою внешнюю политику с внешней политикой Франции». Но та же статья предусматривала, что Вьетнам ни в чем «не изменит существующих дипломатических отношений». Следовательно, договор не затрагивал отношений, существовавших в то время между Вьетнамом и Китаем. Между тем в 1883—1884 годах французские власти дали совершенно противоположное толкование этой статье договора. Наконец, статья 2 (возможно, здесь имела место стилистическая погрешность) признавала «суверенитет короля Аннама и его полную независимость». Согласно этому договору, Вьетнам снова подвергался территориальному, экономическому и политическому расчленению. Между политикой Гарнье и Филястра не только не было никакого противоречия, но существовало полное соответствие. Филястр воспользовался деятельностью Гарнье и извлек из нее все выгоды, какие только Франция могла получить в то время.

В 1873—1874 годах, так же как и в 1859—1862 годах, французская политика ловко использовала наряду с применением силы и переговоры для достижения компромисса, который казался отступлением от первоначальных ее целей. Такой метод был наиболее удачным, так как вьетнамское правительство, которое находилось под постоянной угрозой крестьянских волнений, было готово идти на подобные компромиссы. Эта же политика чередования военных действий и переговоров была применена французами и в 1883—1885 годах. В 1945—1947 годах они вновь попытались воспользоваться этим методом, то высаживая десант в Сайгоне и подвергая обстрелу Хай-фонг, то заключая соглашение от 6 марта и устраивая посещение Пон-де-Рапида профессором Мю. Но этот неоднократно испытанный метод на этот раз оказался несостоятельным, так как монархия Нгюенов уступила место демократическому правительству, пользовавшемуся поддержкой народа.

После подписания договора 1874 года по крайней мере наиболее сознательные мандарины ясно поняли, что независи-

мость Вьетнама находится под все возрастающей угрозой и что даже само существование Вьетнама как государства поставлено под сомнение. Беспокойство за судьбу страны проявилось в «движении за реформы», аналогичном движению за реформы в Китае, возникшему после поражения в 1895 году и вдохновленному недавним примером Японии, которая в 1868 году положила начало эпохе *Мэйдзи,* эпохе прогресса. Однако все проекты реформ, например проекты, подготовленные мандарином Нгюен-чыонг-То или Динь-ван-Диеном, одним из жителей Нинь-биня, и предусматривавшие политическую реорганизацию страны, освоение необрабатываемых земель, эксплуатацию рудников, строительство железных дорог, были отвергнуты императорским двором. Тема, предложенная в 1876 году на трехлетних конкурсных экзаменах в Хюэ — «Полезна ли была модернизация для Японии?», — также была истолкована в отрицательном смысле почти всеми кандидатами. Таким образом, правители Вьетнама даже под угрозой неминуемой опасности отказывались пойти на изменение старого строя.

Они все больше старались направить гнев народа против христиан и против тех вьетнамцев, которые в 1873 году добровольно и активно сотрудничали с Гарнье. Восстание под руководством ученых в Нге-ане, направленное против договора 1874 года, привело к многочисленным жертвам среди вьетнамских крестьян-католиков. Однако это отнюдь не ослабило остроты аграрного вопроса. В июле 1874 года в провинции Хай-зыонг вспыхнуло новое восстание сторонников династии Ле.

Ты-Дык по-прежнему продолжал искать поддержку у феодального Китая, а не у народа. С его согласия регулярные китайские войска разместились в пограничных районах, чтобы совместно с вьетнамской армией организовать подавление занимавшихся грабежами отрядов Желтых и Красных флагов. В 1880 году Ты-Дык направил традиционную дань прямо в Пекин, которая обычно вручалась представителю китайского императора в городе Наньнин, расположенном по другую сторону границы.

Этот жест, который, впрочем, полностью соответствовал условиям договора 1874 года, очень скоро был истолкован французскими властями как «предательский акт». Он послужил одним из предлогов, которыми воспользовались французы в 1882—1883 годах для оправдания своего нового вооруженного нападения, временно ликвидировавшего независимость Вьетнама.

10 Зак. 2162. Ж. Шено

Глава VIII

КОНЕЦ НЕЗАВИСИМОСТИ ВЬЕТНАМА И УСТАНОВЛЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО ГОСПОДСТВА (1882—1905)

В апреле 1882 года капитан первого ранга Ривьер, повторив проведенный за девять лет до него маневр Франси Гарнье, штурмом овладел крепостью Ханоя. И, подобно Гарнье, Ривьер был убит (19 мая 1883 года). Но на этот раз вьетнамская независимость не пережила его.

Между экспедициями Гарнье и Ривьера имелась, несомненно, прямая связь. Но слабые попытки, предпринятые французами в 1873 году, вылились в 1882 году в широкую экспансию. В 1879 году во Франции был решен вопрос о характере политического строя и у власти оказались умеренные республиканцы, «оппортунисты». Будучи непосредственно связаны в силу своего социального происхождения с банковским и промышленным капиталом, они услужливо прислушивались к требованиям деловых кругов, заинтересованных в колониальной экспансии. Сформировалась настоящая «партия колониалистов», которая была значительно лучше организована, чем в 1862—1864 годах. Она предприняла во время министерств Фрейсине и Ферри систематическую кампанию за пересмотр договора 1874 года, который расценивался ими как неудовлетворительный. В апреле 1880 года французские коммерсанты в Тонкине направили по этому поводу петицию в Париж.

В мае 1883 года «Ле журналь де Шамбр де коммерс» («Газета торговой палаты») привела аргументы, которые выдвигались сторонниками захватнической политики на протяжении многих лет:

> Все районы Франции заинтересованы в открытии этого большого рынка (Тонкина)... Марсель — с точки зрения развития мореходства, Лион — для сбыта своих шелковых изделий, Бордо, Нант, Гавр — для торговли колониальными товарами.
>
> Завоевание страны почти с 15 миллионами потребителей... с рынками, где наша промышленная продукция может легко обмениваться на сырье, — вполне заслуживает

того, чтобы с нашей стороны были сделаны некоторые усилия.

Стратегическая оккупация Красной реки отвечает лишь в некоторой степени нуждам французской торговли. *Для серьезного предотвращения экономического кризиса* необходимо овладение торговым путем по Красной реке, всем Тонкином с его 15 миллионами жителей.

Именно в этом духе был составлен французский проект военной интервенции, благоприятным предлогом для которой послужила деятельность Черных флагов. В 1880 году морской министр адмирал Жорегиберри уведомил палату депутатов о своем намерении «очистить Тонкин от разбойничьих банд, которые, то выступая в качестве союзника, то вновь поднимая мятежи, наносили очень большой ущерб суверенитету Аннама и торговым интересам».

Итак, в апреле 1882 года с этой «высокой» миссией защиты вьетнамского суверенитета в Тонкин был направлен Ривьер с двумя ротами солдат (договор 1874 года давал Франции право иметь там не более ста человек). В инструкциях, полученных Ривьером от губернатора Кохинхины лё Мир де Вильера, это мероприятие было названо «главным образом превентивным».

На этот раз даже не сочли нужным прибегнуть к новой афере Дюпюи.

Сразу же после прибытия Ривьер, заявив, что вьетнамцы ему угрожают своими «воинственными приготовлениями», силой овладел крепостью. Хоанг-Диеу — губернатор Ханоя — покончил с собой. Во многих народных песнях воспевается имя этого конфуцианского героя, который сознательно принял смерть, чтобы покарать себя за неудачу, как это сделал до него Фан-тхань-Зян.

Затем Ривьер спешно приступил к оккупации дельты. Его прежде всего интересовал угольный бассейн Хонг-гай («для того чтобы защитить его от поползновений англичан»); он направил мандаринам — губернаторам главных крепостей — ультиматум с требованием капитуляции. Но вооруженные отряды китайцев под руководством Лыу-винь-Фука — *де-дока* [1] Черных флагов, а также вьетнамская армия оказали ему ожесточенное сопротивление. 19 мая 1883 года Ривьер погиб при таких же таинственных обстоятельствах, как и Гарнье до него.

Я отдаю дань уважения тем, кого нет больше с нами, — заявил в связи с этим Рейнар, тогдашний французский резидент в Хюэ, — дань восхищения тем, кто пал смертью храбрых. Но они пожали то, что сами посеяли: авантюра для каждого из них неизбежно должна была плохо кончиться, как и плохо началась — на английский манер, то есть вероломно. На аннамитов напали в нарушение норм

---

[1] *Де-док* (*вьетнам.*) — командующий. — *Прим. перев.*

права, а когда они пришли в себя и стали защищаться, нападавшие стали звать на помощь[1]...

Но этот умеренный вывод, сделанный весьма компетентным в силу его служебного положения наблюдателем, не совпал с мнением французского правительства. Последнее немедленно направило экспедиционному корпусу следующую телеграмму: «Франция отомстит за своих славных сынов...» И во Вьетнам были посланы крупные подкрепления.

Однако эту интервенцию не следует связывать, как это часто делают, только с известием о смерти Ривьера. Тенденция возлагать ответственность за колониальные войны на «местную инициативу», в результате которой правительство «уже не может пойти на попятную», не соответствует действительности вообще и тем более событиям в Тонкине. Каково бы ни было личное неблагоразумие Ривьера, основная ответственность ложится на более высокие круги. Так, *за четыре дня до смерти Ривьера* палата депутатов на исключительно спокойном заседании, руководствуясь заранее намеченными целями, приняла закон об отправке в Тонкин большой военной экспедиции.

> Статья I. Предоставить министру морского флота и колоний по бюджету на 1883 финансовый год дополнительный кредит в сумме пяти миллионов триста тысяч франков (5300 тысяч), который пойдет по 2-му разделу (колониальная служба) 9-й главой (служба Тонкина).
>
> Статья II. Верховное руководство будет возложено на гражданского генерального комиссара Республики, в *обязанность которого входит организация протектората.*

Итак, французский парламент 351 голосом против 48 (главным образом крайних правых) решил односторонним актом вопрос о превращении независимого государства в «протекторат». Это было достигнуто простым приемом, состоявшим в том, что Вьетнам без какого-либо учета его воли был включен в 9-ю главу 2-го раздела бюджета.

Во время парламентских дебатов 15 мая раздался лишь единственный голос протеста. Это был голос правого депутата, господина Делафосса:

> О чем это говорит? Что это за манера брать в свои руки управление страной, которая вам еще не принадлежит, которая вам еще не сдалась и вами не завоевана? Собираетесь ли вы таким образом заменить немедленно вьетнамскую администрацию французской?
>
> Если таковы ваши намерения, то мне кажется, что они должны быть обсуждены с аннамитским правительством.
>
> И я вас спрашиваю, почему мы выносим решение без него и против него. Не означает ли это, что вы обходите аннамитское правительство, что вы игнорируете его права

[1] Ch. Gosselin, l'Empire d'Annam, Paris, 1904.

> и что вы захватываете Тонкин? Тогда почему вы говорите о протекторате («Очень хорошо!» — возгласы правых)... Надо, господа, называть вещи своими именами: ваш проект предусматривает не протекторат, а захват.

Конечно, когда этот закон появился в своем окончательном виде на страницах «Л'Оффисьель», он уже не содержал статьи II относительно протектората. Сенат исключил эту статью только из-за того, что в ней предусматривалось подчинение военачальников гражданскому комиссару. Но очевидным остается тот факт, что подавляющее большинство палаты депутатов 15 мая ясно подтвердило свое намерение положить конец независимости Вьетнама, с тем чтобы заменить ее, подобно только что проведенному эксперименту в Тунисе, фикцией «покровительства», предоставленного даже ранее, чем о нем поступило ходатайство заинтересованной страны.

В августе 1883 года в Тонкин прибыло подкрепление во главе с комиссаром Арманом, генералом Буэ и адмиралом Курбэ, и в районе дельты быстро развернулись военные операции. Вскоре был взят Хай-зыонг. Одновременно, используя кризис вьетнамской монархии, начавшийся в июле после смерти Ты-Дыка, французы предприняли маневр с целью устрашения властей Хюэ. Операция удалась. 25 августа, после обстрела фортов столицы, мандарины согласились подписать договор о протекторате. Вьетнам потерял свой национальный суверенитет.

Успех французов облегчили междоусобицы, раздиравшие императорский двор Хюэ после смерти императора. С этого времени некоторые тщеславные мандарины (в том числе Нгюен-чунг-Хиеп — один из трех регентов периода междуцарствия — и Нгюен-хыу-До) проявили желание сотрудничать с французами. Два других регента — Тон-тхат-Тхюет и Нгюен-ван-Тыонг — были, наоборот, сторонниками сопротивления, но их разделяло странное соперничество. Стремясь захватить власть, они намеренно оставляли трон свободным, рискуя в этот решающий момент ослабить вьетнамское государство.

Вслед за Дык-Дыком, племянником Ты-Дыка, которого они сместили после однодневного царствования, регенты возвели на трон Хиеп-Хоа, младшего брата покойного. Но этого несчастного, в котором они не были уверены, они заставили отравиться. Затем они посадили на престол другого молодого племянника Ты-Дыка — Киен-Фука.

Этот разброд, царивший в Хюэ летом 1883 года, не помешал, однако, продолжению сопротивления на Севере. Курбэ должен был начать осаду Шон-тэя с помощью кули, предоставленных ему Нгюен-хыу-До; город был взят в декабре. Вьетнамский губернатор Хюэ отказался признать действительным договор о протекторате, подписанный в августе Хиепом и До. Было организовано несколько рот добровольцев *доан-киет* («полки смелых»). Тхюет, одержавший в это время верх над другими регентами,

организовал работы по укреплению города Хюэ и лагеря ученых, используя для этой цели крестьян, привлеченных по трудовой повинности.

В конце 1883 года он тайно построил крупный укрепленный лагерь в горах Северного Аннама, в Тан-шо. Там работало около десяти тысяч человек; пушки доставлялись на спинах людей; более ста тысяч корзин риса было перенесено туда из Аннама и даже из Тонкина. Сопротивление начало принимать подлинно народный характер.

Французские войска со своей стороны использовали помощь вьетнамских христианских общин, возглавляемых французскими миссионерами. Именно они поставляли войскам переводчиков, носильщиков и ополченцев, в которых французы испытывали острый недостаток.

Весной 1884 года прибыли свежие французские войска и Вьетнам потерял новые территории, в частности Бак-нинь, где стояли вьетнамские регулярные войска, и Хынг-хоа, находившийся под властью Черных флагов. В мае 1884 года Китай в свою очередь согласился признать французский протекторат над Вьетнамом, оговорив, правда, свои права на «престиж» (то есть на свой старый сюзеренитет, имевший чисто символический характер). В силу этих военных и дипломатических успехов Франции регенты Тыонг и Тхюет были вынуждены в июне 1884 года признать договор о протекторате, подписанный в предшествующем году их соперником Хиепом.

Однако состоявшееся весной соглашение между Францией и Китаем оказалось непрочным. Так, пекинское правительство выступило с протестом, когда французские представители в Хюэ потребовали, чтобы в торжественной обстановке была уничтожена большая инвеститурная печать, некогда пожалованная Вьетнаму китайскими императорами. Кроме того, китайцы отрицали, что текст договора предусматривает немедленную эвакуацию их войск из Тонкина, как того требовали французы. 23 июня в Бак-ле произошел инцидент местного характера, в результате которого произошло столкновение между китайскими и французскими войсками. Адмирал Курбэ воспользовался этим случаем, чтобы начать общее наступление. Он высадил войска на Формозе (Тайвань), обстрелял крупный порт Южного Китая — Фучжоу и оккупировал принадлежавший Китаю Пескадорский архипелаг (о-ва Пенхуледао), чтобы преградить путь джонкам, доставлявшим рис в Северный Китай. Этот удар против Китая оказался необходимым, чтобы окончательно ликвидировать независимость Вьетнама. Тогда китайские и вьетнамские войска предприняли новое усилие. Тхюет попытался организовать в дельте широкое контрнаступление с помощью отрядов Черных флагов, отрядов мыонгов и регулярных войск, которые удалось сохранить мандаринам. Китайские власти обратились с призывом оказать сопротивление французскому наступлению.

Пусть узнают жители Гуандуна и Гуанси, — говорилось в воззвании губернатора Кантона, — жители Северного и Южного побережья, рыбаки, рабочие, торговцы, жители Сайгона и Сингапура и т. д., что французы начали несправедливую войну против нашей страны, пришли грабить население; всюду, где они появляются, они все разрушают и уничтожают. Они разгневали небо и людей.

Те из вас, кто является патриотом, должны: наниматься на суда, добиться того, чтобы механики научили вас управлять ими, а затем направиться в моря, омывающие Китай, или в соседние моря; останавливать французские корабли, чтобы нападать на них с тыла и с фронта; поступить на службу во французскую армию, с тем чтобы разрушать их корабли, взрывать пороховые погреба, наниматься на работу в качестве рабочих-механиков и, вместо того чтобы ремонтировать судовые машины, производить в них всяческие повреждения; наниматься в лоцманы, чтобы направлять суда на подводные рифы... [1]

Но, несмотря на ряд успехов местного значения, в частности победу при Ланг-шоне, вызвавшую падение правительства Ферри, Китай не мог оказать французам длительного сопротивления, и в июне 1885 года был подписан второй Тяньцзинский договор, по которому он окончательно отказался от своего сюзеренитета над Вьетнамом. Регенты Тыонг и Тхюет, только что заменившие императора Киен-Фука его молодым братом Хам-Нги, оказались теперь одни перед лицом французских гражданских и военных властей. Вскоре выяснилось, что обе стороны весьма различно истолковывают договор о протекторате 1884 года: регенты толковали его буквально, то есть как максимум того, на что они могли согласиться, а правительство Парижа, напротив, очень широко, рассматривая его как этап к почти неприкрытой аннексии. Когда, например, Франция в мае 1885 года решила сформировать два новых стрелковых батальона тонкинцев, что противоречило статье 16 договора, регент Тхюет направил французскому резиденту в Хюэ господину Лемэру официальное письмо, в котором нетерпеливо спрашивал:

Каково же его намерение и что означают два иероглифа *бао-хо* (протекторат)?.. отныне в официальные коммюнике не следует больше включать эти знаки, ставшие просто формулой...

Что касается вербовки стрелков, то это противоречит условиям договора... [2]

Несомненно, что весной 1885 года дело шло к новому разрыву, да и личная точка зрения нового главнокомандующего де Курси не способствовала отсрочке этого разрыва.

---

[1] J. Silvestre, L'Empire d'Annam et le peuple annamite, p. 354.
[2] J. Silvestre, La Politique française en Indochine.

Курси не собирался довольствоваться рассуждениями о протекторате, который был признан за Францией договором 1884 года. В его планы входила безусловная оккупация страны. 26 июня он телеграфировал в Париж:

> У меня много претензий к регентам. Буду действовать осторожно, но энергично. Телеграфируйте в Хюэ, если министерство будет против применения силы [1].

Но это вовсе не дает оснований утверждать, что подготовлявшийся разрыв явился результатом «местной инициативы». Курси в данном случае проявил не больше инициативы, чем его предшественники — Риго де Женуйи, Гарнье и Ривьер — или его последователи — адмирал д'Аржанльё, полковник Дебэ и генерал Валлюи. 21 мая министр Фрейсине телеграфировал Курси:

> Подобно Вам, я считаю, что невозможно оставлять без наказания поведение аннамского военного министра... когда прибудут подкрепления, Вы, прежде чем выступить, дадите знать двору, что мы не собираемся более терпеть присутствия Тхюета в регентском совете... И только спустя некоторое время, если Вы не получите удовлетворительного ответа, следует начать предложенное Вами военное выступление [2].

Будучи в курсе действительных намерений генерала, Тхюет усилил со своей стороны оборонительные приготовления. К этому времени было закончено строительство военной столицы Тан-шо, которое осуществлялось в секретном порядке в течение восемнадцати месяцев, и уже была начата перевозка туда государственной казны.

3 июля Курси прибыл в Хюэ в сопровождении необычно большого эскорта, в составе около тысячи человек. С вызывающей грубостью он потребовал, чтобы ему разрешили явиться в императорский дворец для вручения верительных грамот в сопровождении этого эскорта. Согласно выражению миссионера Каспара, французского епископа Хюэ, очевидца этих событий, Курси хотел «как военачальник бросить в случае необходимости свою шпагу и ружья своих зуавов на чашу весов дипломатических требований» [3].

В ответ на эту вооруженную демонстрацию регенты начали в ночь с 4 на 5 июля военные действия против войск де Курси. Тхюет вместе с малолетним королем Хам-Нги и всем двором, в том числе почитаемой «королевой-бабушкой» — матерью Ты-Дыка, немедленно выехал в Тан-шо. Ценности, которые были туда перевезены, достигали, очевидно, суммы в 350 миллионов золотых франков.

---

[1] E. Millot, Le Tonkin.
[2] J. Silvestre, La Politique française en Indochine.
[3] «Bulletin des Amis du Vieux Hué», avril 1920.

Одновременно регент обратился с призывом начать всеобщее сопротивление. Он призвал, в частности, всех патриотов выступить против вьетнамских католиков, которых считал ответственными за первоначальные успехи французских завоевателей:

> Если французы смогли прийти сюда, если они смогли разведать наши дороги, наши реки, наши горы, узнать все, что происходит в нашем королевстве, то этим они обязаны только христианам и их священникам... Вот почему все должны приняться за дело и завершить истребление христиан. Если эта цель будет достигнута, французы будут полностью парализованы, *подобно тому, как краб, у которого перебиты все конечности, не может больше двигаться* [1].

В это время де Курси стал хозяином Хюэ. И методы подавления, к которым прибегли его войска, почти не уступали «подвигам», совершенным за четверть века до этого в Пекине войсками лорда Элгина и барона Гро.

> Они (вьетнамцы) чувствуют себя неловко, когда говорят вам, — рассказывает очевидец Пен-Зиферт, — что французы, имея при себе описи, составленные еще до 5 июля, отобрали у королевских гвардейцев 113 золотых и 742 серебряных таэля, 2627 лигатур; во дворце королевы — матери Ты-Дыка — взяли 228 брильянтов, 266 украшений с брильянтами, жемчугом и драгоценными камнями, 271 золотую вещь, 1358 серебряных слитков, 3416 золотых таэлей; в храмах-усыпальницах императоров Тхиеу-Чи, Минь-Манга, Зя-Лонга, где находилось множество личных предметов и вещей, принадлежавших этим императорам при их жизни, было взято почти все, что можно было унести: короны, пояса, ковры, тюфяки, парадные платья, кровати, резные столики, рыцарские доспехи, коробки для бетеля, плевательницы, миски, жаровни, противомоскитные сетки и занавесы из вытканного золотом шелка, курительницы для благовоний, чайники с подносами и зубочистки... Из королевской казны изъято почти 24 миллиона франков золотом и серебром... Этот хладнокровный грабеж, продолжавшийся два месяца, намного превзошел печально известное разграбление Летнего дворца в Пекине и мог только деморализовать солдат...
>
> Однако то, что заставило самого Тыонга проливать слезы, было сожжение архивов большинства министерств и национальной библиотеки; ущерб был нанесен архивным учреждениям и национальной типографии, откуда исчезли наборы шрифтов с китайскими иероглифами [2].

Неожиданным образом политическое положение во Франции дало Тхюету и Хам-Нги некоторую передышку. Партия

---

[1] A. Schreiner, Abrégé d'histoire annamite, Saigon, p. 427.
[2] Неизданные мемуары; текст сообщен госпожой Жакье.

колониалистов, находившаяся у власти, с явным беспокойством ожидала выборов 1885 года. Радикальные круги — рупор мелкой буржуазии, обеспокоенные финансовым положением страны, оказались в одном оппозиционном лагере — лагере антиколониалистов вместе с консерваторами, стремившимися не дать себя отвлечь «от голубой линии Вогез», и социалистами — принципиальными противниками всяких захватнических колониальных войн. Обвинительные речи Клемансо и Пельтана в палате депутатов перекликались с обвинительными выступлениями Жюля Геда и других руководителей рабочего движения на страницах «Кри дю пепль». Поэтому парижское правительство приказало Курси не предпринимать никакой крупной военной акции до окончания избирательной кампании (выборы состоялись в сентябре). Не будет преувеличением сказать, что именно боязнь французского общественного мнения заставила сторонников колониальной политики дать Вьетнаму двухмесячную передышку, во время которой движение сопротивления смогло принять широкий размах.

Укрывшись в военной столице Тан-шо, Тхюет и Хам-Нги усилили оборону, развернули вербовку солдат, выступили с новыми призывами, требуя от «богатых — их имущество, от сильных — их силу и мощь, от бедных — их трудовые руки, для того чтобы отстоять страну от захватчиков»[1]. Против французских войск в Тонкине, в Северном и Южном Аннаме, а также в Кохинхине начались восстания, в которых руководящую роль играли конфуцианские ученые. Это было начало самой настоящей войны, которая продолжалась более пятнадцати лет, вплоть до прибытия Поля Думера и даже позднее.

* * *

На призыв Хам-Нги и Тхюета откликнулись многие конфуцианские ученые. Убежденные монархисты, они пользовались большим авторитетом у крестьян, среди которых жили, и, как правило, жили очень скромно. Являясь, по выражению генерал-губернатора Ланессана, подлинными представителями «национальной партии», они стали действительными вдохновителями сопротивления в противоположность мандаринам в собственном смысле этого слова, из числа которых только незначительная часть последовала за Тхюетом и Хам-Нги, а большинство осталось в Хюэ, группируясь вокруг таких важных чиновников, примкнувших к французам, как Нгюен-хыу-До и Тыонг.

Руководимое этими учеными движение сопротивления было широко поддержано всем населением. Можно привести бесчисленные свидетельства народного характера этого сопротивления; для этого достаточно перелистать объемистый том, опубликованный французскими властями в Индокитае в тот период, когда они

[1] «Bulletin des Amis du Vieux Hué», juillet 1941.

уже думали, что эти тревоги относятся лишь к прошлому [1]. В рассказах офицеров встречаются постоянные намеки на отсутствие сведений, на помощь, которую крестьянское население оказывает «бандам», на невозможность держать в секрете передвижения французских войск и даже на способность «банд» растворяться в массе населения.

> Одна колонна ничего не может сделать против этих разбойников, которые при приближении наших войск рассеиваются по деревням, где их невозможно найти благодаря соучастию жителей, а возможно, и местных чиновников *(Кампания 1887—1888 годов в дельте)*.
>
> Действия наших войск парализуются к тому же абсолютным отсутствием необходимых сведений. Наши начальники сторожевых постов не могут получить их из-за отсутствия денег для вознаграждения агентов... обычно пираты бывают предупреждены о действиях нашей разведки *(Кампания 1890 года в дельте)*.
>
> Банды открывают рынки, куда население под угрозой или в силу сочувствия доставляет им продовольствие *(Кампания 1891 года в дельте)*.
>
> За исключением постоянного ядра численностью около шестидесяти человек, эти банды состоят из жителей дельты, которые собираются по первому сигналу. Деревни, расположенные на окраине дельты, платят налог *(Кампания 1892 года в дельте)*.

Военные донесения содержали бесконечные жалобы на «упорное молчание и недобросовестность туземцев», «на полное отсутствие сведений и на то, что трудно найти агентов и проводников, необходимых для проникновения в районы, занятые пиратами».

Эта поддержка, оказываемая народом отрядам сопротивления, возглавлявшимся Де-Тхамом, Де-Намом, Де-Шаном, Не-Оном, китайцем Лыонг Там-ки, тхаи Део-ван-Чи, проявлялась даже в неоднократных случаях братания между повстанцами и вьетнамскими стрелками французской армии. Уже в это время «туземные войска» стали мало надежными:

> Под влиянием агитации стрелки продавали свое оружие и боеприпасы; усиливалось дезертирство [2].
>
> Стрелки охотно продают патроны, а иногда даже и ружья и делают это в целях простой наживы *или с намерением оказать помощь повстанцам, среди которых многие имеют друзей или родственников* [3].

Но это народное сопротивление вместе с тем было законным и стремилось носить законный характер. Покидая столицу, Тхюет

---

[1] «Histoire militaire de l'Indochine dès débuts jusqu'à nos jours», Hanoï, 1922.

[2] G. Rouyer, Histoire politique et militaire de l'Annam et du Tonkin depuis 1790, Paris, 1906.

[3] De Lanessan, L'Indochine française, p. 713.

захватил с собой большую печать империи, и колониальные офицеры жаловались на то, что вожди «пиратов» использовали для укрепления своего престижа свидетельства, подписанные Тхюетом и скрепленные его печатью, «что придавало им видимость повстанцев» (*sic*) и служило пропуском среди населения, для которого достаточно было упоминания одного лишь имени Хам-Нги».

Официальное французское мнение отрицало народный и патриотический характер вьетнамского сопротивления:

> Тот факт, что пиратские действия в Тонкине не вдохновляются никаким чувством патриотизма или стремлением к независимости, позволяет утверждать, что эти действия в известном смысле представляются случайными и продлятся относительно недолго. Аннамит *почти вовсе* лишен национального чувства [1].

Ответом на это явилось воззвание Де-Тхама, который, разгромив почти полностью французскую колонну под командованием Анри в районе массива Йен-тхе в 1892 году, прокричал в рупор:

> Мы не пираты, а повстанцы, защищающие свою страну от захватчиков; мы почитаем мертвых и не издеваемся над ранеными. Приходите подбирать своих: бой кончается [2].

Именно эти многочисленные формы движения сопротивления позволяют понять, насколько беспощадной была война.

> Далеко не всегда случайными людьми были все эти руководители, — заявляет один из старых противников вьетнамцев, — которые подчас так блестяще сражались против нас, расплачивались за это собственной жизнью и умирали часто с оружием в руках... Когда это было необходимо, они, превозмогая все лишения и трудности, неоднократно показывали образцы отваги [3].

Тысячи эпизодов свидетельствуют об ожесточенности борьбы. Одним из этих эпизодов было взятие 21 ноября 1887 года деревни в Среднем районе вблизи Светлой реки:

> Несмотря на шквальный огонь, капитан Брюне бросается на штурм деревни Нгай-тё-кай, где укрепились повстанцы; *каждый дом берется с боем,* и только после ожесточенной борьбы повстанцы отступают [4].

Другим эпизодом явилась осада во время кампании 1886—1887 годов крепости Ба-динь, сооруженной в центре равнины Тхань-хоа, в южной части дельты. Пять укрепленных деревень были соединены между собой подземными ходами. Два штурма,

---

[1] J. Ferry, Le Tonkin et la mère patrie, p. 275.

[2] G. Rouyer, Histoire politique et militaire de l'Annam et du Tonkin depuis 1790, Paris, 1906.

[3] Там же.

[4] «Histoire militaire de l'Indochine dès débuts jusqu'à nos jours», Hanoï, 1922.

последовавших 18 декабря и 6 января, не имели успеха. Была произведена реорганизация войсковых частей: в них вошли 78 офицеров, 1580 европейских солдат и 1900 стрелков. Только 20 января было завершено полное окружение крепости, но осажденные предприняли вылазку, и все вышли из окружения.

И еще один эпизод. 9 декабря 1890 года и 11 января 1891 года происходила осада местечка Хыу-тхюэ, находившегося в руках Де-Нама:

> Бой продолжается три часа в густом, почти непроходимом кустарнике. Повстанцы, не страшась ни артиллерийского огня, ни залпов пехотинцев, обороняют свои прекрасно расположенные позиции с *невиданным ожесточением* [1].

Партизанская война была формой вооруженной борьбы, которая позволила вьетнамским партизанам лучше всего использовать их преимущества: поддержку населения и решимость бороться до конца даже с более сильным врагом. Французские военные донесения не упускали случая анализировать прекрасную тактику партизанских боев, происходивших как в дельте, так и в горах:

> Военные операции в дельте. Рисовые поля, изгороди, бамбуковые заросли, болота и реки, а также климат являются союзниками пиратов в борьбе против наших войск.
>
> В деревне замечена банда. Ей навстречу выступает колонна наших войск; обнаружив ее, пираты рассеиваются, с тем чтобы вновь собраться в другом месте. И так они действуют до тех пор, пока не почувствуют себя в силах организовать сопротивление на подготовленных позициях...
>
> Военные операции в горных районах. Тактика банды предельно ясна: она состоит во всестороннем использовании препятствий, которые щедрая природа воздвигает на нашем пути... В труднодоступной местности, где отсутствуют даже сколько-нибудь различимые тропы, они устраивают одну или две хорошо укрытые засады. Когда их обнаруживают, то приходится брать приступом...
>
> *Иногда* результат достигается: банда подвергается разгрому, окончательно рассеивается или же ее принуждают к сдаче [2].

Трехлетняя борьба, которую вели Хам-Нги и его сторонники, являлась лишь первым этапом движения сопротивления. План, основанный на обороне Тан-шо, вскоре оказался неосуществимым, и молодой король должен был предпринять продолжительный марш через Лаос, создавая в тылу Тхань-хоа своего рода мобильный штаб и поддерживая постоянную связь с различными партизанскими группами. В скором времени Тхюет перебрался в Китай, то ли в поисках пристанища, то ли в поисках возможной

[1] «Histoire militaire de l'Indochine dès débuts jusqu'à nos jours», Hanoï, 1922.

[2] Там же.

поддержки. Но его сын Дам остался руководить центром связи, который продолжал функционировать в ставке Хам-Нги. Вместе с ним осталось несколько решительных военачальников, таких, как Ле-Чук, который в 1888 году в следующих выражениях ответил на французское предложение:

Мне ли, удостоенному прежними императорами многих почестей, соглашаться на изменение установленного порядка вещей? Наследственное право наших монархов определено в божественной книге. Если я отвернусь от своего государя и изменю своему слову, то не только на этом свете я буду недостоен жить среди лесов и гор, но и после смерти я принужден буду краснеть перед своими бывшими императорами. Из всего этого явствует, что не может быть и речи о том, чтобы я отказался от своей верности императору Хам-Нги.

Вы сожгли мой дом, и я не имею больше крова; я ищу пристанища, где могу, и я не остаюсь долго в одном и том же месте [1].

Только в ноябре 1888 года Хам-Нги, преданный крестьянами народности мыонг, у которых укрывался его передвижной штаб, был отправлен во Францию. Ему было всего семнадцать лет, но его полная достоинства выдержка поразила всех очевидцев его возвращения в Хюэ под стражей. Верный Дам, отсутствовавший в момент пленения своего императора, повесился. Перед смертью он добился от своих мандаринов и ученых обещаний никогда не служить колониальной администрации и получил отставку от Хам-Нги:

Его королевскому величеству Тон-тхат-Дам, второй военный министр, королевский уполномоченный в провинциях Севера, осмеливается передать следующие слова:

На коленях осмеливаюсь просить Ваше величество простить своей верной армии ошибку, которую она совершила, не находясь возле Вашего величества, чтобы защитить Вас от предателей и врагов.

По стечению злосчастных обстоятельств, от которых страдает наша Родина, Небу было угодно, чтобы в столь ужасный момент самые преданные слуги короля оказались в отдалении от него.

Гражданские и военные мандарины будут вечно сожалеть об этом. На коленях они умоляют простить их и заверяют короля в своей вечной верности [2].

Но захват в плен и ссылка в Алжир Хам-Нги, а также возведение на престол в Хюэ в 1885 году его брата Донг-Кханя не означали конец движения сопротивления, которое продолжалось еще около двадцати лет.

---

[1] Ch. Gosselin, L'Empire d'Annam, Paris, 1904, p. 279.
[2] Там же, стр. 307.

В районах Северного Аннама, населенных бедными крестьянами, борьбу продолжали ученые, объединившиеся вокруг одного из своих коллег, по имени Фан-динь-Фунг, который был «первым ученым» провинции Ха-тинь. Даже в центре дельты движение сопротивления далеко не ослабло, о чем свидетельствовал Ланессан во время пребывания во Вьетнаме в 1889 году:

> Провинция Хай-зыонг, несмотря на то, что она является одной из самых центральных, еще и сегодня продолжает оставаться наиболее мятежной провинцией Тонкина. Она является местом сборищ многочисленных банд, которые расходятся отсюда... и затем быстро возвращаются сюда так осторожно, что караулы, мимо которых они проходят, не в состоянии узнать ни места, откуда они пришли, ни маршрута их передвижения.
>
> ...сегодня француз не может один без охраны передвигаться между Ханоем и Бак-нинем, в то время как год назад эта дорога была абсолютно безопасной.

В июле 1891 года партизанский вождь Док-Нгу приблизился к Ханою и открыл огонь по городу. «Паника была всеобщей», — отмечается в «Военной истории»; и генерал-губернатор Пике, автор серии оптимистических телеграмм, был немедленно отстранен Парижем от должности.

Но самые благоприятные условия для продолжения сопротивления создавала гористая местность. В 1891 году Ланессан был вынужден образовать в Верхнем районе Тонкина военные территории, изъятые из ведения гражданской администрации; именно там продолжали оказывать сопротивление по меньшей мере несколько десятков партизанских отрядов, существенно различавшихся между собой по численности и социальному составу. Одни из них состояли, подобно партизанам Де-Тхама, из вьетнамских крестьян, бежавших из района дельты вследствие роста нищеты, налогов и принудительных работ. Другие состояли в основном из элементов, поставленных вне закона; ими руководили бывшие участники отрядов Черных флагов, как например китаец Лыонг Там-ки, или вожаки из местных феодалов, как например тхаи Део-ван-Чи. Особенно важное значение имели первые отряды, которые являлись самыми многочисленными и самыми активными. Сам колониальный режим, с его трудовой повинностью и непопулярными налогами, с его политикой расхищения земель и государственной монополией на опиум, спиртные напитки и соль, введенной Думером, являлся непосредственной причиной создания партизанских отрядов из непримиримо враждебных французскому режиму вьетнамских крестьян.

Сопротивление именно этих отрядов было наиболее упорным и продолжительным: практически оно прекратилось только после смерти Де-Тхама, в 1913 году. Но французские власти стремились сосредоточить свое внимание на отрядах второго рода, которыми руководили такие авантюристы, как Лыонг Там-ки и Део-ван-чи;

хотя они в значительно меньшей степени представляли национальное сопротивление тонкинских партизан.

Вооруженное сопротивление, несмотря на его упорный характер, потерпело поражение. Следует ли приписывать это поражение, как это часто делают, главным образом эффективности французских военных мероприятий?

Конечно, репрессии, проводившиеся такими опытными специалистами, как Сервьер, Пеннекен, Галлиени и Лиотей, несомненно, были более чем жестокими. «Наводившие ужас полицейские колонны, навсегда запечатлевшиеся в памяти»[1], безусловно, насаждали страх в деревнях дельты и в горных долинах. Казни без суда были весьма частым явлением.

> В Бай-шэй в течение двух недель полицейский инспектор приказал казнить семьдесят пять нотаблей; несмотря на это, восстание нисколько не утихло...
>
> Все газеты одобряли репрессии, все одобряли то, что называлось энергичными мерами: в Хай-зыонге, где в результате мятежа погиб один наш человек, в один вечер без суда было казнено шестьдесят четыре человека[2].

Но, как показывает древнейшая и новейшая история вьетнамского народа, не в этом нужно искать решающий фактор успеха французской армии. Вьетнамское сопротивление того периода потерпело неудачу, в первую очередь, в результате присущих ему слабостей и внутренних противоречий.

Первая существенная слабость заключалась в отсутствии настоящего общего руководства движением. В политических и социальных условиях старого Вьетнама только монархия могла сыграть эту роль. Но личная деятельность Хам-Нги и отдельных молодых представителей высшей знати не должна порождать иллюзий. Двор и чиновничество были неспособны возглавить готовых сражаться с врагом вьетнамских крестьян, так как сам характер и социальные основы монархического и чиновничьего аппарата в течение веков восстанавливали против него широкие народные массы. Трудовая повинность, налоговая система, арендная плата — все это не могло не вызывать большого озлобления среди крестьян. После первых дней растерянности, последовавших за взятием Хюэ в 1885 году, большинство мандаринов предпочло вернуться в столицу вместе с новым монархом Донг-Кханем, посаженным французами на престол вместо Хам-Нги.

Но отказавшись от борьбы, бюрократия мандаринов и двор тем самым поставили непокорившихся ученых-монархистов в запутанное и противоречивое положение, поскольку единственной программой, которую эти ученые могли предложить стремившимся к борьбе крестьянам, было как раз восстановление в не-

---

[1] F. Bernard, L'Indochine, erreurs et dangers, Paris, 1901.
[2] Там же.

прикосновенности той старой монархии, которая намеренно вступила в сговор с оккупантами.

Крестьянский состав партизанских отрядов определил их тенденцию к местной, или региональной, организации, к созданию активных и решительных, но автономных групп, ограничивавших свою деятельность узким районом только «своей территории». Отсюда же тенденция большинства партизанских руководителей превратить движение сопротивления в свое личное дело, установить между собой и своими подчиненными отношения личной зависимости и преданности. Эти руководители противились объединению движения сопротивления в масштабе всей страны. Они пытались добиться местных успехов. В силу этого они были склонны к компромиссам местного и личного характера. Так, Део-ван-Чи в 1890 году, Лыонг Там-ки в 1893 году и сам Де-Тхам в 1894 году (впоследствии он возобновил борьбу) один за другим согласились подписать соглашения, по которым обязались не выходить за пределы своего района, за что Франция признала за ними право на сбор налогов в этих районах и сохранение там их вооруженных отрядов. Если эти соглашения и свидетельствовали о военном поражении французских войск и если они и поддерживали престиж партизанских руководителей, то ни в коей мере не тормозили размаха вооруженного сопротивления.

Наконец, развитие движения сопротивления наталкивалось на серьезные разногласия между различными группами самого населения. Двумя основными «диссидентами» были католики и национальные меньшинства.

Помощь, которую католики оказали французской армии с момента ее прибытия, была значительной. После 1885 года христианские общины продолжали это сотрудничество и даже усилили его. Только благодаря кули, которых поставляли католические деревни, французские войска смогли взять Ба-динь. Капитан Гослэн, один из «преследователей» Хам-Нги, рассказывает, какую помощь ему оказали сведения миссионеров, собранные ими от верующих во время исповеди. Таким образом, несмотря на свою немногочисленность, вьетнамские католики представляли главное препятствие для успеха движения сопротивления, поскольку они помогали французским войскам выйти из изоляции.

Еще более серьезные военные последствия имела проблема национальных меньшинств в силу их географического расселения. Вековые распри между вьетнамцами и племенами тхаи, мыонг, тхо и другими привели к тому, что сопротивление было политически скомпрометировано там, где в военном отношении для него имелись наиболее благоприятные условия, то есть в Верхнем районе. Следует напомнить, что Хам-Нги был выдан мыонгами. В 1892 году полковник Сервьер приступил к организации батальонов из племен тхо, которые он использовал во время операций в районе дельты. Галлиени продолжил эту политику.

11 Зак. 2162. Ж. Шено

Политические меры, — заявлял он, — имеют гораздо большее значение... они заключаются в проведении «расовой политики»...

Всякое объединение индивидов — раса, народ, племя или семья — представляют собой совокупность общих и *противоположных* интересов... имеют место также проявления ненависти и соперничества, из которых нужно уметь извлекать для себя пользу... [1]

Таким образом, французские вооруженные силы стали постепенно распоряжаться всем Вьетнамом. Но те же самые трудности, с которыми встретились французские войска, наложили с самого начала неизгладимый отпечаток и на всю колониальную систему. Поэтому при оценке пути, по которому шло административное, финансовое и экономическое развитие Тонкина после 1885 года, следует учитывать значение движения сопротивления, даже если последнее и не было эффективным с узко военной точки зрения.

После бегства Хам-Нги и Тхюета нужно было принять хотя бы временные меры: французская администрация заставила высших чиновников, оставшихся в Хюэ, возвести на трон его брата — Донг-Кханя. Но даже примкнувшие к французам мандарины представлялись малонадежными. В соответствии с заключенным в августе 1885 года соглашением было ослаблено различие в статуте Тонкина и Аннама, установленное первым договором о протекторате: последний был также поставлен под контроль французских резидентов и администраторов; его финансы были взяты под строгий надзор. В 1887 году был сделан новый шаг, противоречивший договору о протекторате: Донг-Кханя вынудили передать свои полномочия в Тонкине вице-королю (*кинь-лыоку*), который фактически находился в прямом подчинении у французского генерал-губернатора. Таким образом, стремление обеспечить полное «покровительство» над Тонкином привело к тому, что там была уничтожена власть самого вьетнамского правительства, которому хотели покровительствовать...

Правда, благодаря поддержке двора в Тонкине и Аннаме не пошли столь же далеко по пути установления непосредственно французской администрации, как в Кохинхине.

Но национальное сопротивление вынудило тем не менее Францию вмешаться значительно глубже в управление страной, чем она намеревалась это сделать раньше. Оказалось необходимым учредить систему очень строгого политического контроля, которая впоследствии стала расцениваться как «ошибка», как «оплошность» по отношению к вьетнамцам и одновременно как бремя для бюджета (французские чиновники обходились дорого). Но в 1885—1888 годах в Тонкине возможностей для выбора было не больше, чем в Кохинхине в 1862—1864 годах.

Однако самые дальновидные французские администраторы

---

[1] См. H. Brunschwick, La Colonisation française, p. 185.

Генеалогическая таблица династии Нгюенов[1]

- [1] Нгюен-Ань (ЗЯ-ЛОНГ) (Умер в 1820 г.)
  - [2] МИНЬ-МАНГ (Умер в 1840 г.)
    - [3] ТХИЕУ-ЧИ (Умер в 1847 г.) Имел двадцать девять сыновей, из которых
      - Хонг-Бао (Умер в 1855 г.) Руководил в 1848 г. мятежом, поддержанным миссионерами
      - [4] ТЫ-ДЫК (Умер в 1883 г.)
      - Тхоай-тхай-Выонг (Умер в 1877 г.)
        - [5] ДЫК-ДЫК (Умер в 1883 г.)
          - [10] ТХАНЬ-ТХАИ (Смещен с престола в 1907 г.) (Умер в 1954 г.)
            - [11] ЗЮЙ-ТАН (Смещен с престола в 1916 г.) (Умер в 1946 г.)
      - Киен-тхай-Выонг (Умер в 1876 г.)
        - [9] ДОНГ-КХАНЬ (Умер в 1889 г.)
          - [12] КХАЙ-ДИНЬ (Умер в 1925 г.)
            - [13] БАО-ДАЙ
        - [7] КИЕН-ФУК (Смещен с престола в 1885 г.)
        - [8] ХАМ-НГИ (Смещен с престола в 1885 г.)
      - [6] ХИЕП-ХОА (Умер в 1883 г.)

[1] Имена монархов выделены прописью с порядковым номером их правления.

рассматривали эту систему авторитарного управления, к которой вынуждены были прибегнуть французы под давлением обстоятельств, лишь крайним средством. Какие поправки следовало в нее внести? Именно по этому вопросу произошел известный спор между сторонниками «ассоциации» и сторонниками «ассимиляции», то есть между сторонниками политики, направленной на поддержание или восстановление вьетнамских учреждений, на сохранение национального облика Вьетнама, и сторонниками политики, состоявшей в том, чтобы создать там такие учреждения, которые все больше и больше приближались бы к учреждениям самой Франции.

Эти две политические линии породили сотни и сотни трудов, мемуаров, статей и речей, но фактически сделано было очень мало, так как обе они были одинаково опасны для самого существования колониального господства в будущем.

Французские администраторы, подобно Полю Беру, генеральному резиденту в Тонкине в 1887 году, или Ланессану, генерал-губернатору в 1891—1894 годах, делали некоторые попытки в осуществлении политики «ассоциации». Поль Бер пытался приблизить к себе конфуцианских ученых и создал в Тонкине комиссию в составе сорока нотаблей. Де Ланессан пытался пойти по тому же пути и торжественно открывал пагоды. Но эти робкие меры не встретили никакого благожелательного приема со стороны конфуцианских ученых, на привлечение которых они были рассчитаны. С другой стороны, они испугали большинство чиновников колониальной администрации, а также католические миссии, которые в конце концов добились отъезда Ланессана. Но политика ассимиляции при сохранении враждебности вьетнамского народа была не менее рискованной. Что могли дать «свободные выборы»?..

Было бы все же неверным представлять, как это часто делают, эти две политические линии — ассимиляцию и ассоциацию — как основную дилемму, стоявшую перед колониальным режимом. Подлинная проблема заключалась в том, что перед лицом продолжавшихся выступлений вьетнамского народа было необходимо изменить существовавшую систему управления, включая колониальную администрацию. Но эти слабые попытки приспособления неизбежно должны были провалиться, так как не было возможности серьезно заняться ни тем, ни другим.

Трудности, создаваемые движением сопротивления колониальному режиму, явственно проявились также и в финансовой области. Сохранение завоеванной территории обходилось значительно дороже, чем сам процесс завоевания. Один английский колониальный чиновник оценил все расходы Франции в Индокитае за период с 1860 по 1895 год в сумме 30 миллионов фунтов стерлингов (или около 750 миллионов золотых франков) [1]. Эта цифра не

---

[1] Bell, Foreign colonial Administration in the Far East.

кажется преувеличенной. Только в одном 1888 году было израсходовано 33 миллиона золотых франков на содержание сухопутных войск и 10 миллионов на содержание флота.

Как можно было покрыть все эти расходы? Финансовая помощь со стороны метрополии становилась все более и более проблематичной. Общественное мнение было пресыщено; об этом свидетельствовал резкий доклад, представленный в 1886 году радикалом Пеллетаном от имени парламентской комиссии по расследованию положения в Индокитае. «Тонкин заплатит», — таковы слова успокоения, с которыми парижские правительства непременно должны были обращаться как к депутатам, так и к избирателям. Именно Вьетнам должен был взять на себя издержки нового режима; больше того, он должен был стать для метрополии прямым источником доходов.

> Можно считать, что общая сумма налогов Тонкина через несколько лет составит примерно сто миллионов, — с вожделением заявлял 25 ноября 1884 года орган деловых кругов города Бордо «Ла петит Жиронд». — Эта страна, кажется, предназначена стать для метрополии *доходной колонией, не считая того,* что она открывает рынок сбыта для промышленности и торговли.

Прежние налоги были увеличены: подушный налог на «внесенных в списки» возрос с 14 до 40 центов; не внесенные в списки были также обложены налогом в размере 40 центов. Налог на рисовые поля увеличился на 50 процентов. С 1888 по 1896 год общая сумма прямых налогов выросла более чем вдвое [1].

Но этих налогов было недостаточно. В 1887 году «ученый» Поль Бер, «друг и поклонник вьетнамских ученых», был вынужден разрешить азартные игры и ввести налог и на них, рискуя тем самым навлечь на себя резкую критику со стороны именно тех, чьей поддрежки он добивался.

> Азартные игры, —указывалось в протесте конфуцианских ученых на имя Поля Бера, — всегда строго запрещались аннамитским правительством, которое видело в них источник народных беспорядков...
>
> Вскоре после того, как азартные игры были разрешены, в Тонкине начали происходить несчастные случаи, причиной которых было не что иное, как проигрыш в игре.

Очень высокие таможенные тарифы, введенные в 1887 и 1892 годах, преследовали цель подчинения вьетнамской экономики интересам французских промышленников, но одновременно они свидетельствовали о недальновидности французской администрации, так как эта мера вызвала недовольство даже французских коммерсантов в Индокитае.

---

[1] Сумма прямых налогов равнялась в 1888 году 1235 тысячам пиастров, а в 1896 году — 2995 тысячам пиастров (Morel, Les Finances du Tonkin, «Revue indochinoise», 1909).

В интересах какой отрасли французской промышленности потребовалось ограждать наш рынок путем установления пошлин, например на ласточкины гнезда, женьшень, китайские туфли? — спрашивала французская торговая палата в Сайгоне.

Введение общего таможенного тарифа производит опустошение в нашем порту, — писала хайфонгская газета. — Больше не прибывают корабли из Гонконга... для многих товаров пошлины установлены выше их себестоимости [1].

К этим налоговым тяготам прибавились тяготы нового валютного режима. В Тонкине и Аннаме, так же как и в 1859 году в Кохинхине, французская администрация, исходя скорее из интересов внешней торговли, чем из внутренней устойчивости вьетнамской экономики, заменила старые денежные знаки (лигатуры) серебряным пиастром. Однако пиастр, широко распространенный в то время в странах западной части Тихого океана, являлся неустойчивой валютой, зависящей от цен на серебро. Стоимость пиастра упала с 4,65 франка в 1884 году до 2,57 франка в 1900 году. Его бесконечные колебания привели к росту цен и особенно сказались на жизненном уровне вьетнамцев, но вместе с тем способствовали прибыльным спекулятивным махинациям.

Чиновники, — отмечал Ланессан, — могут сбывать во Францию через своего посредника (Индокитайский банк) пиастры, которые они приобретают путем торговых операций по курсу, более низкому, чем их оплачивает государственная казна...

Индокитайский банк, получивший в 1875 году монопольное право эмиссии пиастра, также использовал в своих интересах эту неустойчивость валюты и вообще воспользовался благоприятной ситуацией, которая была создана для него декретом 1875 года. В 1887 и 1888 годах банк объявил о выплате вознаграждения от 24 до 28 процентов на вложенный капитал; сумма его прибылей увеличилась в период между 1885 и 1905 годами с 393 тысяч до 2666 тысяч золотых франков. Так происходило накопление капитала, благодаря которому банк в последующий период подчинил своему контролю большинство сфер колониальной деятельности.

Форма, которую приняла в первые годы колонизация Тонкина, также в большой степени определялась войной сопротивления и ее социальными последствиями.

Во время войны Средний район Тонкина обезлюдел как в ходе самих военных действий, так и в результате многочисленных наборов солдат для «колонн» Галлиени, его предшественников и его соперников. Картина, которую мог наблюдать в те времена Ланессан на окраине дельты, без сомнения, отражала положение и во многих других районах:

---

[1] De Lanessan, L'Indochine française, Paris, 1889.

Провинция Бак-нинь была буквально опустошена вербовкой кули, и жители покидали свои деревни, чтобы избежать общения с нами. Я сам имел возможность наблюдать по дороге из Фу-ланг-тхыонга развалины многих деревень и следы обширных рисовых полей, превратившихся теперь в болота.

Было весьма соблазнительно, используя тунисский опыт, создать из этих свободных земель обширные участки для «крупного капитала» метрополии:

Вне района дельты, по берегам Светлой и Черной рек, простираются огромные площади *заброшенных* земель, пригодных для возделывания основных сельскохозяйственных культур и для животноводства, — заявил в 1888 году генерал-губернатор Ришо в официальной речи, полной заманчивых обещаний.

В сентябре 1888 года в соответствии с принятым постановлением было организовано пожалование «свободных земель» колонистам на весьма выгодных условиях: требовалось лишь добиться эффективной производительности к концу пятилетия и выплатить налог к концу трехлетнего срока. Ж. Дюпюи, протеже Франси Гарнье, получил «за оказанные услуги» 25 тысяч гектаров на острове Ке-бао, где имелись богатые месторождения угля. Концессия Бургуэн-Мейфр формально насчитывала 2300 гектаров, а фактически — свыше 8 тысяч; но еще в 1912 году эта земля не возделывалась, и за нее так никогда и не были уплачены налоги.

К 1896 году французское господство еще больше упрочилось, и стало еще меньше оснований опасаться протеста бывших вьетнамских землевладельцев. Новое постановление предусматривало, что последние могут заявить протест не позднее двухмесячного срока, причем это заявление могло быть подано только на французском языке; таким образом, новые владельцы были ограждены от всяких претензий со стороны прежних хозяев земли.

Вьетнамские сельскохозяйственные рабочие и крестьяне, проживавшие на этих землях, платили налог концессионерам; для французских «колонистов рентой служили налоги, которые им выплачивали их издольщики», — заявлял чиновник французской колониальной администрации Морель, который, несомненно, имел с ними определенные счеты.

С 1890 по 1896 год было распределено на таких условиях 32 202 гектара, а с 1897 по 1901 год в обстановке процветания «периода Думера» — 155 449 гектаров. Эти аферы являлись самыми прибыльными. Полковник Бернар [1] приводит в качестве примера одну концессию, которой принадлежали четырнадцать деревень, где проживали триста семей вьетнамских крестьян. Концессионер получал одну треть собираемого ими урожая риса, обеспечивая таким образом себе доход в размере 21 тысячи

---

[1] F. Bernar, L'Indochine, erreurs et dangers, Paris, 1901.

франков, то есть 125 процентов прибыли, при капиталовложении в 16 тысяч франков... «Таким образом, колонизация, — отмечал Бернар в заключение, — нисколько не способствует обогащению страны, она лишь увеличивает нищету аннамита».

С окончанием крупных военных действий крестьяне возвратились в свои деревни, что явилось источником новых осложнений. Обычно эти возвращавшиеся крестьяне становились арендаторами, которые иногда осмеливались выражать протест.

> Благодаря умному и отеческому управлению колонистов, — заявлялось в памятной записке, переданной одним из колонистов в администрацию, — они научились обрабатывать свою землю, а сегодня, подстрекаемые недобросовестными людьми, они хотят отнять эти земли, которыми некогда владели.

Итак, неограниченная власть колониальной администрации, не обращавшей никакого внимания на выполнение условий договора о протекторате, тяжелое бремя налогов, захват земель богатыми колонистами — все эти стороны колониального режима с самого начала отражали то положение в стране, которое сложилось в результате длительного вооружения сопротивления вьетнамцев. Но, с другой стороны, несомненно, что эти факторы в сильной степени способствовали поддержанию недовольства и даже враждебности населения и, следовательно, самого движения сопротивления.

* * *

Кохинхина, отделенная от остального Вьетнама в 1862 году, продолжала свое независимое от него существование даже тогда, когда над Тонкином и Аннамом было также установлено колониальное господство.

В 1879 году одновременно с отставкой Макмагона и укреплением республиканского строя во Франции адмиралы уступили место гражданскому губернатору ле Мир де Вильеру, который попытался систематически проводить политику ассимиляции. Так в противоположность упрощенному судопроизводству во время правления адмиралов он стремился ввести в Кохинхине судебную систему, сочетавшую старое вьетнамское право и судопроизводство, установленное в других французских колониях. Но судьи «колониального аппарата», думавшие лишь о своем продвижении по службе и знавшие, что их пребывание здесь носит только временный характер, нисколько не интересовались изучением языка и обычаев Вьетнама. Эти судьи, «которые не могли сделать ни одного шага без местных переводчиков», нередко «выносили такие приговоры, — докладывал в 1889 году Ланессан, — что обе стороны часто приходили к соглашению, чтобы только не выполнять их».

Колониальный совет, созданный в 1880 году ле Мир де Вильером, имел своей основной задачей осуществлять контроль над

расходами колонии. Но этот совет оказался лишь карикатурой на французские представительные учреждения. Этот Колониальный совет состоял из шести французов, избиравшихся их соотечественниками на основе всеобщего избирательного права; шести вьетнамцев, избиравшихся делегатами от нотаблей общин; двух представителей торговых палат и двух членов, назначавшихся губернатором. Фактически в совете преобладали представители чиновников, которые составляли три четверти общего числа избирателей. Единственной заботой Колониального совета было повышение жалованья чиновникам, а также обеспечение своим членам (торговцам и предпринимателям) выгодных сделок — получение государственных заказов. И все это за счет вьетнамских налогоплательщиков (французы не платили налогов). Это была, по лапидарному выражению Ланессана, «ассамблея, которая покупала своих избирателей на деньги тех, кто не мог участвовать в ее избрании».

> Не видели или не хотели видеть, — отмечал со своей стороны полковник Бернар, — что между интересами коммерсантов и европейских колонистов, с одной стороны, и интересами колонии — с другой, не только не могло быть ничего общего, но даже нередко возникали противоречия...
>
> Некоторые заседания Колониального совета напоминают пресловутую сцену, которую прерывает Рюи Блаз. Они посвящаются методичному дележу бюджета. В конце 1886 года только председатель Колониального совета получил около двух миллионов франков от подрядов на работы, отданных с торгов; чиновники не препятствовали этому. Разве не эта ассамблея приняла постановление об увеличении жалованья и дополнительных возмещениях?

Имеются многочисленные примеры, свидетельствующие о всякого рода чисто паразитических аферах, исключительно выгодных для предпринимателей и различных дельцов, но совершенно бесполезных для экономики Кохинхины. Ланессан приводит в качестве примера строительство железной дороги Сайгон — Ми-тхо, по которой никогда не прошел ни один вагон с рисом, мост в Кан-тхо, «под которым никогда не текла вода и по которому не проходила дорога», и т. д.

Предметом особых забот и внимания была фискальная машина, обеспечивавшая деятельность всей колониальной системы. Подушный налог, налог на рисовые поля и старые косвенные налоги непрерывно росли. Правда, ле Мир де Вильер пытался упразднить «большую трудовую повинность», введенную адмиралами, но она была восстановлена вскоре после его ухода в виде принудительного труда на общественных работах... К моменту прибытия ле Мир де Вильера Кохинхина уплачивала налоги в сумме около 20 миллионов золотых франков, а в 1887 году — 35 миллионов, включая доходы местных бюджетов. «Вот что смогло сделать, — заявил в 1889 году один из завоевателей

Тонкина доктор Арман, — мудрое правление из страны, которая до нашего прибытия была не в состоянии дать королевской казне более 1500 тысяч франков». Восстания, вызванные этим режимом, хотя и носили ограниченный характер, тем не менее являлись, несомненно, заслуживающим внимания отзвуком восстаний, которые в тот момент потрясали Северный Вьетнам. Достаточно было восстания крестьян в 1883 году в районе мыса Ка-мау, руководимого Нгюен-тхай-Тхуатом, и восстания простого люда во главе с мясником Нгюен-ван-Буонгом, вспыхнувшего в Сайгоне в 1885 году, чтобы создать атмосферу неуверенности. Амнистия, объявленная в 1880 году ле Мир де Вильером, не смогла положить конец волнениям. Вместе с тем широко практиковались методы поддержания порядка, введенные адмиралами; на остров Пуло-кондор регулярно отправлялись партии заключенных.

> Ежегодно, — рассказывает адвокат из Сайгона Жорж Гарро, который неоднократно выступал защитником обвиняемых, — колониальная администрация предоставляла населению возможность видеть пересылку этих заключенных-туземцев, покидавших центральную тюрьму, где они гнили на протяжении долгих месяцев (которые не засчитывались в срок их наказания), и направлявшихся на пристань для погрузки; закованные в кандалы, оборванные и изможденные, они шли между двумя шеренгами вооруженных ружьями полицейских, в некотором отдалении их сопровождала толпа родственников, откуда доносились плач и рыдания!
>
> В чем обвинялись эти люди? Большинство из них этого не знало.

Часто также выносились произвольные приговоры об арестах и заключении.

> Принимая во внимание сообщение господина чиновника администрации Тё-лона... относительно некоего Фам-ван-Данга...
>
> Учитывая, что это лицо — вор и профессиональный разбойник...
>
> И что, хотя выдвинутые против него обвинения не являются достаточными, чтобы обосновать его осуждение (перед уголовным судом), *имеются все основания думать, что он виновен...*
>
> *Приговор:* отправить упомянутого Фам-ван-Данга на остров Пуло-кондор сроком на пять лет (постановление от июля 1888 года, цитированное Ж. Гарро).

Итак, в Кохинхине, так же как и при адмиралах, продолжала существовать атмосфера затаенной враждебности и скрытой оппозиции, перед лицом которой ле Мир де Вильер терялся, высказывал свои опасения и признавался в полном отсутствии веры в будущее:

Если бы дело не было начато, я долго бы размышлял, прежде чем посоветовать взяться за подобное предприятие... Мы хотим с горсткой французов в необычайно тяжелых климатических условиях подчинить нашим законам двухмиллионный народ, находящийся под влиянием китайской цивилизации и оказывавший на протяжении двадцати веков сопротивление этому влиянию. Но мы зашли настолько далеко, что уже не можем возвратиться к программе адмирала Боннара... [1]

Однако на изменение политической обстановки в Кохинхине повлиял новый фактор, а именно рост производства основной сельскохозяйственной культуры — риса. В 1880 году под рисом было занято 522 тысячи гектаров, а в 1900 году — 1175 тысяч гектаров. В расширении производства риса были заинтересованы как колониальная администрация в фискальных целях, так и французские экспортные компании, например компания «Денис Фрер». И если непрерывный рост товарности риса нисколько не улучшил жизнь *та-диена* (арендатора-издольщика), то зато обеспечил получение значительных прибылей вьетнамским помещикам. Одни из них являлись старыми собственниками земли, примкнувшими к колониальному режиму, другие были политическими пособниками колонизаторов, получившими обширные земельные владения, как например *док-фу* [2] Чан-ба-Лок, который, по словам Думера, с «необычайной жестокостью» руководил подавлением сопротивления в Аннаме после 1885 года. Во вьетнамском обществе появился такой социальный слой, интересы которого толкали и должны были все больше и больше толкать его к сотрудничеству с колониальной администрацией. Явление весьма своеобразное, которое резко отличало Кохинхину от других частей Вьетнама.

* * *

Если начиная с 1895 года военное положение в Северном Вьетнаме стабилизировалось фактически в пользу французских войск, то упрочение колониального режима не было обеспечено в такой же мере. 1896 год явился для Тонкина годом сильнейшего голода.

Подступы к деревням, рынки, дороги — все заполнено бедняками, нищими, которым нечего есть. Гонимые голодом, большие массы людей покидали свои хижины, предварительно все распродав, и брели куда глаза глядят, прося милостыню до тех пор, пока не падали от истощения у какой-нибудь стены... Это была борьба с голодом во всем своем ужасе [3]...

---

[1] Le Myre de Villers, Institutions civiles de la Cochinchine, Paris, 1908.

[2] Док-фу — губернатор провинции. — *Прим. ред.*

[3] «L'Avenir du Tonkin», 22 avril 1896.

Вместе с тем это был год, когда Париж предоставил большой заем в сумме 80 миллионов франков, и этот заем, как отмечал докладчик парламентской комиссии по расследованию депутат Кранц, раскрыл перед французским общественным мнением «злоупотребления и бесхозяйственность, к чему, в сущности, и сводится финансовая история Тонкина». Именно к тому времени относится назначение французским правительством на пост генерал-губернатора деятеля радикальной партии Поля Думера.

Пять лет (1897—1902), которые Думер провел в Индокитае, конечно, не остались незамеченными в истории колониального режима. В противоположность многим другим высшим чиновникам Думер оставил настолько сильный отпечаток на стране, что его губернаторство можно считать началом нового этапа в истории самой вьетнамской нации. Это он содействовал переходу колониального режима от стадии эмпирической, в некотором смысле «кустарной», к стадии систематической организации. Это он привел в действие административный механизм, связанный с финансовой эксплуатацией и политическим господством, который оставался без изменения фактически до 1945 года.

Но следует ли, однако, говорить, как говорят некоторые из его почитателей: «Наконец-то пришел Думер»? Можно ли считать, что благодаря искусной организации сбора косвенных налогов, составлению честолюбивого плана постройки железных дорог и некоторым рассчитанным лишь на внешний эффект мероприятиям — вроде постройки большого моста через Красную реку в Ханое, — можно ли считать, что Думер действительно заложил прочные основы колониального режима? Ряд последующих событий заставляет в этом усомниться. Несмотря на энергичный характер и значительный размах, деятельность Думера представляла собой, собственно, лишь ряд ловких мероприятий.

В 1897 году положение в Индокитае было еще весьма далеким от того, чтобы полностью отвечать целям, намеченным «ферристами». С одной стороны, имели место тенденции к обособлению, свойственные, в частности, Колониальному совету Кохинхины, недальновидная политика которого служила препятствием на пути развития колонизации во всей стране. С другой стороны, старая государственная машина Вьетнама, особенно в Аннаме, еще не была полностью разбита. И, наконец, как показал заем 1896 года, содержание колонии обходилось еще очень дорого. В силу всех этих факторов Индокитай не являлся для французского капитала достаточно гарантированной сферой приложения, он еще вызывал его недоверие.

Думер стремился исправить именно это положение. И подлинное значение его миссии в Индокитае может быть понято в свете его предыдущей политической деятельности. Правда, он был связан с деловыми кругами, но вместе с тем он был министром финансов в кабинете Леона Буржуа, пытавшегося в 1895 году ввести подоходный налог, которого так добивались

радикально настроенные средние классы. Думер, следовательно, хотел одновременно показать крупному капиталу Франции, что Индокитай может быть источником прибылей, а налогоплательщикам — что он перестает быть для них бременем. Этого он фактически добился, и антиколониальные настроения, которые до тех пор охватывали широкие левые круги, сохранились на долгий период только в среде рабочих и отдельных групп интеллигенции.

В своей программе, которую он изложил министру вскоре после приезда в Ханой, Думер предлагал усилить централизацию управления колонии и приступить к экономической эксплуатации «необходимой для освоения колонии». Он хотел также «расширить французскую колонизацию и местное предпринимательство», усилить армию и флот.

> Благодаря рынку, — писал он в заключение, — который будет открыт для французской промышленности и торговли, так же как и для приложения инициативы и капиталов, благодаря армии и флоту, которые будут там находиться, он (Индокитай) обеспечит Франции на Дальнем Востоке прочную политическую и экономическую базу, и тем самым с лихвой компенсируются *жертвы, понесенные в прошлом.*

В 1887 году было положено начало существованию «Индокитайского союза», в который вошли три составные части Вьетнама и королевство Камбоджа. Но генерал-губернатор, поставленный во главе Союза, располагал до прихода Думера весьма слабой властью. Думер начал с того, что обеспечил себе источники денежных средств, введя три монополии: *на опиум, соль и алкогольные напитки*, доход от которых составил «центральный» бюджет. «Местным» источником денежных средств каждой из пяти стран [1] Союза явились прямые налоги. Это одновременно позволило ему развернуть свою деятельность и создать «общие» управления почты, сельского хозяйства и общественных работ.

Была усилена власть генерал-губернатора над каждой из трех частей Вьетнама. Права Колониального совета Кохинхины, сохранявшего до этого времени большую власть, были ограничены в связи с созданием «общих» управлений. В Анname прежде высокочтимый Совет министров, *Ко-мат*, был, по словам одного чиновника колониальной администрации, «низведен до положения марионеток кукольного театра», облаченных в шелк и золото, «все нити от которых с тех пор шли к искусным пальцам верховного резидента в Аннаме» [2]. Последний стал фактически председателем *Ко-мата.* С этого времени французские чиновники начали дублировать министров Аннама.

---

[1] Лаос был присоединен к Союзу в 1893 году.

[2] Lubanski, L'Indochine française en 1902 («Revue indochinoise», novembre 1903).

Так исчезали последние остатки старого политического аппарата независимого Вьетнама. В Тонкине должность *кинь-лыока*, императорского наместника, учрежденная в 1887 году в нарушение договора о протекторате, была просто-напросто упразднена. Это было, однако, сделано не для того, чтобы непосредственно подчинить эту часть Вьетнама власти Хюэ. Совсем напротив, местные мандарины, занимавшие должности в провинциальном аппарате тонкинского протектората, перешли под прямой контроль верховного резидента Тонкина. Итак, Думер старался окончательно расколоть старый Вьетнам на три не зависимые друг от друга части. И аннексированная в 1862—1867 годах Кохинхина, и ставший почти колонией Тонкин, и Аннам, статус протектората которого все больше и больше уходил в область теории, — у всех этих стран была отныне своя собственная жизнь, свои различные учреждения. Это искусственное расчленение Вьетнама, столь противоречащее его устойчивой традиции к объединению в прошлом, не могло не сказаться на его будущем. Французские правители, которые принимали или делали вид, что принимают всерьез то, что с самого начала было только фикцией, пытались основывать на этом свою политику, как например адмирал д'Аржанльё — автор «автономизации Кохинхины».

Не было также недостатка в «специалистах», которые забыли действительную историю Вьетнама, чтобы ревностно утверждать, что это искусственное дробление Вьетнама на куски являлось «исторической потребностью». Так, почетный профессор Коллеж де Франс Л. Фино раболепно писал в одной пропагандистской работе, предназначенной для посетителей колониальной выставки 1931 года:

> Как показывает предшествующее развитие [история Аннама] различия, присущие в наши дни административным порядкам трех аннамитских стран Союза — сильная королевская власть в Аннаме, номинальная в Тонкине и полное отсутствие ее в Кохинхине, — соответствуют фактам истории, которая со своей стороны различала три страны, имевшие разное происхождение...

Этот ложный тезис, подменявший, таким образом, Вьетнам Индокитаем, в который входили наряду с тремя частями Вьетнама Лаос и Камбоджа, тогда же завоеванные Францией, служил платформой для проведения всей французской политики на Дальнем Востоке. Именно к индокитайскому бюджету и аннамитским стрелкам Париж обращался всякий раз, начиная со времен Думера, когда ему нужны были люди и деньги: для того чтобы захватить и укрепить порт Гуанчжоувань, захваченный у Китая в 1898 году; чтобы участвовать в 1900 году в подавлении боксерского восстания в Китае; чтобы совершить в 1918—1920 годах нападение на Советский Дальний Восток. Это означало, что расходы, связанные с проведением французской поли-

тики, должны были взять на себя вьетнамские налогоплательщики, самые многочисленные и деятельные в Индокитае.

Процветание «индокитайского» бюджета основывалось главным образом «на трех вьючных животных», как называли в ту эпоху откровенности три монополии — на соль, алкоголь и опиум, то есть — и это будет сказано не слишком сильно — на нищете Вьетнама.

Добыча соли оставалась в руках отдельных солеваров. Французская администрация ограничивалась тем, что скупала у них готовую продукцию и обеспечивала ее продажу, присваивая прибыль, возраставшую по мере роста своих потребностей: в 1897 году с каждых 100 килограммов соли она получала 0,5 пиастра, а в 1907 году — уже 2,25 пиастра. Однако постоянное повышение цен не могло компенсировать снижение потребления соли, вызванное ее вздорожанием. Например, с 1899 по 1906 год цены на соль повысились в пять раз, а выручка от ее продажи едва удвоилась; «это может дать представление об ужасающей нищете народа, вынужденного отказывать себе в приобретении необходимого продукта питания» [1].

Монополия на алкоголь включала не только строгую монополию на продажу алкогольных напитков, но и на производство. Однако колониальная администрация непосредственно не осуществляла эту монополию, а *уступила* права на нее французским компаниям на исключительно выгодных для них условиях, например французскому обществу «Дистилльри д'Эндошин» (то есть обществу Фонтэна), акционерами которого являлись Индокитайский банк, будущий губернатор Лонг, генеральный прокурор Ассо, генеральный адвокат Мишель. Согласно контракту, подписанному этим обществом в 1904 году с преемником Думера генерал-губернатором Бо, обществу был обеспечен годовой доход в размере 2300 тысяч золотых франков при общей сумме вложенного капитала 3500 тысяч франков.

И здесь администрация проводила политику непрерывного повышения цен: до завоевания литр спирта стоил 5—6 центов, а в 1906 году — 29 центов. Запрет использовать бутылки позволял торговцу, торгующему в розлив, получать дополнительные прибыли: стоимость литра спирта, включая плату за стакан, достигала 45 центов.

Монополия на опиум включала монополию на его покупку и продажу. С 1896 по 1899 год цена килограмма опиума возросла с 45 до 77 пиастров. К концу деятельности Думера доходы от монополии на опиум увеличились более чем в два раза (составив свыше 6 миллионов пиастров, или более 15 миллионов золотых франков) по сравнению с общей суммой налогов на опиум накануне его приезда.

---

[1] Статья Ф. Бернара в «Revue de Paris», за октябрь 1908 года.

Таким образом, доходы, которые давали эти «три вьючных животных», были довольно значительны [1]. Центральный бюджет, в котором они занимали большую долю, возрос с 20 миллионов пиастров в 1899 году до 32 миллионов в 1903 году и 42 миллионов пиастров в 1911 году.

Благодаря постоянным заботам чиновников Думера с не меньшей быстротой возрастали и «местные» бюджеты. После «реорганизации» финансовой системы Аннама сборы с населения этой страны поднялись с 83 тысяч пиастров перед приездом Думера до 2 миллионов пиастров в 1899 году. В Тонкине доходы только от подушного и поземельного налогов с вьетнамского населения за период с 1896 по 1907 год удвоились, достигнув 4909 тысяч пиастров (налоговые сборы с европейцев определялись весьма скромной суммой в 9 тысяч пиастров). В Кохинхине за тот же период было собрано 4—5 миллионов пиастров, не считая ее взносов в центральный бюджет. Всего, следовательно, включая центральные и местные налоги (за вычетом из центрального бюджета незначительной доли, относящейся к Камбодже и Лаосу), вьетнамский народ к концу губернаторства Думера выплатил более 90 миллионов золотых франков. Если к этой сумме прибавить еще 35 миллионов, которые Вьетнам уплатил накануне французского завоевания, то в заключение можно повторить слова главного резидента в Аннаме, обращенные к Думеру в одном из его докладов: «Приведенные цифры так красноречивы, что всякие комментарии излишни...»

Таким образом, «деятельность Думера» характеризуется прежде всего чрезвычайным усилением налогового обложения вьетнамского населения:

> Вся финансовая политика в Индокитае на протяжении восьми или девяти лет определялась безудержным ростом налогового бремени... Основная задача заключалась в сборе налогов, и перед ней отступали все другие заботы. Даже во Франции деятельность вьетнамских губернаторов оценивалась по сумме бюджетного излишка... [2]

Но эти возросшие налоги и особенно монополии на спирт, соль и опиум сильно ухудшили положение вьетнамского крестьянина.

Нет нужды говорить о последствиях морального, физического и социального характера распространения опиумной монополии. Достаточно отметить, что еще накануне 1914 года был поставлен, но так и не нашел положительного решения вопрос о ратификации Францией международных конвенций о торговле наркотиками, и что этот вопрос остался открытым до 1945 года и даже позднее. В 1916 году французская палата депутатов решила в тече-

---

[1] В 1899 году доход составил 8 миллионов пиастров, в 1903 году, после отъезда Думера — 10,4 миллиона, в 1911 году — 12 миллионов пиастров.

[2] Статья Ф. Бернара в «Revue de Paris», за октябрь 1908 года.

ние десятилетнего срока покончить с продажей опиума французской администрацией; в этот период для французского правительства было очень важно согласовать свои действия с нормами права. Но это решение осталось благим пожеланием.

Монополия на соль привела к не менее серьезным последствиям в силу того, что этот продукт питания прежде играл важную роль во вьетнамской экономике. Кооперация между деревнями и семьями рыбаков и солеваров значительно осложнилась с этого времени. Чтобы приготовить драгоценный *ныок-мам,* теперь нужно было покупать соль у французской администрации.

> Если не хватает соли, — отмечал несколько позже в своих наблюдениях географ Гуру в дельте Тонкина, — рыбак вынужден выбрасывать рыбу, которая быстро портится на солнце... Нередко можно видеть, как рыбак со слезами на глазах оставляет на песчаном берегу весь дневной улов, так как он не смог накопить денег для приобретения этой дорогостоящей соли, которая в изобилии находится в нескольких сотнях метров от его джонки, в запретной зоне.

С введением монополии на алкоголь возникли как экономические, так и социальные и религиозные проблемы. Спирт, получаемый прежде вьетнамскими ремесленниками, отличался слабой крепостью (25°) и использовался для жертвенных возлияний перед алтарем предков или во время ритуальных церемоний общины. Крестьяне продолжали использовать его. Но производимый после введения монополии спирт имел неприятный вкус и крепость почти 40°... Старое кустарное производство спирта, являвшееся средством существования для многих деревень, вместе с тем позволяло благодаря отходам широко практиковать разведение свиней. Очистка спирта на французских заводах привела, следовательно, к упадку традиционной отрасли экономики деревни, к разорению мелких ремесленников-винокуров и крестьян, занимавшихся свиноводством.

Как и следовало ожидать, непопулярность монополий на опиум, соль и спирт обнаружилась еще до отъезда Думера. Вновь начали собираться крестьянские отряды. Особенно широко развернулась экономическая борьба в виде тайного производства спирта, добычи соли, а также непрерывно растущей контрабанды. В связи с этим встала необходимость организации чрезвычайно громоздкого и дорогостоящего контролирующего аппарата. Для борьбы с контрабандистами нужно было быстро увеличить число агентов-осведомителей, умножить обыски и аресты на имущество, предоставить в распоряжение французских концессионных компаний вооруженные силы. Подобный репрессивный аппарат еще больше усилил враждебность вьетнамского населения, вызванную введением монополий. И на этом примере мы можем еще раз убедиться, что каждое поражение колониального

режима неизбежно толкало его на путь, который мог привести только к новым поражениям.

Но ограничивалась ли деятельность Думера этими двумя сторонами? Если она нанесла последний удар по независимости и единству Вьетнама, если она способствовала путем учреждения налоговой системы упадку старого крестьянского хозяйства, то, может быть, она имела и «положительную» сторону?

Губернаторство Думера могло, конечно, занести в свой актив достижения, рассчитанные на внешний эффект: сооружение большого «моста Думера» в Ханое, оборудование порта Сайгона, разработку честолюбивого плана постройки железнодорожных путей, который, впрочем, был выполнен в весьма незначительной степени.

Но эти работы, выгодные для французских компаний, которые получали на них подряды, были слишком обременительны для финансов Вьетнама. Даже чрезвычайно раздутый центральный бюджет оказался недостаточным. Думер и его преемники должны были прибегнуть к новым займам в метрополии; с 1901 по 1906 год ежегодные взносы в счет погашения займа увеличились в шесть раз [1], что явилось новым бременем для вьетнамского налогоплательщика.

Кроме того, эти работы потребовали также большое количество рабочей силы.

> Для выполнения общественных работ, — рассказывал Жан Ажальбер по возвращении из одной поездки, — могут в принудительном порядке привлекаться кули. Принудительное привлечение к работам становится плохо замаскированной ссылкой... Не принимаются во внимание ни праздники, ни сельскохозяйственные работы, ни другие обязанности, и целые общины сгоняются в порядке привлечения к общественным работам на стройки, откуда возвращались лишь немногие...
>
> В 1901 году я путешествовал по району Ланг-бианг, где прожил несколько недель. Управление общественных работ представлял там кавалерийский капитан... Смертность была ужасающей... Рис получали весьма нерегулярно... На всем 120-километровом протяжении дороги имелся лишь *один* врач.
>
> При приближении путешественника деревни становились внезапно пустынными и оживали вновь, как только выяснялось, что проезжий не имеет никакого отношения ни к таможне, ни к Управлению общественных работ...

Предпринятые Думером крупные стройки были к тому же вызваны скорее политическими и финансовыми соображениями, нежели чисто экономическими. Например, железные дороги, в частности — Трансиндокитайская линия, открывали новую

---

[1] В 1901 году они составили 728 тысяч, а в 1906 — 4444 тысячи пиастров.

сферу приложения для капиталов и рынок сбыта для промышленности метрополии; эти дороги способствовали созданию в Индокитае прочного каркаса, но их экономическая роль, как это станет ясно в дальнейшем, была незначительной.

Наконец, деятельность Думера, направленная на создание индокитайского административного аппарата, проведение налоговой реформы и осуществление общественных работ, привела к значительным административным расходам. Усилился бюрократизм, начало которому было положено в Кохинхине при адмиралах, а в Тонкине — после его захвата. Кроме того, большинство государственных служащих набиралось в метрополии; даже самые мелкие государственные должности в таможенном и почтовом ведомствах предназначались только для белых. Это, возможно, объясняется отсутствием доверия к «туземцам», а также соображениями внутренней политики, поскольку стоявшая у власти партия, как например «оппортунисты» и шедшие им на смену радикалы, должна была в максимальной степени обеспечить доходными должностями своих избирателей. Наличие мелких чиновников-европейцев стало отличительной чертой французской колонизации. Опубликованные в 1940—1941 годах в Виши списки франкмасонов, между прочим, показали, какой постоянной приманкой во время Третьей республики служили вакантные должности в колониях для всякого рода лиц, пользовавшихся покровительством власть имущих. Но белый чиновник обходился дорого, и расходы на выплату жалованья были доведены до такого уровня, что они составили огромную часть индокитайского бюджета: в 1906 году, например, из бюджетных средств, выделенных на связь, в сумме 1735 тысяч пиастров расходы на жалованье поглотили 1343 тысячи пиастров, то есть более 75 процентов.

Итак, начиная с Думера, французский колониальный режим приобрел *ростовщический характер* и явился одновременно *источником создания доходных синекур*; эти две отличительные черты он сохранил и впоследствии. Экономическая экспансия, в сущности, определялась, с одной стороны, интересами рентабельного вложения капиталов и размещения займов и, с другой — стремлением предоставить доходные места многочисленным европейским чиновникам. Этот путь открыл Думер. За ним потекли французские капиталы. И созданный им колониальный режим радикально изменил экономическую жизнь и социальную структуру Вьетнама.

Глава IX

ВЬЕТНАМ В ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА (1905—1930). ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ЗАВИСИМОСТЬ И СОЦИАЛЬНОЕ НЕРАВЕНСТВО

Подводя действительный итог тем изменениям, которые претерпел Вьетнам во время колониального режима, можно подойти к ним с различных сторон. Однако в этом вопросе нельзя ограничиваться простым описанием или перечнем явлений, ни тем более описательным сравнением феодального и колониального Вьетнама. Необходимо показать со всей возможной точностью в целом тот механизм, который определял экономическую и социальную эволюцию страны.

Первой составной частью этого механизма являлись капиталовложения, поступавшие в основном извне, то есть из метрополии. Это относится как к государственным инвестициям, которые вплоть до 1914 года [1] играли очень важную роль, а затем сократились, так и к частным инвестициям, которые были довольно значительны уже перед первой мировой войной, а после 1920 года возросли еще больше, привлекаемые легкостью спекуляций на пиастре и каучуке [2].

Уже сам источник этих капиталов предопределил, что их приток будет соответствовать финансовым интересам кредиторов, а не экономическим потребностям страны, куда направлялись эти капиталы. Так, например, кривая частных французских инвестиций резко поднялась в 1926 году, в момент, когда падение франка превратило пиастр в «убежище для сбережений метрополии» [3], а ведь потребность Вьетнама в промышленном оборудовании в это время почти не увеличилась.

---

[1] С 1896 по 1914 год в Индокитае, согласно данным американского экономиста Коллиса, было инвестировано 514 миллионов золотых франков в виде государственных займов, а по официальным французским источникам — 426 миллионов франков (по номинальной стоимости).

[2] Согласно несколько расходящимся между собой данным Гюи Лакама и Коллиса, частные инвестиции в период с 1888 по 1920 год достигли 500 миллионов золотых франков, а с 1924 по 1929 год — 3 или 4 миллиардов франков.

[3] P. Bernard, Le Problème économique indochinois, Paris, 1934.

Только предпочтение политики немедленного извлечения доходов от инвестиций перед «политикой освоения» в собственном смысле этого слова может объяснить множество отклонений, которые характерны для всего хода развития страны и наложили свой отпечаток даже на общее расположение железных дорог, размещение шахт и рудников, а также и на состояние современной промышленности.

С другой стороны, единственной целью, которую преследовали подписчики метрополии на колониальные акции и облигации, являлось возвращение в форме прибылей вложенных ими капиталов. К тому же с самого начала оборота капиталов значительная часть предназначенных для инвестиций средств оседала во Франции для покрытия торговых сделок и различных финансовых операций. По оценке Поля Бернара, из общей суммы примерно в 8 миллиардов, которая считается инвестированной в Индокитае между двумя мировыми войнами, на самом деле едва половина достигла колонии.

Следовало бы точно определить доходность капиталов, действительно инвестированных, то есть точное соотношение между средствами, вложенными в Индокитае, и суммами, которые оттуда возвращались каждый год в самых различных формах. Однако статистические данные по платежному балансу стали появляться в статистических ежегодниках Индокитая только с 1934 года. Чтобы разобраться в этих джунглях намеренно запутанных бюджетов и балансов, необходимо было бы провести тщательное и длительное обследование.

Но даже приблизительные подсчеты, подобные тем, которые произвел экономист Поль Бернар, показывают важное значение этой выкачки прибылей [1]. Это были типично «ростовщические» действия, которые лишали Вьетнам новых капиталовложений и создавали постоянный финансовый дефицит. Чтобы устранить его, необходимо было прибегать к новым инвестициям из метрополии, которые в свою очередь возлагали новые обязательства на экономику Вьетнама и на вьетнамского налогоплательщика.

	в миллионах пиастров
[1] Сбережения европейцев и расходы чиновников во время отпусков	15
Доходы индийских ростовщиков (четти)	2
Доходы китайцев	6
Перевод прибылей компаний из Индокитая (по явно заниженным оценкам)	13
Платежи по займам	3
Всего	39

В годы, непосредственно предшествовавшие кризису 1929 года, это составляло примерно 450 миллионов франков-Пуанкаре.

Эти капиталы, которые могли бы содействовать развитию экономики Вьетнама, но которые возвращались за границу, откуда они и поступали, могли быть предоставлены финансовыми группами Франции, ставшими уже достаточно могущественными.

Приблизительно с 1890 года эти финансовые группы, например Парижско-Нидерландский банк или Индокитайский банк, представляли одновременно интересы как банковских, так и промышленных кругов метрополии. Следовательно, они добивались как рынков сбыта для промышленной продукции, так и прибылей от финансовых операций. Они нисколько не были заинтересованы в создании во Вьетнаме таких отраслей промышленности, которые могли бы угрожать им конкуренцией.

Напротив, эти финансовые группы метрополии стремились удерживать Вьетнам в качестве резервного рынка для своей промышленной продукции. Такова была политика, которую без особого труда можно было заставить проводить государственный аппарат как в Париже, так и в Ханое.

> Для стран, превратившихся в силу уже самого характера их промышленности в крупных экспортеров, колониальная проблема — это проблема рынков (Ж. Ферри).
>
> Необходимо, — заявил в 1887 году в парламенте нормандский промышленник Ваддингтон, — чтобы были созданы такие же благоприятные условия для пробуждения [Индокитая], какие существуют в Руене, Эльбёфе, Вогезах, на севере... Мы понесли большие жертвы ради приобретения Индокитая, мы в течение двадцати лет проливали кровь *наших* солдат, мы расходовали деньги *наших* налогоплательщиков, и эти жертвы не должны быть напрасными...
>
> При правильной постановке дела в колонии, — утверждал в 1900 году бывший министр Мелин, выразитель интересов промышленников, — производство колонии должно ограничиваться производством сырья для снабжения метрополии и продуктов, которых не имеет Франция...

Эта политика предпочтительного импорта французской промышленной продукции оказывала влияние на вьетнамское промышленное производство в трех направлениях: она вызывала конкуренцию французских товаров с товарами традиционных вьетнамских ремесел, что приводило их к упадку; она выражалась в отказе создавать во Вьетнаме мощную современную индустрию на европейские капиталы; и, наконец, она располагала довольно сильными средствами, для того чтобы тормозить формирование вьетнамской капиталистической промышленности.

Если европейские капиталисты и вкладывали свои капиталы в промышленность, то они предпочитали иметь дело с производством продукции, экспортируемой немедленно, например с добычей руд и угля, с производством каучука и т. д. Цены, суще-

ствовавшие на мировом рынке, были намного выгоднее цен, которые мог предложить несчастный вьетнамский потребитель, доведенный до нищеты тяжелыми налогами, низкой заработной платой, высокой арендной платой и земельной задолженностью. Но, размещаясь таким образом, без учета потребностей внутреннего вьетнамского рынка, французские капиталы оказались в крайне уязвимом положении. Как это показали экономические кризисы 1921 и 1929 годов, иностранные предприятия, а вместе с ними и вьетнамские рабочие были отданы на милость капризам и колебаниям мирового рынка.

Без постоянного вмешательства колониальной администрации, без неустанной поддержки государства было бы невозможно обеспечить движение капиталов между Францией и Индокитаем, тормозить индустриализацию Вьетнама и поддерживать торговый баланс, обменивая промышленную продукцию метрополии на местное сырье.

Одной из первых форм этого вмешательства явились таможенные тарифы. Для того чтобы обеспечить французским товарам привилегированное положение на вьетнамском рынке, с 1892 года на него был распространен таможенный режим метрополии. Пошлины на промышленные товары не французского происхождения были очень высоки, например на индийскую хлопчатобумажную пряжу, крупным потребителем которой раньше являлись вьетнамские ткачи-ремесленники. Эти пошлины были снова повышены в 1928 году путем введения нового, так называемого автономного тарифа; необходимо было, в частности, защитить французские товары, продававшиеся по очень высоким ценам, от нового конкурента — Японии; пошлины на 100 килограммов бумаги стоимостью 380 франков достигали 260 франков, на 100 килограммов станков и оборудования стоимостью 910 франков — 400 франков.

Другой формой административного вмешательства была регламентация в горнодобывающей промышленности. Намного либеральнее, чем регламентация, установленная вьетнамской монархией (добыча полезных ископаемых, монополия на которые принадлежала императору, могла производиться лишь на правах аренды), она тем не менее содержала такие формальности, которые давали возможность легко оттеснить вьетнамские и другие, не французские интересы.

Земельное законодательство, установленное колониальной администрацией, позволяло ей также на очень выгодных условиях предоставлять в концессию французским каучуковым компаниям или вьетнамским рисопроизводителям, сотрудничавшим с колонизаторами, красноземы Кохинхины и целинные земли в дельте Меконга.

Для общего направления развития экономики большое значение имела налоговая система. Отсутствие какого бы то ни было подушного налога на европейцев, а также отсутствие налого-

обложения европейских капиталов («налог на европейцев, — как еще сдержанно заявил географ Робекен, — был долгое время очень мало эффективен») открыло широкую возможность для финансовых спекуляций, в то время как жесткое налогообложение вьетнамского населения со времен правления Думера позволило с легкостью душить ростки капитализма во Вьетнаме. Другими формами прямого и косвенного вмешательства государства в защиту французских колониальных интересов и осуществляемого за счет налогов, собираемых только с вьетнамского населения, являются государственные субсидии колониальным компаниям, очень выгодные контракты на поставку продукции, потребителем которой являлось государство (например, угля), предоставление монопольных прав на производство и продажу соли и алкоголя, а также выдача предпринимателям выгодных подрядов. По выражению Поля Бернара, это была «политика *ружейного выстрела*, произведенного за счет налогоплательщиков колонии». Так, в Кохинхине из общего объема дренажных работ в 250 миллионов кубических метров 200 миллионов кубических метров приходилось на долю лишь одной компании — «Сосьете франсез де драгаж э де траво пюблик», кстати сказать, целиком находившейся под контролем Индокитайского банка. Одним из тысячи примеров данной политики может служить контракт, согласно которому генерал-губернатор Паскье дал заказ в 1928 году одной французской соляной компании на поставку 450 тысяч тонн соли по 4,5 пиастра за 100 килограммов, тогда как администрация платила мелким солеварам лишь по 2,6 пиастра.

Государство контролировало также вьетнамскую денежную систему, основанную на пиастре, или, вернее сказать, ту денежную систему, которой колонизаторы заменили прежнюю денежную систему Вьетнама.

Основанный на серебре пиастр до 1930 года продолжал оставаться крайне нестабильным [1], что вызывалось постоянным падением мировых цен на серебро, колебанием курса франка в метрополии, политикой, проводимой самим Индокитайским банком, обладавшим монопольным правом эмиссии, и наконец, противоречивыми стремлениями экспортеров, заинтересованных в дешевом пиастре, и импортеров, заинтересованных в дорогом пиастре. Историю денежной системы Индокитая, историю, свободную от всяких прикрас, еще предстоит написать. Но уже сейчас ясно, что от этих постоянных спекуляций, этих бесконечных колебаний значительно сильнее пострадал вьетнамский народ, чем колонизаторы, имевшие возможность очень быстро осуществлять перемещение средств и обмен валюты.

---

[1] 1 пиастр в 1903 году приравнивался к 2,14 франка, в 1907 году — 2,8 франка, в 1911 году — 2,28 франка, в 1913 году — 2,5 франка, в 1917 году — 3,6 франка, в 1920 году — 11,57 франка, в 1922 году — 6,7 франка, в 1926 году — 17,01 франка, в 1929 году — 11,49 франка, в 1930 году — 10 франкам (в среднем за год).

* * *

Исследование сельского хозяйства Вьетнама и жизни крестьян еще раз подтверждает наличие общих черт, отмеченных выше.

Производство риса, который до завоевания был основной продукцией страны, в колониальный период резко возросло.

Производство риса в Кохинхине

Год	Валовой сбор, тыс. тонн	Посевная площадь, тыс. гектаров	Экспорт, тыс. тонн
1880	650	520	300
1900	1500	1175	800
1920	2200	1850	1200
1928	2750	2235	1900

В Тонкине и Аннаме рост этих показателей был, во всяком случае, гораздо более скромным.

Но за этими цифрами необходимо видеть социальные отношения. Каким образом было организовано во Вьетнаме производство риса в период колонизации?

В Тонкине и Аннаме преобладали, как и раньше, мелкие хозяйства. В дельте Красной реки к 1930 году 870 тысяч семей, или 90 процентов населения, владели участками менее 1,8 гектара (то есть 5 мау [1]) либо вовсе не имели земли. Однако эти небольшие размеры хозяйств не должны вводить в заблуждение. Концентрация земли, уже достигшая существенных масштабов до завоевания страны, в колониальный период усилилась [2]. Налоги постоянно возрастали и только по центральному бюджету составили в 1930 году 95 миллионов пиастров (то есть возросли втрое по сравнению с периодом губернаторства Думера). Увеличение налогов, намного обгонявшее прирост населения, налагало тем более тяжелое бремя на крестьянство, что налоги взимались деньгами; крестьяне-бедняки не в силах были выплачивать такие налоги и поэтому продавали или закладывали свою землю. Общая площадь, принадлежавшая вышеупомянутым 870 тысячам семей, которые составляли 90 процентов населения Вьетнама, занимала только 36 процентов всей обрабатываемой земли. Ростовщическая и всякого рода ипотечная задолженность еще более усугубляли это неравенство. В провинции Тхай-бинь

[1] Мау — единица измерения площади во Вьетнаме; в Тонкине — была равна 0,36 гектара. — *Прим. ред.*

[2] «Вопреки желаниям администрации, различие в земельных богатствах усиливалось. В Тонкине крупная земельная собственность развилась со времен французской оккупации» (Ш. Робекен).

к 1930 году 253 крупных землевладельца имели 10 080 гектаров земли, но, по сути дела, контролировали еще дополнительно 14 280 гектаров. Колониальный режим, таким образом, не только не уничтожил, но даже усилил феодальные отношения, которые были характерны для сельского хозяйства Вьетнама прежних лет, тем более что он наделил нотаблей значительной властью (см. главу X). Последние продолжали присваивать «общинные земли» (*конг диен*), которые составляли в общем 20 процентов всех земель Тонкина и 25 процентов земель Аннама. Нотабли продолжали эксплуатировать крестьян посредством высокой арендной платы и ростовщических процентов. Они продолжали требовать с них обязательные «подарки» и «добровольную» барщину. Они продолжали требовать, чтобы безземельные батраки для погашения своих долгов посылали своих детей «работать в дом кредитора — последнее проявление долгового рабства» [1].

Крестьяне Аннама и Тонкина жили под постоянной угрозой страшных наводнений и тайфунов. Специалисты по общественным работам в значительно большей степени занимались защитой Ханоя, нежели улучшением условий сельскохозяйственного производства в дельте, и лишь после такого события, как катастрофическое наводнение 1926 года, начались крупные работы по укреплению дамб.

Такие географы, как Робекен и Гуру, в работах, посвященных положению как в Тхань-хоа, так и в дельте Красной реки, не могли не показать всей трагичности положения крестьянства:

> Значительная часть падди продается еще на корню, задолго до следующего урожая. Они вынуждены сокращать ежедневный рацион риса, прибегать к менее вкусной пище — батату и маниоке, кукурузе и фасоли; они были вынуждены употреблять в пищу мельчайших ракообразных, которых извлекали из прудов, морей, рек; заниматься изматывающей торговлей вразнос и наниматься на работу за мизерную плату [2].
>
> Та же нищета и то же желание поесть заставляли тонкинских крестьян, а также крестьян Аннама яростно охотиться на насекомых, которых они жадно поедали. В Тонкине ловят саранчу, кузнечиков, поденок, определенные виды гусениц, собирают бамбуковых червей и даже не брезгуют куколками шелкопряда. Все признают, что, по сути дела, налицо был постоянный голод [3].

Но что историки должны были бы осветить, так это еще большее усиление нищеты в эпоху колониального господства. Упомянутые выше географические исследования, проводившиеся под покровительством колониальной администрации, не собрали

---

[1] P. Gourou, Les Paysans du delta tonkinois, Paris, 1936.
[2] Ch. Robequain, Le Thanh-Hoa, Paris, 1929.
[3] P. Gourou, Les Paysans du delta tonkinois, Paris, 1936.

почти никаких данных об этом, и все же их свидетельства, относящиеся к началу XX века, представляют собой значительный интерес.

> Тех, кто бывает проездом в Индокитае, потрясает исключительная нищета населения. Почти все жилища представляют собой простые лачуги, построенные из дерева или глины, крытые соломой... По стенам висят ленты из красной или желтой бумаги с китайскими иероглифами; кое-какие украшения из дерева, а иногда из бронзы — *следы былого процветания* — украшают алтарь предков [1].

В Кохинхине, где значительная часть земледельческих хозяйств возникла после захвата страны французами и где ни одно из этих хозяйств не возникло раньше XVIII века, положение было совсем иным: крупным землевладельцам там не приходилось прибегать к тысячам уловок, чтобы дробить на мелкие участки свои земли, как это имело место в Тонкине. Там они действовали совершенно открыто. Хозяйства размерами менее 5 гектаров (которые в Тонкине считались бы уже крупными) занимали только 15 процентов всей обрабатываемой площади; хозяйства размерами свыше 50 гектаров занимали более 45 процентов этой площади, в то время как владельцы этих хозяйств насчитывали всего лишь 6500 человек, что составляло только 2,5 процента населения. Лишь эти крупные землевладельцы могли выделить необходимые средства, когда французская администрация пустила землю в распродажу крупными участками по низким ценам, но они не управляли сами своими имениями. Высокая арендная плата (минимум 40 процентов урожая), которую им платили их арендаторы, их *та-диены,* ростовщичество, которым они занимались (проценты по займам доходили до 70 процентов от основной суммы займа за один сезон), обеспечивали им высокие доходы. Нищета же *та-диенов,* находившихся в постоянной задолженности как у китайских или индийских ростовщиков (четти), так и у своего землевладельца, была безмерной [2].

Именно за счет увеличения площадей этих крупных хозяйств следует отнести отмечаемый колониальной статистикой рост производства риса во Вьетнаме. Но если эти данные рассматривать изолированно, то может создаться неправильное представление. Независимо от социальной стороны вопроса уровень производства риса в стране был намного ниже реальных возможностей. Вьетнамские и французские «лендлорды» в Кохинхине, денежные воротилы, обосновавшиеся в Сайгоне, совершенно не были заинтересованы в повышении урожайности и улучшении техники

---

[1] F. Bernard, L'Indochine, erreurs et dangers, Paris, 1901.

[2] Общая земельная задолженность в Кохинхине возросла с 31 миллиона пиастров в 1900 году до 134 миллионов в 1930 году (P. Bernard, Le problème économique indochinois, Paris, 1937).

земледелия. Несмотря на наличие огромных ресурсов рабочей силы, рисовые поля Вьетнама в период колониального господства *имели самую низкую урожайность в мире:* 12 центнеров с гектара против 18 центнеров в Сиаме, 34 центнеров в Японии и 58 центнеров в Испании.

Каучук и другие «колониальные» товары (кофе и т. п.) составляли вторую, вероятно, еще более выгодную группу сельскохозяйственной продукции. Каучук, в частности, вызвал бурный наплыв капиталов из Франции после первой мировой войны. Этому способствовала наряду с общим ростом мировых цен на каучук после подписания в 1921 году международного соглашения производителей (план Стивенсона) также и надежность пиастра в этот период падения франка. Поскольку капиталы и рынки были, таким образом, обеспечены, каучуковым компаниям — таким, например, как компания Мишлена — оставалось лишь разрешить вопрос о рабочей силе и о земле.

Пригодные для выращивания каучуконосов (гевея) красноземы находятся на базальтовых плато во внутренних районах страны. Коренное население этих районов — мои крайне редко и малочисленно, и очень скоро стало необходимо привозить вьетнамских рабочих как для расчистки земли, так и для эксплуатации плантаций.

Эти кули набирались в наиболее бедных крестьянских районах на севере в качестве «контрактовой» рабочей силы, то есть они были обязаны оставаться на плантации довольно продолжительный срок, причем теоретически этот срок устанавливался контрактом, который рабочий якобы прочитывал. Судьба кули в период между 1920 и 1930 годами была предметом самых горячих обсуждений. Журналисты вроде Рубо[1] и А. Виолли[2], отставные военные вроде капитана Монэ[3], даже некоторые плантаторы вроде Монпеза[4], обеспокоенные социальными последствиями, к которым могло привести излишнее усердие крупных компаний, наперебой разоблачали злоупотребления существовавшей системы. При помощи запугивания, шарлатанства или просто прибегая к наркотикам и алкоголю агенты по вербовке (*каи*) набирали кули, за каждого из которых они получали по десять-двадцать пиастров. Но рабочие, которые прибывали во все возрастающем числе на юг страны (в 1925 году прибыло 3684 человека, а в 1927 году — 18 тысяч человек), жили там в крайне тяжелых условиях: полуголодные, подверженные заболеванию малярией, жестоко наказываемые в случае нарушения контракта, они подвергались вымогательствам со стороны надсмотрщиков

---

[1] Roubaud, Viet-Nam, Paris, 1931.
[2] A. Viollis, Indochine S.O.S.
[3] P. Monet, Les Jauniers.
[4] Монпеза руководил кампанией, развернувшейся в прессе через принадлежавший ему орган «Volonté indochinoise».

и были вынуждены нести свой скудный заработок в лавки и харчевни, принадлежавшие компаниям или их агентам [1].

Не знакомые еще с традициями профсоюзного движения и не имеющие опыта выступлений с предъявлением собственных требований, эти кули в первое время выражали протест против своей судьбы посредством побега. В 1924 году насчитывалось 847 случаев нарушения контракта, а в 1928 году — 4484 (эти данные относятся к Кохинхине, Южному Аннаму, а также к угольным шахтам Тонкина, где условия труда были аналогичны условиям труда на каучуковых плантациях юга страны).

Когда стало известно действительное положение на плантациях, разразился грандиозный скандал. Кампании, проводившиеся во вьетнамской прессе, выходившей на французском языке («Л'Эко аннамит», «Л'Аргю эндошинуа»), вынудили генерал-губернатора создать в 1927 году инспекцию труда, которая была обязана следить за выполнением обнародованных, но очень скромных регламентаций. В том же году был создан особый фонд на основе пятипроцентных отчислений из низкой и без того заработной платы кули с целью выдачи им небольшого денежного пособия при возвращении на родину. В законе о введении пособия откровенно признавалось, что его назначение — предотвратить «то тяжелое впечатление, которое производят кули на население при возвращении в родные места». Это свидетельствует о том, что даже при самом авторитарном режиме приходилось считаться с общественным мнением вьетнамцев.

Проблема земли не была столь трудной, как вопрос рабочей силы. Вытеснение мирных племен мои проходило без особых осложнений: достаточно было при помощи юридической уловки объявить эти обширные южные плато «домениальными землями» и признать, что договор о протекторате дает Франции право ими распоряжаться. Каучуковые компании получали таким образом концессии и притом по фиктивной цене (*один* пиастр за гектар), а также освобождались от налогов на довольно внушительный срок.

Каучук и другие плантационные культуры смогли, таким образом, приобрести важное значение. В 1921 году площадь под кофе составляла 5900 гектаров в Южном Аннаме и 4150 — в Тонкине; под чаем — 3510 гектаров в Южном Аннаме. Производство каучука увеличилось с 298 тонн в 1915 году до 10 309 тонн в 1929 году. Но дает ли это право говорить о каком-то действительном экономическом прогрессе?

Следует сразу же отметить, что плантационное хозяйство не давало никаких поступлений в бюджет Индокитая; освобождение плантаций от налогов образовывало значительную брешь

---

[1] См. доклад, опубликованный в 1938 году Международной организацией труда об условиях труда в Индокитае. См. также доклады инспекторов по труду, назначенных Варенном и впоследствии устраненных, и в особенности доклад инспектора Деламарра о положении на плантациях Мишлена.

в фискальных поступлениях. Более того, каучуковые компании, не колеблясь, при первом удобном случае обращались к государству за субсидиями. Во время кризиса 1921 года они получили 1 миллион 700 тысяч пиастров.

С чисто экономической точки зрения сомнительно, что продукция этих плантаций соответствовала, даже приблизительно, занимаемой ими площади. Паразитический характер концессий иллюстрируется приведенной ниже таблицей, данные которой относятся как к плантациям в собственном смысле этого слова (каучуковые, чайные и т. д.), так и к рисовым полям, сданным в концессию колонистам.

1931 год	Общая культивируемая площадь, тыс. гектаров	Площадь под концессиями, тыс. гектаров	Действительно культивируемая площадь концессий, тыс. гектаров
Тонкин	1200	120	30
Аннам	1000	170	25
Кохинхина	2400	600	300

Кроме того, необходимо учитывать, что вьетнамское сельское хозяйство в прошлом далеко не ограничивалось монокультурой риса. Наряду с многочисленными продовольственными культурами выращивались и технические культуры и деревья. Но такие культуры, как хлопок, тутовое дерево, сахарный тростник, в колониальный период пришли в упадок. «Лендлорд» предпочитал рис, который он мог продать по более высокой цене экспортеру, тогда как перечисленные продукты предназначались для бедных сельских ремесленников. Что же касается мелкого крестьянина, то он должен был в первую очередь заботиться о насущном куске хлеба. Его уровень жизни понизился, и разведение деревьев стало для него непосильной роскошью: «его бедность запрещает ему загадывать на далекое будущее, а ведь дерево или кустарник дадут результат только через несколько лет» (Ш. Робекен).

Но этот длительный срок выращивания технических культур затрагивал, в свою очередь, интересы ремесленников. Значительное увеличение производства экспортных культур, таких, как рис и каучук, вовсе не свидетельствует о прогрессе в установлении равномерного развития экономики Вьетнама.

* * *

Упадок сельского ремесла, являвшегося одним из элементов процветания старого общества на Востоке и служившего подсобным занятием для крестьян и дополнительным источником до-

ходов для деревни, — характерное явление для всех колониальных стран в XX веке. Вьетнам также не являлся исключением в этом отношении.

Статистические данные по этому вопросу, чему приходится удивляться, далеко недостаточны, поэтому можно выявить только общие тенденции, опираясь на частные примеры. К пагубной для вьетнамского ремесла конкуренции со стороны импортируемых европейских товаров, таких, например, как текстиль, к конкуренции немногочисленных промышленных предприятий с современным оборудованием, основанных в самом Индокитае, прибавилось еще и прямое насильственное давление со стороны администрации. Упадок ткацкого ремесла в районе Фат-диема, где, согласно данным, приводимым Гуру на 1930 год, 2500 ткацких станков работали не более двух месяцев в году, является следствием воздействия первого из трех приведенных факторов. Напротив, трудности, испытываемые кустарями, занятыми производством сахара, были вызваны, между прочим, появлением в 1923 году сахарных заводов, основанных компанией «Раффинери д'Эндошин». Что касается разорения местных солеваров и производителей спирта из риса и связанного с этим кризиса рыболовного промысла и свиноводства, то, как совершенно очевидно, все эти явления непосредственно вытекают из трех монополий, установленных Думером.

И тем не менее не следует преувеличивать этот упадок ремесла. В Индокитае упадок был менее глубоким, чем в таких странах, как Индия, где, как заявил в 1833 году один из генерал-губернаторов, знаток библии, «долина Ганга побелела от усыпавших ее костей индийских ткачей», подобно долине Иордана... Своеобразной чертой французской колониальной системы являлось стремление возможно быстрее выкачать из населения максимум средств путем взимания налогов. Крайне низкий уровень жизни, к которому приводила эта «ростовщическая» практика, обеспечивал, как это ни странно, выживание местного ремесла в той степени, в какой продукты метрополии были не по карману крестьянам. Это явление, которое с 1946 года обернулось в пользу Демократической Республики Вьетнам, было отмечено американскими экономистами. К. Митчел, например, писала:

> Местное ремесло в Индокитае выжило в значительно большей степени, чем во многих колониальных странах, именно вследствие особенно интенсивного характера эксплуатации колоний, осуществляемой французами, эксплуатации, тормозившей все стороны экономического развития, которое могло бы поднять покупательную способность населения. В результате громадное большинство людей было слишком бедно, чтобы покупать какие бы то ни было французские товары, и поэтому было вынуждено пользоваться продукцией традиционного ремесла. Высокие таможенные тарифы, ограждавшие Индокитай, также сыграли известную

роль в выживании местного ремесла, мешая проникновению в больших масштабах дешевой японской продукции, которая была бы по карману значительно большей части населения [1].

Компенсировался ли этот упадок (хотя бы относительный) старого ремесла развитием современной промышленности, как это произошло в Европе во время «промышленной революции» XVIII—XIX веков?

Промышленные преобразования, происшедшие во Вьетнаме за период колониального господства, наиболее четко проявились в горнорудной промышленности. После первой мировой войны туда хлынул французский капитал, побуждаемый теми же обстоятельствами, которые привлекли его в производство каучука. В 1925 году имелось 1825 разрешений на добычу полезных ископаемых, а в 1928 году их насчитывалось уже 8185. Добыча угля, 73 процента которой приходилось на компанию «Сосьете де шарбоннаж дю Тонкин», за период с 1913 по 1928 год увеличилась (по тоннажу) в четыре раза. Вся продукция горнорудной промышленности выросла (по стоимости) в девять раз за период с 1900 по 1929 год [2] — год мирового кризиса.

Но развитие современной промышленности в собственном смысле этого слова происходило менее равномерно. Наиболее активно развивалась пищевая промышленность: рисоочистительные предприятия Тё-лона (главным образом китайские), которые подготавливали рис к экспорту, спиртоводочные заводы, перерабатывавшие рис, сахарорафинадные, пивоваренные заводы. К этим предприятиям можно прибавить (перечисляем в порядке их значимости) две хлопчатобумажные фабрики в Нам-дине и в Хай-фонге, бумажную фабрику в Бак-нине, цементный завод в Хай-фонге, стекольные заводы в Сайгоне и Хай-фонге, а также табачные фабрики и керамические заводы. Всего, как видно, немного. На этих предприятиях, которые были почти все сосредоточены в Хай-фонге и в Сайгон-Тё-лоне, работало накануне кризиса 1929 года не более 86 тысяч рабочих.

Оживление горнорудной промышленности, стимулировавшееся легкостью сбыта вьетнамской продукции на мировом рынке, составляло яркий контраст с атрофией промышленности, продукция которой не должна была создавать конкуренции товарам, поступавшим из метрополии. Но как та, так и другая промышленность в руках мощных финансовых групп являлась одинаково прибыль-

---

[1] K. Mitchell, Industrialisation of the Western Pacific.

[2] В 1913 году добывалось 501 тысяча тонн угля, а в 1929 году — 1972 тысячи тонн; добыча цинка занимала второе место (21 тысяча тонн в 1928 году); затем шли вольфрам, олово и свинец (железо почти совсем не производилось). В целом стоимость продукции горнорудных предприятий Индокитая (включая Лаос) в 1900 году составляла 2 миллиона пиастров, в 1929 году — 18 миллионов пиастров.

ной. Распределение дивидендов происходило без учета необходимости реинвестиций.

Так, например, сахарный завод в Хиеп-хоа, близ Сайгона, будучи защищен таможенными пошлинами от конкуренции сахара, привозимого с Явы, используя крайне дешевую рабочую силу и сбывая свою продукцию по высоким ценам, тем не менее переводил получаемые им прибыли во Францию, добровольно отказываясь от расширения своего предприятия во Вьетнаме. Деятельность хлопчатобумажной фабрики в Нам-дине является другим типичным примером «экономического мальтузианства» [1]. Накануне второй мировой войны первоначальный капитал этой компании, равный 5 миллионам франков, был полностью возмещен, но вместо того, чтобы реинвестировать его и увеличивать свою продукцию в соответствии с возможностями, которые открывал вьетнамский рынок, компания предпочитала распределять свои доходы, достигавшие 52 миллионов франков в год. Кроме того, резервы позволили компании в 1940 году увеличить свой капитал до 80 миллионов франков путем раздачи акционерам бесплатных акций. Среди членов правления компании находился, например, М. Ж. ле Прово де Лонэй, бывший председатель муниципального совета Парижа. В 1939 году он получил в виде тантьемов, вознаграждений и дивидендов 1 миллион 250 тысяч франков. Но те несколько дней «работы» в году, за которые он получил эту сумму, очевидно, не могли поглотить всей его энергии, поскольку 6 февраля 1934 года он был во главе мятежных парижан.

В такой же степени, как от покровительства колониальной администрации (освобождение от налогов, предоставление выгодных рынков, например для угля), финансовое благополучие колониальных компаний зависело от положения вьетнамских рабочих, которое было очень тяжелым. Нищета шахтеров Хонг-гая, вербуемых на тех же условиях, что и кули плантаций, вызывала страстное возмущение.

> Согласно мнению администрации шахт, — пишет американский журналист Х. А. Фрэнк, чей рассказ, без сомнения, менее известен, чем рассказ А. Виолли, — вьетнамские кули являются очень ленивыми шахтерами. Они, бедные рабы, разумеется, не выглядят довольными, и кажется, что они сами себя спрашивают — кто же получает выгоду от этого черного вещества, которое они сами никак не могут использовать?.. Эти существа, одетые в жалкие лохмотья, эти люди, размахивающие худыми руками, вооруженными заступами, мало что получают от своей изнурительной работы под жгучими лучами солнца. Там были и женщины, а за вагонетками — маленькие дети (*нё*), едва достигшие

[1] H. Lanoue, Investissements français en Indochine, «Cahiers internationaux», décembre 1954.

десяти лет, истощенные лица которых, покрытые угольной пылью, казались сорокалетними. Их босые ноги были покрыты густым слоем пыли, которую они без отдыха топтали за 10 или 15 центов в день...

...64 тысячи акций, которые несколько лет назад предлагались за 16 миллионов франков, сегодня стоят более полумиллиарда. Чистая прибыль за год, предшествующий моему визиту, не считая резерва в 20 миллионов пиастров, превысила весь капитал компании [1].

Достаточно одного перечня проступков, за которые, согласно указу от 21 октября 1927 года, рабочие могли облагаться большими штрафами или подвергаться тюремным заключениям на 1—5 дней, чтобы понять глухое и глубокое недовольство этих рабочих «процветанием» колоний:

1) необоснованная жалоба;

2) отсутствие в течение более 24 часов без разрешения;

3) преднамеренное увечье или ранение, приводящее к нетрудоспособности;

4) отказ выполнять обоснованный приказ без уважительных причин;

5) поступление на работу по ложным документам;

6) нарушение порядка на предприятии даже в случае обоснованной жалобы (*sic!*);

7) неявка на работу без причины.

* * *

В общем итоге французской колонизации Индокитая значительное место занимает развитие путей сообщения и торговли... Однако необходимо уточнить подлинный характер этого прогресса.

Железнодорожная сеть в Индокитае, почти отсутствовавшая до губернаторства Думера, к 1914 году насчитывала приблизительно 1600 километров. Остававшаяся практически неизменной до 1930 года (в 1926—1927 годах было построено дополнительно всего 250 километров), она стала вновь расти только после мирового экономического кризиса. Основной линией этой железнодорожной сети являлась Трансиндокитайская железная дорога, но она еще не была закончена. От этой главной магистрали шли ответвления: Ханой — Ланг-шон — наиболее старая дорога, Ханой — Куньмин (в Китае) — через Лао-кай, Сайгон — Локнинь — ведущая в каучуковые районы и Фан-жанг — Далат — обслуживавшая курорт, созданный для колонизаторов на наиболее благоприятном в климатическом отношении плато Южного Аннама.

---

[1] H. A. Franck, East of Siam, London, 1926.

Нельзя не заметить, что кривая роста железных дорог, быстро поднимавшаяся до войны, впоследствии поднимается медленнее и идет прямо противоположно кривой производства «колониальных товаров» (угля, каучука и др.). Иначе говоря, развитие железных дорог не имело прямого отношения к развитию экономики Вьетнама или Индокитая. Строительство этой железнодорожной сети скорее отвечало политическим и стратегическим интересам: до 1914 года во Вьетнаме, который был еще плохо «прибран к рукам», железные дороги могли способствовать усилению колониального режима. После первой мировой войны, в десятилетний период спада национального движения, эти соображения отошли на второй план. С другой стороны, темпы развития железных дорог соответствовали наличию во Франции свободных средств и продукции металлургической промышленности: до 1914 года отмечалось изобилие того и другого. Напротив, после первой мировой войны металлургическая промышленность метрополии приобрела другие рынки сбыта, что же касается частных капиталов, то железным дорогам они предпочитали более дерзкие спекуляции и скупку акций каучуковых и горнорудных компаний.

Анализ географического расположения железнодорожных линий приводит к тем же выводам, что и анализ темпов их развития. Главная ось Трансиндокитайской железной дороги Сайгон — Ханой, даже если бы ее строительство было завершено, не имела бы большого коммерческого значения: она дублирует шоссейную дорогу и в первую очередь морской путь — действительно естественную ось Вьетнама. То обстоятельство, что в течение тридцати лет не испытывалась потребность ускорить ее строительство, лишь подтверждает сказанное. Ветка на Ланг-шон отвечала военным целям, а ветка на Далат и Лок-нинь была построена из расчета узкочастных интересов. Только движение по ветке на Лао-кай и Куньмин действительно было активно: по ней направлялись товары в Хай-фонг из юго-западного Китая. Но для самого Вьетнама это фактор внешний.

Уже сам грузооборот этих железных дорог явно говорит о том, что их строительство не содействовало в большой степени экономическому развитию страны. Пассажирские перевозки занимали слишком большое место: они давали до 71 процента поступлений в 1920 году (исключая Юньнаньскую линию). В 1913 году было перевезено 454 тонны товаров, а в 1923 году — 1 миллион 118 тысяч тонн, то есть перевозки едва удвоились; перевезенные товары представляли лишь небольшой процент всей продукции и даже товарной продукции, что можно легко видеть, сравнив грузооборот индокитайских железных дорог с грузооборотом дорог таких промышленных стран, как Франция... Но сравнение даже с такой страной, как Сиам, не намного более развитой, чем Индокитай, но где железнодорожная сеть построена с учетом национальных интересов, разветвляясь сразу по всем

направлениям, является показательным. В 1929—1930 годах перевозки по индокитайским железным дорогам из расчета на километр составляли приблизительно только 40 процентов грузооборота железных дорог Сиама; так же и в 1938 году Индокитай оставался далеко позади Японии, Малайи, Цейлона, Кореи, Сиама, Индии по протяженности железнодорожной сети из расчета как на душу населения, так и из расчета всей площади страны.

Длина сети колониальных грунтовых дорог, строительство которых началось еще до первой мировой войны и особенно ускорилось между 1920 и 1930 годами, когда распространился автомобильный транспорт, к 1931 году достигла 24 493 километра, из которых 15 246 километров было вымощено. Но и сеть грунтовых дорог, содержание которых обходилось крайне дорого (6 миллионов 600 тысяч пиастров в год), в значительно большей степени отвечала потребностям администрации, нежели стимулировала экономическое развитие страны. Перенос грузов оставался важнейшим средством транспортировки внутри страны:

> Вот картина, которую обычно можно наблюдать в дельтах Аннама: длинные ряды босых носильщиков идут подпрыгивающей походкой по пыльной обочине дороги, обгоняемые или пересекаемые автомобилями, которых аннамиты научились бояться (Ш. Робекен).

Из средств сообщения именно каналы, перерезающие рисовые поля Кохинхины, могли лучше всего служить подлинно экономическим интересам: это как раз то исключение, которое подтверждает правило. Рисовые поля Кохинхины являлись единственным производственным сектором Вьетнама, который почти целиком был втянут в экономическую систему, созданную колонизаторами: необходимо было обеспечить экспорт максимального количества риса, которого в то же время не хватало в Центральном и Северном Вьетнаме.

Поскольку экспорт сырья и импорт промышленных изделий составлял основу колониальной экономики, порты Вьетнама были призваны играть первостепенную роль. Сайгон, удобно расположенный в тылу рисовой и каучуковой зоны, доступный в высокую воду для судов довольно значительных размеров, расширялся в несколько приемов последователями Думера. На севере расположен Хай-фонг, который называют «легкими Тонкина». С точки зрения специалистов, место для него выбрано неудачно. Порт труднодоступен, и содержание его обходится дорого. Однако в результате развернувшейся после основания порта земельной спекуляции там появились крупные капиталисты, которые враждебно относились к идее создания нового, лучше расположенного промышленного и угольного порта. «Сам рост Хайфонга, — отмечает Ш. Робекэн, — является самым большим препятствием для создания тонкинского порта... Невозможно не при-

нимать во внимание интересы крупных капиталистов, которые теперь тяготеют к Хай-фонгу».

Перегрузочные порты центрального побережья Вьетнама — Ня-чанг, Кюи-нён, Фай-фо, Туран, Бен-тхюи, — жизнь в которых некогда била ключом, находились в полнейшем упадке. Их естественное назначение — обеспечивать *национальные* связи между севером и югом страны; но поскольку лежащие за ними земли не привлекали колониальных инвестиций, модернизация портов не интересовала ни частные капиталы, ни колониально-административный аппарат.

И все же сеть путей сообщения в колониальный период во Вьетнаме значительно увеличилась. Но эти новые пути, проложенные без учета интересов экономики страны в целом, а исходившие из частных финансовых, административных или военных интересов, не были органически связаны с экономикой Вьетнама, они не оживляли те районы, которые пересекали. Шоссейный и железнодорожный транспорт был слишком дорогим для массы мелких производителей и мелких крестьян-потребителей. Но содержание этих новых путей падало именно вследствие существовавшей фискальной системы на плечи мелких налогоплательщиков, то есть на тех, кто наименее всего ими пользовался.

В колониальный период очень значительно выросла внешняя торговля.

Годы	Импорт, миллионы пиастров	Экспорт, миллионы пиастров
1899—1903	78	62
1920	138	180
1929	227	228

Но необходимо еще точно проанализировать эти данные, прежде чем говорить о действительном прогрессе Вьетнама.

На каких товарах базировалась эта торговля? Экспорт лимитировался очень небольшим количеством видов сырья. Рис, уголь и каучук — эти «три столпа» — составляли в 1913 году 64,3 процента всего экспорта, а в 1924—1928 годах — 74,5 процента (по стоимости).

Что касается импорта, то он состоял преимущественно из текстиля (17 процентов в 1929 году), хлопка, машин и различного оборудования, из табака, вин, бумаги... П. Бернар произвел подсчеты, из которых вытекает, что помимо первой группы товаров, составлявшей 9 процентов и не представлявшей интереса для индивидуального потребителя (машины, рельсы и т. д.), 49 процентов всего импорта составляли такие продукты, как дорогие ткани, парфюмерия, автомобили, предметы домашнего обихода и т. д., которые были предназначены только для европей-

ского и для незначительной части вьетнамского населения. В то же время для потребления «масс» было предназначено только 42 процента импорта, а именно простые ткани, удобрения и т. д. Бóльшая часть импортированных товаров не достигала очень бедных потребителей, что благоприятствовало относительному выживанию ремесла.

С какими странами торговал колониальный Вьетнам? Доля метрополии во внешней торговле Вьетнама неизменно увеличивалась, не считая несущественного и временного снижения этой доли во время войны 1914—1918 годов[1]. Французские товары, таким образом, очень быстро стали занимать господствующее положение на вьетнамском рынке, несмотря на их высокие цены и большое расстояние, которое им приходилось покрывать. Таможенные тарифы защищали их от иностранной конкуренции, тогда как общая политика колонизаторов ограждала их от конкуренции со стороны промышленной продукции, производившейся на территории Вьетнама. Напротив, доля французских закупок в экспорте Вьетнама, несмотря на определенное увеличение, оставалась всегда гораздо менее значительной: она почти всегда составляла менее 50 процентов французского экспорта во Вьетнам.

В то время как вьетнамская торговля все более и более оказывалась в зависимости от метрополии, традиционные связи Вьетнама с соседями на Дальнем Востоке имели тенденцию к ослаблению. Китай, например, который прежде являлся важным экспортером Вьетнама, в 1929 году поставлял только 7 процентов вьетнамского импорта.

* * *

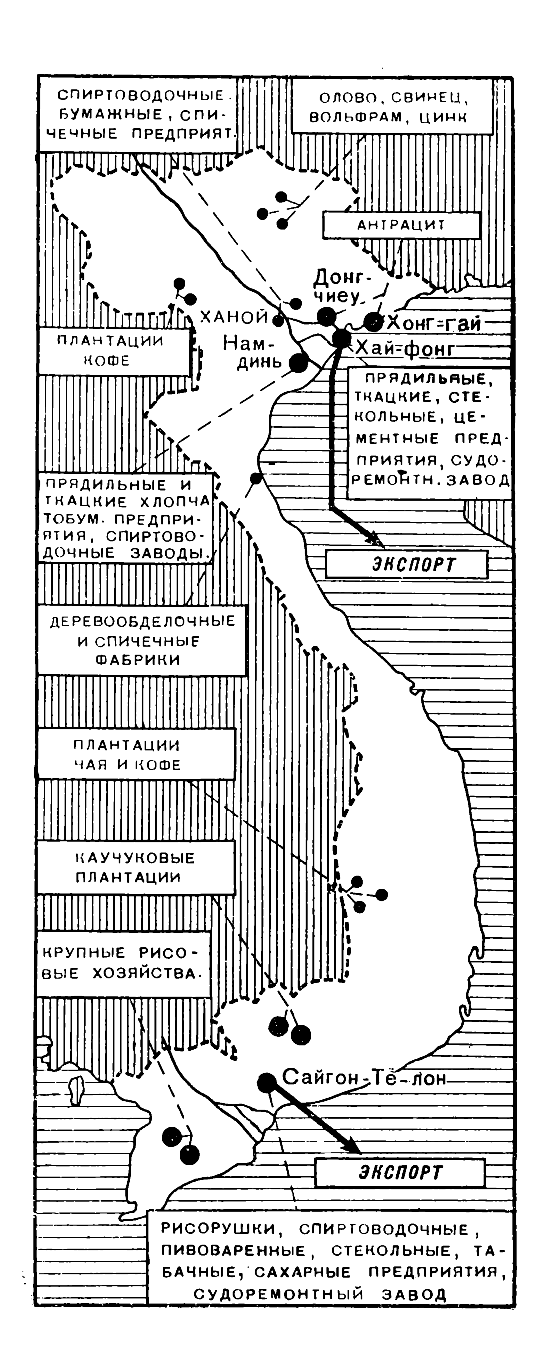
Попытаемся сделать выводы из этого краткого обзора. Попытаемся выделить общие черты, характеризующие изменения в экономике Вьетнама в колониальный период.

Многочисленные примеры говорят о том, что экономическая жизнь Вьетнама была *подчинена* финансовым и политическим интересам не самого Вьетнама, а метрополии. Французские экспортеры в Сайгоне получали бóльшие доходы от поставок кохинхинского риса на мировой рынок, нежели от продажи его полуголодному населению Аннама или Тонкина. Высокие тарифы на индийскую пряжу, открывшие вьетнамский рынок для французского текстиля, нанесли жестокий удар ремесленникам Вьетнама.

Однако следует подчеркнуть, что это подчинение было не так уж выгодно для экономики Франции, взятой в целом. Несмотря на предоставляемые таможенные льготы, рис и каучук никогда не находили во Франции такого широкого сбыта, как в Швейцарии

---

[1] Доля Франции в импорте и экспорте Индокитая составляла соответственно: 16 и 7 процентов в 1879—1883 годах, 39 и 20 процентов в 1904—1908 годах, 26 и 16 процентов — в 1914—1918 годах, 47 и 22 процента — в 1929 году.



Размещение колониального капитала во Вьетнаме в 1930 году

За исключением нескольких рудников и плантаций второстепенного значения, весь капитал был сосредоточен, с одной стороны вокруг Хайфонга, а с другой — в Кохинхине, то есть в районах, где стремился обосноваться экспедиционный корпус в 1945—1946 годах.

или Норвегии, то есть странах, совершенно лишенных колоний. Данные, относящиеся к 1938 году, показывают, что из 80 франков, составлявших оптовую цену мешка риса весом в десять килограммов, вьетнамский производитель получал лишь 12 франков 75 сантимов; разница попадала в руки различных посредников, в результате чего цены на рис во Франции удерживались на высоком уровне [1]. «Французское колониальное владение», таким образом, не приносило заметного улучшения положения широких масс потребителей в метрополии и не давало никаких выгод средним сословиям (если не считать небольшой прослойки лиц, сидевших на «доходных местах»). И если крупные компании выплачивали большие тантьемы и вознаграждения членам правлений, то они часто сажали своих мелких акционеров на скудный паек; финансовая история Индокитая изобилует банкротствами «гнилых» предприятий и нашумевшими *крахами*, от которых страдали мелкие вкладчики.

Наиболее важным последствием колониального порабощения явились *путы*, в которых оказались производительные силы Вьетнама. Как уже указывалось, даже развитие тех отраслей, которые находились в привилегированном положении, вроде производства риса, угля, каучука, нельзя считать «прогрессом», поскольку оно было постоянно ниже реальных возможностей. Стремление производить по наиболее низким ценам всегда брало верх над систематическим использованием наиболее современной техники. Накануне второй мировой войны только 6 процентов всех работ по вырубке угля в Тонкине было механизировано. Урожайность риса была крайне низкой. Природные богатства Вьетнама далеко еще не были освоены. Никакого внимания не обращалось на залежи железа, удобно расположенные вблизи от тонкинского угля; доменная печь, которую все время отказывались построить, — вот символ колониальной экономики, опутанной цепями. Отсутствовала также крупная бумажная промышленность, хотя налицо были все необходимые условия: сырье, емкий внутрений рынок, возможности экспорта во все страны Дальнего Востока. Отсутствовала также какая бы то ни было резиновая промышленность. Сложный крюк через Клермон-Ферран (Пюи де-Дом), который совершал кохинхинский каучук по пути с плантаций Красных земель до магазинов Ханоя и Сайгона, несомненно, приносил больше выгод предприятиям Мишлена, «Мессажери маритим» [2] и компании Суэцкого канала, нежели вьетнамским потребителям...

Третья специфическая черта экономики Вьетнама в колониальный период — это *неравномерность* ее развития. Экономика страны напоминала «калеку», как метко сказал Чан-дык-Тхао.

---

[1] «Revue indochinoise juridique et èconomique», 1938, t. IV.

[2] Французская судоходная компания, суда которой курсировали между Индокитаем и Францией. — *Прим. ред.*

Не существовало никакого соответствия между различными отраслями экономики: действовало несколько шахт, усиленно выращивались некоторые сельскохозяйственные культуры, идущие на экспорт, в то время как производство промышленной продукции топталось на месте, производство технических культур сокращалось, не обращалось должного внимания на скотоводство и эксплуатацию лесных богатств. Бо́льшая часть угля экспортировалась [1], в то время как в Кохинхине в топках паровозов сжигалось древесное топливо. Не соблюдалось никакого равновесия в развитии различных районов страны. Определенные части вьетнамской территории, где были расположены шахты, плантации, порты, сразу же попали в зависимость от мирового финансового рынка и зависели от импорта и экспорта, поскольку еще не существовало вьетнамского национального рынка. Определенные территории окружались заботой и вниманием, в то время как огромные пространства земли оставались заброшенными...

Из того, что еще не существовало настоящего национального рынка, из того, что сектор современной промышленности (шахты, плантации, железные дороги) противостоял «традиционному» сектору, где господствовала мелкая деревенская экономика, радиус действия которой был невелик, еще не следует, что между этими двумя секторами существовал полный разрыв. Между экономической деятельностью колониальных компаний и условиями жизни массы населения, наоборот, существовала *взаимозависимость*, и эта взаимозависимость была другой основной чертой колониального Вьетнама. Удобная теория, которой придерживаются некоторые экономисты, — удобное разграничение между «современным сектором» и «традиционным», — не могут заставить забыть, что первый существовал только благодаря второму. Другими словами, горнорудные, каучуковые и другие компании могли существовать лишь благодаря щедрости колониальной администрации, щедрости, которая осуществлялась за счет вьетнамского налогоплательщика. Именно благополучие одних приводило к нищете других.

Эти глубокие экономические изменения сильно нарушили прежнее равновесие вьетнамского общества.

Условия жизни масс все более ухудшались. Нет ни одного серьезного исследования об изменении уровня жизни вьетнамцев в колониальный период. Имеются, правда, точные данные, например данные о росте налогов, которые можно дополнить общими наблюдениями, касающимися тенденции концентрации земельной собственности. Эта картина еще более уточняется демографическими данными. Население Вьетнама возрастало гораздо быстрее, чем обрабатываемая площадь и урожайность. Между 1900 и 1937 годами потребление риса на душу населения

---

[1] В 1929 году из общей продукции в 1 миллион 972 тысячи тонн было экспортировано 1 миллион 283 тысячи тонн.

катастрофически падало, как это можно видеть на основе официальных статистических данных о населении и о производстве риса [1]. Ниже приводятся цифры, относящиеся ко всему Индокитаю в целом, которые также очень показательны и для Вьетнама:

	1900 г.	1913 г.	1937 г.
Производство риса (в тыс. тонн)	4300	4718	6 316
Увеличение		9%	47%
Потребление риса (в тыс. тонн)	3400	3451	4 220
Увеличение		1%	24%
Население (в млн. чел.)	13	15,3	23,15
Прирост		от 17 до 22%	от 77 до 84%
Потребление на душу (кг.)	262	226	182
Уменьшение		14%	30%

Но эти сухие цифровые данные, несомненно, имеют лишь второстепенное значение, если пытаться определить благосостояние вьетнамского народа на основе таких «надежных» данных, как нижеследующие:

> Еще сообщают, и это является интересным показателем обогащения Кохинхины... что ипподром в Сайгоне по сумме разыгрываемых там ставок в 1939 году шел непосредственно за крупнейшими парижскими ипподромами Лоншамп и Отой [2]...

Для обнищавших крестьян, которым не хватало земли, «колониальный сектор» — горнорудные предприятия, заводы, плантации — представлял крайне незавидную альтернативу. Ужасные условия труда на колониальных предприятиях заставляли многих из них возвращаться домой, как ни была тяжела их участь в деревне.

И тем не менее из этих обнищавших крестьян родился в период 1915—1930 годов вьетнамский рабочий класс. Ссылаясь на это крестьянское происхождение рабочих, некоторые лица пытались поставить под сомнение существование во Вьетнаме рабочего класса как реальной и самостоятельной социальной силы (само собой разумеется, для того чтобы иметь возможность отрицать его политическую роль и поставить в затруднительное положение тех, кто приписывал ему ведущую роль). Этот рабочий класс был, конечно, малочисленен. Если даже в его число включить не только докеров, шахтеров и рабочих заводов, но также и кули, работавших на плантациях, он не составил бы более

[1] Подсчет, произведенный Анри Лану на базе исследования об «индустриализации Индокитая», опубликованного 21 ноября 1938 года «Обществом экономических исследований и информаций».

[2] «L'Indochine à la veille de la guerre» (Notes documentaires et études publiées par la présidence du Conseil, 4 octobre 1948).

2—3 процентов населения Вьетнама. Бесспорно, ему были присущи особенности, которые сильно отличали его от промышленных рабочих Запада. Текучесть рабочей силы была очень большая. Договоры о трехлетнем найме редко выполнялись и еще реже возобновлялись: это было одним из проявлений коллективной борьбы рабочих против нищеты. Борьба рабочих вынуждала предпринимателей жаловаться на неспособность колониальной администрации обеспечить «постоянную» рабочую силу. Но эта текучесть, если и имела отрицательные стороны, хотя и несколько ослабляла сплоченность рабочего класса и уменьшала его способность к организации, в то же время усиливала его связи с крестьянством. В то время как рабочие, в собственном смысле этого слова, в каждый данный момент были малочисленны, большое число крестьян нанималось на работу и получало заработную плату в тот или иной период своей жизни. Многие из них познакомились с деспотизмом вьетнамского *каи* и белого счетовода, жизнью в бараках, питанием в харчевне; их деревенский кругозор, таким образом, расширялся. Вопреки тому, что думают современные социологи, они уже перестали рассматривать с чисто традиционной точки зрения «приказ неба и вьетнамскую геополитику».

Наконец, это сложное экономическое развитие Вьетнама в колониальный период, увеличивая нищету крестьянства и создавая базу для возникновения рабочего класса, одновременно оставляло (и это последняя сторона вопроса) *очень узкое поле деятельности* для вьетнамских имущих классов.

Еще предстоит написать историю вьетнамской буржуазии, которую удерживали таким образом в состоянии «рахитизма», по справедливому определению Чан-дык-Тхао. Французские специалисты по странам Дальнего Востока, которые посвятили столько лет усердного труда изучению скромных развалин тямов и кхмеров, прошли, ни на минуту не задержавшись, мимо этой важной проблемы. Поэтому сейчас приходится ограничиваться пока лишь очень общими замечаниями.

Некоторые представители вьетнамской буржуазии оказались в кильватере крупных колониальных интересов: крупные владельцы рисовых полей в Кохинхине, сдававшие землю в аренду, *компрадоры* (исполнительные агенты) западных торговых домов (но компрадорами чаще всего были китайцы), наконец, *каи,* обогащавшиеся за счет поставок рабочей силы и надзора за кули на плантациях. Они развивались бок о бок с первыми ростками торговой буржуазии, появившейся во Вьетнаме в XVII веке и даже раньше и продолжавшей играть важную роль в таких городах, как Ханой и Сайгон. Но они не имели никакой перспективы при колониальном режиме, кроме как продолжать свою в некоторой степени паразитическую деятельность. Местная буржуазия, будь то городские торговцы или землевладельцы, не имела никакой возможности производительно вкладывать свой

капитал. Конкуренция, обременительная налоговая система, различные ограничения, многочисленные вмешательства администрации в пользу французских конкурентов сильно тормозили развитие вьетнамского капитализма. Вьетнамские капиталисты вынуждены были вкладывать свои капиталы в земельную собственность или заниматься сельским ростовщичеством; таким образом, их деятельность лишь усиливала нищету крестьянства.

Привилегированные вьетнамские классы, сами являвшиеся жертвой колониального режима, активно участвовали в политической борьбе. Руководители национального движения уступали им большое место, но не из «тактических» соображений, а на основе учета реального положения: в условиях колониального гнета экономические противоречия между колонизаторами и всем вьетнамским населением, включая и привилегированные классы, были более глубокими, нежели экономические противоречия между широкими массами вьетнамского народа и местными привилегированными классами.

Неотвратимым ходом событий экономическая деятельность колониальной системы приводила к появлению политической оппозиции, которая все более усиливалась; эта оппозиция отражала возраставшую нищету крестьян и рабочих и тот тупик, в котором оказались зажиточные классы. Таким образом, движение сопротивления старого типа, возглавлявшееся монархистски настроенными учеными и продолжавшееся до 1905—1910 годов, сменилось новым политическим движением, в котором активное участие принимала буржуазия и в котором народные массы играли все более важную роль [1].

---

[1] Не всегда было возможно на протяжении этой главы выделить из колониальной статистики (относящейся ко всему Индокитаю) данные, относящиеся только к Вьетнаму, в частности данные о капиталах, транспорте и торговле. Но процесс колонизации почти не затронул Лаос и Камбоджу. Поэтому приведенные здесь цифры позволяют все же с известной приближенностью характеризовать вьетнамскую экономику в колониальный период.

Глава X

ВЬЕТНАМ В ПЕРИОД КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА (1905—1930). НОВЫЕ ФОРМЫ НАЦИОНАЛЬНОГО ДВИЖЕНИЯ

В годы, последующие за приездом Думера в Индокитай, намечается весьма отчетливый поворот в развитии вьетнамского национального движения. Поднимаются новые силы, возникают новые идеи и намечаются новые формы деятельности.

К 1905 году вооруженная борьба практически прекратилась, только Де-Тхам еще продолжал оказывать сопротивление в горах Йен-тхе. Оппозиция ученых ослабевала, по крайней мере в ее традиционной монархической и конфуцианской форме. Память о Хам-Нги, мужественном, непокорившемся юноше, стиралась; двор Хюэ, послушный французским властям, был дискредитирован, а взбалмошный император — очень противоречивая личность — Тхань-Тхаи, возведенный на престол в 1889 году, был неспособен поднять престиж монархии. Конфуцианство также переживало упадок; деревенские школы постепенно исчезали, а сохранявшиеся еще в принципе полугодичные и трехгодичные экзамены уже отмирали [1]. Наиболее активные из вьетнамцев привлекались на работу в школы колониальной администрации и католических миссий — хранительниц «секрета белых», хотя число этих школ было невелико. Конечно, среда ученых продолжала поставлять многочисленных противников колониального режима, таких, например, как Фан-бой-Тяу, родившийся в 1867 году и в молодости принимавший участие в движении Фан-динь-Фунга, видный ученый из провинции Ха-тинь, или Фан-тю-Чинь — другой тонкинский ученый, мандарин в отставке. Но это новое поколение ученых коренным образом отличалось от своих предшественников 90-х годов XIX века; оно испытало на себе влияние недавних событий на Дальнем Востоке и изменений во вьетнамском обществе.

Пробуждение Китая в течение последних лет XIX века и первого десятилетия XX века не прошло незамеченным для

[1] Эти традиционные конкурсы были полностью отменены в Тонкине в 1915 году, в Аннаме — в 1918 году.

Вьетнама, шла ли речь о реформаторских идеях китайских ученых Кан Ю-вея и Лян Ци-чао, эмигрировавших в Японию после своего поражения в 1898 году, или о республиканизме более революционного деятеля — Сун Ят-сена. Эти новые течения быстро проникли в среду вьетнамских ученых. Фан-бой-Тяу посетил в 1902 году Кантон, являвшийся центром новых идей в Китае. В 1904 году он встретился в Японии с двумя известными китайскими эмигрантами и сочинил тогда свое «Письмо из-за моря, написанное кровью».

Китайско-вьетнамские отношения приняли таким образом совершенно новую форму, значение которой трудно было бы переоценить. В прежнюю эпоху Вьетнам, освободившись из-под власти Китая, продолжал тем не менее поддерживать с ним тесные политические и культурные связи: для вьетнамских феодальных правителей речь шла о том, чтобы обеспечить при помощи китайских методов правления и китайской идеологии внутренний порядок и послушание крестьян. Но по мере того, как в самом Китае поднимались прогрессивные силы, которые выступили против старого режима, императорской бюрократии и конфуцианства, традиционные связи, существовавшие между Китаем и Вьетнамом в течение веков, стали играть совершенно другую роль; вьетнамский народ нашел в самом Китае, некогда служившем старым правителям Вьетнама примером для подражания, поддержку в своей борьбе за прогресс. Вьетнамские сторонники реформ 1905—1910 годов находились под влиянием китайских сторонников реформ; революционные организации 1925-х годов были тесно связаны с кантонским Гоминьданом; тесная дружба объединяет Китай, руководимый Мао Цзе-дуном, и Вьетнам во главе с президентом Хо-ши-Мином.

Быстрое развитие Японии, победа которой над Россией в 1905 году обнаружила всю ее силу, оказало сильное влияние на вьетнамское общественное мнение. После Цусимского сражения престиж первого азиатского государства, одержавшего победу над европейцами силой оружия, был огромен. Пример Японии указывал руководителям вьетнамского национального движения, так же как и других колоний Восточной Азии, Индии, Бирмы, Индонезии, Филиппин, на превосходство мировой современной техники над «традиционными силами» Азии. Эти колониальные страны ожидали от Токио более прямой поддержки — политической, финансовой и военной.

Эти изменения на Дальнем Востоке не прошли незамеченными для Вьетнама именно потому, что в недрах самого вьетнамского общества появились новые элементы, которые уделяли этому особое внимание. Молодая буржуазия, которая тогда только что начала появляться, рассчитывала найти в проектах китайских реформаторов и в достижениях японских реформаторов ответы на вопросы, которые она перед собой ставила. Стесненная в своем экономическом развитии, политически подчинен-

ная авторитарному режиму, она видела в восстановлении независимости Вьетнама первое условие своего собственного экономического и политического подъема. Но для нее эта независимость была связана с модернизацией как промышленности и торговли, так и политической мысли; она чувствовала, что старый вьетнамский режим даже при восстановлении независимости был бы неспособен ее удовлетворить. Реформаторские запросы буржуазии не могли не оказать влияния на ученых, с которыми она была связана; из сторонников конфуцианства они стали рационалистами; они стали предпочитать *куок-нгы* иероглифам и республику — монархии. Они хотели преобразовать Вьетнам при помощи просвещения.

> Если в настоящее время наши соотечественники подвергаются грубому обращению и угнетению, — писал из Токио Фан-бой-Тяу, — то это потому, что, не утруждая себя учением, они не так образованы и умны, как граждане других наций; именно поэтому мы потеряли наше королевство... Японцы отказались от своих старинных обычаев, встав на путь прогресса: они создали школы, чтобы обучать сыновей народа [1].

Впоследствии ученые отказались даже от своего традиционного пренебрежения к экономической деятельности. По мере того как для буржуазии экономическое развитие сливалось с политической целью достижения независимости, появился новый тип «ученого коммерсанта». Так, ученый Нгюен-Кюен основал в Ханое одновременно с ассоциацией для пропаганды *куок-нгы* торговое общество «Хонг-тан-хынг»; несколько ученых из провинции Нге-ан — Данг-ван-Ба, Ле-Хуан, Нго-дык-Ке — основали несколько позднее торговое общество «Чиеу-зыонг».

На этой новой стадии перед национальным движением открылись, таким образом, перспективы, которые совершенно отсутствовали у ученых 1890—1895 годов, движимых только тоской по прошлому. Но эта новая ориентация, с другой стороны, была чревата опасностью: она могла ослабить связи национального движения с широкими крестьянскими массами, с которыми ученые старого типа оставались тесно связанными. Городские торговцы и ученые, восхищавшиеся Японией, предпочитали тайные общества, индивидуальный террор, создание небольших групп избранных. Если они и заботились о народе, то только для того, чтобы иметь возможность «его воспитывать», прежде чем *заставить его* действовать. Руководимое этими вьетнамскими *народниками* национальное движение на длительный период затихло.

В этот же период перед национально-освободительным движением встали новые трудности, порожденные *локальными* тенденциями, которые проявились особенно зримо позже. Разделение Вьетнама на Кохинхину, Аннам и Тонкин, как бы искус-

---

[1] «Bulletin du Comité de l'Asie française», 1906.

ственно оно ни было, повлекло к неравенству экономического развития между этими тремя районами, и последствия этого неравенства были серьезны. Главным образом в Кохинхине параллельно с быстрым развитием торговли росла активность вьетнамской буржуазии; именно туда быстро проникали современные идеи, чему благоприятствовало также и то обстоятельство, что в этих районах, присоединенных к Вьетнаму позднее других областей, конфуцианские традиции были менее сильны. И, наконец, именно там отсталые крестьянские массы, не имевшие прочных традиций, были легко подвержены влиянию самых разнообразных новаторских течений — каодаизма и других. В Тонкине же национальная буржуазия была развита гораздо слабее: там, напротив, очень рано на шахтах и заводах колонизаторов сформировался относительно сильный вьетнамский рабочий класс. И наконец, в Аннаме, ввиду того что там интересы французских капиталистов были менее сильны, лучше всего с точки зрения социальной сохранился старый Вьетнам. Следовательно, колонизация способствовала довольно резкой дифференциации вьетнамского общества с географической точки зрения. Влияние этой дифференциации было особенно заметно на той стадии движения, когда ведущая роль принадлежала именно буржуазии и «эволюционно-настроенным» интеллигентам. Национальное движение в течение этих двадцати лет относительного «затишья» утратило то прочное единство, которым оно характеризовалось в эпоху Хам-Нги и восстания ученых. Оно вновь обрело это единство после 1930 года, когда рабочие и крестьяне-бедняки, несчастная судьба которых была одинаковой во всех частях страны, взяли на себя главное руководство.

Возвращение Фан-бой-Тяу во Вьетнам после поездки в Китай и Японию в 1902—1904 годах явилось важным показателем усиления новых тенденций в национально-освободительном движении. Он решил после ознакомления со своими впечатлениями других ученых — сторонников реформ — увезти в Японию принца императорской семьи, юного Кыонг-Де, и создать там, в эмиграции, настоящую штаб-квартиру движения за независимость. Их отъезд послужил сигналом к массовой эмиграции студентов и молодых интеллигентов в Токио. Именно в этих кругах эмигрантов сочинялись многочисленные памфлеты, тайно пересылавшиеся во Вьетнам: «Записки вьетнамцев, умерших за свою страну», «Призыв к населению Кохинхины», «История порабощения Вьетнама». Фан-бой-Тяу и Кыонг-Де основали в Токио Лигу обновления Вьетнама (*Вьет-нам зюй-тан хой*), программа которой была хотя и монархистской, но в то же время уже реформаторской. Через эту организацию они старались координировать все действия своих сторонников в самом Вьетнаме.

Деятельность последних в Тонкине была проникнута неустанной заботой об интеллектуальном обновлении. Благодаря субсидиям коммерсантов и при поддержке Фан-тю-Чиня была осно-

вана ассоциация бесплатного обучения народа (Донг-кинь нгиа-тхук), институт Тонкина. В школах, где обучались тысячи учащихся, китайские иероглифы были заменены *куок-нгы*, учение конфуцианских классиков — учением современных мыслителей Востока и Запада. Это была эпоха, когда произведения Монтескье и Руссо проникали во Вьетнам в китайских переводах. Это движение, полное веры интеллигентов в «прогресс с помощью науки», имело в то же время и экономическую направленность: торговые общества основывались часто теми же лицами, что и просветительные ассоциации, как например Нгюен-Кюеном; созывались также конференции по вопросам экономического прогресса.

В Аннаме движение за модернизацию приняло более народные формы. Лозунг «отрезать волосы» воспринимался как символ отказа от всего старого. Импровизированные добровольные парикмахеры ходили по деревням. Вскоре возникли мощные демонстрации против налогов: в марте 1908 года триста человек собрались в Фай-фо и потребовали отмены трудовой повинности и снижения подушного налога. Тысячи людей собрались также в трудное время, которое предшествует урожаю третьего месяца, у крепости провинции Куанг-нгай; около Хюэ организовывались отряды; в Бинь-дине, очаге зарождения движения тэй-шонов, плохо обращались со сборщиками налогов и нападали на нотаблей. Репрессии властей были настолько жестокими, что даже послужили основанием для депутата-социалиста де Прессансэ выступить 19 марта 1909 года в Париже с интерпелляцией. Многие ученые, участвовавшие в этих мирных демонстрациях, были казнены, как например известный ученый Чан-кюи-Кап, бывший мандарин, ведавший образованием в провинции Тхань-хоа. Фан-тю-Чинь, находившийся некоторое время под арестом, был освобожден в результате голосования французской палаты депутатов по интерпелляции Прессансэ.

В Кохинхине, где социальные изменения были наиболее глубокими, новый характер движения проявился особенно отчетливо начиная с 1905 года. Основывались многочисленные тайные общества, которые наряду с политической деятельностью преследовали цель обогащения своих членов. Двойственный характер этих обществ совершенно ускользал от французских полицейских того времени, которые считали их торговую деятельность только лишь «ширмой» [1]. Эти тайные торгово-политические общества располагали значительными капиталами, так как крупные торговцы предоставляли им суммы, доходившие до нескольких тысяч пиастров. Во время процесса в 1911 году против одного из этих обществ генеральный прокурор признал, что бухгалтерия этого

---

[1] Сравните полицейскую документацию, используемую Ж. Куле в его исследовании о тайных вьетнамских обществах той эпохи.

общества велась образцово. Одна из формул ритуала этих обществ гласила, например:

> Золото и серебро — это драгоценные блага, которыми владеет Небо и Земля. Они составляют *жизненную силу нации*, которая рассматривает их как очень драгоценные блага.

Это был настоящий «конспиративный капитализм», если можно позволить себе употребить в одном выражении эти два редко соединяемые друг с другом слова, который стремился найти для себя выход. Религиозные пережитки также играли не менее важную роль в деятельности таких тайных обществ, как например общество «Небо и Земля», деятельность которого проходила особенно активно в период 1900—1910 годов, они облегчали распространение влияния этих обществ в сельской среде. Клятвы кровью, ритуалы, распространение амулетов, тайные пагоды — все эти элементы прошлого странно уживались с очень расчетливой коммерческой деятельностью этих обществ: важнейший акт взноса капиталов сопровождался сложным церемониалом.

Деятельность такого человека, как Чан-тянь-Тиеу (Жильбер Тиеу), является типичным примером этого взаимопереплетения политических целей и торговых стремлений сайгонской буржуазии. Тиеу основал тайное общество, примыкавшее к движению Фан-бой-Тяу, но в то же время он основал и чисто торговую группу «Минь-чан конг-нге», которая контролировала мыловаренный завод в Тё-лоне, отель в Ми-тхо и еще один отель в Сайгоне. Среди лиц, окружавших Тиеу, имел хождение характерный памфлет «Проект торгового и национального общества» (*«Куок-зан хиеп-тхыонг са тьыонг-чинь»*), привезенный из Токио; этот памфлет предусматривал сбор капиталов по всему Вьетнаму, которые должны были предназначаться «на реформу культуры и развитие национального сознания», но которые в то же время давали бы вкладчикам выгодные прибыли: *«таким образом, вам не надо будет держать под спудом ваши сокровища в мирное время, а мы используем их для того, чтобы облегчить наши действия»* [1].

Таковы заключительные строки этого любопытного текста, который является одновременно отзвуком капитализма, стесненного в своем развитии, и национального движения, страстно желавшего восстановления независимости страны.

Но Тиеу был арестован в 1908 году, и его организации распались.

* * *

В годы, предшествовавшие первой мировой войне, эта новая ориентация национального движения продолжала усиливаться. Вооруженное сопротивление старого типа затухало. Когда в

---

[1] Цит. по G. Coulet, Les Sociétés secrètes en terre d'Annam Saigon, 1926.

1908 году был раскрыт заговор (заговорщики замышляли отравить ханойский гарнизон), в котором участвовали отряды Де-Тхама, французские войска предприняли против Де-Тхама последнюю кампанию, которая завершилась только в 1913 году, после того, как старый вождь был предан.

На смену пришла лига, возглавлявшаяся Фан-бой-Тяу, которая стала называться *Вьет-нам куанг-фук хой* (Лига возрождения Вьетнама). Она была ближе к республиканским идеям, так как находилась под влиянием идей Сун Ят-сена. Эта лига хотела сделать из Кыонг-Де нечто вроде принца-президента Вьетнама, когда он вновь станет независимым. Устав Лиги предусматривал очень строгую дисциплину и допускал в свои ряды только лиц, «знавших китайские иероглифы или французский язык» и имевших возможность сделать взнос от 50 до 5 тысяч пиастров. Народный монархизм старого Де-Тхама был заменен, таким образом, «прогрессистской» политической программой, причем осуществление этой программы возлагалось на ограниченное число привилегированных лиц, обладавших знаниями или богатством. Члены Лиги придерживались тактики террора, который свидетельствовал об их собственной изоляции: в декабре 1912 года было совершено покушение в Нам-дине; в апреле 1913 года были убиты профранцузски настроенный мандарин в провинции Тхайбинь и два французских офицера в Ханое; в Тё-лоне были брошены бомбы, причем в этой операции принимал участие крестьянский вождь Фан-сить-Лонг, который выдавал себя за Хам-Нги.

Несмотря на недостатки, вызванные новой социальной базой, вьетнамское национальное движение в течение этих предвоенных лет оставалось достаточно сильным, чтобы заставить колониальную администрацию «кое-что сделать».

Преемники Думера — Бо, Клобуковский и особенно Сарро — пытались перестроить режим или по крайней мере создать впечатление, что они хотят это сделать. Чтобы прекратить отъезд студентов в Японию, Бо создал Индокитайский университет. Но по неизбежной логике вещей эти реформы, вырванные силой национального движения, в свою очередь открыли новые возможности: студенты нового университета проявили себя активными пропагандистами, и Клобуковский вынужден был вскоре его закрыть. Бо организовал даже выборы (однако на основе крайне ограниченного избирательного права) членов консультативных органов, которые он ввел в Тонкине (провинциальные советы, палата Тонкина). Но как бы ни были ограничены их полномочия, эти новые избранники во время движения 1908 года против налогов не упустили случая присоединить к нему свой скромный протест. Клобуковский вынужден был также ликвидировать эти опасные очаги оппозиции, которые были восстановлены затем Сарро, однако выборность этих органов была сведена до минимума.

Такими же тщетными были попытки Клобуковского сократить прибыли французских концессионеров от монополии на алкоголь, попытки, которые представители крупного колониального капитала скоро свели на нет.

Преемники Думера, отваживаясь на эти частичные реформы, не думали, впрочем, ставить под вопрос самые основы, на которых Думер создавал колониальный Индокитай. И они не смогли бы этого сделать. Разделение страны на три части, являвшееся краеугольным камнем системы, сохранялось. В то время как Кохинхина, выборные органы которой являлись жалкой карикатурой на представительные институты, избирала Колониальный совет и посылала одного депутата в Париж (но в число выборщиков входили лишь французы, натурализованные и уроженцы острова Реюньон и французской колонии в Индии), Аннам сохранил свою администрацию мандаринов, полностью контролировавшуюся французскими резидентами, а Тонкин был фактически превращен в колонию. Императорская власть являлась сплошной фикцией: Тхань-Тхаи в 1907 году был низложен генерал-губернатором Бо, и на его место был посажен без соблюдения каких-либо формальностей его малолетний сын Зюй-Тан.

Нотабли общин и мандарины провинций, являвшиеся ценными помощниками французской администрации, продолжали выполнять эту роль и выполняли ее вплоть до 1945 года. Именно нотаблям общин было доверено взимание налогов. Что касается, например, подушного налога, то сохранялась старинная система «внесенных в списки». Но этот традиционный институт потерял весь свой смысл, так как администрация произвольно указывала нотаблям число общинников, которые должны были заноситься в списки для каждой деревни, то есть указывала сумму налогов, которую данная деревня была обязана выплатить.

> Нам кажется логичным, — заявляет по этому поводу чиновник колониальной администрации Морель, — на основе всего вышеперечисленного прийти к заключению, что наша система подушного налога нелепа. Однако надо иметь в виду один непреклонный факт: этот налог приносит ежегодно 1800 тысяч пиастров в местный бюджет Тонкина. *Надо ли ради принципов отказываться от такой хорошей прибыли?* Так вопрос даже не стоит.

Получив, таким образом, свободу распределять налог в деревне, нотабли действовали так, чтобы переложить всю тяжесть на менее обеспеченные слои. Эта система, заявлял позднее бывший мандарин Нгюен-хыу-Кханг, являлась «синонимом произвола и несправедливости». В то же время была укреплена внутренняя организация общины: в Аннаме с 1904 года, в Тонкине несколько позднее. Нотабли были подведены под категорию чиновников: они получили право на подъемные при перемещениях, были распределены по разрядам, согласно строгой иерархии, и обязаны были

согласовывать местный бюджет с администрацией. Но зато жизнь общины более чем когда-либо была поставлена под их контроль, то есть под контроль землевладельцев. «Этот институт в таком виде, в каком он существует, фактически обеспечивает доминирующую роль богатых владельцев рисовых полей в управлении общинными делами», — признавал мандарин Кханг на основе своего собственного опыта.

Следовательно, нотабли имели полную свободу действий за бамбуковой изгородью (*люй-че*) в обмен на помощь, которую они оказывали администрации; ничто не препятствовало процессу укрепления существовавшего в то время феодального режима [1].

Отданные во власть нотаблей крестьяне страдали также от вымогательств со стороны мандаринов, сохраненных системой «протектората» в Аннаме и Тонкине. Во всех источниках единодушно подчеркивается жестокость нотаблей, их коррупция. «Многие из наших аннамитских чиновников алчны до взяток, и некоторые продают правосудие тому, кто больше даст», — признавал в 1906 году полковник Дигэ. Бюрократия мандаринов стала даже более громоздкой, чем при старой монархии.

> Почему мы, — пишет Фан-тю-Чинь в октябре 1907 года в «Ревю эндошинуаз», — позаимствовали у этого законодательства (старого вьетнамского законодательства) только самые бессмысленные из его положений? Сохранили только те, которые позволяют угнетать беспомощный народ, и в то же время смягчили строгость законов в отношении мандаринов, которые отныне, находясь в полной безопасности, позволяют себе всякие злоупотребления.

Таким образом, уже было невозможно, как это делалось до 1884 года, посылать жалобы на мандаринов прямо в Хюэ. Французские резиденты отказывались принимать какие-либо документы от вьетнамцев, если они не были переданы по иерархической лестнице, то есть самими же мандаринами. Следовательно, вьетнамские крестьяне были лишены возможности доводить до сведения французской администрации злоупотребления вьетнамских мандаринов.

Итак, колонизация сохранила и даже усилила экономическое и политическое бремя, которое старый вьетнамский режим возложил на крестьянство. Она сохранила бамбуковую изгородь, сохранила власть мандаринов. Она добавила к этому, а не дала взамен, как это иногда думают, тяготы колониальной системы, бремя колониальных прямых и косвенных налогов, вербовку рабочей силы и авторитарные методы управления.

Строго авторитарные методы управления являлись наиболее характерной чертой политической жизни Вьетнама в колониальный период. Житель Вьетнама, будь он французским «подданым» или «пользующимся французским покровительством», сталки-

---

[1] См. главу IX.

вался с этим авторитарным режимом на каждом шагу своей гражданской жизни.

В суде, нарпимер, в противоположность французскому праву магистратура и прокуратура были совмещены. Генеральный прокурор являлся одновременно главой Судебной службы Индокитая. Вьетнамец, будь то обвиняемый или истец, должен был в своей собственной стране представать перед иностранными судьями, с которыми мог общаться только через переводчика. Французский закон применялся в уголовных делах или когда одна из сторон была представлена французом. Суд присяжных состоял только из французов. 16 июня 1927 года некто Хейнц, надсмотрщик компании «Шарбоннаж дю Тонкин», был приговорен по заключению такого суда присяжных условно к месяцу тюремного заключения за убийство одного кули, которому он выломал два ребра и разбил голову ударом ботинка, подбитого гвоздями [1].

С 1896 года комиссия по уголовным делам, возглавлявшаяся французским резидентом провинции и представлявшая собой настоящий чрезвычайный суд, давала возможность колониальной администрации действовать еще более эффективно в случае необходимости.

Вьетнамец должен был при переезде из одной провинции в другую иметь при себе паспорт. Он мог подвергаться обыскам, его жилище не пользовалось правом неприкосновенности. Для организации собрания ему необходимо было получать разрешение (за исключением Кохинхины, где в принципе применялся закон от 1881 года). В Кохинхине, этой «ассимилированной» колонии, пресса не могла выходить без предварительного разрешения властей (французский закон, действие которого было незаконно приостановлено, стал эффективно применяться там только в 1937 году). В Тонкине и Аннаме не существовало никакого статута. Резиденты могли по собственному усмотрению запрещать или изымать из обращения газеты. Только в 1926 году в Индокитае стала применяться (в принципе) статья уголовного кодекса, запрещавшая вскрытие корреспонденции.

Режим «эндигената», особенно начиная с 1904 года, позволял генерал-губернатору по собственному произволу высылать любое лицо (на Пуло-кондор, в Шон-ла и другие места) и налагать секвестр на его имущество.

Колониальный режим, который в своей основе просуществовал до 1940 года и даже до 1945 года, являлся, следовательно, режимом насилия, режимом, который стремился внушить страх, потому что сам он был движим страхом. Вот почему забота о собственной обороне поглощала его основные ресурсы: в 1909 году в Тонкине расходы на поддержание «порядка» (содержание казначей-

---

[1] Приводится у Ф. Шалайе в письме от 19 июля 1930 года в «Comité national d'études».

ства, туземной гвардии, администрации, полиции, жандармерии, расходы на составление кадастров и содержание военных территорий) были в четыре раза больше, чем расходы, предназначенные на образование, медицинскую помощь, сельское хозяйство, общественные работы и борьбу с эпизоотиями.

* * *

События мировой войны 1914—1918 годов имели во Вьетнаме слабый отзвук. Национальное движение, переживавшее период «затишья», находилось в переходном состоянии. Разложение старого общества уже зашло далеко, но социальные изменения, явившиеся результатом быстрого развития экспортной продукции (риса, каучука, минерального сырья), еще не ощущались в такой степени, как начиная с 1925 года. Поэтому временное ослабление политического и экономического давления Запада не было использовано национальной буржуазией и рабочим классом Вьетнама в такой мере, как в Индии или в Китае. Индокитай, по выражению жителей колонии, «удержался» в годы мировой войны. Три симптоматичных, но изолированных эпизода показывают, однако, что затишье было только временным.

В январе — феврале 1916 года политические заключенные, содержавшиеся в тюрьме провинции Биен-хоа в Кохинхине, подняли восстание, обезоружили своих охранников и начали борьбу, опираясь на поддержку крестьянских отрядов. Триста из них высадились в Сайгоне и тщетно пытались атаковать центральную тюрьму. Одновременно пламя восстания вспыхнуло в тринадцати из двадцати провинций Южного Вьетнама. Репрессии против этого движения были очень жестокими.

В мае того же года в Хюэ был организован антифранцузский заговор, силы которого группировались вокруг короля Зюй-Тана. Молодой король бежал из дворца, как тридцать один год назад бежал его предшественник Хам-Нги. Но за ним никто не последовал: мандарины к этому времени были уже тесно связаны с «протекторатом» и, кроме того, монархия была дискредитирована в глазах крестьян. Его подвиг не был поддержан. Сосланный на остров Реюньон, он встретился там со своим отцом Тхань-Тхаем. Администрация возвела на престол вместо него его двоюродного брата Кхай-Диня, то есть она вторично обратилась к младшей ветви потомков Тхиеу-Чи, к этой «гнилой ветви» родословного дерева Нгюенов, из которой происходил вступивший на престол в 1885 году Донг-Кхань, отец Кхай-Диня, чтобы заменить патриота Хам-Нги. Принадлежащий к этой ветви Бао-Дай в 1948 году вновь поддержит традиции послушания, начало которому положили его отец и дед.

В августе 1917 года, год спустя после подвига Зюй-Тана, который кажется анахроническим пережитком прошлого, в провинции Тхай-нгюен вспыхнуло движение, которое, напротив,

ознаменовало возникновение новых форм борьбы. Солдаты туземной гвардии под руководством сержанта *(дои)* Кама атаковали каторжную тюрьму и освободили заключенных. Они напали на здание, занимаемое французским резидентом Дарлем, которого вьетнамцы ненавидели за его жестокость, и разграбили склад с оружием. Эта первая «партизанская база», которая, как и многие другие, неоднократно являлась и впоследствии вплоть до 1945 года и позже центром освободительного движения, оказывала сопротивление до января 1918 года благодаря поддержке крестьян, измученных режимом Дарля. Понадобились значительные военные операции, чтобы подавить это движение. Дарль, несмотря на активную кампанию, проводимую Лигой прав человека, подвергся только штрафу в 200 пиастров за жестокости, допущенные при исполнении своих обязанностей. Генерал-губернатор Сарро счел достаточным наказать его тем, что перевел на выгодную должность в Кохинхину.

Несмотря на эти изолированные движения, колониальные власти чувствовали себя достаточно сильными, чтобы широко использовать людские и финансовые резервы Вьетнама для поддержки французских военных мероприятий. 50 тысяч стрелков и 50 тысяч рабочих, завербованных главным образом среди бедных крестьян Тонкина и Северного Аннама при помощи весьма сомнительных добровольных методов, были отправлены во Францию.

Подписка на военные займы, размещение бон национальной обороны часто проводились в строго официальном порядке резидентами и чиновниками администрации. С 1915 по 1920 год эти займы составили 367 миллионов франков; к этой сумме следует прибавить еще несколько сот миллионов бон обороны.

Вместо того чтобы, таким образом, прибегнуть к определенным усилиям, колониальной администрации казалось достаточным, так же как это делала в тот же период и с этой же целью Англия в Индии, усыпить вьетнамское общественное мнение обещаниями. Эта щекотливая миссия была доверена обладавшему пылким красноречием генерал-губернатору Сарро, который в 1917 году вторично был послан во Вьетнам.

> Наша туземная политика,— заявил он однажды в своем ораторском вдохновении, — это декларация прав человека в интерпертации святого Вэнсана Поля *(sic!)*.
>
> Являясь рынком для Франции, Вьетнам сам будет иметь рынок в ее лице, — обещал он Вьетнаму в своей речи в Ханое в 1917 году. Налицо плодотворный обмен экономическими силами, а также взаимное идеологическое и политическое влияние; от Франции эта страна будет получать благодеяния цивилизации, которая ее будет преображать и без которой она влачила бы рабскую и жалкую жизнь; взамен она предоставила Франции великолепный пьедестал для очага света, который Франция бросает на

эту часть земного шара, и Франция все больше и больше будет питаться Вьетнамом, и к нему будет тяготеть французское влияние в Азии, будет ли оно проявляться в умах или находить свое выражение в рынках...

27 апреля 1919 года, за месяц до своего окончательного отъезда во Францию, он повторил в более ясных выражениях свои обещания политического освобождения:

Что необходимо сделать — так это предоставить тем, кого я называю туземными гражданами, заметное расширение их политических прав в туземном городе. Я хочу сформулировать это более ясно: необходимо расширить уже существующее туземное представительство в местных ассамблеях, создать туземное представительство в тех ассамблеях, где оно еще не существует, и расширить число туземных избирателей, которые будут избирать этих представителей...

* * *

Атмосфера благополучия, которая царила после первой мировой войны во всех правительственных и финансовых кругах Франции, особенно проявилась в колониальных кругах Индокитая: капиталы метрополии, привлекаемые выгодным курсом пиастра, хлынули стремительным потоком, акции каучуковых плантаций и горнорудных предприятий держались на бирже «более чем почетно». И министру колоний Сарро выполнение обещаний генерал-губернатора Сарро казалось уже менее важным, чем решение новых проблем, поставленных этим быстрым капиталистическим развитием Индокитая.

Проблема образования, например, получила теперь гораздо более определенный смысл. Необходимо было обеспечить колониальным компаниям, так же как и самой администрации, деятельность которой становилась все более сложной, минимальное число низших служащих и квалифицированных рабочих.

Просвещение, — заявляет А. Сарро в министерском циркуляре от 10 октября 1920 года, — необходимо прежде всего для значительного увеличения ценности колониальной продукции... оно должно, кроме того, из массы трудящихся выделить и подготовить небольшое число тех, кто будет сотрудничать с нами, — надсмотрщиков и служащих управлений... Просвещение, более систематически распространяемое, должно, с другой стороны, подготовить кадры туземных чиновников, менее обременительных для нашего колониального бюджета... оно должно также подготовить их к роли «туземных вождей», которых договора о протекторате и элементарная политическая предусмотрительность обязывают нас поддерживать как посредников между нами и местным населением.

...Однако имеется один принцип, годный для всех широт, который должен составить общую и главную основу нашего школьного дела, а именно обучение туземцев должно прежде всего носить практический и реалистический характер... *следует предусмотреть прежде всего экономическую пользу просвещения масс,* и именно в этих основных целях мы должны в первую очередь добиваться широкого развития начального, технического и профессионального обучения [1].

Предписания, изданные министерством в Париже и дополненные несколькими годами позже генерал-губернатором Мерлэном, оставались до 1945 года основой «французской школьной системы» в Индокитае. За элементарным обучением на *куок-нгы* продолжительностью три года следовало трехгодичное начальное обучение наполовину на *куок-нгы,* наполовину на французском языке. После этого учащийся, достигший 14 лет, получал свидетельство об окончании учебного заведения, причем выпускные экзамены проводились только на французском языке. Обучение в «местных» учебных заведениях второй ступени (очень небольшое число вьетнамцев допускалось во французские лицеи) завершалось получением степени «местного» бакалавра. Индокитайский университет, просуществовавший некоторое время при Бо и вновь восстановленный Сарро, ставил своей целью, согласно выражению капитана Монэ, только подготовку категории «мелких низших служащих» для работы в следующих отраслях: в медицине, ветеринарии, фармацевтике, педагогике, прикладном искусстве, сельском хозяйстве и общественных работах.

Создание этих учебных заведений, конечно, дало ощутимые результаты: число учащихся увеличилось с 46 тысяч в 1913 году до 62 тысяч мальчиков и 10 тысяч девочек в 1924 году. Однако эта весьма небольшая численность учащихся (в 1924 году насчитывалась 600 тысяч детей школьного возраста) составляла далеко не единственный и даже, возможно, не основной недостаток этой школьной системы. Достаточно известный, но, несомненно, упрощенный лозунг «три тюрьмы на одну школу» не отражал того факта, что это обучение вне зависимости от числа учащихся, охваченных им, во всех отношениях было совершенно отрезано от национальных традиций Вьетнама, также как и от нужд вьетнамской экономики. За исключением трех лет элементарной школы, иностранный язык, французский, являлся «проводником» просвещения. И это должно было наложить свой отпечаток на уровень образования.

Несколько сот аннамитов говорят по-французски, — заявлял в 1907 году бывший вице-губернатор Кохинхины Родье в парламентской комиссии по расследованию. — Несколько тысяч говорят на ломаном французском языке —

---

[1] Цит. по A l b e r t i, Indochine d'hier et d'aujord'hui.

это лакеи, повара, кули, рикши и т. д. Что касается остального населения, то оно не знает ни аннамитского, ни французского языка. Это необходимо понять: аннамиты продолжают говорить на своем языке, но они не умеют ни читать, ни писать на нем. Вот почему я сказал, что мы имеем дело с неграмотными... [1]

Робкое введение генерал-губернатором Сарро *куок-нгы* в начальных школах было далеко не достаточно, чтобы исправить это зло. Что касается программ, скопированных с программ метрополии, то они не в меньшей мере способствовали тому, чтобы изолировать учащегося от его родной страны, сделать из вьетнамца иностранца на земле Вьетнама.

На уроках в Сайгоне и в Ханое, — рассказывает преподаватель социалист Альбер Тома, — я слушал ответы учащихся педагогической школы, с трудом разбиравшихся в особенностях надгробной надписи на могиле Генриетты Английской: «поэтическое воображение», «великодушие сердца», «сила рассудка». Я слушал ответы девушек на уроке географии, пытавшихся усвоить пресловутое понятие естественных границ, причинившее столько зла нашей истории. Я слушал учащихся, читавших наизусть отрывки на французском языке XVII века, и я иногда спрашивал себя, понимали ли они сцену господина Журдэна, мадам Журдэн и Доранта [2].

В своей общей структуре эта школьная система не отвечала подлинным потребностям национального развития Вьетнама. Единственное серьезное усилие, да и то очень ограниченное, было сделано в области элементарного и начального образования. Это — «доктрина горизонтализма», авторство которой, приписываемое губернатору Мерлэну, скорее принадлежало министерским кругам Парижа, и в частности министру Сарро, сформулировавшему ее в циркуляре 1920 года. Авторы этой доктрины хотели свести до минимума число тех вьетнамцев, которые могли занимать ответственные посты в администрации или в различных секторах экономики, то есть они хотели образования «вширь». Еще в 1931 году в Кохинхине (шесть миллионов жителей) существовало только пять франко-туземных учебных заведений второй ступени, где обучалось 2167 человек.

Но эта система обучения, ничем не связанная с жизнью Вьетнама, не была также связана и с системой обучения во Франции.

Начальное образование кончалось слишком поздно, что лишало учащихся возможности поступления во французские лицеи и вынуждало их готовиться на степень франко-туземного бакалавра, ложное звание которого не открывало даже лучшим из них доступа во французские университеты. Лишь очень незначи-

---

[1] «La Quinzaine colonial», 10 mai 1907.

[2] Выступление в «Comité national d'études», 4 марта 1929 года.

тельному числу вьетнамцев удавалось завершить свое высшее образование в метрополии. А по возвращении на родину инженер, окончивший Политехническую школу (там обучалось несколько вьетнамцев), получал месячное жалованье намного ниже, как часто это приводят в пример, жалованья французского привратника Ханойского университета. Мальтузианская политика в области образования делала еще более глубоким недовольство «образованных», тех немногих студентов, которым удавалось преодолеть все препятствия и которых невозможность добиться достойного положения приводила к новым разочарованиям.

Массовый наплыв европейских чиновников сразу же после мировой войны явился оборотной стороной стремительного притока капиталов. Повышение курса пиастра служило для них тем более привлекательной приманкой, что государство пренебрегало интересами своих служителей в метрополии. Французская администрация все более и более становилась источником «доходных мест», колонизация «табачных лавок» процветала, поддерживаемая франк-масонами и сторонниками радикалов. Количество европейских чиновников за период с 1919 по 1925 год удвоилось, одновременно значительно возросло жалованье каждому из них. Губернатор Лонг, тесно связанный с политическими кругами Парижа, проявил особую щедрость. Он установил новые, высшие разряды, повысил жалованье, учредил новые должности, создал сложную систему вознаграждений и дополнительных пособий.

Этот массовый наплыв лучше оплачиваемых чиновников, которым их большое жалованье позволяло привозить свои семьи, усилил разрыв между администрацией и населением. Эти чиновники все больше и больше пренебрегали изучением вьетнамского языка, важность которого понимали их предшественники 60-х и даже 90-х годов XIX века. Они являлись в то же время все более и более тяжелым бременем для колониального бюджета, то есть для массы своих подчиненных. Они составляли влиятельный круг лиц, дороживших преимуществами своего положения и вознаграждениями [1], враждебно относившихся к «конкуренции» дипломированных вьетнамцев, которые добивались допуска к ответственным должностям.

С наплывом европейцев более остро встал санитарный вопрос. Необходимо было предохранить от эпидемий колонистов, и особенно женщин и детей. Губернаторы Лонг (1919—1923) и Мерлэн (1923—1925) — первые преемники Сарро — увеличили число врачей, диспансеров, больниц, от которых колониальные компании, ставшие еще более многочисленными, требовали в то же время поддерживать в хорошем состоянии здоровье их вьет-

[1] «Жалованье является вознаграждением европейского служащего за его нахождение в колонии, — заявлял депутат Виолетт в докладе о бюджете Индокитая, — а за свою работу он получает сверх того прибавку за должность».

намского персонала. Несомненно, что эта медицинская деятельность в своей основе являлась гуманной. Личная самоотверженность врачей, которые часто занимали более низкое положение, чем другие чиновники, не может быть подвергнута сомнению. Такой человек, как доктор Иерсен, один из тех немногих французов, именами которых продолжают называть улицы Ханоя и после Августовской революции 1945 года, с полным правом пользуется популярностью во Вьетнаме. Но нет сомнения в том, что в принципе эта деятельность в области здравоохранения сначала не вытекала из желания улучшить судьбу населения, даже если последнее извлекло в дальнейшем пользу из таких мероприятий, как массовая прививка оспы и применение пастеровских методов. С медицинской точки зрения во Вьетнаме в колониальную эпоху существовала проблема гораздо более серьезная, чем борьба против эпидемий. Это — медленное истощение всего народа в целом, как отмечали многие наблюдатели.

> Из основных причин смертности физиологическое истощение как последствие недоедания, несомненно, является не менее гибельным. Еще очень много детей умирает в раннем возрасте не только из-за отсутствия гигиенических условий, но также потому, что часто они получают от истощенной матери недостаточно молока... Очень часто они маленького роста и тщедушны. Результат более обильного и правильного питания отражается в здоровом виде тех туземцев (лакеев и других), которые кормятся у европейцев (Робекэн).

Прекратить политику, поощрявшую вывоз риса, из-за которой годовой рацион упал менее чем за 40 лет с 262 до 182 килограммов в год, устранить рахитизм и хронический авитаминоз — такова была самая настоятельная задача даже с чисто медицинской точки зрения. А так как нельзя было ставить вопрос об изменении экономической основы колониального режима, то вся медицинская «деятельность» становилась напрасной.

Финансовый «бум» послевоенных лет был выгоден также представителям вьетнамской буржуазии, и в особенности владельцам рисовых полей Кохинхины, благосостояние которых было тесно связано с колониальным капиталом. Но по мере того как их экономическое положение улучшалось, они начинали все яснее осознавать то состояние политического бесправия, в котором их держал колониальный режим. В этих кругах большой популярностью пользовалась газета «Л'Эко аннамит», которая с 1919 года выдвинула программу «патриотического меркантилизма», призывая население покупать предпочтительно вьетнамские продукты. Именно представители этих кругов, такие люди, как Буй-куанг-Тиеу и Нгюен-фан-Лонг, чиновники колониальной администрации, разбогатевшие на сбыте риса, основали в 1923 году Конституционалистскую партию. Умеренные требования этой партии сводились лишь к тому, чтобы добиться больше мест для

вьетнамской буржуазии в Колониальном совете и обеспечить лучшие возможности для торговой экспансии. Эта партия не искала и не хотела искать поддержки народа, то есть крестьян, труд которых являлся для ее членов источником обогащения.

Оказываемый таким образом нажим и особенно урок событий, потрясавших Индию и Китай, толкали колониальную администрацию на путь реформ, но очень скромных реформ. В Аннаме была создана консультативная палата по образцу палаты в Тонкине, основанной перед войной. Трудовая повинность в принципе была полностью отменена и заменена денежным взносом. Постановление 1924 года устанавливало неприкосновенность жилища, а с 1919 года суд был изъят из-под власти генерального прокурора. Губернаторы Лонг и Мерлэн пытались открыть вьетнамцам допуск к административным должностям, но они резервировали за последними, чтобы не оскорбить чувства французских чиновников, второстепенные должности низшего разряда: это было компромиссным решением, которое вселило тревогу в одних, не удовлетворяя других.

Но опять-таки это были только частичные изменения. Колониальный режим сохранял свои основные черты: тяжелые налоги, которые нужны были для того, чтобы поддерживать приток капиталов, удовлетворить требования чиновников, упорядочить вновь созданные учреждения [1]; раздробление единства вьетнамского государства; полный контроль со стороны администрации, подозрительность которой усугублялась тем, что необходимо было следить за «вернувшимися из Франции» (рабочими, солдатами, студентами), «дурного влияния» которых можно было опасаться.

* * *

Если во Вьетнаме непосредственное влияние мировой войны ощущалось слабо, то на Дальнем Востоке это влияние было более глубоким.

Значение Октябрьской революции 1917 года вышло далеко за пределы бывшей Российской империи; она открыла колониальным народам новые перспективы, и в то же время она закрыла двери в будущее для колониальных держав, которые были отброшены на оборонительные позиции. Выступления национальной буржуазии и рабочих потрясли Индию, Египет, Индонезию и особенно Китай, который был приведен в движение действиями пекинских студентов в 1919 году, гонконгских моряков в 1922 году, шанхайских рабочих в 1925 году. Вьетнамское национальное движение включилось теперь в политическое движение более широ-

---

[1] Местный бюджет Кохинхины возрос с 5 миллионов 500 тысяч пиастров в 1911 году до 10 миллионов 700 тысяч пиастров в 1922 году; общий бюджет увеличился с 43 миллионов пиастров в 1914 году до 88 миллионов пиастров в 1927 году.

кое и гораздо более мощное, чем в период событий 1905 года. «Затишье» первых лет после окончания войны было очень коротким.

Бомбы, которые в 1924 году вьетнамский эмигрант Фам-хонг-Тхаи бросил в Кантоне в генерал-губернатор Мерлэна, находившегося там проездом, явились сигналом к возобновлению движения. Проявили себя новые силы, которые накапливались в недрах вьетнамского общества. Прорвалось наружу недовольство кули и заводских рабочих, недовольство интеллигенции и буржуазии. Стали возникать новые политические организации, которые сменили прежние тайные националистические общества, существовавшие до 1914 года.

Одной из первых была создана организация, несколько раз менявшая свое название [1], в которую вошли чиновники и интеллигенция Аннама. Ее возглавлял ученый Ле-Хуан, вокруг которого группировались низшие служащие администрации, торговые служащие и преподаватели. Эта организация принимала участие в таких больших общественных кампаниях, как кампания, добившаяся в 1925 году освобождения старого лидера национально-освободительного движения Фан-бой-Тяу. Но основным препятствием, мешавшим ее развитию, являлось ее отрицательное отношение к подпольной коммунистической организации (*Тхань-ниен*), созданной в тот же период группой эмигрантов. Лидеры революционной организации Аннама замкнулись в рамках устаревшей программы, ставя, например, борьбу с неграмотностью и движение за прогресс путем развития науки на первый план; наиболее активных ее членов партия *Тхань-ниен* постепенно привлекала на сторону более «политической» программы.

В 1925 году в Кантоне была создана Революционная лига вьетнамской молодежи (*Вьет-нам тхань-ниен кать-мень донг-ти-хой*) [2], явившаяся зародышем будущей коммунистической партии Индокитая. Бывшие сторонники Фан-бой-Тяу объединились в этой лиге с активными коммунистами, такими, как Нгюен-ай-Куок [3], который участвовал в конгрессе в Туре [4], а затем установил в Европе связь с III Интернационалом и издавал в Париже антиколониальную газету «Пария». К 1929 году лига *Тхань-ниен* располагала уже достаточно крепкой организацией, насчитывавшей несколько тысяч членов. Ее программа предусматривала конфискацию владений, превышающих сто гек-

---

[1] Эта организация называлась поочередно «*Хынг-Нам*» («Восстановление Аннама»), *Вьет-нам кать-мень данг* (Аннамитская революционная партия), *Вьет-нам кать-меньдонг-ти-хой* (Революционная ассоциация Вьетнама).

[2] Сокращенно *Тхань-ниен*. — *Прим. ред.*

[3] Под этим именем был известен тогда Хо-ши-Мин. — *Прим. ред.*

[4] Имеется в виду съезд Социал-демократической партии Франции в Туре в 1920 году, на котором было принято решение о присоединении к III Коммунистическому Интернационалу и положено начало образованию Коммунистической партии Франции. — *Прим. ред.*

таров, ликвидацию долгов, установление подоходного налога, национализацию предприятий, принадлежавших колонизаторам, восьмичасовой рабочий день, право Лаоса, Камбоджи и этнических меньшинств Вьетнама на самоуправление. Это движение, имевшее сильную рабочую базу в Тонкине и довольно значительную рабочую базу в Кохинхине и Аннаме, повлекло за собой в более революционном и народном направлении националистические буржуазные группы, озабоченные тем, чтобы не дать себя опередить. Но в конце 1929 года партия *Тхань-ниен* пережила кризис; она раскололась на три соперничавшие группы: *Аннам конг-шан данг* (Вьетнамская коммунистическая партия), влияние которой распространялось главным образом на Центральный Вьетнам, *Донг-зыонг конг-шан лиен-доан* (Индокитайский коммунистический союз), который имел свои базы в Тонкине, и *Тан-вьет кать-мень данг* (Революционная партия нового Вьетнама), имевшая влияние в Южном Вьетнаме. Этот раскол отражал преобладание региональных тенденций даже внутри революционного движения.

Группам, созданным в этот период в кругах интеллигенции и мелкой буржуазии, этот локальный характер был присущ еще в большей степени. Так, вернувшийся из Франции Нгюен-ан-Нинь организовал «партию» мелкой интеллигенции Сайгона; на публичных собраниях он выдвигал нечто вроде довольно элементарной программы аграрного коммунизма.

Вьет-нам куок-зан данг (ВНКЗД), являвшаяся в основном тонкинской партией, имела гораздо большее значение; она испытывала сильное влияние китайского Гоминьдана, антикоммунистическая тенденция которого, ярко проявившаяся с 1926—1927 годов, не способствовала улучшению отношений ВНКЗД и *Тхань-ниен.* Эта партия пользовалась значительной поддержкой интеллигенции, чиновников, студентов и даже солдат. Субсидировали ее торговцы, как например богатый торговец Данг-динь-Диен. Партия стремилась к установлению независимой республики, но ее социальная программа была очень неопределенной. Ее твердое желание бороться против колониальной оккупации проявлялось преимущественно в террористических актах, совершаемых небольшой группой, что свидетельствовало о неспособности партии опереться на широкое народное движение. Но руководителям этой партии, таким, как ответственному за военные вопросы Су-Ню (Ки-Кону) — организатору террористических групп, нельзя отказать в решимости.

Наконец, каодаизм — специфически кохинхинское движение — являлся оригинальной формой политико-религиозного общества. Это движение, основанное подрядчиком общественных работ и колониальным советником Ле-ван-Чунгом, который заявил, что он получил откровение *Као-дай* («Большой глаз» — истолкователь Верховного существа), носило чисто религиозный характер. «Обновленные» буддийские элементы перемешивались

в нем с неясными теософическими элементами, объединявшими культ Магомета с культом Иисуса Христа и Виктора Гюго... Но в то же время каодаистская церковь, тесно сплоченная вокруг своего «Святого центра» в Тэй-нине, имела сильное политическое влияние среди буржуазии и крестьянства. Преследуемая французской охранкой, она довольно быстро стала ориентироваться на сотрудничество с Японией.

Эти течения, еще рассеянные, еще плохо координируемые, еще носившие на себе следы локальных тенденций, социальную основу которых мы выше проанализировали, однако, были уже способны руководить массовыми выступлениями, гораздо более активными, чем в предшествующий период.

Когда в 1925 году генерал-губернатор Варенн приказал арестовать в Шанхае Фан-бой-Тяу и привезти в Ханой для свершения суда над ним, то разного рода демонстрации, в которых участвовали, между прочим, и студенты, оказались достаточно мощными, чтобы заставить колониальную администрацию освободить его. Смерть Фан-тю-Чиня, другого ветерана национальной борьбы, послужила поводом к новым демонстрациям. При его погребении присутствовало 25 тысяч человек и было собрано 100 тысяч пиастров на покрытие расходов на похороны. При попытке полиции запретить похоронную процессию вспыхнули забастовки. 500 учащихся было исключено из школ Сайгона после того, как на стене одной из них была обнаружена распространенная в то время надпись-ребус: ablf — á bas les Francais! (Долой французов!). В 1926 году был арестован также активный деятель национального движения в Кохинхине Нгюен-ан-Нинь; в ответ на это почтовые служащие Сайгона, служащие Индокитайского банка, рабочие арсенала начали забастовку.

Профессиональные требования низкооплачиваемых наемных рабочих городов и плантаций действительно начали сливаться с чисто национальными стремлениями к независимости. Члены *Тхань-ниен* играли активную роль в забастовках 1928—1929 годов, которые являлись предвестниками движения 1930—1931 годов. В марте 1928 года забастовали 422 кули нефтехранилищ Хай-фонга. В октябре этого же года начали забастовку рикши Ханоя. Забастовали рабочие каучуковой плантации в Лок-нине (Кохинхина). Объявили забастовку 300 рабочих лесной компании в Бен-тхюй (Аннам). В 1929 году началась забастовка на заводах компании «Верри д'Экстрэм-Орьян», в июне этого же года — на хлопчатобумажной фабрике в Хай-фонге. Затем вспыхнули забастовка каменщиков и рабочих, занятых на производстве кирпича (в Тонкине), забастовка служащих магазинов Шарнэ в Сайгоне, забастовка «боев» Сайгон-паласа, забастовка железнодорожников Аннама и рабочих мастерских компании автомобильного транспорта в Туране. Все это было ярким проявлением новых сил. Времена «революции путем просвещения», тайных обществ с высокими взносами, заговорщиков, занятых более при-

быльным приложением своих капиталов, мелких групп эмигрантов, возлагавших все свои надежды на иностранную державу, прошли. Для вьетнамских рабочих и кули, нанимателями которых выступали колониальные компании, борьба за лучшие условия жизни и политическая борьба за независимость представляла единое целое; следовательно, они ipso facto находились во главе национального движения.

Эти годы возрождения национального движения в то же время являлись годами интеллектуального подъема. Администрация пыталась одно время затормозить это пробуждение в литературе, навязав ей свое руководство через публицистов, в которых она была уверена. На достижение этой цели были направлены усилия ученого Фам-Кюиня, действовавшего под благосклонным оком начальника охранки Марти и предлагавшего в своем журнале «Нам-Фонг» в 1920—1925 годах «культурный синтез» между Востоком и Западом. Эту же цель преследовала издательская деятельность Нгюен-ван-Виня, который переводил на вьетнамский язык монархистски настроенных французских классиков XVII века и разочарованных романтиков, но не философов XVIII века.

Но это движение было слишком сильно, чтобы можно было заставить его сойти с принятого им пути. Число периодических изданий нового направления росло, например в Сайгоне выходили женский литературный журнал «Фу-ны тан-ван» и газета «Ла клош феле» («Треснутый колокол»,) издававшаяся Нгюен-ан-Нинем. Такой писатель нового направления, как Фан-Кхой, выступал с полемикой против конфуцианства старого стиля Чан-чонг-Кима, будущего баодаевского премьер-министра в системе японской Великой Азии в 1945 году. «То-там», рассказ о приключениях молодого студента, знаменовал собой появление современного вьетнамского романа. Писатель Нгюен-тыонг-Там, который поддерживал тесную связь с ВНКЗД, опубликовал свои первые новеллы.

В условиях этого политического, социального и интеллектуального брожения стало ясно, что авторитарные методы Лонга и Мерлэна отжили свой век. В качестве меры «успокоения» блок левых партий послал в 1925 году генерал-губернатором депутата-социалиста Александра Варенна. Но последний был поставлен перед той же неразрешимой дилеммой, перед которой стояли и самые либеральные из его предшественников — Ланессан и Сарро. Ему необходимо было «освободиться от балласта», однако всякая уступка могла только дать вьетнамской оппозиции новую пищу, новое поле деятельности и, следовательно, задеть колониальные интересы. Ввиду этого Варенн, так же как и до него Сарро, предпочел метод выполнения своих обещаний «на словах». Местные советы Тонкина и Аннама получили демократическую вывеску «палаты представителей народа», но их чисто консультативная роль нисколько не была расширена. Чтобы положить

конец наиболее явным злоупотреблениям, в 1927 году была создана Всеобщая инспекция труда, но ее члены не имели никаких других полномочий, помимо составления докладов. Эти уступки Варенна, так же как и уступки Сарро, впрочем, были совершенно недостаточны, чтобы затормозить освободительное движение, но они тем не менее пугали французов, интересы которых были связаны с Вьетнамом. В 1928 году Варенн был заменен Паскье — колониальным чиновником по профессии.

В 1928—1929 годах имели место лишь небольшие волнения местного масштаба, но когда над Индокитаем в 1929—1931 годах пронесся ураган мирового экономического кризиса и возросла японская угроза, старое колониальное здание окончательно пошатнулось.

Глава XI

МИРОВОЙ ЭКОНОМИЧЕСКИЙ КРИЗИС И ВТОРАЯ МИРОВАЯ ВОЙНА. КРУШЕНИЕ КОЛОНИАЛЬНОГО РЕЖИМА ВО ВЬЕТНАМЕ (1930—1945)

По заявлению наиболее авторитетных защитников колониального режима, а также по мнению большинства французской общественности того времени колониальный режим, установленный во Вьетнаме, мог бы привести в дальнейшем к трем результатам: он мог бы принести колонизируемой стране экономическое процветание, обеспечить политическое присоединение «признательного» народа к метрополии, «обеспечить» внешнюю безопасность страны.

Менее чем за 15 лет эта тройная фикция рассеялась. Мировой экономический кризис 1929 года сразу же обнаружил все скрытые пороки колониальной экономики; ударив по народным массам, он в то же время дал новый толчок национальному движению. Для подавления этого усилившегося национального движения потребовались кровавые репрессии, вплоть до бомбежки с самолетов целых районов; противоречия определенно углубились. Японская экспансия, явившаяся следствием кризиса, нанесла последний удар колониальной мечте финансовых магнатов метрополии. Токио добился победы сравнительно легко, потому что его антикоммунизм обеспечил ему снисходительность колониальной администрации, которая сама находилась в разгаре борьбы с вьетнамским коммунистическим движением. Но эта «мюнхенская» политика только ускорила неизбежный крах колониального режима.

Мировой экономический кризис проявился во Вьетнаме в разных формах. Сначала он носил локальный характер; безудержная спекуляция рисом вызвала с конца 1928 года резкое падение цен. Но вскоре кризис приобрел всеобщий характер вследствие сокращения мирового рынка риса, угля и каучука. Наконец, страна была затронута кризисом, развернувшимся в самой Франции, поскольку капитал метрополии, встречая трудности в других местах, стремился найти во Вьетнаме более надежную сферу приложения.

Цены на рис резко упали: если в апреле 1930 года 100 килограммов сайгонского риса № 1 стоили 13,1 пиастра, то в марте

1931 года 100 килограммов этого же риса стоили 7,1 пиастра, в июле 1932 года — 5,62 пиастра, а в ноябре 1933 года — только 3,2 пиастра. Банки, предоставлявшие в период экономического подъема большие ссуды оптовым торговцам, даже не имевшим собственных капиталов, требовали их возвращения: многие спекулянты были разорены. Экспорт риса сократился больше чем на половину: с 1900 тысяч тонн в 1928 году до 960 тысяч тонн в 1931 году. В Кохинхине значительно сократились посевные площади [1].

Производство каучука было еще более неустойчивым. Все рынки сбыта каучука находились за пределами Вьетнама. Приток капитала в каучуковые плантации и расширение площадей под каучуконосами в предшествующие годы были настолько значительными, что в 1930 году из 126 тысяч гектаров площади, занятой каучуконосами, уже одна треть давала продукцию. Мировой кризис каучука начался в 1928 году, когда «план Стивенсона» об ограничении производства каучука потерпел провал, особенно в результате англо-американской конкуренции. В 1929 году цены на каучук снизились незначительно — с 22 до 20 франков за килограмм, но затем стали быстро падать: в 1930 году они составляли 5 франков за килограмм, а в 1931 году — всего 4 франка. Мировая депрессия еще более усилила панику.

Горнодобывающая промышленность также сократила свое производство. Если в 1929 году ее валовая продукция составляла 18 миллионов пиастров, то в 1934 году она составляла всего 10 миллионов, и к тому же в обесцененных пиастрах... Резко упала добыча угля [2]; добыча цинка сократилась еще больше; добыча хрома (великолепный рудник по добыче хрома в Ко-дине, оснащенный новейшим оборудованием для очистки руды, мог давать тысячу тонн руды в день) была прекращена.

Кризис затронул также очень серьезно всю внешнюю торговлю Вьетнама — основной двигатель экономики страны в колониальный период [3]:

Годы	Экспорт, миллионы пиастров	Импорт, миллионы пиастров
1929	228	227
1930	184	181
1931	112	129
1932	102	94

[1] В 1930—1931 годах посевные площади составляли 2198 тысяч гектаров, а в 1932—1933 годах — только 1850 тысяч гектаров.

[2] В 1929 году добыча угля составила 1972 тысячи тонн, а в 1933 году — 1592 тысячи тонн.

[3] Эти данные, как и бо́льшая часть тех, которые приводятся в этой главе, взяты из «Статистических ежегодников Индокитая» («Annuaires statistiques d'Indochine»).

Но кризис не ограничился только финансовой областью, особенно чувствительной для капиталистов колонии, он затронул также массы вьетнамского населения. Доходы крестьян, арендаторов и мелких производителей снизились в связи с падением цен на рис; безработица, о масштабах которой до сих пор нет никаких статистических данных, ударила по рабочим городов и кули плантаций. Заработная плата служащих, мелких чиновников снизилась, и сами они оказались под угрозой безработицы.

Уменьшение налоговых поступлений в результате обнищания населения, снижение торговых сборов и таможенных доходов нанесли серьезный удар по колониальному бюджету[1]. Дефицит в свою очередь, несмотря на сокращение расходов, продолжал расти[2], составив 18 миллионов пиастров в 1931 году и 21 миллион в 1932 году. Он увеличился за счет займов, поспешно заключенных с целью его ликвидации: проценты по займам составляли 3 миллиона 355 тысяч пиастров в 1931 году, 9 миллионов 415 тысяч пиастров в 1933 году.

Меры, принятые для устранения кризиса, типичны для развития вьетнамской экономики в колониальный период. Финансовым кругам была оказана существенная помощь, но за счет налогоплательщиков колонии и метрополии, которые несли, таким образом, расходы по этой спасательной операции.

Значительные кредиты были предоставлены имевшим задолженность рисопроизводителям в форме ссуд «под залог земли» или «под урожай». Но эти ссуды достались в основном крупным помещикам. В 1930 году из 12 миллионов пиастров, предоставленных по ссудам, только 100 тысяч пиастров было выдано мелким производителям. Ссуды выдавались на сумму не менее 5 тысяч пиастров и почти всегда под залог земли. Для *та-диена,* являвшегося арендатором у крупных «лендлордов», живших в Сайгоне, и наиболее тяжело ощущавшего на себе последствия кризиса, была недоступна эта манна небесная. Генерал-губернатор Паскье, этот «лукавый Фокион», выступил в 1931 году против крупных рисопроизводителей, которые являлись единственной важной социальной опорой администрации. В речи, произнесенной 25 ноября 1931 года на заседании «Большого совета экономических и финансовых интересов», он упрекал их за то, что они предоставляли своим *та-диенам* под большие проценты ссуды, которые сами выпрашивали у администрации. Он

---

[1] Таможенные доходы с 1930 по 1931 год упали с 29,5 миллиона до 22,5 миллиона пиастров; доходы от монополий (общие доходы) — с 28 миллионов до 21,8 миллиона пиастров.

[2] Центральный бюджет составлял в 1930 году 95 миллионов, а в 1931 году — 77 миллионов пиастров.

напомнил, что именно крупные «лендлорды», такие, как Чыонг-ван-Бен (владелец 18 тысяч гектаров земли), Чыонг-дай-Дань (владелец 8 тысяч гектаров), Буй-куанг-Тиеу (основатель Конституционалистской партии и владелец 1,5 тысячи гектаров земли), наиболее ревностно добивались моратория по всем своим долгам.

Помощь, предоставленная крупным рисопроизводителям Кохинхины, следовательно, только ухудшила положение *та-диенов*. Только в 1932 году, после крестьянских волнений 1930 года и создания *Советов* в *Нге-ане*, была сделана запоздалая попытка несколько облегчить положение и мелких производителей при помощи системы долгосрочного кредита под умеренные проценты (7,75 процента).

Правительство в целях оказания помощи владельцам крупных каучуковых плантаций пошло на не менее значительные жертвы за счет резервов центрального бюджета. За 5 лет им было предоставлено в виде авансов 9 миллионов пиастров; налоги с них были значительно снижены; колониальная администрация Кохинхины решила, кроме того, выдавать им в 1932 году поквартально премию от 2 до 3 франков за килограмм каучука. Все эти меры оказались для плантаторов недостаточными; на помощь была призвана метрополия. Закон от 31 марта 1931 года устанавливал пошлину на ввозимый во Францию иностранный каучук, перечислявшуюся в качестве премии каучуковым плантаторам Вьетнама. В результате этой операции пострадали потребители и налогоплательщики метрополии. Таким образом были собраны крупные суммы, которые администрация распределяла слишком щедро и неблагоразумно. Вначале ссуды выдавались просто по заявлению, и только через год начали проверять обоснованность просьб о кредите.

Кризис оказал также воздействие на укрепление связей между Вьетнамом и метрополией: капиталисты колонии и метрополии перед лицом опасности старались оказать друг другу взаимную поддержку. Займы, утвержденные в 1930 и 1932 годах в Париже, предоставляли в распоряжение колонии 1620 миллионов франков; они позволили субсидировать колониальные предприятия, оказавшиеся в трудном финансовом положении, и в то же время дали возможность финансировать крупные строительные работы, которые обеспечивали рынок для французской промышленности; например, предоставилась возможность закончить, наконец, строительство Трансиндокитайской железной дороги. В 1931 году пиастр был привязан к франку и переведен на золотую основу (1 пиастр приравнивался примерно к 10 франкам). Таким образом, была установлена упорядоченность торговли между Вьетнамом и метрополией. Система так называемых «имперских преференций» также способствовала развитию торговли: доля Франции в

импорте и особенно в экспорте Индокитая продолжала возрастать [1]. Французские промышленники опасались больше, чем когда бы то ни было, возможной индустриализации Индокитая. В 1933 году компания «Верри д'Экстрэм-Орьян» под давлением финансовых групп метрополии представители которых, как например Сэн-Гобен, входили в ее административный совет, прекратила производство оконного стекла, хотя заводы ее были удобно расположены для конкуренции с японской стекольной продукцией.

Следовательно, крупные компании переносили довольно легко последствия кризиса. Они даже улучшили свои позиции. Был ускорен процесс концентрации предприятий, например в производстве каучука в 1939 году 68 процентов обрабатываемой площади (занятой под каучуконосами) принадлежало 27 крупным компаниям, которые были связаны с Индокитайским банком или с «Сосьете финансьер де каутшу». Мелкие вьетнамские плантаторы, которые в 1925 году делали робкие попытки вкладывать национальный капитал в производство каучука, почти полностью исчезли. Начиная с 1933—1934 годов «восстановление производства» шло довольно быстро; снова возросли добыча угля, производство каучука и экспорт; частные инвестиции вновь стали направляться в Индокитай.

Но кризис тяжело обрушился на народные массы. Денежная реформа привела к росту цен. Предприятия сократили численность рабочих и заработную плату тех, кто был оставлен.

Дневная заработная плата (в пиастрах)

Категория рабочих	Год		
	1931	1934	1936
Шахтер в Донг-чиеу	0,70	0,40	0,38
Квалифицированный рабочий в Сайгоне	1,50	1,22	1,13
Женщина-чернорабочая в Хай-фонге	0,31	0,21	0,17 [1]

[1] По данным Томпсона (V. Thompson, Notes on labour problems in Indochina New-York, 1943).

Следовательно, тенденция общего снижения жизненного уровня, характерная для всего колониального периода, значительно усилилась. Экономист Поль Бернар приводит по этому

[1] Доля Франции во вьетнамском импорте увеличилась с 47 процентов в 1929 году до 54 процентов в 1937 году, в экспорте — с 22 до 46 процентов. Это означало, что не одна четверть, а половина продукции Индокитая шла теперь в метрополию. Экспорт угля во Францию возрос с 35 тысяч до 250 тысяч тонн, что являлось бессмыслицей в экономическом отношении. Вьетнам все больше и больше отрывался от дальневосточного мира.

поводу интересные факты. Он отмечает, что в Тонкине, например, общая стоимость импортных изделий, предназначенных непосредственно для потребителей, за период с 1898 по 1935 год выросла с 17 миллионов до 20 миллионов пиастров, то есть всего на 3 миллиона пиастров, тогда как население почти удвоилось, а цены возросли. Это свидетельствует о том, что общее количество товаров, приходившихся на каждого потребителя, за этот период значительно уменьшилось. Бернар также отмечает, что в 1935 году сумма денег, находившаяся в обращении, составляла 90 миллионов пиастров, тогда как в 1918 году в обращении находилось не менее 82 миллионов пиастров в бумажных денежных знаках (приравненных к монетам того же достоинства), и, кроме того, в обращении находилось большое количество пиастров в серебряной валюте, обесцененных денежной реформой 1930 года (около 50 миллионов монет было таким образом изъято из обращения в период между 1930 и 1934 годами). Следовательно, количество денег, находившихся в обращении, фактически уменьшилось в 1935 году почти на 35 процентов по сравнению с количеством денег, циркулировавших в годы процветания после первой мировой войны. А ведь это, как подчеркивает Бернар, «является наиболее надежным показателем экономической деятельности».

Следовательно, кризис наряду с тем, что он вскрыл непрочность экономического положения колониального режима, усилил такие его характерные черты, как финансовая и коммерческая зависимость от метрополии, торможение развития производительных сил и нищета.

* * *

Социальные последствия экономического кризиса еще больше усилили национальное движение. Рабочие, кули и бедное крестьянство направили его по пути, совершенно отличному от того пути, которым оно шло в годы затишья, то есть в годы, когда руководство движением принадлежало слабой вьетнамской буржуазии.

Несмотря на свою малочисленность, рабочие заводов, шахт рудников и плантаций действительно оказались в состоянии играть решающую роль. Их эксплуататорами являлись колониальные компании и колониальная администрация, и поэтому, когда рабочие поднялись против них, чтобы облегчить свое положение, они в то же время поднялись непосредственно против самого колониального режима. Независимость страны означала для них улучшение их ужасных жизненных условий. Увеличение числа этих нищих кули было для капиталистов колонии настоятельной экономической необходимостью, но этим самым колониальный режим рыл себе могилу.

Конечно, Вьетнам в 1930 году в основном оставался страной крестьян, нищета которых еще больше усилилась в годы кризиса.

Но рабочие и кули были способны привести в движение эту могучую силу, то есть сделать то, чего не могли и не хотели сделать буржуазные руководители движения за независимость периода 1905—1925 годов. Они были способны это сделать, так как в противоположность буржуазии у них не было интересов, противоречащих интересам крестьян, из рядов которых они к тому же недавно вышли. Вьетнамское рабочее движение восприняло, таким образом, традицию борьбы ученых 1890-х годов и таких вождей освободительного движения, как Де-Тхам, но они предлагали крестьянам демократические перспективы в будущем, а не только патриотические воспоминания о монархическом и конфуцианском прошлом.

Молодой вьетнамский рабочий класс усилил движение за независимость еще и другим способом: установив тесную связь с мировым рабочим движением, он вывел тем самым Вьетнам из состояния изоляции; он открыл ему более широкие международные перспективы, особенно укрепив свои связи с французским, а также с китайским народом.

Вьетнамское национальное движение, зародившееся из сопротивления монархически настроенных ученых, опиравшихся на крестьянство, и продолженное затем буржуазией, стремившейся к прогрессу, но крайне изолированной, вступило, наконец, в третью и последнюю фазу. Старые группировки, такие, как ВНКЗД, отошли в сторону после решительного, но безуспешного усилия, чтобы уступить место широкому, массовому движению рабочих, кули и крестьян, вдохновляемому Коммунистической партией Индокитая.

9 февраля 1929 года члены ВНКЗД убили агента Базэна, бывшего чиновника администрации гражданских служб, ставшего директором одной из фирм по вербовке кули на Новые Гебриды. Полиция ответила многочисленными арестами, но партия в течение лета мобилизовала свои силы, приняла новый устав, перегруппировала свои ряды и установила более конспиративные связи между своими тайными организациями, укрепила свой военный аппарат и создала запасы оружия. Она усилила свою пропаганду, в особенности среди аннамитских стрелков французской армии, набранных в основном в деревнях путем жеребьевки, но которых нотабли отбирали среди наиболее бедных крестьян.

Общее выступление было намечено на начало 1930 года. Главным очагом восстания был избран Йен-бай, на северо-западе дельты, в гарнизоне которого велась усиленная пропаганда и откуда можно было легко связаться через проход Лао-кай с членами партии в Китае, радушно принятых Гоминьданом. Движение, которое должно было с самого начала охватить весь Тонкин, было плохо координировано, и приказ отсрочить выступление не был своевременно получен руководителями восстания в Йен-бае. 10 февраля красное знамя было поднято над крепостью, захваченной сторонниками ВНКЗД, которым помогли восставшие

стрелки. Но этот успех не был поддержан; действия, развернувшиеся вслед за этим, были мало увязаны друг с другом. В Камтхао стрелки также подняли красное знамя над домом мандарина-префекта. В Хынг-хоа была атакована казарма; в Ханое было брошено несколько бомб; в провинции Хай-зыонг восстало несколько деревень. Власти сочли нужным прибегнуть к бомбардировке, в результате чего имелись многочисленные жертвы. Репрессии были действительно беспощадными и спешными; руководители партии Нгюен-тхай-Хок, Су-Ню, Ки-Кон, так же как и многие другие восставшие, были арестованы и казнены.

Очень ослабленная, но не упавшая духом партия пыталась восстановить свою деятельность с той же решимостью и с тем же рвением, но также с теми же недостатками, которые уже вскрыло йенбайское восстание. Оставшиеся в живых руководители ВНКЗД, почти все выходцы из мелкой буржуазии, не знали пути к широким слоям народа. Они предпочитали действовать мелкими, изолированными группами, в которые очень часто проникали полицейские агенты[1]. Они были скорее популярными, нежели действительно связанными с народом; они организовали, например, в 1930 году, после йенбайского восстания, демонстрацию в рабочем районе Бен-Тхюи, но не сумели привлечь к этой демонстрации рабочих соседних плантаций, которые спустя три дня объявили забастовку против снижения заработной платы, предпринятого по решению одной лесной компании колонии.

В августе 1930 года новое руководство ВНКЗД также было арестовано в полном составе и расстреляно и партия почти на пятнадцать лет исчезла с вьетнамской политической арены. Ей на смену пришла Коммунистическая партия Индокитая. В январе 1930 года в Гонконге была созвана объединительная конференция под председательством Нгюен-ай-Куока; три коммунистические группы объединились и образовали *Донг-зыонг конг-шан данг* (Коммунистическую партию Индокитая). Новая организация, которая распространяла свою деятельность на другие французские колониальные территории — Лаос и Камбоджу, быстро поглотила остатки Революционной лиги Аннама и кохинхинской партии Нгюен-ан-Ниня. Когда в апреле 1931 года партия была признана национальной секцией Коммунистического Интернационала, она уже имела в своем активе мощное крестьянское движение 1930 года.

Лето 1930 года было отмечено крупными крестьянскими выступлениями против налогов, ставших особенно тягостными в связи с плохими урожаями. Шесть тысяч человек направились к городу Винь; даже полиция и та сразу же отметила стремление

[1] Федеральная служба безопасности опубликовала в Ханое в 1935 году четыре объемистых издания «Вклад в историю политических движений Французского Индокитая». Содержащаяся в них информация, обычно очень точная, показывает, как в эти тайные национальные организации легко могли проникнуть полицейские.

руководителей Коммунистической партии Индокитая повести за собой народные массы, стремление, которое отличало ее деятельность от узкозаговорщической деятельности прошлых лет. В Северном Аннаме, в этих старых районах крестьянской борьбы, движение, развернувшееся летом 1930 года, быстро достигло невиданных масштабов. Вначале (в мае и июне) умеренное в своих целях и отмеченное мирными демонстрациями, оно приобрело в июле и августе наступательный характер. Местные власти подвергались нападениям, долговые книги и архивы сжигались, имущество общинных домов подвергалось разграблению. Нотабли и другие земельные собственники бросали свои земли. Был выдвинут лозунг раздела земель. Начиная с сентября движение стало носить не просто повстанческий, а настоящий революционный характер: под влиянием руководителей Коммунистической партии Индокитая восставшие стремились создать новую власть по примеру китайских советов, которые в тот момент одержали победу в Гуанси. В трех районах — Тхань-тионг, Нам-дан и Хыонг-шон (в провинции Нге-ан) — были созданы *Со-вьет Нге-ан* (Советы Нге-ана). Земля была разделена и были созданы народные суды; власть взяли в свои руки комитеты крестьян-бедняков, опиравшихся на отряды самозащиты. В течение нескольких месяцев они противостояли направленным против них силам — как сухопутным войскам, так и бомбардировочным эскадрильям верховного резидента Робэна. Одновременно с движением в провинции Нге-ан вспыхнуло крестьянское восстание в районе разведения сахарного тростника в провинции Куанг-нгай, южнее Хюэ, однако здесь дело не дошло до установления настоящей революционной власти.

Крупные колониальные плантации в Южном Аннаме и Кохинхине явились вторым очагом движения 1930—1931 годов. В начале февраля 1930 года 1300 кули каучуковой плантации Мишлена в Фу-жиенге (Кохинхина) подняли красное знамя. Их примеру вскоре последовали рабочие плантаций Дау-тиенг и Са-кат в знак протеста против увольнения некоторых из них. Эти инциденты повторились в 1931 и 1932 годах. Например, в Дау-тиенге в декабре 1932 года, когда администрация плантации Мишлена объявила кули о снижении заработной платы, а также о резком сокращении рациона риса, они вовсе отказались от риса и организованно направились к контролеру труда. Войска, призванные на помощь плантаторам, обстреляли рабочих по пути, оставив многих из них убитыми на дороге.[1]

Хотя кохинхинские крестьяне работали в крупных хозяйствах, а не на крошечных участках, как в провинции Нге-ан, однако труд на рисовых полях здесь был также тяжел. Следовательно, на юге появился третий очаг движения. В мае 1930 года во время демонстрации в Ша-деке было убито 16 человек. 1 июня в Винь-

[1] «La Dèpêche», 15 decembre 1932.

лонге полиция обстреляла 2500 демонстрантов. В июле 1933 года в Шок-чанге измученные голодом крестьяне организовались в отряды по 50—100 человек, которые нападали на джонки, перевозившие рис, и распределяли его между собой.

Наконец, собственно рабочее движение в период 1930—1932 годов возобновилось с новой силой. Безработица, снижение заработной платы, плохие условия труда, безусловно, являлись причиной многочисленных забастовок [1]. Однако эта новая волна социальных движений в отличие от движения 1928—1929 годов, помимо чисто экономических требований, выдвигала более широкие политические требования. В апреле 1930 года забастовали 3 тысячи рабочих хлопчатобумажного комбината в Нам-дине, а в августе этого же года объявили забастовку рабочие железнодорожных мастерских в Чыонг-тхи (Аннам). В 1932 году к движению примыкают новые слои: бастуют велорикши Хюэ и Сайгона, а также землекопы провинции Бинь-динь, типографские рабочие Сайгона и мелкие торговцы-лотошники Хай-фонга.

Колониальной администрации приходилось противостоять повстанцам на всех фронтах и использовать полицию и регулярные войска, чтобы жестоко подавлять движение. По данным Комитета защиты индокитайцев, вдохновителями и организаторами которого в Париже были Ромен Роллан и Франси Журдэн, в 1930 году было проведено в общей сложности 699 карательных операций, 50 из которых имели место во время йенбайского восстания, 30 — во время празднования 1 Мая, 40 — в годовщину Октябрьской революции, 115 — во время демонстраций по случаю годовщины Кантонской коммуны. Было арестовано 2963 человека, из которых 83 приговорены к смертной казни, 546 — к каторжным работам, 795 — к временному заключению. В январе — апреле 1931 года имело место 1419 новых арестов. В 1932 году общее число политических заключенных, брошенных в тюрьмы Ханоя, Хай-фонга, Виня, Сайгона, на каторгу на острова Пуло-кондор и Шон-ла и в концентрационные лагери Инини (Гвиана), достигло 10 тысяч человек.

Сила этого движения, жестокость мер, с помощью которых его подавляли: бомбардировки, применение пыток, массовые аресты — возбудили во Франции общественное мнение и вызвали мощное движение в пользу амнистии. Политические деятели, такие, как радикал Даладье или социалист Мутэ, поддерживали эту кампанию, вдохновителями которой выступили Коммунистическая партия Франции и Всеобщая конфедерация труда. В начале 1934 года эти две организации направили в Индокитай делегацию, в которой принял участие Габриель Пери. Французское

---

[1] В 1928 году произошло 10 забастовок, в которых приняло участие 600 человек; в 1929 году — 24 забастовки с 6 тысячами участников; в 1930 году — 82 забастовки с 27 тысячами участников. С апреля 1930 года по апрель 1931 года число членов красных профсоюзов и крестьянских союзов возросло с 6 тысяч до 64 тысяч человек.

общественное мнение, взволнованное репортажами Рубо, Андрэ Виолли, Бартеллио, выступило в защиту Вьетнама.

После тревожных 1930—1932 годов генерал-губернаторы Паскье (1928—1934) и Робэн (1934—1936), пытаясь спасти колониальный режим, прибегали к суровым административным мерам. Генеральная инспекция труда, созданная Варенном, была упразднена и заменена Бюро по экономическим вопросам. В 1930 году обязательное наличие особых рабочих книжек, заверенных полицией и последним нанимателем, было распространено на всех местных рабочих. В 1933 году наказание, предусмотренное за нарушение контракта, было увеличено до двух месяцев тюремного заключения. Все законтрактованные рабочие юга, возвращавшиеся на север до истечения срока контракта, немедленно арестовывались. В 1933 году было введено более жесткое законодательство о союзах: запрещение создавать союзы, которое до этого распространялось только на группы свыше двадцати человек, теперь распространялось на все группы. Как только кончился кризис, для покрытия возросших расходов на содержание полиции и армии еще более усиленно стали прибегать к трем монополиям, к этим трем «вьючным животным», чистые прибыли от которых, упавшие до 5 миллионов пиастров в 1933 году, снова поднялись до 8,5 миллиона пиастров в 1935 году и до 10,2 миллиона пиастров в 1937 году.

Ширма «реформ», которую спешно стали использовать в 1932—1933 годах, оказалась совершенно неспособной скрыть косность колониального режима. Предлогом для проведения реформ послужило возвращение молодого Бао-Дая, воспитывавшегося во Франции после смерти своего отца короля Кхай-Диня в 1925 году. Вернувшись на родину, Бао-Дай заявил о своем желании модернизировать страну, направить ее на путь «конституционной монархии». Паскье поставил при нем в качестве премьер-министра покорного ему во всем ученого Фам-Кюиня. Королевские приказы, изданные в мае 1933 года, носили реформаторский характер, однако они, напротив, лишь укрепили колониальный аппарат: при каждом министре Аннама находился теперь резидент. Католический мандарин Нго-динь-Зием, назначенный в качестве секретаря Комиссии реформ, подвизался в этом первом «Баодаевском эксперименте» лишь несколько месяцев. Личное соперничество с Фам-Кюинем заставило его в сентябре 1933 года уйти в отставку. Затем Нго-динь-Зием примыкал к небольшим оппозиционным группам консерваторов, связанным с Кыонг-Де, токийским «претендентом» на престол.

Репрессии 1932—1933 годов не ослабили национального движения. В 1933 году на муниципальных выборах в Сайгоне по рабочему списку, восстановленному группировкой «Ла лютт», в которой совместно выступали коммунисты и троцкисты, было избрано несколько делегатов, несмотря на ограниченные избирательные права и давление администрации.

Следует тщательно проанализировать, какое в действительности влияние оказывали тогда в Кохинхине троцкистские элементы. Как и в других странах мира, троцкизм во Вьетнаме продолжал в 30-х годах XX века быть вдохновителем борьбы против Коммунистического Интернационала. Колонизаторы Индокитая только извлекали пользу из существования троцкистской фракции, руководители которой, такие, как Та-тху-Тхау, в душе были глубоко враждебны широкому объединению народа в борьбе за независимость.

Однако крестьянство крупных плантаций Кохинхины и мелкая сайгонская буржуазия, будучи в глубине души патриотами, но неопытные политически и не связанные с рабочим классом, прислушивались к ограниченным и абстрактным лозунгам троцкистов. Это было элементарным выражением их стремления к борьбе. Однако они не поддерживали борьбу троцкистских лидеров против коммунизма. Как раз наоборот, троцкистские лидеры были вынуждены начиная с 1933 года согласиться с кохинхинскими ячейками Коммунистической партии Индокитая на образование предвыборной коалиции «Ла лютт».

Однако общие политические последствия кризиса 1929 года поставили вьетнамское движение перед новой обстановкой. Японские капиталисты, более серьезно пострадавшие от кризиса, чем их английские и американские соперники, встали на путь агрессии, на путь милитаризма. В 1931 году Япония напала на Китай и создала угрозу всей Восточной Азии, против которой начиная с 1927 года был направлен план Танака. Таким образом, на Дальнем Востоке возник опасный очаг войны. Коммунистическая партия Индокитая, согласно основным директивам VII конгресса Коммунистического Интернационала, организовала во Вьетнаме сопротивление японской опасности.

С этой целью она стремилась создать возможно более широкое объединение. Для этого она обращалась даже к представителям сайгонской буржуазии — сторонникам компромисса с колониальным режимом, которые, использовав опыт создания Конституционалистской партии в 1923 году, основали в 1937 году Демократическую партию во главе с доктором Тхинем — владельцем крупной рисовой плантации. Они обращались и к «левым» колониальным организациям, таким, как Лига прав человека, или таким, как индокитайские секции Социалистической партии, СФИО, которые с 1936 года стали принимать в свои ряды вьетнамцев. Кроме того, успех Народного фронта во Франции побудил французских социалистов более сочувственно относиться к вьетнамскому национальному движению.

Вьетнам ощущал глухие, но довольно чувствительные толчки больших потрясений, охвативших метрополию. В Кохинхине была установлена свобода союзов, предоставившая, таким образом, более широкие рамки для политической деятельности. Открылись двери тюрем: из Пуло-кондора и из Шон-ла возвратились Фам-

ван-Донг — будущий заместитель премьер-министра Демократической Республики Вьетнам, Хоанг-куок-Вьет — будущий председатель Вьетнамской конфедерации трудящихся, Чыонг-Тинь — будущий генеральный секретарь Партии трудящихся. В Аннаме и Тонкине коммунистическая партия в принципе была запрещена, однако политическая деятельность, вдохновителями которой являлись коммунисты, могла также осуществляться довольно свободно. Коммунистическая партия Индокитая сочетала возможности легальной деятельности с нелегальной работой, которую она вынуждена была продолжать.

Оказание сопротивления Японии и немедленное проведение демократических реформ в Индокитае — таковы были ближайшие задачи, которые выдвигало в этот период вьетнамское национальное движение. Таким образом, перед ним открывались новые формы деятельности, совершенно отличные от тех, к которым оно прибегало в период наступления 1930—1931 годов. Но и в этом новом направлении оно показало себя столь же сильным.

В Кохинхине, старый колониальный статут которой предоставлял наибольшие возможности для легальной деятельности, была выдвинута идея о созыве Индокитайского конгресса с самым широким представительством, причем эту идею поддержали даже очень умеренные элементы, принадлежавшие к Конституционалистской партии, такие, как Буй-куанг-Тиеу или Нгюен-фан-Лонг. 13 августа 1936 года в Сайгоне состоялся митинг, на который собралось несколько тысяч человек. Митинг избрал комитет в составе 18 членов, вменив им в обязанность подготовку конгресса. В Кохинхине под руководством одного из лидеров коммунистического движения, Чан-ван-Зяу, было создано более шестисот «Комитетов действия» для оказания помощи в подготовке конгресса. В 1937 году «Ла лютт» провела трех своих представителей в Колониальный совет Кохинхины, являвшийся бастионом старого порядка. Среди избранных были коммунисты Зыонг-бать-Май и Нгюен-ван-Тао и троцкист Та-тху-Тхау.

В Северном и Центральном Вьетнаме также ощущалось оживление политической деятельности. Коммустическая партия Индокитая все еще находилась на нелегальном положении, и руководство согласованными действиями осуществлял Индокитайский демократический фронт, вдохновляемый такими видными коммунистическими деятелями, как Во-нгюен-Зиап и Фам-ван-Донг. Несмотря на ограничения избирательной системы, сторонники независимости были избраны в Муниципальный совет Ханоя, в Палаты представителей народа Ханоя и Хюэ. 20 сентября 1936 года в Хюэ состоялся большой легальный митинг, на который собралась тысяча человек. На митинге было избрано бюро, которому поручили выработать общую программу требований.

Эта политическая деятельность сопровождалась активным выступлением рабочих, выдвигавших свои требования. Начиная с лета и осени 1936 года вспыхивают забастовки. Так, например,

в ноябре забастовало 10 тысяч рабочих хлопчатобумажной фабрики в Нам-дине. В декабре по указанию Парижа были проведены социальные мероприятия, которые улучшили, правда очень незначительно, положение рабочих и кули: запрещался труд детей до десяти лет, ночной труд женщин и подростков до восемнадцати лет; *каи* запрещалось открывать лавки, услугами которых в обязательном порядке должны были пользоваться рабочие, что практиковалось вплоть до последнего времени. Счета лавок и ведомость заработной платы отныне подлежали строгому разграничению. Штрафы были запрещены, рабочий день ограничивался 10 часами, продолжительность его должна была быть сокращена до 9 часов в 1937 году и до 8 часов в 1938 году. Предприниматели отныне должны были нести ответственность за нарушения законодательства о труде, совершенные их *каи* и вербовщиками рабочей силы.

Кроме того, рабочие почти повсюду добились повышения заработной платы, а в 1937 году движение приняло такой размах, что серьезно обеспокоило колониальную администрацию.

> Эти забастовки носили более очевидный политический характер, — заявил в октябре 1937 года губернатор Кохинхины членам Колониального совета, — чем забастовки, имевшие место в начале года. Длительная и тщательная подготовка, внезапное начало забастовок, тенденциозные статьи, появляющиеся в газетах «Ла-Лютт» и «Ле Милитан», создание забастовочных касс, поддержка бастующих со стороны рабочих других предприятий, стремящихся проявить солидарность в борьбе рабочего класса, массовые собрания, организуемые в поддержку бастующих, тщетность всех попыток инспекции труда уладить конфликты, помощь бастующим деньгами и продуктами, слова ободрения и лозунги, данные вожаками, угрозы по отношению к рабочим, желающим возобновить работу, и самоуправство над ними, попытки втянуть рабочих других предприятий, и в частности рабочих железных дорог, рабочих КСНТ и ФАКИ [1], чтобы развернуть движение солидарности, печатание и распространение листовок — вся эта продуманная организация показывает, что в этой стране техника забастовок находится на высоте.

* * *

Успех политики широкого фронта, который возглавила Коммунистическая партия Индокитая, нашел широкий отклик среди масс крестьян и мелкой буржуазии, находившихся вплоть до этого времени под влиянием троцкизма. В 1937—1938 годах

---

[1] КСНТ и ФАКИ — французские предприятия по ремонту и обслуживанию торговых судов.

такие троцкистские лидеры, как Та-тху-Тхау, которые неистово критиковали программу демократических реформ, предложенную Коммунистической партией Индокитая и принятую умеренными вьетнамцами и антифашистски настроенными колониалистами, и которые отказывались рассматривать японскую опасность как основную, порвали с коммунистами. Они рассчитывали тем самым ослабить национальный фронт, вдохновителями которого были коммунисты. Однако троцкисты теперь уже не имели того влияния, которое они оказывали раньше, на заре народного движения. Превратившиеся в небольшую секту, действовавшую в стороне от большой дороги, по которой они вынуждены были идти одно время под давлением общественного мнения, они вскоре полностью переродились и в 1944—1945 годах стали прямыми агентами Японии.

Небезынтересно сделать оценку политического положения Вьетнама накануне второй мировой войны.

Колониальный режим не был принят подавляющим большинством населения, что являлось фактором исключительной важности. Хотя в период Народного фронта национальное движение ориентировалось на менее насильственные формы борьбы, чем в период 1930—1931 годов, зато оно приняло еще более широкий размах.

Колониальные власти были прекрасно осведомлены об этой всеобщей враждебности населения. Одно высокопоставленное лицо, положение которого обязывало сохранять инкогнито, в одной из тонкинских газет старалось прикрыть угрозами свои опасения:

> Напрасно тратят время и слова, желая скрыть действительное положение вещей от местного населения, а именно то, что мы пришли сюда с помощью силы и что именно благодаря силе мы удерживаемся здесь. *К чему пустые разговоры, которые никого не могут обмануть?* Если бы я мог действовать так, как я считаю нужным, я бы сказал нашим антифранцузам: «Читайте то, что вы хотите, дружите, с кем хотите, и поучайте сами, кого хотите».
>
> Но если в результате всего этого вы рискнете однажды выйти на улицу сотнями или тысячами, мы будем на посту, в нужных местах и со всем необходимым. Мы вам скажем: «Считаем до трех. Разойдитесь!», — и мы будем считать: «Раз, два, три». И если после трех вы будете еще на месте, некоторые из вас останутся здесь лежать навсегда, а другие поспешат убраться восвояси и не возвратятся более [1].

Но эта общая враждебность населения проявлялась лишь в очень ограниченных организованных действиях. Небольшие прояпонские группы — старые сторонники Кыонг-Де и каодаисты — имели лишь слабое влияние. Националистические группировки,

[1] «La Tribune républicaine», juillet 1937.

и особенно ВНКЗД, сформированные из эмигрантов, еще не оправились после поражения йенбайского восстания. Однако они сохранили некоторый престиж, который использовали впоследствии, в 1945 году, после возвращения из эмиграции.

Коммунистическая партия Индокитая, несмотря на то, что она оставалась еще немногочисленной, наоборот, сохраняла связи с рабочими городов и крестьянами, особенно в Северном Анниме и Кохинхине. Но начиная с весны 1939 года кратковременное влияние французского Народного фронта исчезло. Возобновились репрессии, и Центральный комитет (*Тонг бо*) Коммунистической партии Индокитая вынужден был переехать в Китай.

Накануне второй мировой войны основная проблема колониального режима осталась неразрешенной. Французский финансовый капитал, переживший потрясение в годы кризиса, стал еще сильнее, чем раньше: инвестиции и реинвестиции во всем Индокитае, как свидетельствуют недавно произведенные А. Лану подсчеты, достигали перед войной 11 644 миллионов франков по курсу 1939 года. Но этот колониальный капитал, а вместе с ним и сами колониальные власти могли удерживаться только с помощью силы. Но где ее взять?

Эту материальную силу длительное время поставляла метрополия. Так, в 1930 году она дала материальную силу для проведения репрессий. Но в 1939 году Франция оказалась далеко: ненадежность международного положения обязывала предусматривать возможность разрыва коммуникаций с этими военными базами, расположенными за 12 тысяч километров от Вьетнама.

Да и сама метрополия более не казалась вполне «надежной». В условиях демократического режима во Франции элементы, враждебные колониальному режиму, и особенно французское рабочее движение, смогли, хотя, конечно, весьма несовершенно, но более или менее *последовательно*, играть роль тормоза против этой политики финансовой и военной поддержки колониального капитала. Еще в 1885 году перспективы выборов вынудили Курси предоставить Хам-Нги и Тхюету столь необходимую для них передышку. Согласно «Военной истории», в 1893 году командование французских войск во Вьетнаме жаловалось, что приближение новых выборов помешало Парижу послать ему необходимое подкрепление. Именно голосование французской палаты после активной кампании, в которой принимала участие Лига прав человека, вынудило в 1909 году освободить Фан-тю-Чиня. Именно блок левых добился в 1925 году направления в Индокитай Варенна, «реформы» которого, правда мало эффективные, все же навлекли на него вражду колонизаторов, и он попал в опалу. Более ощутимо, более последовательно эта помощь Вьетнаму проявилась в период Народного фронта, который добился немалых результатов, заменив Робэна — человека, подавившего Советы в Нге-ане, — генерал-губернатором Бревье, и оказал значительную помощь вьетнамскому национальному движению.

Однако эта ненадежность метрополии казалась опасной как для крупного колониального капитала, так и для «маленьких европейцев», имевших теплые местечки в таможнях, полиции и во всех общественных службах Вьетнама. Европейское общество Индокитая проявляло враждебное отношение к левым течениям в метрополии; вся колониальная пресса без исключения выступала против Народного фронта. Эта враждебность проявлялась более сильно в кругах мелких чиновников и мелких служащих, для которых колониальный режим был единственным шансом на личную удачу, чем в кругах авторитетных представителей крупного капитала, перспективы которых были более широкими. Эта враждебность к метрополии в этих кругах доходила вплоть до квази-«сепаратистской» ориентации. В 1930 годах специальный корреспондент газеты «Пти паризьен» Рубо сообщал о таких заявлениях, как: «Скажите Франции, чтобы она оставила нас в покое!»

Крупный колониальный капитал, со своей стороны, начиная с 1930 года старался усилить свою *местную* организацию. Должность генерал-губернатора более не доставалась таким случайным политикам метрополии, как Думер, Сарро, Лонг или Варенн, а профессиональным колонизаторам, таким, как Паскье или Робэн, которые после нескольких десятков лет пребывания в Индокитае потворствовали компаниям и занимали места в их административных советах. Именно Паскье учредил для колониальных компаний официальную трибуну для выступлений в виде «Совета французских интересов» Аннама, Тонкина и Кохинхины и «Большого совета экономических и финансовых интересов». Это стремление колониального капитала к автономии они совмещали с патриотическими заверениями и славословием, к которым они прибегали в периоды затруднений. В 1931 году они заставили принять закон, возложивший на плечи налогоплательщиков метрополии спасение владельцев каучуковых плантаций, пострадавших в результате кризиса. Но когда цены на каучук поднялись, плантаторы без колебаний стали ориентироваться на более выгодные рынки: в 1938 году Франция получала только 30 процентов индокитайского каучука [1].

«Маланистский» [2] идеал европейского меньшинства, бесконтрольно осуществляющего свою власть над массами «туземцев»

---

[1] Ту же самую тенденцию проявили плантаторы в Сайгоне в 1945—1946 годах. Они вымолили у метрополии возмещения непомерного ущерба, нанесенного войной, однако во время конституционного референдума в 1946 году оказалось, что только 10,4 процента избирателей проголосовало *за*, 42,2 процента — *против* и 46,9 процента воздержалось. И до самого конца существования трехпартийного правления в колониальных кругах Индокитая ясно чувствовался прямой призыв к американским военным силам на Тихом океане.

[2] Малан, Даниель (род. 1874) — известный политический деятель Южно-Африканского Союза. С 1948 года — премьер министр. Провозгласив политику так называемого полного расового разделения, провел ряд расистских законов. — *Прим. ред.*

и враждебного прогрессивным течениям метрополии, безусловно, не являлся единственным фактом во французской колониальной истории: владельцы плантаций сахарного тростника на Антильских островах в 1793 году опозорили конвенцию и, не колеблясь, приняли английские армии. Богатые французские колонисты в Северной Африке, коммерсанты французских концессий в Шанхае в период до 1939 года по-своему проявили те же умонастроения. Наличие в Индокитае этих тенденций накануне войны проливает свет на события 1940—1945 годов. Действительный успех Виши и вишизма во французских кругах Индокитая не являлся случайным, он представлял собой не что иное, как вынужденную необходимость. «Парламентская комиссия по расследованию событий, происшедших во Франции за период с 1933 по 1945 год», совершенно обошла в своем докладе все, что касалось Дальнего Востока: следовало бы, однако, уточнить роль «индокитайского» капитала в Виши, роль, которая не ограничивалась деятельностью, характерной для Поля Бодуэна [1].

Но для того чтобы эта политика дала хорошие результаты, колониальный капитал должен был на случай необходимости обеспечить себе другую опору вместо бессильной и сомнительной опоры метрополии. Именно поэтому он ориентировался на Японию, успех которой в Индокитае в 1940 году не был случайным.

Именно скорее из чувства политической солидарности, чем из чисто финансовых соображений колониальный капитал Индокитая, начиная с первой мировой войны, обратил свои взоры к Японии. Закупки Японией тонкинского угля хотя и были для колонизаторов важны, однако в их глазах они стоили меньше, чем возможности использования Японии против Советского Союза. Колониальные круги усиленно поощряли японскую интервенцию в Сибири в 1917—1921 годах и даже посылали ей в поддержку вьетнамские войска. В 1931 году, а затем в 1937 году они горячо приветствовали успех Японии в войне против Китая. Они одобряли поездки в Токио генерал-губернатора Мерлэна в 1924 году и министра Поля Рейно в 1931 году. Эти заигрывания Японии с колониальным режимом отнюдь не мешали той двойной игре, которую вел Токио, поддерживая одновременно тесные связи с правыми националистическими элементами — сторонниками Кыонг-Де и каодаистами.

Такова была индокитайская версия «скорее Гитлер, чем Народный фронт»: скорее союз с Японией и разрыв с метрополией, чем победа национального движения во Вьетнаме и демократических элементов во Франции. Но, вступив на этот двусмысленный путь, колониальный режим только ускорил свое собственное падение.

---

[1] Поль Бодуэн — французский государственный деятель. Занимал пост председателя правления Индокитайского банка с января 1941 по сентябрь 1944 года. — *Прим. ред.*

* * *

Японские экспансионистские замыслы в отношении азиатских владений Франции и Англии, Голландии и США становятся все более определенными в годы, предшествовавшие второй мировой войне. Япония, несомненно, преследовала торговые цели. Уже начиная с предвоенных лет, японские товары, несмотря на таможенные тарифы и постановления, проникали в Индокитай. Но совершенно очевидны были также ее политические и территориальные притязания. Япония повсюду установила связи с правыми националистическими элементами: Боз в Индии, Агинальдо и Лорель на Филиппинах, Сукарно в Индонезии, Кыонг-Де и каодаисты во Вьетнаме. Япония не скрывала своих чисто захватнических устремлений. Укрепившись в 1937 году в Китае, Япония в октябре 1938 года захватила Кантон и в феврале 1939 года большой остров Хайнань, расположенный вблизи Тонкина и Северного Аннама. В марте 1939 года японский флот оккупировал Парасельские острова, затем острова Спратли, в принципе принадлежавшие Франции, однако Париж не протестовал: «мюнхенская» политика одержала победу и на Дальнем Востоке.

Поражение Франции в июне 1940 года позволило Японии сделать новый шаг вперед в ее захватнической политике в Индокитае. 20 июня генерал-губернатор Катру разрешил японской миссии установить контроль над Юньнаньской железной дорогой. Летом Япония предъявила новые требования адмиралу Дэку, являвшемуся преемником Катру, который как сторонник поддержания контакта с английской базой в Сингапуре был устранен Бордо. Соглашение от 22 сентября 1940 года являлось продолжением этих требований: японские войска получили право передвижения через территорию Индокитая и право пользования тремя аэродромами, где могло расположиться 6 тысяч человек. Таким образом, Япония установила свой контроль над Индокитаем вопреки формулировкам, подтверждавшим сохранение французского суверенитета. Послушная японцам колониальная администрация ликвидировала к тому же попытку французского гарнизона в Ланг-шоне оказать сопротивление японцам.

Коммунисты и другие сторонники вьетнамской независимости стремились использовать некоторое материальное и моральное ослабление колониальной власти. Они организовали ряд вооруженных выступлений одновременно против новых, японских оккупантов и против колониальной администрации, являвшейся постоянным противником сторонников независимости.

В октябре — ноябре 1940 года на северо-востоке Вьетнама, на китайской границе, имели место настоящие военные операции. На массиве Донг-чиеу происходили партизанские бои. В Ланг-шоне было совершено нападение на японский гарнизон. Стрелки французских колониальных войск из народности тхо дезертировали в районе Као-банга и Ланг-шона и присоединялись к вьетнамским

партизанам. Однако французские части, особенно Иностранный легион, сотрудничавший в районе Ланг-шона с японским штабом, быстро нанесли ответный удар. Многие сторонники движения были казнены, в частности старый деятель коммунистической партии Чан-чунг-Лап.

В это же самое время в Кохинхине развернулось движение, вдохновляемое почти исключительно коммунистами. Бедное крестьянство районов Ми-тхо и Као-лань начало настоящую крестьянскую войну. Именно там впервые было поднято красное знамя с золотой звездой — будущая эмблема Демократической Республики Вьетнам. Но и здесь власти обрушились на восставших с жестокими репрессиями. Тростниковая долина была окружена, для массовой бомбардировки деревень была использована авиация. Было произведено более тысячи арестов. Последствия этой попытки восстания, возможно преждевременной по своей форме и выведшей из строя большое число участников движения, тяжело отразились на дальнейшем политическом развитии Кохинхины.

В январе 1941 года в Северном Аннаме, в уезде До-лыонг, имело место третье вооруженное выступление, поддержанное местными крестьянами-бедняками.

Эти восстания, всерьез встревожившие колониальные власти, возможно способствовали усилению их желания заключить союз с Японией, поддержка которой в случае всеобщего восстания являлась более необходимой, чем когда бы то ни было. Соглашения, подписанные в июле 1941 года, расширяли территории размещения японских войск, содержавшихся за счет колониальной администрации, предоставляли им новые морские базы и аэродромы, устанавливали экономическое сотрудничество. Таким образом, вьетнамскому народу был навязан на пять лет франко-японский режим, причем мнения вьетнамцев не спрашивали, так же как в 1862 и 1884 годах. Фикция протектората была уничтожена в тех же условиях, при каких она была установлена.

Этот франко-японский режим в области экономики в основном сохранял черты колониального господства в собственном смысле этого слова. Ориентировались прежде всего на производство экспортных товаров; развитие промышленности продолжало тормозиться [1]. Тяжелые налоги, монополии, феодальные отношения в сельском хозяйстве содействовали тому, что уровень жизни населения оставался очень низким.

---

[1] В 1938 году один вьетнамский инженер, окончивший Училище гражданских инженеров в Париже, попытался разрешить проблему выплавки чугуна на антраците — исключительно важную проблему для создания независимой вьетнамской экономики. В 1942 году была построена доменная печь, которая могла давать 10 тонн металла в день. Но адмирал Дэку передал ее компании «Сосьете шарбоннаж дю Тонкин», которая имела лучшее оборудование и располагала необходимым числом людей для ее эксплуатации, но которая, однако, приостановила эти исследования.

Однако присутствие японцев все же изменило некоторым образом вьетнамскую экономическую жизнь. Япония заменила Францию как «партнера» во вьетнамской экономике, но ее потребности, так же как и ее возможности, отличались от потребностей и возможностей Франции.

Прежде всего Япония должна была любыми способами обеспечить себя вьетнамским рисом, и в возможно большем количестве. Она производила крупные закупки риса административным путем по фиктивным ценам — 0,25 пиастра за килограмм (цены на черном рынке поднялись до одного пиастра за килограмм в 1943 году, 8 пиастров — в 1945 году); в 1943 году она закупила более одного миллиона тонн риса, что составляло одну треть всего производства риса. К этому следует добавить рис, перегоняемый в спирт для обеспечения горючим японских военных транспортных средств, находившихся во Вьетнаме[1]. В 1944—1945 годах, когда авиационные и морские атаки союзников подвергали опасности снабжение юга углем, рис использовался даже как топливо на теплоэлектростанциях[2]. Следовательно, риса не хватало. Цена на рис возросла, и когда в 1944—1945 годах в довершение ко всему случился неурожай, тогда разразился страшный голод, унесший в могилу около двух миллионов человек.

Вместо потерпевшей крушение метрополии и англосаксонских стран, связи с которыми были также нарушены, покупателем таких вьетнамских товаров, как каучук, уголь, вольфрам, цинк, стала Япония. Лишившись начиная с 1941 года американских минеральных удобрений, она даже организовала разработку залежей фосфатов в Лао-кае, которые до этого времени не разрабатывались. Она также старалась принудительным путем заставить использовать рисовые поля под посевы джута, хлопка, рами, так как в связи с войной она не могла себя обеспечить текстильным сырьем.

В свою очередь Япония должна была поставлять Вьетнаму металлоизделия и текстиль, которые раньше поступали из Франции. Однако недостаток транспортных средств и торпедирование мешали японской промышленности найти во Вьетнаме широкий рынок, который она мечтала обеспечить себе в «Восточно-азиатской сфере сопроцветания». Вьетнам все более и более испытывал недостаток в промышленной продукции, цены на которую возрастали. Робкие попытки организовать «местное производство» были совершенно неспособны восполнить этот недостаток. Образовался серьезный дефицит вьетнамского торгового баланса, так как Япония не могла продавать на такую же сумму, на какую

---

[1] Для этой цели было произведено 53 тысячи гектолитров спирта в 1938 году и 178 тысяч — в 1942 году.

[2] В 1945 году Сайгонская ТЭЦ практически не действовала из-за повреждения вследствие использования риса и особенно кукурузы вместо угля.

она покупала. Следовательно, Японию необходимо было снабжать пиастрами, чем начиная с 1941 года и занимался Индокитайский банк. Эти авансы наряду с непосредственными ассигнованиями пиастров в виде оккупационных расходов [1] вызвали денежную инфляцию, которая вскоре приняла угрожающие размеры: количество бумажных денег в обращении за период с 1937 по 1945 год увеличилось в тринадцать раз [2].

Период франко-японского господства с экономической точки зрения характеризовался, следовательно, чрезвычайным усугублением пороков и слабостей колониальной системы. Именно народные массы страдали от роста цен и налогов от монополий [3], инфляции, недостатка продовольствия и промышленных товаров.

Но этот продолжавшийся четыре года экономический кризис далеко не так чувствительно задел иностранный капитал в колонии. Перевод валюты в Японию обеспечивал Индокитайскому банку значительные прибыли, в то время как крупные колониальные фирмы, объединившиеся в Федерацию французских экспортеров по образцу вишийских организационных комитетов, прекрасно приспособились к новым условиям внешней торговли. Возникало так много скандалов, что губернатор Дэку в 1944 году вынужден был провести «несколько показательных процессов»: процесс франко-американской фирмы «Декур э Кабо», процесс Ардэна, занимавшего пост президента Торговой палаты Сайгона. Но эти запоздалые и ограниченные мероприятия плохо маскировали политическую и экономическую солидарность, объединявшую крупный колониальный капитал с капиталом Японии в течение этого периода.

В политическом отношении франко-японский режим адмирала Дэку усилил авторитарный аппарат администрации. Что касается завоеваний «национальной революции», то немногочисленные либеральные уступки, немногочисленные консультативные органы, вызванные к жизни национальным движением в предшествующий период, были запрещены как «трибуны для демагогических выступлений».

Но в то же время и вишийские власти и японские оккупанты в свою очередь ощущали необходимость «сделать что-нибудь», чтобы завоевать доверие вьетнамского народа. И те и другие старались, таким образом, чтобы «порок воздал должное добродетели», столько примеров которой, как известно, дает история Индокитая в колониальный период, то есть, чтобы авторитарный

---

[1] В 1940 году в счет оккупационных расходов Японии было предоставлено 6 миллионов пиастров, в 1943 году — 117 миллионов.

[2] В декабре 1937 года в обращении находилось 151,3 миллиона пиастров, в декабре 1942 года — 494,3 миллиона, в июле 1945 года — 1955,3 миллиона пиастров.

[3] В 1939 году было произведено 340 тысяч гектолитров чистого спирта, в 1942 году — 440 тысяч гектолитров.

аппарат воздал дань уважения постоянству и силе национального движения.

Япония продолжала двойную игру, которую она начала перед войной: успешно сотрудничая с колониальными властями, заинтересованными в ее военной поддержке, и с жадными до прибылей представителями колониального капитала, она поддерживала и националистические группы, в которых была уверена. Чтобы склонить вьетнамское общественное мнение в пользу «сферы дальневосточного сопроцветания», она рассчитывала на сторонников Кыонг-Де, организация которых — *Вьет-нам фук-куок донг-минь* (Лига борьбы за освобождение Вьетнама) имела в Кохинхине секцию, возглавлявшуюся старым «конституционалистом» Чан-ван-Аном. Она рассчитывала на консерваторов, таких, как конфуцианский ученый старого стиля Чан-чонг Ким или как неудачливый реформатор 1933 года Нго-динь-Зием. Она рассчитывала на каодаистов, которые присоединились к партии *Фук-куок,* и на другую политико-религиозную сетку хоа-хао, основанную в 1939 году «сумасшедшим жрецом Хюинь-фу-Шо». Успех хоа-хао среди крестьян внутренних районов западной Кохинхины, так же как успех движения Као-дай, можно объяснить слабостью традиционных конфуцианских организаций в этих недавно заселенных районах, наличием религиозных традиций тямского или камбоджийского происхождения, которые характерны для Южного Вьетнама, а также слабостью на юге революционного движения, лишенного прочных рабочих баз, и без того незначительные силы которого были ослаблены репрессиями 1940 года.

Администрация Дэку не могла оставаться бездеятельной перед такой политикой Японии. Она ввела обязательное использование *куок-нгы* в административных учреждениях и в начальных школах; она поощряла развитие литературы на вьетнамском языке. В то же время она предоставила конфуцианству привилегированное положение, так как она черпала в «Беседах Конфуция» готовые изречения для иллюстрации геронтократической и просельскохозяйственной философии маршала — главы государства. Количество вьетнамских чиновников в административном аппарате было увеличено. За этой уступкой в действительности скрывалась настоятельная необходимость, потому что стало невозможно обеспечивать замену из метрополии престарелых или больных французских чиновников. Организации вьетнамских бойскаутов, военизированная организация «Спорт и молодежь» под командованием Дюкорои, конечно, имели своей целью политическую обработку молодежи. Но в то же время, для того чтобы привлечь ее, эти организации вынуждены были уделять все больше места всему вьетнамскому: разрешать молодежи петь песни на их родном языке, продвигать вьетнамцев по службе в более широких масштабах, чем до 1939 года. Эти уступки (в колониальный период вьетнамцы добились довольно много таких уступок) предоставляли для национального движения новые возможности: кадры

вьетнамских служащих, сформировавшиеся в период правления Дэку, отдали затем свой опыт Демократической Республике Вьетнам; точно так же и организации молодежного движения во время Августовской революции и даже раньше присоединились к Вьет-миню.

Однако, хотя вьетнамский народ умело использовал политические противоречия своих противников, он в основном не скрывал своей враждебности ни к тем, ни к другим. Франко-японский режим Дэку удерживался лишь с помощью силы. Полицейские службы главы полиции Арну вынуждены были прибегать к тем же крайним методам, к которым прибегала и знаменитая *кемпейтай,* японское гестапо.

* * *

Ни усилия Дэку, ни усилия Японии не смогли остановить движение за независимость, которое, зародившись в небольшом местечке на китайской границе в 1941 году, за четыре года разрослось настолько, что в августе 1945 года стало возможным провозгласить Демократическую Республику Вьетнам.

В мае 1941 года в маленьком китайском местечке Цзинси, на севере от Као-банга, была создана *Вьет-нам док-лап донг-минь* (Лига борьбы за независимость Вьетнама), или Вьет-минь, деятельность которой развивалась стремительно и блестяще. В работе первого съезда Вьет-миня принимали участие такие руководители коммунистической партии, как Нгюен-ай-Куок, Фам-ван-Донг, Во-нгюен-Зиап, представители тайных организаций «За спасение родины» («*Кыу-куок*»), состоящих из рабочих, молодежи, женщин, и делегаты партизанских групп, действовавших против японских войск по другую сторону границы. Программа, выработанная этой новой организацией, заслуживает подробного рассмотрения; она направляла вьетнамское национальное движение не только вплоть до 1945 года, но и в последующий период, на протяжении всей войны, которую позже вынуждена была вести Демократическая Республика Вьетнам.

Особенностью этой программы являлось то, что она ставила своей целью разрешение одновременно нескольких неотложных проблем: проблем, вызванных войной и японской оккупацией, проблем, возникших в результате колониального режима, и, наконец, проблем, оставшихся в наследство от старого феодального Вьетнама и для разрешения которых ничего не сделал колониальный режим.

В программе Вьет-миня первое место отводилось завоеванию независимости, то есть борьбе против Виши и против Японии. В ней содержалось требование денонсации соглашений с Японией, подписанных Францией от имени Вьетнама, предания суду предателей и коллаборационистов, установления союза с демо-

кратическими силами, с Советским Союзом, Китаем и США, боровшимися против фашизма.

Но программа Вьет-миня в то же время ставила своей целью изменение того политического и экономического положения, в котором оказалась страна в результате колониального господства. Она требовала объединения страны, введения всеобщего избирательного права, развития образования и национальной культуры, провозглашения демократических свобод (свободы печати, собраний и т. д.), амнистии политическим заключенным, индустриализации, являющейся основой экономической независимости, и развития ирригации в сельском хозяйстве, установления восьмичасового рабочего дня и введение социального обеспечения.

Наконец, упразднение подушного налога и трудовой повинности, проведение аграрной реформы, — раздел общинных земель, снижение арендной платы, запрещение ростовщичества, равенство между вьетнамцами и национальными меньшинствами, борьба против старой феодальной культуры, замена монархии республикой — эти меры были направлены на уничтожение того, что составляло слабые стороны старого, феодального Вьетнама.

Только эта программа, предоставлявшая единственную возможность разрешения всего комплекса проблем, поставленных политическим и экономическим развитием вьетнамской нации, была способна объединить самые широкие социальные слои населения и политические партии. Она обеспечила превосходство Вьет-миня над соперничавшими с ним организациями, такими, как ВНКЗД, которые оставались просто изолированными группами.

Для осуществления этой программы Вьет-минь вел активную борьбу в экономической и военной областях. Подпольные комитеты Вьет-миня вдохновляли крестьян на борьбу против японцев, забиравших рис и захватывавших рисовые поля, против реквизиций, налогов и насильственной вербовки. В одной из прокламаций Вьет-миня говорилось: «Ни одного зерна риса для японцев, ни одного солдата для японских войск, ни одного кули для японцев, ни одного сантима налогов для японцев!»

Одновременно в горных районах Северного Вьетнама были организованы партизанские отряды. Проблема объединения крестьян равнины и горных народностей, которая так тормозила развитие движения сопротивления в 1885—1895 годах, теперь была на пути к разрешению. Программа Вьет-миня оказалась способной завоевать доверие народностей ман, тхо, нунг, освобождение которых уже предусматривала программа Коммунистической партии Индокитая, провозглашенная в 1932 году. Большим авторитетом пользовался у них Во-нгюен-Зиап, организатор вооруженной борьбы. Он объединил руководителей отрядов, таких, как Тю-ван-Тан, тхо по национальности, ставший впоследствии военным министром в составе первого правительства Хо-ши-Мина. Партизаны, получив поддержку, активизировали свои действия,

начиная с 1941 года: осенью имело место крупное сражение около Бак-шона. Но вплоть до 1943 года в директивах советовалось заниматься главным образом «организационной и подготовительной работой».

В 1944 году в районе Тхай-нгюена был создан настоящий «освобожденный район», и одновременно была усилена сеть партизанских баз в Нге-ане (Северный Аннам), Куанг-нгае (Южный Аннам) и Кохинхине. Учитывая создавшиеся условия, съезд Вьет-миня в июле 1944 года поставил вопрос о необходимости немедленно начать всеобщее восстание. Однако Нгюен-ай-Куок, которого ныне называют Хо-ши-Мином, отверг это решение как преждевременное. Было решено усилить партизанскую борьбу, которая в течение зимы 1944/45 года охватила весь Верхний и Средний Тонкин. «Войска Вьет-миня, — говорится в одном французском донесении, — находятся под командой руководителей, имеющих серьезные познания в области ведения партизанской войны... Партизаны хорошо подготовлены, дисциплинированы и отважны».

Каково же было отношение великих союзных держав к борьбе, которая велась во Вьетнаме против их противника — японцев?

Одно время, в 1942 году, китайские власти сами пытались организовать антияпонское движение во Вьетнаме и создали *Вьет-нам кать-мень донг-минь-хой* (Вьетнамская революционная лига); но эта лига, несмотря на свою многозначительную программу национальной независимости, была лишь небольшой военной группировкой, тысяча или полторы тысячи членов которой входили в китайскую армию. Генералы Гоминьдана, стремившиеся установить во Вьетнаме связи с широкой сетью антияпонских организаций, не смогли ничего сделать, кроме как обратиться к Нгюен-ай-Куоку, которого они, однако, в конце 1941 года арестовали, напуганные его прошлой революционной деятельностью. Однако они вынуждены были считаться с той силой, которую он представлял, и в начале 1943 года освободили его. С этих пор он стал называться новым именем Хо-ши-Мин («Ясновидящий»).

Вклад, который вносили силы Вьет-миня в борьбу против Японии, не был безразличен также и для американцев; они заигрывали с Вьет-минем, особенно через Гордона, который перед войной был агентом «Тексас компани» в Хай-фонге. И гоминьдановцы и американцы уже готовились подчинить себе послевоенный Вьетнам, из которого они в своих интересах хотели вытеснить Францию. Это были те же самые расчеты, которые толкнули французское движение Сопротивления в Индокитае, представлявшее на вьетнамской территории «Свободную Францию», отказаться от всякого сотрудничества с Вьет-минем. За редким исключением деголлевцы, гражданские и военные, представляли борьбу против Японии только как этап к восстановлению прежнего колониального режима. Сотрудничество с Вьет-минем было для них совершенно немыслимым, потому что Вьет-минь состоял

из их постоянных противников. Они хотели прежде всего, по выражению генерала Сабатье, «спокойствия в своем тылу в случае японской агрессии». Неоднократные призывы Вьет-миня, обращенные именно к французскому Сопротивлению, оставались без ответа. Эту же позицию заняли и представители движения «Свободная Франция», вошедшие в августе 1944 года во временное правительство Французской Республики. Они больше думали о новых захватах после войны, чем о сотрудничестве с Вьет-минем против Японии; они думали «о сохранении шансов Франции на Дальнем Востоке». Такие же непримиримые противоречия наблюдал в это время Маунтбетэн, столкнувшийся с антияпонским партизанским движением в Малайе и Бирме, и Макартур, столкнувшийся с движением «Хукбалахап» на Филиппинах.

Чтобы «сделать жест» в сторону своих союзников и в то же время подготовить более надежное будущее, временное правительство Франции рассчитывало ввести в борьбу против Японии французские войска в Индокитае, значительно сократившиеся и бездействовавшие после соглашений, подписанных губернатором Дэку.

Возросшая военная сила Вьет-миня, с одной стороны, и опасения, что Дэку осуществит резкий поворот, подобно Бадольо, — таковы две причины, которые заставили японцев прибегнуть к решительным действиям весной 1945 года.

9 марта японские войска неожиданно разоружили французские колонильные войска в Индокитае. Только отдельным отрядам удалось избежать разоружения, и они во главе с генералами Александри и Сабатье, обороняясь, отступили к китайской границе. В районе, населенном народностью тхаи, они мужественно вели арьергардные бои против японцев. Однако партизанскому движению, которое они намеревались организовать против Японии, недоставало основного: поддержки крестьянства. Эти французские военные, как свидетельствует сам генерал Сабатье, не умели и не хотели обеспечить себя поддержкой гражданских лиц из вьетнамцев или тхаи. Японские войска, преследовавшие их от Нгиа-ло до Шон-ла, от На-шама до Лай-тяу и Диен-биен-фу, без затруднений отбросили их на территорию Китая.

Разоружение французских войск являлось, однако, только одним из аспектов новой японской политики; одновременно с разоружением французов и, может быть, прежде всего, японцы хотели вызвать *политический* крах Вьет-миня, успехи которого беспокоили их. Речь шла об «освобождении», по крайней мере фиктивном, Вьетнама от «французского колониализма»; речь шла о подчинении Вьет-миня своему влиянию путем создания независимого Вьет-нама внутри «Великой Азии».

Бао-Дай и его министр Фам-Кюинь включились в эту игру. 11 марта они объявили об упразднении «протектората», заявив, что «страна вновь обрела право на независимость» и что необходимо «доверять лояльности Японии». Прояпонские национа-

листы были организованы в партию *Дай Вьет-нам*, один из лидеров которой, Чан-чонг-Ким, стал премьер-министром. Он пытался осуществить некоторые реформы: запретить взимание подушного налога с неимущих, распространить во всех административных учреждениях *куок-нгы* (частично уже введенный генерал-губернатором Дэку), упразднить особый статут Кохинхины. Но режим Чан-чонг-Кима просуществовал так недолго, что он не успел фактически что-либо сделать. 12 марта Вьет-минь призвал к всеобщему сопротивлению. На этот призыв откликнулись крестьяне, тяжелое положение которых усугубил свирепствовавший голод. В начале июня освобожденная территория расширилась, ее отделяло от Ханоя всего лишь 60 километров. В начале лета семь провинций Верхнего и Среднего Тонкина, за исключением городов, были потеряны для Японии. Позднее генерал де Голль понял свою ошибку. Но для осуществления предложенного в июле проекта миссии Сэнтэни, против которого не возражал и Вьетминь, не было уже времени. В июле и в начале августа пали такие города, как Бак-кан, Йен-тхе, Винь-йен, Тюен-куанг, в которых японцы были давно уже осаждены отрядами Вьет-миня. Одновременно движение ширилось в Кохинхине.

С этих пор события развивались очень быстро. 7 августа, на следующий день после того, как была сброшена атомная бомба на Хиросиму, Хо-ши-Мин создал Комитет освобождения вьетнамского народа, и партизанские отряды были переименованы в Армию освобождения Вьетнама. 13 августа был брошен призыв к всеобщему восстанию, которое началось 15 августа, после капитуляции Японии. 16 августа в Ханой вступили первые отряды Армии освобождения; 25 августа Бао-Дай отрекся от престола; одновременно с этим в Сайгоне огромная демонстрация поставила у власти Исполнительный комитет, в который вошли националисты и коммунисты. 29 августа было сформировано вьетнамское временное правительство, от имени которого Хо-ши-Мин 2 сентября провозгласил в Ханое независимость Вьетнама и создание Демократической Республики.

Глава XII

ВОССТАНОВЛЕНИЕ НЕЗАВИСИМОГО ВЬЕТНАМСКОГО ГОСУДАРСТВА (АВГУСТ 1945—ДЕКАБРЬ 1946)

2 сентября 1945 года, впервые за последние восемьдесят три года, вьетнамское правительство получило возможность руководить совершенно независимо делами всей страны. Но в чем заключалась действительная сила этого нового режима? Какие препятствия стояли на пути Демократической Республики Вьетнам?

Что касается положения внутри страны, то казалось, здесь в ближайшее время не должно было возникнуть много трудностей. Из числа прояпонских элементов наиболее скомпрометировавшие себя отошли от дел, а другие присоединились к Демократической Республике Вьетнам, как например член императорской фамилии министр Унг-Хюи или мандарин Фан-ке-Тоай, бывший «императорский наместник» в Тонкине, который с июля примкнул к движению Сопротивления. Сам Бао-Дай, с 29 августа ставший под именем Винь-Тхюи «верховным советником» правительства Хо-ши-Мина, способствовал укреплению нового правительства тем авторитетом, которым он еще пользовался. Даже французские гражданские и военные лица, интернированные японцами, старались, по крайней мере временно, скромно держаться в стороне; такую же позицию занимали и их традиционные союзники — владельцы крупных рисовых плантаций Южного Вьетнама. Только члены ВНКЗД и Донг-минь-хоя, пользовавшиеся авторитетом благодаря своей упорной бескомпромиссной борьбе в прошлом и опиравшиеся на поддержку, которую им оказывали на территории к северу от 16-й параллели чанкайшисты, могли попытаться «сыграть шутку» над правительством Хо-ши-Мина.

Что касается международного положения страны, то здесь действительно дело обстояло иначе: сложная сеть происков и козней уже опутывала маленький Вьетнам. Решение, принятое в Потсдаме о разделе Индокитая на две зоны по 16-й параллели и об оккупации его южной части английскими войсками, а северной — китайскими войсками, являлось в принципе простой «технической» мерой, не влекущей за собой никаких последствий для

будущего статута страны. Речь шла, так же как в Корее с ее не менее знаменитой 38-й параллелью, только о том, чтобы обеспечить возможно более быстрое разоружение японских войск. Но очень скоро события пошли гораздо дальше этого.

Англия, казалось, не преследовала во Вьетнаме никакой собственной цели, но на следующий же день после окончания войны вся колониальная система в Юго-Восточной Азии оказалась в опасности. В Малайе, Бирме, Индонезии, на Филиппинах организации и лица, которые в течение нескольких лет вели борьбу против английских, голландских и американских колонизаторов, развернули, так же как и во Вьетнаме, против японских армий ожесточенную партизанскую борьбу, которая выглядела резким контрастом на фоне жалкой капитуляции колониальных властей в 1941—1942 годах. В Бирме Аунг-Сан, завоевавший в ходе этой борьбы большой авторитет, провозгласил независимость своей страны. Сукарно и Шарифуддин в течение той же самой недели, когда Вьет-минь взял власть в Ханое, провозгласили независимость Индонезии. Независимость была также целью борьбы народных армий, боровшихся против Японии в Малайе и на Филиппинах. Колониальные державы, следовательно, были исключительно солидарны в стремлении остановить эту мощную освободительную волну. И Англия, далеко выходя за рамки миссии, порученной ей в Потсдаме, очень скоро открыла Вьетнам для французских колонизаторов, а Индонезию — для голландских колонизаторов.

Интересы Франции в Индокитае, действительно, были значительны. Большая часть французов, левые из трехпартийной коалиции и особенно коммунисты, горели желанием разгромить японские войска, находившиеся в Индокитае, а затем обеспечить вьетнамскому народу независимость. Именно с этой целью зимой 1944/45 года, то есть до японской капитуляции, был сформирован СЕФЕО (Французский экспедиционный корпус на Дальнем Востоке), создание которого рассматривалось как вклад Франции в общее дело борьбы Объединенных Наций в этой части света. В этот корпус вступили многие участники Сопротивления, многие франтиреры и французские партизаны.

Но колониальный финансовый капитал — одна из сильных группировок в народно-республиканском движении (партия МРП), а также умеренные элементы парижского правительства преследовали диаметрально противоположные цели. Они хотели «снова вернуться в Индокитай», то есть продолжать эксплуатацию вьетнамского народа. Они стремились использовать против Вьетнама воинские части, сражавшиеся против Японии, и прилагали все усилия к тому, чтобы восстановить старый порядок вещей. Таким образом, создалась опасная двусмысленность. Еще до японской капитуляции этот колониальный капитал, находясь в непосредственном контакте с приближенным генерала де Голля, поставил на важные должности своих людей: адмирала д'Аржанльё, плантатора Ланглада, бывших чиновников колониальной

администрации Седиля и Тореля, майора Сэнтэни, тесно связанного через семью своей жены с представителями финансовых и политических кругов в Индокитае. Эти люди в Париже, так же как и в Сайгоне, делали все, чтобы поставить под вопрос независимость и единство Вьетнама, восстановленное Августовской революцией.

На территории Вьетнама севернее 16-й параллели феодальный и подверженный коррупции гоминьдановский Китай также преследовал цели, которые далеко выходили за пределы вопроса о разоружении японцев. Хитрая игра генералов Южного Китая имела своей целью подчинить Вьетнам своему влиянию через вьетнамских националистов-эмигрантов, вернувшихся во Вьетнам вслед за войсками. Чан Кай-ши подбивал генералов также к захвату территории севернее 16-й параллели, преследуя цель устранить из Юньнани и Гуанси этих феодальных «сеньеров войны», с которыми он был не в ладу, и укрепить в этих провинциях свою пошатнувшуюся власть. Вьетнам должен был служить разменной монетой за эту операцию.

Американцы также проявляли значительный интерес к Индокитаю. Их политические цели до известной степени совпадали с целями гоминьдановского Китая. Американские службы ОСС (Оффис оф стратэджик сервис — Управление стратегических служб), в частности, преследовали свои собственные экономические цели через агента Гордона и майора Патти, обосновавшихся в Ханое после японской капитуляции. Поэтому США, так же как Гоминьдан, стремились помешать возвращению во Вьетнам представителей французской колониальной администрации (Сэнтэни, Ланглада и др.), которых правительство генерала де Голля с весны 1945 года направило поближе к Вьетнаму — в Калькутту, Чунцин и главным образом в Куньмин.

И, наконец, Япония в это время еще сохраняла известную власть в стране, она имела возможность маневрировать в течение непродолжительного отрезка времени, протекшего от официальной капитуляции Токио до действительного прихода союзных войск во Вьетнам. Японцы старались создать затруднения для союзников и одновременно помешать установлению нового, демократического правительства во Вьетнаме. В Северном Вьетнаме позиция мандаринов, примкнувших к республике, таких, как Фан-ке-Тоай, позиция самого Бао-Дая, обусловленная общим подъемом борьбы, сорвала попытку японцев передать власть «националистам»-антикоммунистам. Но в Южном Вьетнаме, где власть Демократической Республики Вьетнам была менее сильной, японское командование, прежде чем сложить оружие, успело создать «Единый национальный фронт», который объединил каодаистов, троцкистов, сторонников секты хоа-хао, прояпонских политиканов из *Фук-куок*, таких, как Нгюен-ван-Шам и Чан-ван-Ан.

Именно созидательная деятельность Демократической Республики Вьетнам менее чем за шесть месяцев прояснила эту за-

путанную обстановку и привела к крупному дипломатическому успеху — «соглашениям от 6 марта», что явилось первым международным признанием нового государства.

В сентябре 1945 года был упразднен подушный налог; это было первое мероприятие, проведенное в интересах крестьян. Монополии на опиум, алкоголь и соль были безоговорочно запрещены. Арендная плата и ростовщические проценты должны были быть сокращены до 25 процентов; общинные земли, а также земли французских колонизаторов и лиц, сотрудничавших с японцами, были разделены между бедными крестьянами.

Но еще необходимо было устранить наиболее острую и наиболее страшную угрозу — угрозу голода. В результате военных действий и политических беспорядков, имевших место в течение лета, осенний урожай в Тонкине был очень низким. А следующий урожай ожидался только к «пятому месяцу», то есть в июне 1946 года. На весь этот период в стране оставалось всего 500 тысяч тонн падди. Даже если его распределять по крайне минимальной норме — по 16,5 килограммов на душу в месяц, то согласно подсчетам специалистов, в середине февраля 1946 года неизбежно должен был наступить голод.

Для Демократической Республики Вьетнам это явилось настоящим испытанием, исход которого — успех или провал — был гораздо более важным, чем интриги ВНКЗД или противоречивые комбинации великих держав, поскольку для правительства Хо Ши-Мина речь шла о том, сможет ли оно доказать свою состоятельность перед всем народом.

15 ноября был создан Центральный комитет по интенсификации и расширению сельскохозяйственного производства, который имел свои отделения в провинциях фу, хюенах и в общинах. Стал издаваться специальный еженедельник «Так дат» («Пядь земли»), 50 тысяч экземпляров которого распространялось бесплатно. Различные общества «за спасение родины», которые вплоть до августа 1945 года находились в подполье, теперь развернули легальную деятельность; члены этих обществ включились в битву за урожай. В городах мельчайшие клочки свободной земли: сады, площадки для игр и т. д. — распахивались и пускались под посевы. Упор делался не только на производство риса, но и на производство суходольных культур: батата, кукурузы, маниоки, сои, как это показывают, например, данные, относящиеся к провинции Фу-тхо (см. табл. на стр. 260).

По всему Тонкину производство батата выросло в пять раз, производство кукурузы — в четыре раза, сои — в два с половиной раза. Угроза голода была ликвидирована.

Для того чтобы обеспечить нормальную экономическую жизнь в стране, правительство Демократической Республики Вьетнам реквизировало предприятия общественного пользования: типографии, гаражи, электростанции, водопровод, железные дороги. Была

провозглашена свобода профсоюзов и установлены восьмичасовой рабочий день и минимум заработной платы.

Эта деятельность по реорганизации вьетнамской экономики, начало которой было уже положено, могла быть доведена до конца только полностью сформированным *государством*. В сентябре 1945 года были организованы Народные комитеты, которые заменили прежние советы нотаблей в селах и мандаринов в уездах и провинциях. 8 сентября было объявлено о выборах в Учредительное собрание (*Куок-зан дай-хой*), избираемое всеобщим голосованием с участием всех граждан старше 18 лет, включая женщин и национальные меньшинства.

Культура	1938 — 1943 гг.		1946 г.	
	площадь, гектары	производство, тонны	площадь, гектары	производство, тонны
Батат	420	390	3 024	3630
Кукуруза	3200	3500	5 976	7470
Маниока	2350	1900	11 301	Данные не поступили ко времени составления отчета
Соя			2 700	4600

Но не могли ли оказаться эти новые органы недееспособными? Перед лицом такой перспективы борьба с неграмотностью являлась исключительно важной политической необходимостью, а не только чисто просветительным мероприятием в стиле тонкинских ученых 1905 года. Именно эта борьба позволила укрепить еще слабые связи между молодым правительством и крестьянским населением, так долго остававшимся в изоляции за «бамбуковой изгородью» деревень. 8 сентября 1945 года, день, когда началась большая просветительная кампания, является знаменательной датой. Твердый тон декретов, направленных на ликвидацию неграмотности, переносит историка на 150 лет назад, к текстам Сен-Жюста («приказ разуть в течение суток всех аристократов города Страсбурга...»), в которых чувствовались такая же пламенность и такая же вера.

Председатель временного правительства... по предложению министра народного образования постановляет:

1) До введения обязательного начального образования, обучение на *куок-нгы* отныне является обязательным и бесплатным для всего народа.

2) В течение одного года все вьетнамцы старше восьми лет должны научиться читать и писать на *куок-нгы*.

3) Расходы будут возложены на провинциальные и общинные бюджеты.

4) Ответственность за исполнение настоящего декрета возлагается на министра народного образования.

По предварительным статистическим данным, на 1 марта 1946 года было создано 29 963 класса, где обучалось 815 705 человек. Эти результаты, которые хотя, конечно, отражали многочисленные трудности Демократической Республики Вьетнам: медленность сообщения, дефицит бюджета, недостаток квалифицированных кадров, — рассматривались вьетнамским общественным мнением как успех, так как французские власти не уделяли этому совершенно никакого внимания. Более широкое распространение получили крупные газеты: «Кыу-куок» («За спасение родины») — официальный орган Вьет-миня, «Док-лап» («Независимость») — орган Демократической партии. Весной в Ханое выходило 120 газет, тогда как даже в благоприятный период Народного фронта их число никогда не превышало двадцати.

Этот новый, народный строй как по своей деятельности, так и по своим целям являлся революционным строем. Он был установлен силой, в результате борьбы как против сторонников прежнего, французского господства, так и против недавнего японского господства. Первостепенную роль в этом сыграли отряды *ты ве* — отряды самообороны; они обеспечили поддержку нового режима, разоблачили его противников и осуществляли политическое воспитание молодежи. В августе 1946 года двери тюрем были открыты и заключенные выпущены на свободу; однако мандарины и прежние коллаборационисты (*вьет-зян*), сотрудничавшие с французами и японцами, были арестованы, и наиболее известные из них, такие, как сайгонец Буй-куанг-Тиеу или ученый из Хюэ Фам-Кюинь, были казнены.

Но эта насильственная революция была по своему характеру только борьбой за упрочение независимости и демократии в самом широком смысле слова. В этом революционном движении мог принять участие каждый вьетнамец, каким бы ни было его социальное происхождение. Эта революция, вопреки критике, которую породило такое положение среди вьетнамской троцкистской интеллигенции, не являлась социальной революцией, поскольку основной проблемой правительство Хо-ши-Мина считало завоевание независимости, и с разрешением этой проблемы оно связывало проблему необходимого изменения вьетнамского общества. Вот почему тенденции в деревне к немедленному разделу земель, появившиеся в бедных провинциях Северного Аннама и в Куанг-нгае, были осуждены. Декреты, провозглашенные в ноябре 1946 года, и усиление местного административного аппарата также преследовали эту цель; в постановлении от 21 ноября ясно указывалось: «Рисовые поля, обрабатываемые земли, вопреки ложным слухам, не подлежат разделу».

В районе к северу от 16-й параллели единственным серьезным препятствием для нового Вьетнама были прогоминьдановские партии *Донг-минь-хой* и ВНКЗД.

ВНКЗД, располагавшая очень значительными фондами и издававшая газету «Вьетнам», старалась объединить собственников, которые были встревожены ролью народного движения в борьбе за укрепление независимости. Она имела многочисленные вооруженные отряды в городах, где размещались китайские гарнизоны. Она, не колеблясь, прибегала к террору, а в сентябре даже захватила Во-нгюен-Зиапа и министра пропаганды Чан-хюи-Лиеу, но не осмелилась задержать их. Она убивала французов (как, например, Бэйлэна, управляющего Индокитайским банком), и эти убийства приписывали Вьет-миню, с тем чтобы дискредитировать его. Несколько месяцев спустя, когда партия ВНКЗД распалась, в зданиях ее местных организаций в Ханое были обнаружены помещения, где производились казни, и комнаты, оборудованные для пыток.

Но даже поддержка, которую оказывали этим группам эмигрантов Гоминьдан и китайские генералы Южного Китая, обернулась против них, так как китайская оккупация была исключительно тяжелой. В оккупированном Вьетнаме китайский генерал Лу Хан развил свои махинации с валютой, ввел принудительный курс пиастра — один пиастр за 30 китайских долларов (тогда как он стоил в Куньмине 120 долларов), и магазины были буквально опустошены его наемными солдатами. Гоминьдановские феодалы заставили Вьетнам уплатить не менее 400 миллионов пиастров в качестве «оккупационных расходов» и, кроме того, заставили кормить около 120 тысяч своих солдат; они реквизировали огромное количество риса, организуя открытый грабеж продовольственных складов, созданных японцами. Эти систематические опустошения, значительно усилившие экономические затруднения Вьетнамской республики, неизбежно восстанавливали вьетнамцев против Гоминьдана, но не против Китая. Народный Китай после своей победы над Гоминьданом в 1949 году легко установил дружественные связи с вьетнамским народом, который испытал на себе все «прелести» хозяйничания будущих правителей Формозы.

Много лет отсутствовавшие в стране и пользовавшиеся покровительством ненавистных оккупантов лидеры ВНКЗД и *Донг-минь-хой*, такие, как писатель Нгюен-тыонг-Там и ученый Нгюен-хай-Тхан, который почти разучился говорить по-вьетнамски, потеряли ориентацию и относились враждебно к успехам Демократической Республики Вьетнам. Они и их покровители не понимали того, что нельзя ставить знака равенства между ними и Вьет-минем, завоевавшим авторитет благодаря своей длительной борьбе, которую он вел на территории своей родины, и недавним мероприятиям по борьбе с неграмотностью и голодом.

Объединение национальных сил вокруг Демократической Республики Вьетнам в течение осени и зимы усилилось. При колониальном режиме вьетнамская национальная буржуазия не имела перед собой никакой сколько-нибудь серьезной перспективы промышленного или торгового развития. Еще в 1944 году, по под-

счетам колониальной администрации, в Индокитае насчитывалось 1612 управлений финансовых обществ, из которых лишь несколько десятков, и притом менее важных, принадлежали вьетнамцам. Кроме того, принимая во внимание, что эти вьетнамские управляющие зачастую были подставными лицами колониальных чиновников, доля вьетнамского капитала, инвестированного в горнорудные, фабрично-заводские предприятия, транспорт, банки и т. д., накануне Августовской революции не превышала одного процента. Многие представители национальной буржуазии встали на сторону Демократической Республики Вьетнам: одни временно, как Нго-ту-Ха, богатый промышленник-католик, владелец крупной типографии, другие — на более длительный срок, как хайфонгский промышленник Нгюен-шон-Ха, который оставался на стороне правительства Хо-ши-Мина как в благоприятные, так и в трудные для правительства дни.

Не менее важным, чем отношение буржуазии, было для правительства отношение католиков. Влиятельный католик Нгюен-мань-Ха стал министром экономики в правительстве, созданном 29 августа 1945 года. 4 ноября того же года четыре вьетнамских католических епископа опубликовали совместное пасторское послание, в котором призывали всех верующих поддержать новый режим. Один из них, Ле-хыу-Ты, был избран в Национальное собрание.

11 ноября 1945 года Коммунистическая партия Индокитая объявила о самороспуске. После этого была создана Индокитайская ассоциация по изучению марксизма под председательством Чыонг-Тиня, бывшего секретаря Коммунистической партии Индокитая и будущего секретаря Партии трудящихся (*Лао-донг*), созданной в 1951 году.

Укрепление власти Демократической Республики Вьетнам проходило не только за счет присоединения отдельных личностей. Крупные декабрьские демонстрации (в День труда, День служащих, День «ты ве») выявили силу народной поддержки. Лидеры партий Донг-минь-хой и ВНКЗД вынуждены были, несмотря на расхождения во взглядах с ДРВ, отказаться от оппозиции. Вскоре был заключен целый ряд соглашений, последнее из которых было подписано 25 декабря. Нгюен-хай-Тхан стал заместителем премьер-министра; кроме того, другим деятелям обеих националистических партий были предоставлены министерские посты. Эти лица, ранее находившиеся в оппозиции к правительству, которые, несомненно, не могли рассчитывать серьезно на доверие народа, согласились, наконец, на проведение выборов. Однако они предпочли не участвовать в выборах, выговорив для себя определенное число мест в будущем Национальном собрании.

Выборы состоялись 6 января. Это были первые в истории Вьетнама выборы. Почти повсюду был представлен единый список, в который входило намного больше кандидатов, чем требо-

валось для избрания депутатов: 77 кандидатов на 6 мест в Ханое, 107 — на 12 мест в Хай-зыонге, 58 — на 7 мест в Ха-тине и т. д. Население приняло активное участие в голосовании, и наблюдатели, например американские, отмечали, что выборы протекали в «более чем нормальных условиях» [1].

В Ханое из 172 765 избирателей, принявших участие в голосовании, 169 222 отдали свой голос за Хо-ши-Мина (из общего числа 187 880 зарегистрированных избирателей), Во-нгюен-Зиап, баллотировавшийся в революционной провинции Винь, откуда он был родом, получил 97 процентов голосов.

Проблема независимости являлась главной проблемой вьетнамской политической жизни в течение первых шести месяцев существования Демократической Республики Вьетнам. Вокруг этой проблемы происходила «перегруппировка» политических организаций и партий, и именно в процессе разрешения этой проблемы правительство установило тесные связи с народом. Эта проблема, проблема независимости, занимала доминирующее место и в международных отношениях нового государства. Осенью американцы удвоили свои усилия. 10 октября майор Баклей создал Ассоциацию вьетнамо-американской дружбы, а Патти предложил Демократической Республике Вьетнам поддержать программу независимости в обмен за предоставление экономических выгод для США. Галлахер, один из руководителей американской разведки на Дальнем Востоке, в ноябре вновь повторил свои предложения о том, чтобы работы по реконструкции железных дорог, шоссе, аэродромов были поручены финансовой группе Донована. Хо-ши-Мин ответил отказом.

* * *

Революция за независимость, вспыхнувшая в августе, охватила как Южный, так и Северный Вьетнам. В Сайгоне также была установлена власть Демократической Республики Вьетнам. Однако независимость страны оказалась под угрозой, причем в Южном Вьетнаме эта угроза появилась значительно раньше, чем на севере. Спустя месяц после образования Демократическая Республика Вьетнам была вынуждена оставить крупные города и отступить в районы рисовых полей и топей дельты Меконга.

Внутри Исполнительного комитета Нам-бо [2], который взял власть в Сайгоне в конце августа и выступал там как представитель Демократической Республики Вьетнам, значительным влиянием пользовались сторонники японцев — каодаисты, хоахао и троцкисты. Вскоре эти разнородные элементы стали разжигать ненависть к иностранцам, провоцируя нападения на английские войска и на разоруженные японцами, а затем освобожден-

---

[1] Sheldon, Status of Viet-Nam, «Far Eastern Survey», 18 december 1946.
[2] Нам-бо — вьетнамское название Кохинхины.

ные французские войска. Целью этих инцидентов, как яствует из полицейских донесений, с которыми удалось познакомиться Ф. Девильеру, являлась дискредитация Чан-ван-Зяу, Фам-нгок-Тхатя — руководителей Вьет-миня в Кохинхине. Однако руководители Демократической Республики Вьетнам, такие, как Зыонг-бать-Май, начальник Управления безопасности, прилагали все усилия к тому, чтобы смягчить «грубый; пропитанный ненавистью к иностранцам и расистский» (Девийе) тон националистской прессы и тем самым предотвратить вооруженные нападения, в подготовке которых колониальная пресса упрекала вьетнамцев. Но случай, который представляла царившая крайняя напряженность, был слишком хорош, чтобы сторонники восстановления старого режима им не воспользовались. 22 сентября английский генерал Грэйси по требованию Седиля, представителя генерала де Голля, вооружил французские войска, которые были обезоружены японцами в марте 1945 года. Объявив военное положение и захватив административные здания, в которых были размещены власти Вьет-миня, он ликвидировал Исполнительный комитет Нам-бо. Бевин, лейбористский министр иностранных дел, выразил из Лондона свое согласие с действиями французских властей.

Выражаясь языком военных, операция, казалось, завершилась успехом. Англичане, которых вскоре сменили войска Леклерка, прибывшие в начале октября в Сайгон, стали хозяевами города. Чай-ван-Зяу, призвавший к всеобщей забастовке и к продовольственной блокаде города, вскоре вынужден был отступить в недоступные районы мыса Ка-мау и Тростниковой долины. С октября по январь Леклерк вновь захватил основные города Кохинхины. Однако вскоре выяснилось, что это не разрешило «политических проблем», которые по-прежнему стояли на повестке дня.

Адмирал д'Аржанльё, несмотря на свое желание восстановить колониальный режим в прежнем виде, все же вынужден был придать ему новый фасад. Были вновь подобраны некоторые видные деятели из старой, довоенной клиентуры французов: служащий судебного ведомства Чан-ван-Ти, генерал Суан, полицейский Там, владелец рисовых плантаций Тхинь, основавший в 1937 году Демократическую партию. Но на какой основе их использовать? Наконец, была избрана политическая платформа «кохинхинской автономии», и был создан Консультативный совет Кохинхины. Авторы «кохинхинской автономии», таким образом, надеялись поднять сайгонскую буржуазию на борьбу против Вьет-миня и одновременно создать у вьетнамцев впечатление, что колониальный режим не будет восстановлен в прежнем виде. Однако эта затея потерпела провал. Немногочисленные натурализованные вьетнамцы, выдвигавшие тем больше требований, чем меньше их становилось, были единственными, кто был готов пойти на этот маневр, а «Консультативный совет» вызывал только насмешку.

Что же касается Исполнительного комитета Нам-бо, то он, несмотря на трудные условия, в которых протекала его

деятельность, сохранял значительную власть. Была широко осуществлена предложенная Чан-ван-Зяу политика выжженной земли. «Страну необходимо перестроить заново от А до Я», — заявил Седиль в феврале 1946 года в Консультативном совете. Выборы, организованные в январе Демократической Республикой Вьетнам, проходили, хотя и тайно, во многих провинциях Южного Вьетнама. Так, в пяти западных провинциях Южного Вьетнама (Тяу-док, Лонг-сюен, Кан-тхо, Шок-чанг, Бак-лиеу), являвшихся бастионами сопротивления, в выборах приняло участие 800 тысяч человек. Маневры адмирала не смогли подорвать национальное единство вьетнамцев.

* * *

К концу зимы стало необходимо как для правительства в Ханое, так и для правительства в Париже как можно скорее урегулировать проблему франко-вьетнамских отношений. Что касается Демократической Республики Вьетнам, то она хотела заставить Францию признать ее власть над всей страной. Французское же правительство ставило вопрос лишь об урегулировании конфликта. Однако если одни в Париже думали только об установлении нормальных культурных и экономических отношений между Францией и Вьетнамом на основе предложений, неоднократно повторявшихся Хо-ши-Мином [1], то другие хотели выждать более благоприятное время, чтобы вновь захватить страну. Франко-вьетнамские переговоры завершились соглашением от 6 марта. 28 февраля было подписано предварительное военное соглашение между Францией и Китаем, которое предусматривало замену к северу от 16-й параллели китайских войск французскими войсками. Этот синхронизм сам по себе показывает, что для французских представителей возвращение французских войск в Тонкин составляло основную цель переговоров и что политические уступки, на которые они должны были пойти со своей стороны, были ничтожными.

Однако именно эти политические уступки французов придали соглашению всю его ценность:

> Французское правительство признает Республику Вьетнам как свободное государство, имеющее свое правительство, свой парламент, свою армию и свои финансы и входящее в состав Индокитайской федерации и Французского Союза...

Это соглашение, которое, вероятно, не соответствовало первоначальным намерениям Демократической Республики Вьетнам, позволило правительству убедиться в прочности связей, соединяющих его с народом. 7 марта Хо-ши-Мин и Во-нгюен-Зиап со-

---

[1] 18 октября Хо-ши-Мин выступил с такими предложениями в «обращении к французам, проживающим в Индокитае». 6 января он заявил специальному корреспонденту газеты «Резистанс», что он ожидает, что Франция «сделает первый шаг».

звали в Ханое огромный митинг; отвергая критику со стороны «ультранационалистов», они публично разъяснили:

> В этом соглашении есть положения, которые нас удовлетворяют, и есть положения, которые нас не удовлетворяют... Люди, которые не удовлетворены, понимают полную независимость только как лозунг — лозунг на бумаге или на словах. Они не видят, что независимость страны определяется объективными условиями... Мы не избрали длительного сопротивления, потому что международная обстановка нам не благоприятствовала... Мы пошли на переговоры, для того чтобы сохранить и укрепить наше политическое, военное и экономическое положение...

Это соглашение, дополненное 3 апреля военной конвенцией [1], в которой указывались места размещения французских и вьетнамских гарнизонов после отвода китайских войск (который должен был быть окончательно завершен в мае — июне), укрепляло позиции Демократической Республики Вьетнам.

Правительство Хо-ши-Мина наряду с ведением дипломатических переговоров с целью стабилизировать еще непрочные франко-вьетнамские отношения (конференции в Далате и Фонтенбло, парижское соглашение от 14 сентября) старалось в течение весны и лета 1946 года укрепить вновь созданное национальное государство в экономическом и политическом отношении.

Борьба за увеличение сельскохозяйственного производства, начатая осенью, борьба за урожай «пятого месяца» велась интенсивно.

С приближением сезона дождей на первый план встала проблема борьбы с наводнениями. В течение лета было отремонтировано и укреплено большое число дамб [2].

«Фронт экономической обороны», организованный доктором Тхать, стремился стимулировать кустарное и промышленное производство. Этой организации было поручено выкупить бывшие колониальные предприятия и в то же время обеспечить развитие национального промышленного производства, ограничивая, насколько это возможно, импорт иностранных товаров. Но независимость не означала изоляции, и Хо-ши-Мин, а затем Во-нгюен-Зиап в своих речах, произнесенных в Ханое в августе 1946 года, посвященных первой годовщине Августовской революции, про-

---

[1] По условиям конвенции французские войска должны были занимать только торговый порт Хай-фонг, угольную зону Хонг-гай, аэродром Диен-биен-Фу. Вьетнамские войска должны были занимать юг дельты и Северный Аннам, тогда как в районе Ханоя и остальной части дельты должны были быть размещены смешанные гарнизоны.

[2] По данным газеты «Нян зан» («Народ») от 11 августа 1946 года, было ликвидировано 150 размывов дамб, выполнено 980 тысяч кубических метров земляных работ; более 968 тысяч кубических метров земли было перемещено для укрепления дамб.

возгласили политику «открытых дверей». Они заявили о своей готовности без дискриминации, на основе равенства, принимать иностранных промышленников и торговцев.

От разрешения финансового и таможенного вопросов одновременно зависело упорядочение ресурсов государства и укрепление экономической независимости. Правительство Демократической Республики Вьетнам на деле отказалось от монополий на соль, алкоголь и опиум и от подушного налога, составлявших основу старой колониальной налоговой системы. Оно снизило земельный налог, а в сентябре 1945 года намечало даже полностью отменить его. Одновременно с этим правительство призывало все слои населения к добровольным пожертвованиям: среди буржуазии было собрано 20 миллионов пиастров и 400 килограммов золота. Но этого было недостаточно. Только эффективный финансовый и таможенный контроль мог обеспечить молодому государству здоровую финансовую систему.

К концу периода японского господства в стране быстро росла инфляция. С ноября 1945 года Индокитайский банк односторонним актом решил изъять из обращения банковские билеты достоинством в 500 пиастров и отказался признавать платежные векселя Демократической Республики Вьетнам, то есть рассматривать последнюю как преемника колониальной администрации. В ответ на это вьетнамцы ввели свою собственную денежную единицу, которая с февраля получила хождение в Южном Аннаме, затем в течение лета были постепенно введены мелкие купюры и разменная монета и, наконец, 3 ноября, после провала конференции в Фонтенбло, новая денежная система была введена во всей северной части страны.

В соответствии с соглашениями от 6 марта Вьетнам создал собственную таможенную систему: в мае были опубликованы первые таможенные тарифы. Таможенные конторы, постепенно создававшиеся в июне и июле в портах, и особенно в Хай-фонге, начали взимать пошлины, в частности с китайских товаров: табака, тканей. Пошлины должны были не только служить источником новых поступлений, но и изменить общее направление вьетнамской экономики, установленное французской таможенной политикой. Так, в ноябре были ликвидированы высокие пошлины на пряжу, введенные французской администрацией с целью разорения вьетнамских кустарей-текстильщиков, являвшихся потребителями иностранной пряжи.

Какие отношения сложились между новым режимом и различными категориями населения: рабочими, интеллигенцией, католиками и национальными меньшинствами?

Несмотря на свою немногочисленность, рабочие были призваны играть важную роль. Их было много в отрядах *ты-ве* крупных городов и в народных комитетах. Международный праздник трудящихся был признан легальным праздником, и 1 мая 1946 года было отпраздновано в условиях исключительного

подъема: 100 тысяч человек собралось около университета. Митинг длился с двух часов дня до половины одиннадцатого вечера; затем началась мощная демонстрация, в которой следовали рабочие в спецодежде, окружавшие сказочно разукрашенные повозки, железнодорожники, например, тянули макет паровоза, затем шли группы детей, женщин и, наконец, милиция. Лозунги демонстрантов гласили: «Создать национальную рабочую организацию», «Повысить уровень производства», «Обеспечить охрану здоровья трудящихся», «Добиться установления сотрудничества вьетнамского и французского народов на основе взаимного равенства», «Долой вероломные действия французских реакционеров», «За полную независимость». Митинги и демонстрации имели также место в Шон-тае, в Бак-кане, Ха-донге (20 тысяч участников), в Зя-ламе и в Тхай-нгюене (6 тысяч участников, включая нацменьшинства тхо и ман).

В конце весны и летом прокатилась новая волна забастовок, в частности на иностранных предприятиях. В апреле 1946 года состоялась забастовка 200 рабочих «Эйша ойл компани», которая длилась до 15 мая. В результате арбитража Службы труда, организованной правительством Демократической Республики Вьетнам, рабочим этой компании была повышена заработная плата. В июне в Хай-фонге 300 бастовавших рабочих потребовали установления восьмичасового рабочего дня и двойной оплаты сверхурочных часов. В октябре их требования были удовлетворены. 29 июня 5 тысяч шахтеров Хонг-гая в знак протеста против ничем не мотивированного увольнения некоторых рабочих объявили забастовку. В июле, после вмешательства вьетнамской Службы труда, они добились удовлетворения своих требований.

Правительство Демократической Республики Вьетнам не оставалось безразличным к требованиям рабочих. Оно организовало Службу труда, поддерживало создание Вьетнамской Всеобщей конфедерации трудящихся (*Тонг-лиен-доан Вьет-нам*: ТЛД) на базе старых рабочих обществ «за спасение родины». В ноябре был сделан новый шаг: Национальное собрание, созванное на вторую сессию, приняло законопроект о труде, который определял порядок найма рабочей силы, устанавливал минимум заработной платы, органичивал продолжительность рабочего дня, запрещал штрафы, вводил охрану труда на производстве. Отсутствие этих мероприятий при старом режиме создавало совершенно невыносимые условия труда.

Интеллигенция также играла важную роль в строительстве нового государства. Первые успехи борьбы с неграмотностью повысили ее ответственность и авторитет: с сентября 1945 года по декабрь 1946 года с помощью 95 665 учителей было обучено грамоте 2 720 678 человек. «Культурный фронт за спасение родины» старался ориентировать писателей на создание новой литературы. В поэзию Суан-Диеу, например, в которой еще отводилось место

традиционным темам («Доверять аромат легкому ветерку...»), все настойчивее проникали современные темы, в результате чего появились такие поэмы, как «Национальное знамя» и «Объединение нации». Возрождается наиболее удобный для широкого распространения вид литературного произведения — драма в стихах, то вдохновляемая старыми легендами вроде легенды о Духе гор и о Духе вод, то современными темами, как восстание в Бак-шоне в период японской оккупации.

Ханойский университет стал одним из центров этого обновления. Обязанности ректора этого университета исполнял Нгюен-ван-Хюен, вьетнамский ученый с мировым именем, этнолог, старейший член французского Дальневосточного института. По мере организации факультетов оживлялось изучение истории, литературы и вьетнамского языка, которыми так пренебрегали в предшествующую эпоху. Стала развиваться деятельность ханойского Института Пастера, а в больнице Йерсена был организован донорский пункт.

Но это культурное возрождение не носило характера борьбы против всего иностранного, точно так же, как экономическая независимость страны не означала ее изоляции. Журнал «Ле пепль» — еженедельник, издававшийся на французском языке в Ханое, выгодно отличался как по языку, так и по интересу, проявляемому им к французской литературе послевоенного периода и периода Сопротивления, от ежедневных французских газет в Сайгоне с их статьями сомнительного содержания. Хотя имена французских адмиралов больше не фигурировали в названиях улиц и площадей городов Вьетнама, но Франция осталась там представленной именами Вольтера, Пастера, Парижской коммуны, Йерсена, Рода, Дидро, Виктора Гюго. Чыонг-Тинь, председатель Ассоциации по распространению марксизма, решительно осудил в 1948 году нетерпимое отношение к иностранной культуре:

> Борясь против жестокой политики французских колонизаторов, мы не упускаем случая использовать подлинную культуру французского народа. Вопреки ожиданию колонизаторов мы в течение всего периода французского господства смогли в известной степени научиться мыслить и действовать в соответствии с научными методами. Наша живопись, наша литература, наша музыка, наша архитектура носят печать прогрессивного влияния французской культуры [1].

Эти экономические и социальные успехи Вьетнама, которые были достигнуты благодаря деятельности правительства, в свою очередь способствовали укреплению политической власти последнего. Подрывная деятельность прокитайски настроенных поли-

---

[1] Truong-Chinh, La culture vietnamienne d'hier et d'aujourd'hui, «La Nouvelle Critique», janvier 1954.

тиков из партии ВНКЗД и Донг-минь-хой стала совершенно нетерпимой. Так, на следующий же день после соглашения от 6 марта они безуспешно пытались спровоцировать новые инциденты, совершив 20 апреля нападение на английского майора в Ханое и спровоцировав 28 апреля в Хай-фонге серьезное столкновение между французами и вьетнамцами.

Правительство ответило на это не только тем, что вынесло эти действия на суд общественности (передовая статья «Кыу Куок» от 19 июня разоблачала «тех, кто пытается создать инциденты»), оно также прибегло к насильственным мерам; были подвергнуты обыску помещения организаций ВНКЗД, разоружены их отряды, имевшие запасы оружия, оставленного чанкайшистами, была арестована значительная часть руководителей организации, а остальные, как например Нгюен-тыонг-Там, который был министром иностранных дел созданного в марте правительства[1], бежали в Китай. Однако, несмотря ни на что, ВНКЗД, которая имела славное прошлое, все-таки не исчезла совсем. В июле члены этой партии отказались от антивьетминьского направления, навязанного партии в последние месяцы ее руководителями, и реорганизовали партию.

С другой стороны, правительство сохранило хорошие отношения с католическими кругами, установленные после революции. Хо-ши-Мин во время пребывания в Париже послал письмо папе Пию XII. В то же время правительство Демократической Республики Вьетнам продолжало благоприятную политику в отношении национальных меньшинств. С ними поддерживались хорошие отношения, установленные еще во времена подполья, когда Во-нгюен-Зиап, укрывавшийся в горах Северного Вьетнама, боролся против японцев вместе с партизанами из народностей ман и тхо. В результате выборов национальные меньшинства были представлены в Национальном собрании. Во-нгюен-Зиап в своей речи по поводу первой годовщины революции напомнил принципы, на которых правительство основывает свои отношения с горными народностями: свободное развитие этих народностей, экономическая и культурная помощь со стороны правительства и солидарность различных национальных групп Вьетнама в интересах укрепления независимости страны. К моменту событий, развернувшихся осенью, эта политика начала приносить свои плоды только в отношении национальных меньшинств, проживающих к северу от Красной реки: народностей нунг, тхо и ман, — тогда как район, населенный народностью тхаи, которая является наиболее значительной группой национальных меньшинств с точки зрения занимаемой территории, численности и политического веса, еще не имел никаких связей с Демократической Республикой Вьетнам.

[1] Накануне 6 марта Хо-ши-Мин переформировал свое правительство, расширив в нем участие националистов, с тем чтобы придать соглашениям возможно более широкую базу с вьетнамской стороны.

Католики и национальные меньшинства — эти две категории вьетнамского населения, отход которых от борьбы в 1885—1895 годах так серьезно подорвал движение сопротивления, — теперь снова вошли в единую национальную семью.

Но национальный союз, созданный таким образом между фронтом Вьет-минь, католиками, национальными меньшинствами, реформаторскими элементами ВНКЗД, а также социалистами [1] и демократами [2], не представлял собой только соглашение «верхов», осуществленное в результате искусной дозировки политических направлений или в результате рискованных программных компромиссов. Изучать только с этой точки зрения эволюцию Демократической Республики Вьетнам, как это делают некоторые,— значит не видеть ничего, кроме одной стороны этой эволюции.

Особенно важным для страны является тот факт, что, начиная с Августовской революции, в политической жизни стали принимать участие широкие слои населения, а не незначительная его часть, как это было в период существования тайных организаций и подпольной борьбы. Это изменение в политической жизни страны нашло свое отражение в созданной Хо-ши-Мином 27 мая, перед его отъездом во Францию, лиги *Лиен-вьет*, значение которой неверно оценили западные обозреватели. Речь шла об объединении более широких народных масс, чего не мог сделать Вьет-минь, являвшийся авангардной организацией с немногочисленными, хотя и испытанными в подпольной борьбе бойцами. Лига Лиен-вьет, в которую, впрочем, целиком вошел Вьет-минь в 1951 году, ставила своей целью через свои многочисленные комитеты на местах приобщить все население к политике правительства.

Мощные народные демонстрации весной 1946 года являлись живым свидетельством этой новой для Вьетнама политической деятельности. Некоторые из них носили характер старых национальных традиций. Так, 11 апреля впервые за 60 лет в Ханое собрались 50 тысяч человек для совершения старинной церемонии в честь королей Хунг — мифических правителей Вьетнама до китайского завоевания. Хо-ши-Мин совершил обрядовое приношение благовонных палочек, и была соблюдена минута молчания в честь борцов, павших за родину. 15 октября с большим блеском был отмечен праздник в честь Чан-хынг-Дао — героя победоносной борьбы против монголов в XIII веке; таким образом, новый Вьетнам не порывал со своим прошлым.

Но эти грандиозные демонстрации, которые правительство постоянно использовало для того, чтобы еще раз напомнить скептикам о своей подлинной силе, чаще всего посвящались

[1] Социалистическая партия Вьетнама была создана в 1946 году главным образом представителями интеллигенции.

[2] Демократическая партия *(Зан-тю данг)*, созданная участниками движения сопротивления, близко примыкала к Вьет-миню и пользовалась большим влиянием среди мелкой буржуазии.

политическим событиям послевоенных лет: 22 июля — демонстрация против диктатуры Франко; 19 августа — годовщина Августовской революции; 24 августа — день вьетнамских женщин; 2 сентября — годовщина независимости; 12 сентября — праздник детей; 23 сентября — годовщина с начала сопротивления в Намбо после вероломного нападения Грэйси и Седиля.

В начале осени 1946 года, когда осложнения в отношениях с Францией еще только начали проявляться, правительство сделало еще один шаг. Национальное собрание, собравшееся на вторую сессию, одновременно с законом о труде приняло также конституцию. Эта первая политическая хартия в истории Вьетнама устанавливала свободу личности, равенство граждан, всеобщее голосование и уважение частной собственности. Она устанавливала порядок работы Национального собрания; избранный ею Постоянный комитет осуществлял контроль над правительством в период между сессиями. Было предусмотрено активное участие населения на всех ступенях управления: в провинциях, муниципалитетах и общинах административные комитеты были подчинены народным советам.

В этой активной политической деятельности Демократическая Республика Вьетнам искала выход из тех трудностей, которые, начиная с лета и особенно с наступлением сухого сезона, стали создавать французы. Эта активная политическая деятельность широких масс являлась сильным оружием, которое неустанно «ковал» Во-нгюен-Зиап; однако оснащение вьетнамских войск было недостаточным; они располагали лишь запасами оружия, оставленного японцами, и кое-каким оружием, купленным у китайских торговцев Хай-фонга.

* * *

Первое затруднение во взаимоотношениях с французскими властями возникло в связи с вопросом о применении соглашений от 6 марта на юге Вьетнама. Для вьетнамцев юга, так же как и для демократического правительства, *целостность* вьетнамского государства была уже признанным фактом, хотя власти Демократической Республики Вьетнам, являвшиеся хозяевами положения на севере, на юге начиная с сентября 1945 года вынуждены были уйти в подполье. Три части страны — Тонкин, Аннам и Кохинхина (по старому колониальному делению) теперь стали называться *Бак-бо, Чунг-бо* и *Нам-бо* (Северный Вьетнам, Центральный Вьетнам и Южный Вьетнам), чтобы лучше подчеркнуть прочное единство страны. Однако Франция с марта отказалась рассматривать Нам-бо как составную часть Демократической Республики Вьетнам и затягивала с огранизацией референдума, предусмотренного соглашениями.

Сопротивление на юге продолжалось. Его вдохновителем являлся бывший моряк Нгюен-Бинь, выходец из рядов ВНКЗД,

примкнувший к Демократической Республике Вьетнам после того, как Чан-ван-Зяу был отозван на север. Несмотря на отдельные политические трудности: отсутствие кадров и сильное влияние на крестьян раскольнических элементов (каодаистов и хоа-хао),— Нгюен-Биню удалось не только «удержать» в военном смысле освобожденную им зону, но и наладить там политическую жизнь. В Тростниковой долине, на мысе Ка-мау, в горных северных районах Кохинхины действовали школы и административные комитеты; было положено начало развитию ремесленного производства и борьбе с неграмотностью. Партизанская война не прекращалась даже в «усмиренных» зонах: с июня 1946 года прекратилось железнодорожное сообщение. Даже города признавали власть Нгюен-Биня: изданный им в августе приказ не выходить из домов, чтобы отметить годовщину революции, последовательно выполнялся в Сайгоне и в других городах.

Политический аппарат, который французы пытались противопоставить подпольным властям Нам-бо, не только не укреплялся, но, наоборот, ослабевал. 1 июня 1946 года адмирал д'Аржанльё в нарушение соглашения от 6 марта объявил о создании «Республики Кохинхины», во главе которой были поставлены последние верные колонизаторам лица, такие, как Ти, Тхинь (который стал президентом республики), Суан и Там. Разве это мероприятие не противоречило соглашениям, которые предусматривали проведение референдума по данному вопросу? Казуистический аргумент адмирала, заявившего, что автономная республика создана, чтобы подготовить этот референдум, мог удовлетворить только послушных ему подставных лиц из вьетнамцев. О подлинном престиже этих лиц можно судить по следующим фактам: в то время как газеты, выступавшие за единство, выходили в Сайгоне более чем в 50 тысячах экземпляров, пресса, выступавшая за автономию, с трудом продавалась в количестве 4—5 тысяч экземпляров, несмотря на официальные заказы и субсидии.

Чтобы сыграть злую шутку с Демократической Республикой Вьетнам и «балканизировать» Вьетнам, местные коллаборационисты, сотрудничавшие с адмиралом д'Аржанльё, пытались также опереться на вождей племен и деревень национальных меньшинств Южного Вьетнама. 14 мая адмирал принял «великую клятву» вождей народности мои, а 27 мая создал Комиссариат горных народностей Южного Индокитая (КПМСИ). Это чрезмерное усердие адмирала странно отличалось от полного безразличия, которое в течение 80 лет колонизации французы проявляли в отношении этих же самых народностей.

Наконец, было осуществлено еще одно мероприятие, направленное на подрыв единства Вьетнама: власти Сайгона создали весной в Аннаме к югу от 16-й параллели административные комитеты, сформированные из «надежных» вьетнамцев, то есть наиболее враждебно настроенных по отношению к Демократической Республике Вьетнам.

Единство и независимость Вьетнама, которому угрожали внутренние силы, подвергалось также опасности извне, так как Париж ставил вопрос о создании Федерации. По системе Думера крепкая политическая организация, какой являлась Индокитайская Федерация, прочно удерживала три части Вьетнама, а также Лаос и Камбоджу. 6 марта 1946 года Демократическая Республика Вьетнам согласилась остаться в Федерации и во Французском Союзе, но на новых основах, которые должны были быть свободно обсуждены. Чтобы определить эти новые основы, в начале лета в Фонтенбло открылась франко-вьетнамская конференция, подготовленная весной во время первого совещания, состоявшегося в Далате между французскими и вьетнамскими представителями (так называемая первая конференция в Далате).

Не дожидаясь обсуждения и принятия совместных решений на этой конференции, адмирал с согласия Парижа пытался поставить общественность перед свершившимся фактом. Начиная с весны, он восстановил федеральное управление таможней, продолжал признавать Индокитайский банк как федеральный эмиссионный институт и установил в Ханое федеральное управление почты, телеграфа и телефона. Эти односторонние меры предвосхитили решения, принятые в Фонтенбло. Идя еще дальше и действуя вопреки букве и духу соглашений от 6 марта, адмирал созвал летом «вторую конференцию в Далате», на которую были приглашены профранцузски настроенные элементы Лаоса, Камбоджи, «Автономной республики Кохинхины», «КПМСИ» (Комиссариат горных народностей Южного Вьетнама) комитетов Южного Аннама, но не была приглашена Демократическая Республика Вьетнам. В это же время был сделан еще один шаг в сторону разрыва: не только была восстановлена Индокитайская Федерация, из нее была исключена как политическая организация Демократическая Республика Вьетнам.

Эти действия адмирала осложнили на переговорах в Фонтенбло задачи вьетнамских представителей, а именно: самого Хо-ши-Мина, приехавшего в Париж в июне 1946 года, с которым Бидо публично поцеловался, Фам-ван-Донга, социалиста Хоан-минь-Зяма — министра иностранных дел, и Чан-нгок-Даня, избежавшего смерти на Пуло-кондоре. По вопросам о Кохинхине, о таможенном статуте и валюте, а также по вопросу о суверенитете Вьетнама французская делегация, возглавлявшаяся финансовым тузом, членом МРП Максом Андре, отклонила все важнейшие уступки, и конференция не пришла ни к каким результатам. В сентябре 1946 года, в самый последний момент переговоров в Фонтенбло, Хо-ши-Мин сделал последнее усилие к примирению, подписав *модус вивенди,* по которому он временно, до новых переговоров, соглашался на установление единой таможенной системы и валюты в Индокитае; со своей стороны, французы обещали прекратить огонь в Кохинхине.

В начале ноября *модус вивенди* был эффективно применен в Кохинхине. Сразу же паническое настроение охватило нотаблей, привлеченных к сотрудничеству адмиралом. Тхинь, сознавая безвыходность своего положения, 9 ноября покончил жизнь самоубийством.

Однако это запоздалое прекращение огня оказалось недостаточным, чтобы остановить ход событий. Так, в Северном Вьетнаме сторонники старого колониального режима решили прибегнуть к силе. Для них соглашение 6 марта 1946 года было только временной передышкой. Начиная с 10 марта «Каравель», официальный еженедельник ТФЕО, давал крупным шрифтом заголовок над пятью столбцами: «Французские войска высаживаются в Тонкине», — в то время как политические условия соглашения печатались без комментариев и набирались самым мелким шрифтом. Вернуться в Тонкин — такова была первоочередная цель французов. А затем пришел бы час и ликвидации Демократической Республики Вьетнам.

> «В этот же самый день, 18 марта 1946 года, спустя год после японского переворота и 7 месяцев после моего приезда в Ханой, французское население восстановило свои жизненные права, а французские войска маршировали по улицам Ханоя... Моя миссия, следовательно, была выполнена», — заявляет без обиняков Ж. Сэнтэни, который сам был участником переговоров, закончившихся подписанием соглашений 6 марта [1].

Циркуляр генерала Валлюи от 10 апреля 1946 года хладнокровно намечал следующий шаг: чтобы обеспечить охрану французских интересов, он предписывал комендантам каждого города разработать план первоначальной «безопасности»:

> ...последний должен содержать, с одной стороны, план постоянной расквартировки войск и особенно конкретный план передвижения войск по городу... Когда этот план будет разработан и принят в общих чертах, тогда его необходимо будет как можно скорее дополнить введением ряда мероприятий, которые должны постепенно изменить и *преобразовать план чисто военной операции в план государственного переворота* [2].

Созидательная деятельность Демократической Республики Вьетнам вызывала особенную враждебность французского финансового капитала, который скрепя сердце признал соглашения от 6 марта, но не примирился с этим. Он видел, как быстро исчезали преимущества и привилегии, которые ему обеспечивал старый колониальный режим, и не мог с этим смириться.

---

[1] J. Sainteny, Histoire d'une paix manquée.

[2] Циркуляр, опубликованный вьетнамскими властями в меморандуме, адресованном французскому правительству 31 декабря.

В ноябре 1946 года правительство Демократической Республики Вьетнам, отчаявшись добиться соглашения, установило на всей территории свою собственную денежную единицу. В ноябре же были установлены новые таможенные тарифы на хлопок, целью которых являлось обеспечение подъема вьетнамской промышленности. Французские промышленники выступили с протестом, а 10 тысяч рабочих хлопчатобумажного комбината в Намдине 11 ноября объявили забастовку в знак солидарности с решением Демократической Республики Вьетнам. Кроме того, в ноябре был принят закон о труде, положения которого, впрочем, были элементарны и эквивалент которого давно уже был ратифицирован в Женеве конференциями Международного бюро труда (в том числе и французскими представителями). Конечно, эти мероприятия были несовместимы с методами руководства, практиковавшимися в течение 80 лет на колониальных предприятиях, и с прибылями, которые эти методы обеспечивали. Кодекс о труде предусматривал, между прочим, чтобы на предприятиях, где число рабочих превышало сто человек, обязательно был свой врач. В связи с этим один из глашатаев колониальных капиталистов П. Селерье тотчас же заявлял о «военной машине, пущенной в ход против французских интересов». Отказываясь видеть, что подходит конец его прежним привилегиям, крупный колониальный капитал прямо инспирировал применение политики силы, к которой французские власти и прибегли в ноябре и декабре.

Высказывания Филиппа Девийе, Поля Мю, Анри Лану о хайфонгской афере в общем совпадают; их сообщения ясно показывают ответственность французов — и не только агентов-исполнителей на местах, но и властей в Париже, и в частности члена МРП министра Бидо.

19 ноября, когда чиновники французской таможни пытались осмотреть китайскую джонку, произошла перестрелка. Французское высшее командование немедленно воспользовалось этим случаем и побудило полковника Дебе, ответственного за этот район, занять непримиримую позицию. Генерал Валлюи 21 ноября телеграфировал из Сайгона:

> Вследствие событий 20 ноября в Хай-фонге считаю необходимым использовать инцидент для улучшения нашего положения в Хай-фонге...

А 22 вечером сообщал:

> Используя все средства, имеющиеся в вашем распоряжении, вы должны стать полными хозяевами Хай-фонга и привести вьетнамское правительство и армию к раскаянию.

Утром 23 ноября, в то время как полковник Дебе направил вьетнамским властям в Хай-фонге ультиматум, морская артиллерия подвергла город бомбардировке, в результате которой было убито около 6 тысяч человек. Агрессия в Хай-фонге ясно показала правительству Демократической Республики Вьетнам истинные намерения французских властей.

Однако ханойская афера была еще более спорной. В декабре напряжение обострилось. Сайгон уже открыто продемонстрировал свое желание добиться разрыва и создавал заслон между правительством Хо-ши-Мина и Парижем, где у власти находилось эфемерное, однородное по своему составу правительство социалистов; таким образом, телеграмма Хо-ши-Мина Леону Блюму от 15 декабря, содержавшая важные предложения, была получена в Париже не 19 декабря, как предполагалось, а лишь 26 декабря.

С середины декабря 1946 года участились инциденты между французскими и вьетнамскими войсками в Тонкине. 18 декабря французские войска в Ханое заняли вьетнамские учреждения — Министерство финансов и Управление коммуникаций, откуда якобы раздавались выстрелы. Но Селерье, свидетель этих событий, признавал, что, когда эти учреждения были заняты, они были «совершенно пусты: в них не было ни людей, ни имущества».

19 декабря, в то время, когда Хоан-минь-Зям, министр иностранных дел Демократической Республики Вьетнам, тщетно просил, чтобы генерал Морльер принял его, последний потребовал разоружение отрядов *ты-ве.* Французы были непримиримы, как свидетельствует в своем меморандуме Хо-ши-Мин от 31 декабря. Этого не отрицают и интерпретаторы французской версии о событиях Девильер, Селерье, Сэнтэни. Однако, начиная с событий, имевших место вечером 19 декабря, появились разногласия между вьетнамской версией о французской агрессии и французской версией о вьетнамской «западне». По сообщению вьетнамцев, точно в 20 часов (или в 20 часов 3 минуты, как сообщал об этом непосредственно Лео Фигеру [1] один вьетнамский полковник из Ханоя) французские войска при поддержке броневиков начали наступление, но получили отпор со стороны вьетнамской армии. Если же верить официальным французским источникам, то в 20 часов вьетнамские соединения первыми почти повсюду одновременно открыли огонь по заранее согласованному плану. Однако, прежде чем сравнивать эти две версии, необходимо сделать некоторые замечания.

Прежде всего интерпретаторы французской версии, то есть версии о предумышленной вьетнамской агрессии, противоречат друг другу в важном пункте, а именно в отношении технической подготовки вьетнамцев с целью этой агрессии. По мнению Селерье, «Вьет-минь, казалось, был до такой степени уверен в себе, что ничего не предпринял, по крайней мере в первые часы атаки, в отношении моста Думера, который связывает Ханой с аэродромом». В хорошо продуманном плане атаки контроль над мостом Думера, который изолировал французов, занимал бы основное

[1] Лео Фигер — видный французский журналист и общественный деятель, много писавший о Вьетнаме. — *Прим. ред.*

место. Но, согласно Девийе, «мост Думера был объектом саботажа с целью прервать наши сообщения с аэродромом Зя-лам».

Относительно времени начала действий также высказываются противоречивые версии. Девийе ограничивается заявлением о «некотором передвижении», тогда как Селерье, более многословный и более наивный, признает, что военные действия начались в совершенно различные часы: в Хай-зыонге — в 22 часа 30 минут, в Фу-ланг-тыонге — в 1 час 30 минут утра, в Вине, как и в Нинь-бине, Хюэ, Кам-фа, Хонг-гае, — в 4 часа утра. Но он тотчас же заключает, что этим вьетнамцы еще раз доказали свою хитрость. Но можно было бы заметить, что эти действия также соответствуют и противоположной версии о развернувшихся событиях...

Наконец, ночью попали в руки французских войск важные политические деятели Демократической Республики Вьетнам: министры, члены Национального собрания и другие. Однако достоверны ли противоречивые сведения этих глубоких знатоков «азиатской души» Девийе, Селерье и Сэнтэни о неспособности, о самонадеянности и хитрости вьетнамцев? И нет ли в этих свидетельствах совершенно очевидного доказательства противоположной версии?

Даже при отсутствии *французских* документов, устанавливающих ответственность экспедиционного корпуса за разрыв отношений, очень трудно рассматривать французскую версию как абсолютно надежную...

16 месяцев, протекшие со времени Августовской революции до ханойской аферы, имели для истории вьетнамской нации решающее значение. Вьетнамское национальное государство было восстановлено. Несмотря на предательство отдельных лиц, Демократическая Республика Вьетнам объединяла вокруг себя все более широкие слои населения... Хотя ее созидательная деятельность и не была совершенной, однако по тому, что ею было сделано, можно судить о силе ее воздействия на все области жизни страны: политическую, экономическую, социальную и культурную. Несмотря на кровавый финал, этот шестнадцатимесячный период был периодом успеха Демократической Республики Вьетнам.

Следует ли объяснять успех республики, как это делают некоторые, иностранным вмешательством? Теория «Вьет-минь связан с Японией», которая была довольно популярной в 1945—1946 годах, практически оказалась несостоятельной. Но некоторые продолжали утверждать, что международное соперничество, бурно развернувшееся в Юго-Восточной Азии после капитуляции Японии, решительным образом благоприятствовало Вьет-миню. Конечно, это соперничество сыграло какую-то роль. Оно создало для Демократической Республики Вьетнам значительное поле для маневрирования между Францией и гоминьдановским Китаем, Англией и Соединенными Штатами, которые спорили из-за земель и рынков Дальнего Востока в потрясенном войной мире.

Но почему Вьет-минь оказался способным использовать это поле?

Для объяснения этого ссылаются обычно на «ловкость», «индивидуальную способность» его вождей, которые по уму и таланту якобы были выше своих противников из ВНКЗД или *Донг-минь-хоя.* Конечно, нет никакого сомнения в том, что руководители Вьет-миня пользовались большим авторитетом, завоеванным ими в прошлом в борьбе против Японии и как старейшие деятели Коммунистической партии Индокитая. Но их сила заключалась не в «личном» превосходстве, она зиждилась на их полной независимости по отношению к японским, французским и гоминьдановским властям, которые в разное время истории господствовали над вьетнамским народом.

Кроме того, следует отметить, что руководители Демократической Республики Вьетнам черпали силу в своей стране, то есть в двадцати миллионах самих вьетнамцев. Меры борьбы против голода, против инфляции и против неграмотности не имели ничего общего с «всеобщей демагогией», как их иногда характеризуют, они являлись выражением самой сущности нового режима. Это не значит, что ВНКЗД или южные власти в Сайгоне не намеревались действовать таким же образом, но, представляя невьетнамские интересы вне страны и частные интересы внутри страны, они неспособны были последовательно привести к нужным результатам эти меры, отвечающие общим интересам.

Именно двадцать миллионов вьетнамцев определяли в конечном итоге успех или крах всякой правительственной группировки. Именно приговор этих 20 миллионов в декабре 1945 года заставил националистских политиканов Северного Вьетнама, боявшихся потерять всякое доверие народа, хотя бы временно присоединиться к Вьет-миню. Именно их приговор осудил доктора Тхиня на самоубийство, именно их приговор сделал таких людей, как националист Нгюен-тыонг-Там, видными людьми в 1945—1946 годах и предал их забвению, когда они сошли с великого пути. Именно эти самые широкие слои народа, пришедшие в движение в 1945—1946 годах на митингах, вечерних курсах, в комитетах борьбы с голодом, на всевозможных собраниях, оказались в 1948—1954 годах в состоянии противостоять подавляющему военному превосходству своих противников с их самолетами и танками, проносившимися над джунглями и рисовыми полями. Битвы за Као-банг, Хоа-бинь, Диен-биен-фу политически были выиграны (или проиграны) еще до того, как там развернулись военные действия.

Глава XIII

ПОДЪЕМ ВЬЕТНАМСКОГО ДЕМОКРАТИЧЕСКОГО ГОСУДАРСТВА (ДЕКАБРЬ 1946 ГОДА — ИЮЛЬ 1954 ГОДА)

Едва встав на ноги, едва организовавшись, Демократическая Республика Вьетнам была втянута в беспощадную войну, которая продолжалась около восьми лет. Если политическое, экономическое и культурное строительство нового государства, начатое в 1945—1946 годах, и продолжалось, то только в военных целях и в рамках, допускаемых военным положением.

В течение первых десяти месяцев 1947 года военная обстановка сложилась далеко не в пользу Демократической Республики Вьетнам. Этот первый период был периодом французских наступательных операций, которые развертывались в широких масштабах по всей стране. Наступательные операции французов натолкнулись на упорное сопротивление. Например, Ханой силами одного полка, состоявшего в основном из городских рабочих, защищался до середины февраля. Два взвода обороняли дворец правительства от непрерывных атак восьми французских танков в течение нескольких дней. Эта героическая борьба в течение восьми недель не только прославила защитников столицы, но и дала возможность эвакуировать сотрудников и документы государственного аппарата, который возобновил работу в свободных районах Севера.

Благодаря этой героической борьбе удавалось зачастую в исключительно тяжелых условиях вывести станки и машины, генераторы, разнообразные материалы, которые облегчили организацию военного и гражданского производства на территории свободных районов.

Но оборона Ханоя, а также не менее героическая оборона других крупных городов Северного и Центрального Вьетнама могла только временно задержать, но не остановить захватчиков. Большое материальное превосходство экспедиционного корпуса позволило ему в засушливый сезон 1947 года овладеть такими крупными центрами, как Ханой, Хай-фонг, Нам-динь, Хюэ, угольный бассейн Хонг-гая, а также основными сухопутными и речными коммуникациями. Демократическая Республика Вьетнам

вынуждена была отступить. В дельте Красной реки, в Среднем районе Тонкина, в районах, населенных народностью тхаи, а также на прибрежных равнинах Центрального Вьетнама ее силы рассредоточивались мелкими группами в тылу расположения коммуникаций противника, тогда как в горных районах Северного Вьетнама, на севере Аннама (Тхань-хоа, Нге-ан и т. д.), а также в провинциях к югу от Хюэ более благоприятные географические и политические условия позволили создать «опорные базы».

С самого начала войны вьетнамское правительство провозгласило лозунги, которые вдохновляли народ на борьбу. Буквально на следующий день после событий 19 декабря был брошен клич:

> Лучше смерть, чем рабство! Поднимайтесь! Вперед, дорогие соотечественники! Кто бы вы ни были, мужчины и женщины, старые и молодые, какую бы религию вы ни исповедывали, к какой бы национальности вы ни принадлежали, если вы считаете себя вьетнамцами, поднимайтесь на борьбу против французских колонизаторов, за спасение родины. Кто имеет винтовку, пусть сражается с винтовкой в руках, кто имеет меч, пусть поднимет меч, у кого нет ни винтовки, ни меча, пусть дерется лопатой, мотыгой, палкой. Ни один человек не должен остаться вне патриотической борьбы против колонизаторов!

В 1947 году Хо-ши-Мин еще раз напомнил о необходимости опираться на народные массы, подчинять стратегию интересам политики:

> Мы временно теряем территорию, но мы полны решимости сохранить сердце народа. Сохранить сердце народа — это значит сохранить твердую уверенность в том, что мы возвратим временно потерянную территорию.

Однако в этом случае война должна была неизбежно принять характер «затяжной» войны. Это предсказывал в 1947 году Чыонг-Тинь, председатель Ассоциации по распространению марксизма и бывший генеральный секретарь Коммунистической партии Индокитая в своей брошюре «Мы обязательно победим». В этой брошюре он также определил три этапа, через которые должна пройти война. Первым этапом является этап «оборонительной стратегии»:

> Сначала мы были слабыми, а враг значительно сильнее. Поэтому стратегия врага была наступательной, а наша стратегия была оборонительной... В течение этого периода наша тактика состояла в ведении позиционной войны в городах, где мы старались отстаивать дом за домом, улицу за улицей, квартал за кварталом... Постепенно враг распространил сферу своих действий за пределы крупных городов, захватил большую часть городов и коммуникации, тогда позиционная война отошла на второй план, уступив место маневренной войне...

Затем идет этап «стратегии равновесия сил»:

Нашей военной и политической задачей на этом этапе является изматывать силы врага, уничтожать целые вражеские подразделения, не давать противнику покоя, с тем чтобы воспрепятствовать всем его экономическим мероприятиям и грабежам, мобилизовать народ на вооруженную борьбу против марионеточной власти...

В конце этого этапа мы приступим к подготовке контрнаступления. Второй этап будет *самым продолжительным и наиболее насыщенным событиями и разными неожиданностями.*

...возможно, что третья империалистическая страна окажет поддержку колонизаторам в борьбе против нас.

Наконец, третий этап характеризуется «общим контрнаступлением»:

Стратегию контрнаступления определяют два фактора. Во-первых, это то, что силы нашей армии и нашего народа крепнут. Во-вторых, это то, что силы врага ослабевают, враг деморализуется, он погибает, столкнувшись с непреодолимыми трудностями... истощенная экономика и финансы французов не могут больше в надлежащей мере снабжать экспедиционный корпус или французский народ не захочет продолжать войну во Вьетнаме... будет шириться движение против войны, против колонизаторов-реакционеров...

В начале этого этапа основной формой борьбы будет маневренная война, поддерживаемая партизанской войной. Но скоро и в широком масштабе партизанская война станет маневренной... Затем в конце маневренной войны партизанская война превратится в позиционную. Позиционная война станет основной формой борьбы в конце этого этапа...

Смогла ли удержаться в начале этапа «оборонительной стратегии» государственная власть Демократической Республики Вьетнам перед лицом наступательных действий французов зимой и весной 1947 года?

Центральному правительству ценой огромных материальных трудностей удалось эвакуироваться во Вьет-бак — старый район восстаний, расположенный между дельтой и китайской границей. Отделы министерств и документы были размещены в соломенных хижинах деревень. При Совете министров продолжала работать Постоянная комиссия, избранная Национальным собранием в ноябре 1946 года. В июле 1947 года Совет министров был реорганизован, с тем чтобы дать больше мест «беспартийным»: наряду с социалистами, демократами и коммунистами в него вошли три католика, один буддист, два националиста, восемь независимых и два бывших мандарина.

Однако это действительно существующее правительство было поставлено в очень своеобразные условия. Оно поддерживало связь со всеми другими базами сопротивления, в том числе с базами, находившимися в Южном Вьетнаме, и с организациями, оставшимися на оккупированной территории, но эта связь была ненадежной. Следовательно, было невозможно по-настоящему централизовать власть. Правительство было вынуждено ограничиваться лишь принципиальными указаниями и предоставить широкую свободу действий районным и местным властям. Страна была разделена на четырнадцать военных зон, которым была предоставлена широкая автономия. В деревнях, уездах (*фу* и *хюенах*) и провинциях исключительно широкие полномочия были предоставлены Административным комитетам сопротивления (*Уи-бан кханг-тиен хань-тинь*), избранным населением и уходившим в подполье, где это было необходимо. В течение этого первого периода все экономические, культурные и военные вопросы, разрешение которых было необходимо для обеспечения успеха «длительного сопротивления», регулировались в стране эмпирически, в местных масштабах.

Как и в предыдущий период и даже еще в большей степени борьба с неграмотностью оставалась неотложной политической и социальной задачей. Правительству значительно легче было бы сплачивать народные силы, к которым оно обратилось с воззванием 20 декабря, если бы оно могло лучше их информировать и легко распространять такие документы, как упомянутая брошюра Чыонг-Тиня. С января 1947 года кампания по борьбе с неграмотностью приняла новую форму и стала проводиться под лозунгом «Учиться, чтобы вести борьбу сопротивления». Как и предшествовавшие 1945 и 1946 годы, 1947 год был годом многочисленных педагогических нововведений. Стремясь побудить население обучаться грамоте, правительство прибегало к воздействию на самолюбие, устраивая отдельные входы для неграмотных на паромы и рынки; в деревнях организовывалась взаимопомощь для изучения грамоты, был упрощен алфавит путем расположения букв в порядке возрастающей трудности: i, t, u, n, m вместо традиционного порядка a, b, c. За восемнадцать месяцев этой кампании удалось открыть 111 789 классов, где работало 117 911 учителей-профессионалов и учителей-добровольцев, что дало возможность обучить грамоте 3 491 900 человек.

Мобилизация местных экономических ресурсов позволила удовлетворить первостепенные нужды тыла и фронта.

Было налажено простейшее ремесленное производство различных товаров первой необходимости, таких, как бумага, мыло, ткани, металлоизделия, а также на базе машин и станков, эвакуированных из городов, были созданы центры по производству военной продукции. Предоставление крестьянам Северного Вьетнама 250 тонн семян риса в 1947 году (против 100 тонн в 1946 году) и денежных ссуд, сумма которых с 16 миллионов пиа-

стров в 1947 году увеличилась в 1948 году до 50 миллионов пиастров, вдохновило крестьян на увеличение сельскохозяйственного производства. Но все еще оставались значительные трудности, вызывавшиеся прежде всего военными операциями: производство кукурузы в 1947 году по сравнению с 1946 годом сократилось на 30 процентов, а производство батата — на 15 процентов [1].

Вьетнамским войскам, отступавшим начиная с 19 декабря, удалось сохранить свои силы, несмотря на их незавидное вооружение (в основном это были винтовки различных образцов, в лучшем случае — базуки). Отряды самообороны (*ты-ве*), народное ополчение (*зан-куан*), которые представляли своего рода резерв, и солдаты регулярной армии (*ве-куок-куан*) — все эти войска были разделены на мелкие группы. Некоторые регулярные части были разбиты на небольшие отряды, для того чтобы удобнее было переходить к методам партизанской войны. Если их общая стратегия была оборонительной и если они уклонялись от боя при атаках экспедиционного корпуса, то их местная тактика носила наступательный характер, и французские войска и их вспомогательные части с этого времени стали опасаться отходить далеко за город или отрываться от главных коммуникационных линий.

Нам-бо (Кохинхина) может служить наглядным примером жизни зон, контролируемых правительством Демократической Республики Вьетнам в период первого этапа войны, свидетельства же различных очевидцев, [2] относящиеся к 1947 и 1948 годам, позволяют познакомиться с характерными особенностями этой жизни.

Несмотря на неблагоприятные материальные условия, Исполнительный комитет Нам-бо установил в этот период эффективную связь с различными народными комитетами этого района. Помимо многочисленных сельских школ, в Тростниковой долине функционировало несколько средних школ и центры по подготовке юридических, политических и медицинских кадров. Там не было недостатка в ремесленной продукции, хотя и очень простой, и, кроме того, продовольственное положение здесь было лучше, чем на Севере, что объяснялось обилием риса и меньшей плотностью населения. Даже менее благосклонные свидетели, как Бить и Рум, заявляли в своих интервью:

> На всем протяжении наших странствований и повсюду, где мы останавливались, мы ни разу не встречали ни ни-

---

[1] Производство кукурузы сократилось с 234 тысяч до 165 тысяч тонн; производство батата — с 330 тысяч до 285 тысяч тонн. (Напомним, что в 1946 году производство этих дополнительных культур было значительно увеличено, для того чтобы компенсировать недостаток риса.)

[2] Об этом рассказывают инженеры Лафуж и Рум, а также *док-фу* Бить, освобожденные из заключения, куда они попали во время нападения на поезд («Л'эко дю Вьетнам», Сайгон, июль, 1947), Кл. Шоне в своем репортаже («Фран-тирёр», май, 1949), Ж. Шено («Аксьон», сентябрь, 1950), А. Ротс («Чайна уикли ревью», февраль, 1948).

щих, ни безработных. Все чисто одеты и выглядят сытыми. В самых бедных хижинах имеется в запасе 200—400 зя[1] риса и иногда значительные запасы батата и маниоки. Кроме того, этот район нам показался исключительно богатым рыбой. Население этих районов живет в достатке.

Из этих рассказов складывается впечатление об интенсивной политической деятельности демократических властей, о горячем энтузиазме и о сердечном единодушии всего населения. В комитете Нам-бо были представлены все политические направления и религиозные группы: министром финансов был католик, комиссаром внутренних дел — коммунист; их коллегами были демократы, социалисты и буддисты; в комитет входил также глава одного из течений каодаизма богач Као-чиеу-Фат. Но главное, вся масса населения принимала непосредственное участие в организационной работе зоны. Каждый вечер в деревнях происходило активное обсуждение внутреннего и внешнего политического положения, а также состояния местной работы. Многочисленные патриотические организации «за спасение родины», созданные в 1945—1946 годах, расширяли свою сеть, вовлекая в свои ряды женщин, молодежь, рабочих и т. д. Каждая организация, несмотря на большие трудности, издавала собственную газету.

И именно последовательное участие в борьбе за независимость обеспечило единство всех политических сил Нам-бо, тогда как троцкисты, выдвигавшие ультралевые лозунги (например, в сентябре 1945 года), а затем перешедшие к снисходительной тактике в отношении японцев, не смогли восстановить даже того влияния, которым они пользовались до войны, и практически исчезли как организованное политическое течение.

Таким образом, правительство Демократической Республики Вьетнам, несмотря на свою военную слабость, сохраняло в течение весны и лета 1947 года значительный политический вес на международной арене. Три ее делегата были очень горячо встречены на конференции стран Азии в Дели в мае 1947 года, на которой была принята резолюция, призывающая народы Азии оказать Вьетнаму поддержку в его борьбе за независимость. Правительство Хо-ши-Мина имело в Индии своего официального представителя. Власти Сиама разрешили обосноваться в Бангкоке делегации Демократической Республики Вьетнам, которая вела активную информационную и публицистическую деятельность[2]. В 1948 году доктор Тхать, официальный посланник вьетнамского правительства в Бирме, во время церемонии по случаю провозглашения независимости Бирмы встретился в Рангуне с ге-

---

[1] Зя равен 40 литрам.

[2] В 1949 году проамериканское правительство Пибула, пришедшее на смену либеральному правительству Приди, изгнало эту делегацию из Силом Роуда, где она занимала небольшой деревянный домик, после чего она обосновалась в Рангуне

неральным консулом Франции в Сингапуре Гибо, который также был официально приглашенным лицом.

И что особенно важно, авторитет Демократической Республики Вьетнам был непререкаем для всего вьетнамского населения, даже в зонах, в которых прочно укрепился экспедиционный корпус. Политика, которую в 1946 году начал проводить на юге д'Аржанльё и которую продолжил его преемник Болаэрт, потерпела полный провал. Глава каодаистов Хоать — бывший комиссар полиции при японском режиме, и его преемник Суан, окончивший Политехническую школу и выдававший себя за социалиста, преуспели не более, чем неудачник доктор Тхинь. И их тщетные усилия привлечь на свою сторону население района Сайгона в полной мере раскрываются в известном циркуляре о торговцах тканями, подписанном 8 марта 1947 года комиссаром Хоать, при благосклонной поддержке французской администрации в целях улучшения пропагандистских методов, к которым прибегали агенты «кохинхинского правительства».

> Я могу констатировать, что лучшей формой пропаганды является та, которая была использована в провинции Тан-ан...
>
> После выступлений с речью перед населением деревни на рынке или в общинном доме приступали к торговле тканями...
>
> Этот прием дает следующие преимущества:
>
> 1) Пропаганда за правительство, за автономию Кохинхины и за франко-кохинхинское сотрудничество исходит не от чиновника, оплачиваемого правительством, вследствие чего доверие народа к пропагандисту возрастает.
>
> 2) Пропагандист, сам принимающий вместе со своими агентами-торговцами участие в торговле тканями, может быть таким образом вознагражден за расходы, связанные с его миссией.
>
> 3) Охрана, осуществляемая вооруженными отрядами, обеспечивает безопасность пропагандиста...
>
> Я требую от всех глав провинций использовать для этой цели все сколько-нибудь значительные политические партии — Кохинхинский фронт, Демократическую партию [1]... предоставив им полную инициативу.
>
> Работникам пропагандистских отделов будут выданы патенты торговцев тканями и предоставлены все льготы.
>
> Как только партии будут привлечены к этому делу, вы совместно с военными властями организуете их поездки для ведения пропаганды.

---

[1] Демократическая партия, состоявшая из представителей сайгонской буржуазии, была образована доктором Тхинем в 1937 году. Не следует путать ее с *Зан-тю данг*, основанной в 1944 году и сотрудничающей с этого времени с Вьет-минем.

Уже на первом этапе войны, несмотря на первоначальные военные успехи, французским властям было ясно, что не может быть иного пути, кроме как «политическое» разрешение вопросов. В течение восьми лет факты не раз подтверждали эту формулировку, часто повторявшуюся французскими правителями. Сильная ненависть к войне, которую испытывала значительная часть французского народа, а также деятельность в самом правительстве министров-коммунистов не позволяли применить политику открытой силы, о которой некоторые так мечтали. Отставка адмирала д'Аржанльё, место которого занял в марте префект радикал Болаэрт, говорила о начале мирной политики, как об этом свидетельствуют инструкции, врученные последнему. Эти инструкции не были опубликованы, но все же они стали известны парламенту благодаря заявлению, сделанному 27 января 1950 года Морисом Торезом, занимавшим в 1947 году пост вице-председателя Совета министров, причем правильность этого заявления признал министр колоний Французского Союза Ж. Летурно в ходе дебатов по этому вопросу.

> Назначение Болаэрта, как и врученные ему инструкции, носили характер компромисса, к которому присоединились министры-коммунисты, чтобы остаться в правительстве и продолжать там работать на благо народа.
>
> ...было решено «соблюдать на всех ступенях военной иерархии твердую дисциплину и подчинение директивам правительства».
>
> ...главной миссией французских вооруженных сил во Вьетнаме являлось обеспечение безопасности гарнизонов и основных коммуникационных линий.
>
> В этих инструкциях не было речи о завоевании или новом захвате... Верховный комиссар должен был на месте вести переговоры, чтобы как можно быстрее положить конец военным действиям.
>
> Я добился, чтобы в этих инструкциях не фигурировало никакого исключения в отношении Хо-ши-Мина. Более того, в инструкциях было записано черным по белому, что «мы не можем выступать как реставраторы королевской династии...»

После выхода министров-коммунистов из правительства был предпринят целый ряд демаршей. В мае 1947 года, например, через посредство профессора Мю было передано требование о возврате военнопленных, дезертиров, военной техники, а также требования о капитуляции, что вызвало у Хо-ши-Мина известный ответ: «Во Французском Союзе нет места трусам, если бы я принял требование, я оказался бы одним из них». В августе, когда был выработан новый проект перемирия, командующие войсками получили запечатанные пакеты с указанием вскрыть их в полдень 15 августа. В этих пакетах содержался приказ о прекращении огня. Но Париж послал контрприказ. В августе же в Бангкоке

была установлена связь между вьетнамским уполномоченным Чан-ван-Зяу и французским министром Жильбером.

Но в сентябре, когда подходил к концу дождливый сезон, что давало благоприятную возможность для возобновления военных операций, наступил новый этап.

Речь, произнесенная проконсулом Болаэртом в Ха-донге и одобренная в Париже, разбила всякую надежду на соглашение с Демократической Республикой Вьетнам. Она свидетельствовала о том, что Болаэрт уклонялся от переговоров («эти предложения должны быть приняты целиком или отвергнуты полностью»); его речь содержала лишь неопределенный призыв «ко всем интеллигентным семьям Вьетнама». Таким образом, он ставил Демократическую Республику Вьетнам на одну доску с прояпонскими и прочанкайшистскими группировками в Сайгоне и Гонконге.

Эта новая установка, противоположная предписаниям, полученным Болаэртом в марте, вынудила его восстановить контакт с Бао-Даем. 18 сентября Бао-Дай, который в июле при переформировании правительства Хо-ши-Мина был утвержден верховным советником, обратился из Гонконга с призывом к вьетнамскому народу.

Но «баодаевское разрешение вопроса», осуществлявшееся с этого времени, обязательно ставило целью ликвидацию Демократической Республики Вьетнам с помощью силы[1]. В октябре 1947 года, с началом сухого сезона, было начато мощное наступление на редут Вьет-бака. Несколько десятков тысяч французских войск было брошено в треугольник Тхай-нгюен — Ланг-шон — Као-банг и были поддержаны многочисленными парашютными десантами и десантами, переправленными через реку Светлую на бронекатерах. Эти хорошо оснащенные войска, используя фактор внезапности, достигли некоторого успеха, и сайгонское радио даже поспешило сообщить о взятии в плен всех членов правительства Хо-ши-Мина и о захвате радиостанции «Голос Вьетнама». Но эта операция очень скоро провалилась. Многие захваченные провинциальные центры, такие, как Йен-бай, Тхай-нгюен, Тюен-куанг, французы вынуждены были спешно оставить, причем эвакуация проходила иногда в очень тяжелых условиях. Французские потери в людях и особенно в технике были велики. Захваченная вьетнамцами техника явилась ценным пополнением для вооруженных сил Вьет-бака в период их реорганизации.

В конце декабря экспедиционный корпус, помимо дельты, удерживал только посты на колониальной дороге № 4, идущей от моря до Као-банга через Ланг-шон и Тхат-кхе, и базу Лао-кай

---

[1] Весной 1947 года один из приближенных Болаэрта под вымышленным именем «коммерсанта г-на Маршана» заказал в Сайгоне билет на самолет до Гонконга, чтобы вести переговоры с Бао-Даем.

в районе, где Красная река пересекает вьетнамо-китайскую границу, а также область, населенную народностью тхаи. Ровно год спустя после начала войны произошел важный поворот в ходе военных действий — переход от первого этапа ко второму, по определению Чыонг-Тиня. В течение этих двенадцати решающих месяцев Демократическая Республика Вьетнам выстояла в военном и политическом отношении, несмотря на первоначальную дезорганизацию, которая явилась результатом событий 19 декабря, и несмотря на свою слабость по сравнению с противником в военном отношении и на очень тяжелые удары, нанесенные ей в начале сухого сезона.

Некоторые особенности вьетнамской жизни определенно облегчили это сопротивление. Уже на следующий день после начала войны вьетнамская деревня превратилась в очень крепкую политическую и социальную ячейку, куда в случае необходимости власти Демократической Республики Вьетнам могли отступить и смешаться с населением. Вьетнамское правительство нашло свое убежище за «бамбуковой изгородью» общин, не утрачивая в то же время своей сущности и своей силы.

Ремесло, сохранившееся в результате особых черт французского колониального режима, способствовало экономическому укреплению баз сопротивления. Это облегчило организацию самообеспечения тыловых баз, совершенно отрезанных от портов.

Но эти факторы не были определяющими, ибо они не предотвратили, например, поражение движения в 1930 и 1940 годах. И если Демократическая Республика Вьетнам выстояла, то главным образом благодаря своей политике. Ее успех был бы непостижим, если бы большинство вьетнамского населения в 1947 году как в тылу, так и в оккупированных местностях относилось к ней враждебно или безразлично. Только активная поддержка народом центральных органов правительства, армии и финансовых работников смогла компенсировать военную слабость республики по сравнению с противником, слабость которую она не пыталась скрыть. Воззвание правительства от 20 декабря, призывающее сражаться, если не с винтовкой, то с мечом в руках, если не с мечом, то с мотыгой, — было волнующим призывом.

* * *

Даже в самые тяжелые дни осени 1947 года престиж руководителей сопротивления во Вьетнаме оставался непоколебимым, и прежде всего престиж Хо-ши-Мина — президента республики, происходившего из старой семьи ученых и мандаринов, отец которого некогда поддерживал движение Фам-динь-Фунга в Северном Аннаме. Покинув Вьетнам в 1907 году, в период, когда победа Японии над царизмом воспламенила энтузиазм образованной молодежи страны, он во время Парижской мирной конференции оказался во Франции, где тщетно пытался привлечь

внимание Вильсона и Клемансо к вьетнамскому вопросу. Вступив в контакт с крайне левыми кругами, он на съезде в Туре выступал за присоединение французской социалистической партии к III Интернационалу. Затем сотрудничал в газете «Ля ви уврие», выступал с лекциями в «Клубе Фобура», основал выступавшую против колониализма газету «Пария» и издал ряд брошюр, таких, как «Обвинение французской колонизации». Возвратясь во Вьетнам, он стал одним из основателей партии Тхань-ниен, созданной в 1925 году, и Коммунистической партии Индокитая — в 1930 году. После его ареста в Гонконге, в 1932 году пронесся слух о его смерти. Но Хо-ши-Мин еще в расцвете сил (он родился в 1890 году) снова появляется на политической арене в 1941 году во время создания Вьет-миня. И с тех пор его деятельность отождествляется с этапами политического подъема вьетнамской нации: взятие власти 2 сентября, соглашение с Францией от 6 марта, поездка во Францию летом 1946 года и терпеливые поиски возможностей урегулирования конфликта, воззвание 20 декабря к всеобщему сопротивлению.

Как до 19 декабря, так и после его популярность была необычайной. Истертые банковские билеты принимались с радостью, рассказывал в 1950 году министр финансов Демократической Республики Вьетнам Лео Фигеру, если на них еще были видны хотя бы несколько волосков бороды президента. Каждый год в мае организуются праздники в честь дня его рождения, и дети соперничают со взрослыми, посылая ему свои пожелания:

Мой дядя Хо,
Я маленький мальчик далекого района.
Чтобы последовать за моими братьями-солдатами, я давно уже покинул семью.
Я перешел реку Зыонг и реку Као,
миновал посты Фу-тхонг, Зео-кхать, Ан-тяу, Лунг-вай,
пересек глубокие пропасти и высокие горы,
чтобы помочь моим старшим братьям бить колонизаторов.
Сейчас я, ребенок, в армии. Сегодня день твоего рождения,
и я посылаю тебе мои стихи,
чтобы пожелать тебе долгой жизни.
Пусть твои волосы никогда не седеют,
чтобы ты вел нас к победе.

Хо-ши-Мин, так же как и Мао Цзе-дун, является признанным автором поэм. Он написал ряд поэм в классическом вьетнамском стиле:

Голос источника ясен, как далекая песнь.
Луна просвечивает сквозь вековое дерево; ветер колышет цветы.
Ночной пейзаж вырисовывается, как на картине.
Человек не спит.
Он с волнением думает снова и снова о своей Родине.
Наша страна переживает тяжелое время.
Мы должны думать о сотнях, о тысячах дел.
Братья, дела Государства зависят от ваших усилий,
и чем больше будут ваши усилия,
тем значительней будет победа.

Большим авторитетом пользуется и Во-нгюен-Зиап, родившийся в 1909 году. Он принадлежит к семье мелких крестьян, уроженцев тех бедных «радикально настроенных» провинций Северного Аннама, которые сыграли столь большую роль в истории Вьетнама (уроженцем одной из таких провинций является и Хо-ши-Мин). Будучи студентом колледжа в Хюэ, он в 1925 году активно участвовал в национальном движении: в студенческих забастовках и демонстрациях по случаю похорон Фан-тю-Чиня. Затем он сотрудничал в националистической газете «Тиенг-зан» («Голос народа»), возглавляемой ученым Хюинь-тхык-Кхангом, который потом до самой своей смерти (он умер в марте 1947 года) был так же, как и Во-нгюен-Зиап, министром в правительстве Хо-ши-мина. Начиная с 1930 года Во-нгюен-Зиап принимает активное участие в коммунистическом движении в Ханое, снова сотрудничает в газетах; его арестовывают. В 1939 году его жена также была арестована и умерла в тюрьме, так и не повидавшись с ним. Именно ему Центральный комитет Вьет-миня поручил организацию первых вооруженных отрядов, действия которых привели к освобождению семи провинций Вьет-бака. Он подписывал соглашения от 6 марта. С декабря 1946 года Во-нгюен-Зиап является главнокомандующим вьетнамскими вооруженными силами.

К числу ветеранов вьетнамского революционного движения относится и Хоанг-куок-Вьет. В 1925 году он был учеником технической школы в Хай-фонге, затем поступил рабочим на шахты Мао-кхе в угольном бассейне Донг-чиеу, где руководил забастовками. По возвращении Хо-ши-Мина во Вьетнам он устанавливает с ним связь и примыкает к Тхань-ниен. В 1929 году его увольняют с работы в механических мастерских Хай-фонга. После образования Коммунистической партии Индокитая Хоанг-куок-Вьета посылают в Сайгон для работы среди докеров, но его арестовывают по дороге и ссылают на каторгу на остров Пуло-кондор, откуда он был освобожден в 1936 году по амнистии правительства Народного Фронта, так же как Чыонг-Тинь и Фам-ван-Донг. В 1937 году он вместе с Чыонг-Тинем основал газету «Лао-донг» («Труд»), которая выходила до 1939 года. В 1940 году избирается в Центральный исполнительный комитет Коммунистической партии Индокитая, а в 1941 году является одним из основателей Вьет-миня. В 1945—1946 годах, то есть в «ханойский период», участвует в реорганизации вьетнамского рабочего движения и создании Вьетнамской конфедерации трудящихся (ТЛД), председателем которой был избран в 1950 году.

Чыонг-Тинь, который с 1928 года являлся активным членом Тхань-ниен, был одним из редакторов газеты «Буа-лием» («Серп и молот»). Заключенный в ханойскую тюрьму, а затем сосланный на каторгу в Шон-ла, он вместе с другими революционерами был освобожден в 1936 году. После двухлетней общественной деятельности (1936—1938 годы), связанной с газетой «Лао-донг»,

в 1939 году уходит в подполье. После восстания в Бак-шоне Коммунистическая партия Индокитая поручает ему пропагандистскую работу, затем он становится генеральным секретарем партии, а с 1945 года является председателем Ассоциации по распространению марксизма.

Следует отметить еще двух выдающихся деятелей Сопротивления — Фам-ван-Донга и Тон-дык-Тханга. Первый из них — сын мандарина, человек блестящего ума, бывший учитель, старый член Коммунистической партии Индокитая и бывший политический заключенный, освобожденный во времена правительства Народного Фронта. Другой — семидесятилетний ветеран вьетнамского национального движения, бывший участник восстания на Черном море [1], сосланный на 17 лет на Пуло-кондор и освобожденный в 1945 году. Фам-ван-Донг является государственным деятелем, заместителем председателя Совета министров, а Тон-дык-Тханг — выдающимся представителем национального движения, вице-президентом Лиен-вьета, а с 1951 года его президентом.

Этим руководителям удалось сплотить вокруг себя целую группу людей, крайне разнородных по своей политической и социальной принадлежности. Представители тех «интеллигентных семей», к которым в 1947 году тщетно взывал проконсул Ха-донга, встретились в горах Вьет-бака.

К этой группе относятся такие представители старого Вьетнама, как Фан-ке-Тоай, который до 1945 года был верховным мандарином двора в Хюэ, а во время японской оккупации был назначен Бао-Даем наместником в Тонкине (его скрытые симпатии к освободительному движению облегчили к концу японской оккупации сопротивление вьетнамцев и взятие власти в августе 1945 года), или Фам-кхак-Хое, который вплоть до свержения Бао-Дая был премьером императорского правительства, затем примкнул к Демократической Республике Вьетнам и после ханойской атаки, попав в лапы экспедиционного корпуса, решительно отклонил предложения Пиньона о сотрудничестве, целью которого было восстановление власти Бао-Дая, что уже тогда намечалось.

В эту группу входят политические деятели ряда крупных партий Демократической Республики Вьетнам: министры-коммунисты Ле-ван-Хиен — министр финансов, в прошлом мелкий торговый служащий, и Нгюен-ван-Тао — министр труда, ветеран рабочего движения в Кохинхине, избранный в 1937 году по списку рабочей группы «Ла лютт» в сайгонский Колониальный совет; министры-социалисты: Хоанг-минь-Зям — министр иностранных дел, бывший учитель, Хоанг-тить-Чи — министр здравоохранения, бывший сотрудник института Пастера, автор научных работ по малярии, журналист Фан-ты-Нгиа — интеллигент, «возвратив-

---

[1] Имеется в виду восстание во французском флоте, участвовавшем в 1919 году в интервенции против Советской России. — *Прим. ред.*

шийся из Франции», в 1936 году — член секции СФИО в Ханое и основатель Вьетнамской социалистической партии в 1945 году, генеральным секретарем которой он является по настоящее время; интеллигент Зыонг-дык-Хиен, до войны являвшийся руководителем Всеобщей ассоциации студентов Ханойского университета, а с 1944 года — генеральный секретарь Демократической партии, третьей по численности политической организации Демократической Республики Вьетнам.

В эту группу входили представители национальных меньшинств, такие, как бригадный генерал Тю-ван-Тан, бывший вождь отрядов народности тхо, который в 1940 году вел более или менее самостоятельную борьбу против вишийских и японских войск во Вьет-баке, затем примкнул к Вьет-миню и присоединил свои отряды к армии Во-нгюен-Зиапа. Он занимал пост военного министра во временном правительстве, созданном в 1945 году, а в 1947 году стал председателем военного комитета Вьет-бака и ответственным по делам национальных меньшинств.

Сюда же следует отнести и религиозных деятелей: хирурга-католика Ву-динь-Тунга — министра по делам ветеранов войны, аббата Фам-ба-Чыка — вице-президента Постоянного комитета Национального собрания и Ву-суан-Ки или буддиста Ле-динь-Тхама, будущего председателя Всевьетнамского комитета в защиту мира.

Наконец, в эту группу входили независимые и умеренные: Бо-суан-Луат — бывший руководитель Донг-минь-хоя, порвавший с этой организацией весной 1946 года, с тем чтобы поддержать правительство Демократической Республики Вьетнам; Нгюен-ван-Хюен — известный этнограф, в 1946 году редактор Ханойского университета, а в период Сопротивления — министр просвещения; адвокат Фан-Ань — министр по делам молодежи в 1945 году при прояпонском правительстве Чан-чонг-Кима, затем присоединившийся к Вьет-миню и ставший министром народного хозяйства; То-нгок-Ван — бывший высокопоставленный чиновник французской администрации по делам изящных искусств, ставший затем директором Института изящных искусств в свободной зоне; профессор Та-куанг-Быу — бывший студент Оксфордского университета и руководитель скаутизма в колониальном Вьетнаме.

Достаточно этого простого перечисления, чтобы показать, насколько эти люди принадлежат к различным социальным кругам и различным политическим течениям, а также насколько в их лице оживает каждый этап вьетнамского национального движения последних шестидесяти лет: восстание ученых и крестьян в начале французской оккупации [1], массовая эмиграция молодежи накануне первой мировой войны, националистические волнения интел-

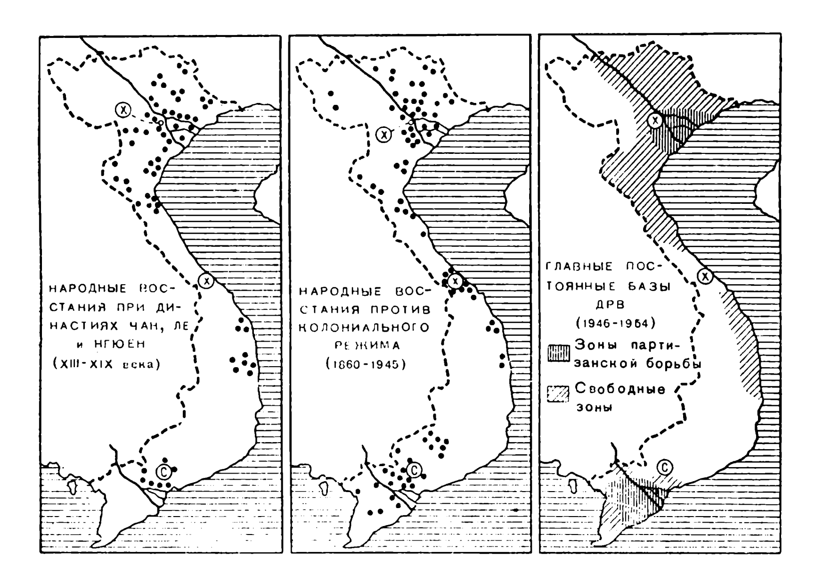
---

[1] Одним из членов Национального собрания является Тхи-Шон, бывший секретарь Де-Тхама.

лигенции в 1925—1929 годах, образование Коммунистической партии Индокитая и выступления рабочих и крестьян, легальная борьба в 1936—1938 годах, вера в обманчивые обещания японцев и затем в 1945—1946 годах вера в гоминьдан, образование и расцвет Вьет-миня и Лиен-вьета.

* * *

По терминологии, предложенной Чыонг-Тинем в 1947 году, период 1948—1952 годов вполне можно назвать «этапом равновесия сил». Демократическая Республика Вьетнам перестает отступать перед натиском врага и оказывается, таким образом, в состоянии укрепиться политически как государство, но происходит это в совершенно своеобразных условиях.



По существу, деятельность правительства республики охватывала *всю* вьетнамскую территорию: даже в Сайгоне и Ханое собирались налоги, распространялись и обсуждались политические тексты, активно действовали народные организации. Но деятельность правительства принимала различные формы в зависимости от военного положения: власти Демократической Республики Вьетнам различали в этом отношении четыре типа районов: свободная зона, партизанские базы, зоны партизанской борьбы, зоны, оккупированные экспедиционным корпусом.

В *свободных зонах* власти Демократической Республики Вьетнам являлись хозяевами положения, им ничто не угрожало, за исключением воздушных бомбардировок или парашютных десантов. Освобожденная территория, занимавшая около двух третей

всей вьетнамской территории, делилась на четыре зоны, причем это деление соответствовало издавна сложившимся историческим и политическим условиям.

Вьет-бак, зона холмов и гор, которые простираются от дельты до китайской границы, издавна является непокорным районом старого Аннама; именно здесь феодальные княжества или отколовшиеся династии, опиравшиеся на национальные меньшинства нунг или тхо, противостояли когда-то центральной власти. Именно в этом районе дольше всего продолжалось сопротивление в 1885—1900 годах, и именно здесь в 1944 году был образован первый освобожденный район.

Дельты Северного Аннама — провинции Тхань-хоа, Нге-ан и Ха-тинь — представляли собой другую прочную базу сопротивления. В этом районе беднейшего крестьянства происходили многочисленные восстания против иностранной оккупации и гнета центральной власти: бунт Ле-Лоя против китайцев в XV веке, крестьянские восстания в XVIII веке против династии Чинь, восстание ученых против колониального режима в 1885—1895 и 1907—1908 годах. Эта часть страны, на территории которой живы традиции прошлого, также играла выдающуюся роль — именно здесь осенью 1930 года была установлена и удерживалась в течение нескольких месяцев крестьянская власть Советов Аннама. В зоне Тхань-хоа — Нге-ан — Ха-тинь, на родине Хо-ши-Мина и Во-нгюен-Зиапа, лучше сохранилось равномерное развитие экономики старого Вьетнама (ремесло, технические культуры). Кроме того, по условиям соглашения от апреля 1946 года к 19 декабря ни одна французская воинская часть не оставалась там, кроме как в городе Винь, гарнизон которого был значительно сокращен.

К югу от Хюэ Демократическая Республика Вьетнам была хозяином *всей приморской зоны* вплоть до мыса Варелла. Провинции этой зоны — Куанг-нам, Куанг-нгай и Бинь-динь, — некогда процветавшие, не интересовали колониальный капитал. Ни во время режима, созданного мартовскими соглашениями, ни во время наступления в 1947 году французские войска не стремились возвратиться сюда, а позже они не в состоянии были сделать это. Крестьяне-бедняки, среди которых зародилось движение тэйшонов и которые в 1908 и 1931 годах решительно поднялись на борьбу против колониального режима, составили для Демократической Республики Вьетнам прочную опорную базу.

В Кохинхине, в районе *Тростниковой долины* и *мыса Ка-мау,* свободные зоны были созданы на шестнадцать месяцев раньше, чем в районах, расположенных к северу от 16-й параллели. В сентябре 1945 года наступление французов вынудило Комитет Намбо укрыться в эти малодоступные зоны, которые в 1860—1870 годах служили убежищем для вождей кохинхинского сопротивления, а в 1905—1915 годах — для тайных политико-религиозных сект, как например секта «Небо и Земля».

Партизанские базы занимали более ограниченную территорию; они являлись ядром сопротивления в районе расположения войск экспедиционного корпуса; на их территории действовал вьетнамский военный и политический аппарат, который был вынужден постоянно перемещаться.

Зоны партизанской борьбы — это зоны военных операций, в собственном смысле слова, смелых схваток и налетов на вражеские посты. Здесь, по выражению одного из членов французского правительства, «деревни днем контролируются французскими войсками, а ночью — Демократической Республикой Вьетнам». Партизанские базы и партизанские зоны были тесно связаны друг с другом в дельте Красной реки и дельте реки Меконг, около таких береговых опорных пунктов французских войск, как Хюэ или Ня-чанг, в пограничной зоне на севере, вновь захваченной экспедиционным корпусом во время наступления в октябре 1947 года, и на границах области, населенной народностью тхаи.

И наконец, *оккупированные зоны* являлись такими территориями, на которых численность французских войск оказывалась достаточной, чтобы не допустить согласованных военных действий армии Демократической Республики Вьетнам и свести их только к налетам, как было, например, в Сайгоне — Тё-лоне и их окрестностях, в долине нижнего Меконга, в районе основного русла реки, в городах Хюэ и Ханое, в промышленных районах Тонкина (Нам-динь, Хай-фонг, Хонг-гай), в районе каучуковых плантаций Кохинхины.

На всех перечисленных территориях Демократическая Республика Вьетнам была настоящим государством, крепко сплоченным, но приспособленным в то же время к специфическим условиям каждой из зон.

В наиболее тяжелый период 1947 года центральное правительство Вьетнама практически вынуждено было предоставить полную автономию четырнадцати срочно созданным «военным зонам». Но стабилизация положения в 1948 году позволила ему укрепить государственный аппарат Демократической Республики Вьетнам: в марте 1948 года четырнадцать военных зон были слиты и образовали шесть интерзон (*лиен-кху*) [1]. I и II *лиен-кху* охватывали территорию горного и предгорного районов Тонкина; III *лиен-кху* образовывала дельта Красной реки; IV и V *лиен-кху* делили Центральный Вьетнам по одну и другую стороны от Хюэ, а Кохинхина образовывала VI *лиен-кху*.

Эти шесть *лиен-кху,* в которые входили за исключением третьей интерзоны все свободные зоны, зоны партизанской борьбы, партизанские базы и оккупированные зоны, образовывали отныне прочную основу для управления.

---

[1] То есть объединенных зон. — *Прим. ред.*

В этих *лиен-кху* сохранялось прежнее административное деление: провинции, *фу* и *хюены*, общины. На смену мандаринам и нотаблям феодальной и колониальной эпохи пришли выборные органы: Народные комитеты, образованные в 1945 году, решения которых проводились в жизнь административными комитетами Сопротивления, созданными в 1947 году правительством при участии представителей армии. Каждый год население посылало своих депутатов, которые действовали в свободных зонах легально, а в зоне партизанской борьбы и в оккупированной зоне — подпольно.

Таким образом, Хо-ши-Мин и его министры располагали довольно сильным и довольно гибким политическим аппаратом, способным мобилизовать население всей страны на поддержку своей экономической политики, своих культурных и социальных начинаний, своих военных операций.

* * *

В течение всего этого второго этапа главной целью было достижение удовлетворительного разрешения экономических проблем. Необходимо было добиться того, чтобы свободные зоны возможно полнее обеспечивали самым необходимым гражданское население и армию. Необходимо было выиграть битву за производство.

Одновременно необходимо было убедить население оккупированных зон оказать помощь военным усилиям правительства. Финансовая помощь, а также пересылка риса, тайная доставка станков, машин или дефицитных материалов, помимо чисто экономического значения, имела еще и политическое значение — она усиливала солидарность населения зон различных категорий. Кроме того, экономическая помощь, оказываемая населением оккупированных зон правительству ДРВ, в большой мере способствовала изменению соотношения военных сил в пользу вьетнамцев, лишая экспедиционный корпус и марионеточные вьетнамские войска важных ресурсов.

Принципы экономической политики Демократической Республики Вьетнам были определены в июле 1948 года министром национальной экономики Фан-Анем:

> При помощи нашей экономической политики мы стремимся обеспечить себя всем необходимым, интенсифицировать наше производство с целью удовлетворения всех наших нужд. Для того чтобы эффективно осуществить эту политику, направленную на интенсификацию производства, мы должны разрешить проблему использования продукции, которой мы располагаем. Мы поощряем и направляем товарообмен, развиваем внутреннюю и внешнюю торговлю. В то же время мы осуществляем полную блокаду вражеской экономики, подрываем самую основу экономической

силы оккупантов. Короче говоря, наша цель — добиться экономической независимости в нашем секторе и затем установить независимую национальную экономику... Наша национальная экономика — это экономика «для народа и с помощью народа», которая не имеет иной цели, кроме блага народа.

Но для того, чтобы наладить свою военную экономику, правительство Демократической Республики Вьетнам должно было разрешить ряд проблем, оставшихся новому Вьетнаму в наследие от прошлого — от колониального строя (промышленная отсталость, упадок производства технических культур и ремесла) и от феодального строя (эксплуатация крестьянства горсткой помещиков, отсталая экономика районов национальных меньшинств). Это были огромные задачи, намеченные еще в программе Вьетминя в 1941 году, которые теперь независимое вьетнамское правительство должно было во что бы то ни стало разрешить. Именно благодаря этому глубокому своеобразию своей экономической политики Демократическая Республика Вьетнам смогла наряду с удовлетворением своих наиболее неотложных и насущных нужд (кормить и одевать население, снабжать оружием как гражданское население в свободных зонах, так и армию), а также заложить основы независимой и процветающей экономики в будущем.

В свободных зонах правительство добивалось развития как промышленного, так и сельскохозяйственного производства. В области промышленности необходимо было создать управляемые непосредственно государством фабрики, производящие различную продукцию. Их оборудовали машинами, эвакуированными в 1946 году или тайно перевезенными из оккупированных зон, и, кроме того, машинами, которые удавалось иногда собрать из отдельных деталей, захваченных у врага самолетов или транспортных средств и т. д. Наряду с этим всеми средствами поощрялось создание частным капиталом кустарных и ремесленных мастерских. В своих репортажах Лео Фигер и американец Старобин, посетившие Вьетнам, сообщают о том, что в Демократической Республике Вьетнам было налажено[1] производство железа и других металлов, производство серной кислоты (при котором вьетнамцы использовали глиняные баки, а не свинцовые камеры), производство бумаги, тканей, мыла, стекла и различных лекарств (вплоть до пенициллина).

Что касается сельского хозяйства, то здесь также нужно было предпринять большие усилия, поскольку в свободных зонах, где и прежде не хватало продовольствия, теперь необходимо было прокормить возросшее население. Были осуществлены большие ирригационные работы: на ремонт и укрепление плотин с 1946

---

[1] См. об этом также большую статью в газете «Комба» за 15 февраля 1949 года.

по 1953 год было затрачено 14 миллионов человеко-дней, причем было перемещено 10 миллионов кубических метров земли и камня. Площадь орошаемых земель в период между 1947 и 1951 годами увеличилась на 16 процентов [1].

Низкая продуктивность сельскохозяйственного производства обусловливалась прежде всего не наводнениями или засухой, а феодальными отношениями во вьетнамской деревне. Аграрные мероприятия, намеченные в 1945 году, были включены в план и в 1949 году; согласно этому плану, предусматривалось сокращение арендной платы на 25 процентов, раздел общинных земель, предоставление во временное пользование земель французских колонизаторов и предателей родины (*вьет-зян*). По декрету, принятому в мае 1950 года, ростовщические проценты снижались с 100 до 13 по денежным ссудам и с 200 до 20 — по ссудам натурой. Пустовавшие земли раздавались бесплатно с тем условием, чтобы их обрабатывали, а по истечении двух лет они должны были переходить в собственность тех, кто на них трудился. В апреле 1950 года были регламентированы правила предоставления земли в аренду, причем эти правила предусматривали двоякую цель: защитить арендаторов и увеличить производство сельскохозяйственных продуктов; была запрещена субаренда земли; срок аренды устанавливался не менее чем на три года; право хозяина отобрать землю было пересмотрено в пользу арендатора, за исключением тех случаев, когда земля оставалась не обработанной. Крестьян поощряли к созданию «бригад трудовой взаимопомощи» — простейшей формы сельскохозяйственной кооперации, которая обеспечивала им более полное использование их времени и инвентаря.

Все эти мероприятия обусловили (после сельскохозяйственного кризиса 1947 года) непрерывный подъем сельскохозяйственного производства в свободных зонах. Имеющиеся цифровые данные показывают рост производства риса и других продовольственных культур (кукурузы, маниоки, батата) и особенно технических культур [2]. Особенно важное значение имело увеличение производства хлопка на 725 процентов; это далеко не простой паллиатив, соответствующий не совсем нормальным условиям, как это было, например, с заводами в джунглях. Эти урожаи хлопка, столь необходимого в условиях войны, подготавливали в то же время будущую независимость вьетнамской текстильной промышленности.

---

[1] Орошаемая площадь увеличилась с 531 770 гектаров в 1947 году до 642 тысяч гектаров в 1951 году.

[2] Производство падди во Вьет-баке возросло с 470 тысяч тонн в 1948 году до 550 тысяч тонн в 1950 году; в 1952 году общий рост производства падди в свободных зонах составил 20 процентов. Производство маниоки и батата в период между 1946 и 1951 годами возросло на 100 процентов. Площадь под хлопком в четырех первых интерзонах увеличилась за этот же период с 3700 гектаров до 26 240 гектаров.

Рост сельскохозяйственного и промышленного производства требовал от каждого вьетнамца напряженного труда. 1 июня 1948 года Хо-ши-Мин обратился с призывом к народу развернуть «соревнование» (*тхи-дуа*); он призвал каждого человека скрупулезно соблюдать четыре традиционные конфуцианские добродетели: *кан* (трудолюбие), *кием* (бережливость), *лием* (честность), *тинь* (прямодушие). И стихи-лозунги, которые он сам сочинял, также способствовали созданию трудовой атмосферы:

Рисовые поля — это поля сражений.
Мотыга и плуг — это оружие.
Крестьяне — это бойцы.
Пусть соотечественники в тылу
Соревнуются с соотечественниками на фронте.

1 мая 1952 года состоялась Национальная конференция участников соревнования, на которой несколько человек получили звание Национального героя труда. Эта конференция явилась важным этапом в развитии движения *тхи-дуа*. Отныне соревнование не было только делом некоторых, избранных трудящихся, заботящихся о личных подвигах, а все более и более принимало характер широкого, коллективного движения, возглавляемого героями, отмеченными на национальной конференции. И группа руководящих лиц Демократической Республики Вьетнам пополняется новыми деятелями, такими, как крестьянин-католик Ханг-Хань — Национальный герой сельского хозяйства, который сыграл важную роль в выработке новой аграрной программы в 1953 году; как инженер Чан-дай-Нгиа — другой Герой труда, наладивший изготовление базук и артиллерийских орудий, используя, например, куски рельсов для изготовления орудийных лафетов, или как рабочий Нго-зя-Кхам — бывший служащий железнодорожных мастерских в Зя-ламе (близ Ханоя), который явился инициатором развития всех отраслей военной промышленности. (До войны Нго-зя-Кхам находился на каторге в Шон-ла.)

Но какой бы значительной ни была эта кампания соревнования в период между 1948 и 1952 годами Фам-ван-Донг в правительственном отчете за 1951 год отметил, что в армии и промышленности были достигнуты значительно бо́льшие успехи, чем в сельском хозяйстве.

Только обеспечив развитие сельского хозяйства и промышленности, Демократическая Республика Вьетнам могла укрепить налоговую, денежную и финансовую системы. В том же 1951 году была проведена налоговая реформа (установлен единый натуральный налог) [1], выпущен заем на крупную сумму, облигации которого оплачивались деньгами или рисом, и, наконец, был

---

[1] Этот налог устанавливался в размере 5 процентов от урожая за вычетом не облагаемого налогом минимума, который в 1951 году составлял 61 килограмм. Кроме того, местный налог составлял 20 процентов. Этот рис вносимый в качестве налога, шел, в частности, на питание армии (предусматривалось, что 100 человек должны были прокормить двух солдат).

создан Национальный банк, которому было предоставлено право эмиссии денежных знаков, выпуска займов, предоставления валюты для внешней торговли, причем этот банк должен был одновременно выполнять функции по хранению вкладов и сбережений и осуществлять контроль над обращением драгоценных металлов [1].

Конечно, в области денежного хозяйства и вообще финансовой системы все еще существовали большие трудности. Еще 3 марта 1952 года Чыонг-Тинь констатировал, что «деньги быстро обесцениваются, а цены на товары непрерывно возрастают». Это утверждение не должно вызывать удивления, если принять во внимание всю тяжесть нагрузки, которую испытывала еще не окрепшая экономика Демократической Республики Вьетнам, а также постоянно ощущаемый недостаток некоторых продовольственных товаров и непрерывно растущие потребности населения. Идеализировать экономические условия в Демократической Республике Вьетнам в период «равновесия сил» было бы такой же серьезной исторической ошибкой, как и стремление игнорировать ее созидательную деятельность.

Начиная с 1952 года экономическое положение республики начинает стабилизироваться. Если в 1951 году, согласно сообщению Фам-ван-Донга, сделанному в декабре 1953 года, цены в стране возросли на 160 процентов, а количество денег в обращении удвоилось, то в 1952 году, когда количество выпущенных денег снова удвоилось, цены не возросли даже на 100 процентов.

В *партизанских зонах* и на *территории партизанских баз* экономические задачи, стоявшие перед Демократической Республикой Вьетнам, были не менее сложны. Здесь необходимо было прежде всего интенсифицировать сельскохозяйственное производство, особенно в районе дельты. В апреле 1948 года французский генеральный штаб в своем коммюнике отдал должное этим усилиям республики:

> Воздушная разведка, в частности, позволяет сделать вывод, что в зоне Вьет-миня достигнуты большие успехи в области сельского хозяйства; все рисовые поля дельты обрабатываются даже в районах к северу от Красной реки, затронутых военными операциями, имевшими место осенью прошлого года. Деревни, куда вновь возвратились жители, восстанавливаются, и, вероятно, проблема продовольствия разрешена вполне удовлетворительно.

Но, кроме того, необходимо было доставить собранный урожай в свободные зоны. Французский генеральный штаб все время стремился помешать этой доставке: это была одна из основных

---

[1] Первая денежная реформа, проведенная в июле 1948 года, заменила многочисленные денежные знаки, выпущенные до 19 декабря, единым денежным знаком — *донг-вьет*, имеющим золотую основу (0,375 грамма). Эмиссия вплоть до 1951 года непосредственно возлагалась на министра финансов.

целей, которую предусматривал Делаттр, создавая свою линию блокгаузов. Предпринимались также попытки уничтожить рис на местах в соответствии с директивами, которые были даны, например, в циркуляре генерала Линарэ от 14 марта 1951 года:

Оперативный отдел 699-20-Т-3.

...Уничтожение. Практически имеется два способа уничтожения риса.

а) намочить рис, поливая его водой или оставляя под открытым небом во время дождливого сезона. Но для того, чтобы испортить рис, его необходимо оставить мокрым в течение сорока восьми часов. Чтобы обеспечить успех этой операции, необходимо предпринять все меры к тому, чтобы население в этот промежуток времени не явилось спасать рис и не успело спрятать неиспорченную его часть в укрытия.

б) Обливать бензином или газолином обнаруженные значительные склады риса.

Борьба за дельту, по существу, представляла собой борьбу за рис. «Гниение дельты», которое отмечали западные обозреватели начиная с 1951 года в действительности означало, что все большая часть риса, производимого в дельте, попадала в руки Демократической Республики Вьетнам.

В оккупированных зонах экономическая политика вьетнамского правительства предусматривала прежде всего увеличение денежных пожертвований (так же как и в партизанских зонах и базах партизанской борьбы) среди всего населения; часто рабочие сайгонских или ханойских предприятий по предложению подпольных профсоюзов отдавали свой дневной заработок. В свою очередь и вьетнамская буржуазия, помимо уплаты налогов, подписывалась на боны казначейства, на облигации займов, на различного рода билеты солидарности. С ноября 1947 года газета «Юнион Франсэз», издававшаяся кохинхинским политиканом ла Шевротьером, опубликовала факсимиле билетов Национальной обороны, которые Исполнительный комитет Нам-бо успешно распространял среди сайгонской «выжидающей» буржуазии.

Экономический вклад населения оккупированных зон этим не ограничивался. В свободные зоны отсюда постоянно переправлялись детали и запасные части станков и машин, материалы, ценная химическая и фармацевтическая продукция в дополнение к первой группе станков и машин, эвакуированных из Ханоя в 1947 году. Эти перевозки материалов в то же время способствовали экономическому бойкоту оккупированной зоны; этот бойкот проявлялся также в забастовках, саботажах на угольных шахтах, на фабриках и заводах, в налетах на каучуковые плантации юга, на коммуникационные линии и линии телефонной связи.

* * *

В период стабилизации сил политическая сущность Демократической Республики Вьетнам не претерпевает заметного изменения. Правительство сохраняет характер коалиции национального единства, которая прошла несколько этапов развития за период между 1945 и 1947 годами в связи с последовательными переформированиями правительства Хо-ши-Мина. В этот период продолжает существовать согласие между Вьет-минем, католиками, умеренными националистами, социалистами и демократами[1], согласие, которое не могли нарушить отдельные редкие эпизоды, как например измена фатзиемского епископа Ле-хыу-Ту в 1950 году.

Однако это национальное единство не означало только согласия в верхах, согласия между отдельными лицами и организованными группировками. Чтобы упрочить это единство, необходимо было, используя военную стабилизацию, привлечь к более активному участию в политической жизни страны всю массу населения.

> Рассчитывать главным образом на себя, — заявляет Фам-ван-Донг в Национальном собрании в 1953 году, — это значит рассчитывать на народ. Эта сила неисчерпаема; сила человеческая, сила материальная и сила духовная. Сила народа одержит победу над всеми империалистическими агрессорами, равно как и над их лакеями. Вот почему мы должны широко мобилизовать эту несокрушимую силу народа, превратить ее в винтовки, пушки, миллионы средств, мосты, дороги... в твердость, мужество, волю... в героев, в передовых бойцов на всех фронтах Сопротивления: военном, экономическом, культурном, во всех районах от севера до юга, от наших свободных зон до тылов врага.

Именно для достижения этой цели в 1951 году были слиты Вьет-минь и Лиен-вьет и образована партия Лао-донг (Партия трудящихся Вьетнама).

Между *Вьет-минем,* созданным в 1941 году для руководства активной подпольной борьбой против Виши и Японии, и *Лиен-вьетом,* организованным Хо-ши-Мином весной 1946 года, до его отъезда во Францию, напрасно было бы искать глубокие

---

[1] Международная печать всех направлений постоянно заявляла в этот период о прочности этого национального единства. Например, «Таймс» писала 26 февраля 1949 года: «Его правительство [Хо-ши-Мина] является правительством всех политических направлений». «Нью-Йорк геральд трибюн» 21 октября 1949 года писала: «Правительство Хо-ши-Мина — это коалиционное правительство националистических партий. Нет никакого сомнения, что в этой организации существует коммунистическое ядро. Но ясно, что по крайней мере 80 процентов руководителей не являются коммунистами». См. также «Франкфуртер рундшау» от 26 января 1950 года и «Скотсмэн» от 2 февраля 1950 года и другие.

политические различия. И та и другая организация представляла собой широкую коалицию. Однако Вьет-минь был боевой организацией, состоящей из закаленных передовых революционеров, в то время как Лиен-вьет является широким объединением, на которое оказывали влияние миллионы вьетнамского населения. Эти две организации на объединенном съезде, состоявшемся 3 марта 1951 года, решили объединиться и приняли общую политическую программу, предусматривающую защиту национального единства и демократии, равенство вьетнамцев и национальных меньшинств, поддержку народной армии, защиту трудящихся, уважение частной собственности, развитие государственных предприятий, стабилизацию финансов[1].

В тот же день, 3 марта 1951 года, было провозглашено создание Партии трудящихся *(Лао-донг)*. Эта одновременность подчеркивает связь между Партией трудящихся и *Лиен-вьетом;* партия *Лао-донг* играет авангардную роль, в то время как *Лиен-вьет* сохранял характер единого национального фронта. В своей программе партия *Лао-донг* четко определяет себя как марксистскую партию Индокитая, опирающуюся на союз рабочих и трудящихся крестьян, играющую ведущую роль в борьбе сопротивления и намечающую для Вьетнама социализм в будущем.

Влияние реорганизованного *Лиен-вьета,* так же как и новой партии *Лао-донг*, быстро распространялось по мере того, как множились их местные и районные ячейки и отделения. О росте их влияния наглядно свидетельствовали тиражи газет, издаваемых и распространяемых, несмотря на значительные технические трудности, в свободных зонах и даже по всей стране: в 1951 году еженедельная газета «Нян-зан» («Народ»), орган партии *Лао-донг*, распространялась тиражом в 27 тысяч экземпляров в четырех первых интерзонах и тиражом в 24 тысячи экземпляров на юге; газета «Кыу куок» («Спасение родины»), орган *Лиен-вьета,* выходила 22 дня в месяц тиражом в 176 тысяч экземпляров в день.

Изменение военной обстановки в этот период придало особое значение политике Демократической Республики Вьетнам в отношении национальных меньшинств. Французские власти, тщетно пытаясь найти себе новую поддержку, считали нужным возобновить в отношении национальных меньшинств политику, благодаря которой некогда одержал победу Галлиени.

---

[1] Таким образом, Вьет-минь просто-напросто прекратил свое существование. Вплоть до 1951 года западные государственные деятели и журналисты, по незнанию или в результате неточности перевода, внесли досадную путаницу в понятие между Демократической Республикой Вьетнам как государством и Вьет-минем как политической организацией. И если смешение этих названий как-то можно было оправдать прежде, то после съезда в марте 1951 года это смешение недопустимо. Однако эта путаница продолжается. И в то же время почти все обходят молчанием новую роль Лиен-вьета, так же как это делалось когда-то в отношении факта его создания в 1946 году.

Чтобы снискать их расположение, французские власти развили такие усилия, которые выглядели контрастом по сравнению с тем безразличием, которое они проявляли в отношении тех же национальных меньшинств в течение 60 лет колониального режима. В области, населенной народностью тхаи, экспедиционный корпус пытался опереться на вооруженные отряды феодального главаря Део-ван-Лонга (сына Део-ван-Чи, который примкнул к французам в 1890 году) и его зятя евразийца Бордье. Предусматривалось также создание в пограничной зоне севера автономного района народности нунг. Конец этому проекту был положен в октябре 1950 года в связи с поспешным отступлением французов из Као-банга и Тхат-кхе. Оккупация Хоа-биня Делаттром в 1951 году также сопровождалась планом сотрудничества с вождями народности мыонг в основном в районе юго-западной части дельты.

Но в это же самое время Демократическая Республика Вьетнам усиливала свою политику эмансипации национальных меньшинств. Успехи мероприятий, предпринятых для обеспечения их культурного и экономического развития, привели к провалу попытки французов развернуть движение маки в районе, заселенном народностью мыонг, в 1951 году и особенно в областях, заселенных тхаями, в 1952 году. Феодальные банды Део-ван-Лонга и Бордье перед лицом развернувшегося наступления вьетнамцев осенью 1952 года оказались не в состоянии привлечь к себе массу населения тхаи, в отношении которых правительство Хо-ши-Мина опубликовало знаменитые «восемь приказов»[1].

Характерной особенностью политической жизни Демократической Республики Вьетнам того периода, так же как и ее экономической жизни, являлось то, что она одновременно охватывала, хотя и по-разному, как свободные, так и оккупированные зоны. Среди миллионов членов Всеобщей конфедерации труда, Союза вьетнамских женщин, Союза вьетнамской молодежи были представители как свободных, так и оккупированных зон. В оккупированных зонах под руководством нелегальных комитетов сопротивления члены этих организаций участвовали в разносторонней нелегальной и легальной деятельности, ярким примером которой являлась демонстрация в Сайгоне зимой 1950 года. В январе имели место массовые уличные демонстрации протеста против ареста учащихся лицея «Петрус Ки». Во время этой демонстрации один студент был убит; его похороны послужили поводом для еще более широкого движения,

[1] Охрана жизни и имущества народа; гарантия каждому свободно продолжать свою деятельность; распределение среди трудящихся крестьян имущества колонизаторов и изменников родины; охрана церквей, школ, больниц; вознаграждение тех, кто оказывает помощь Народной армии; поддержание общественного порядка и безопасности жителей; призыв к крестьянам создавать свои собственные организации; охрана жизни и имущества иностранных жителей.

в котором приняло участие несколько сотен тысяч человек; весь город фактически был охвачен забастовками. В марте, после визита американских военных кораблей в Сайгон, в городе вновь начались волнения. Во главе демонстрации протеста, организованной в день прибытия американских военных кораблей, развевалось красное знамя; в районе рынка были возведены баррикады, для разрушения которых полиции понадобилось несколько часов.

Наконец, политическая деятельность Демократической Республики Вьетнам в этот период в более широких масштабах проявилась и в области международных отношений. Вьетнамские делегации принимали участие в работе конгрессов Всемирной федерации профсоюзов и Всемирного движения за мир, а также в фестивале молодежи в Берлине. От имени своего правительства министр иностранных дел Хоанг-минь-Зям 14 января 1950 года напомнил, что правительство Демократической Республики Вьетнам является «единственным законным правительством, представляющим единство вьетнамского народа», и заявил, что его правительство готово установить дипломатические отношения с «любым правительством, уважающим территориальный и национальный суверенитет Вьетнама». В течение нескольких недель последовали одно за другим заявления Китая, СССР, Корейской Народно-Демократической республики, европейских стран народной демократии и Югославии о признании Демократической Республики Вьетнам.

3 марта 1951 года, в тот самый день, когда произошло слияние Вьет-миня и Лиен-вьета и основание партии Лао-донг, был заключен «Союз трех стран»: между Демократической Республикой Вьетнам, Лаосом *(Патет-Лао)* и Камбоджей *(Кхмер-Иссара)*, движение сопротивления в которых с 1945 года, несмотря на трудности, противостояло французским войскам.

* * *

Достаточно нескольких примеров, чтобы охарактеризовать созидательную деятельность Демократической Республики Вьетнам в период между 1948 и 1952 годами в культурной и социальной областях. Здесь, так же как и в экономической области, имелась своеобразная связь между насущной заботой об усилении эффективности сопротивления и перспективой уже подготавливаемого будущего подъема вьетнамской нации.

Борьба за ликвидацию неграмотности велась с тем же размахом и с той же энергией. За этапом «война невежеству» (с 8 сентября 1945 года по 19 декабря 1946 года) и этапом «учиться, чтобы лучше оказывать сопротивление» (с 1 января 1947 года по 30 июня 1948 года) последовал начиная с 1 июля 1948 года последний этап — «патриотическое соревнование за ликвидацию неграмотности». В 1949 году общее число лиц,

научившихся читать за время, прошедшее после Августовской революции 1945 года, достигло 11 миллионов 580 тысяч человек (по сравнению с 2 миллионами 720 тысячами в 1946 году).

С другой стороны, стабилизация военного положения позволила организовать более систематическое обучение. В результате проведенной в 1949 году школьной реформы было упразднено деление школы на начальную и среднюю и курс обучения, сведенный теперь к 9 годам вместо 11 лет, не прерывался переводными экзаменами. Был создан ряд высших учебных заведений, например, такие институты и факультеты, как медицинский, литературный, филологический, сельскохозяйственный, строительный, а также Национальное педагогическое училище в Северном Вьетнаме, факультет политических и социальных наук, факультет права и государственного устройства, а также инженерно-техническое училище в Центральном Вьетнаме, медицинская и сельскохозяйственная школы на юге.

Одновременно с этим предпринимались значительные теоретические исследования с целью определения тех принципов, на которых должна строиться вьетнамская культура. Чыонг-Тинь в своем докладе на конференции работников культуры и искусства в июле 1948 года[1] изложил эти принципы: вьетнамская культура должна быть *национальной* и освободиться от всяких «наслоений» колониальной эпохи; она должна быть *научной,* должна отречься от формализма, господствовавшего в литературе старого, феодального Вьетнама, и от пренебрежения науками, которое поощрялось колониальным режимом; она должна быть *народной*, отвечать интересам широких народных масс и черпать свое вдохновение в массах. И хотя еще не сложились условия для создания других произведений, кроме тех, которые вызваны обстановкой, уже появляются первые литературные произведения нового направления, особенно поэтические произведения писателей и поэтов сопротивления, таких, как То-Хыу, Нгюен-динь-Тхи.

В апреле 1950 года был обнародован новый Гражданский кодекс, который явился еще одним доказательством упрочения нового общества. Этот кодекс защищал право частной собственности, но ставил ее на службу интересам общества: например, землевладельцам запрещалось оставлять свою землю необработанной. Совершеннолетними считались граждане, достигшие 18-летнего возраста, упразднялись такие формальные обычаи, как запрещение жениться или требовать наследства в период соблюдения траура; были расширены гражданские права замужней женщины. Эти меры освобождали вьетнамское общество от пережитков феодального прошлого и от деспотической концепции понятия права собственности как «священного и не-

[1] Текст доклада был полностью опубликован в журнале «Ла нувель критик» за январь 1954 года.

зыблемого права», узаконенного французским колониальным режимом.

В области здравоохранения также стала возможной лучшая организация работы в масштабах интерзон: каждая интерзона практически являлась самостоятельной в области здравоохранения, имела своего главного врача, фармацевтическую службу, которая занималась изготовлением медикаментов и перевязочных материалов, свое управление по пропаганде сангигиены, свой центр по подготовке медицинских кадров. На севере, кроме того, функционировали бактериологический и хирургический институты под руководством доктора Тонг-тхат-Тунга, являющегося председателем Вьетнамского Красного Креста. Опубликованные цифры свидетельствуют о значительном увеличении числа медицинских пунктов и диспансеров[1]; по сообщению специального корреспондента газеты «Франс суар», «медицинский персонал Вьет-миня с фанатизмом осуществляет мероприятия по гигиене».

* * *

Именно успехи, одержанные в битве за производство, политические успехи партии *Лао-донг и Лиен-вьета,* а также успехи в борьбе с неграмотностью способствовали также военным победам, одержанным в период «стабилизации» (1948—1952 годы). Некоторые предпочитают не видеть этих общих успехов республики и ищут основную причину бесспорного военного укрепления Демократической Республики Вьетнам в этот период в предполагаемой «помощи извне».

По известным соображениям, точные цифровые данные роста военного производства не публикуются, но общие показатели, содержащиеся в источниках Демократической Республики Вьетнам, соответствуют сведениям, которые приводил, например, в ноябре 1953 года один француз — «высокопоставленное лицо в Индокитае»[2]. Пушки и мортиры, базуки и снаряды регулярно поставлялись крупными мастерскими Вьет-бака и района Тхань-хоа — Нге-ана — Ха-тиня, или мелкими мастерскими в других пунктах страны. Большую роль в этом деле сыграло соревнование. В августе 1950 года Вьетнамская конфедерация трудящихся созвала рабочую конференцию героев соревнования, на которой были присуждены почетные звания директору завода взрывчатых веществ, токарю III интерзоны (который, тщательно изучив свои движения во время работы, добился увеличения производительности труда на 439 процентов), патронному заводу в IV интерзоне, заводу по производству базук в III интерзоне. Эта конференция, несомненно, имела гораздо большее значение, чем подход войск

---

[1] С 1948 по 1950 год число медицинских пунктов возросло с 330 до 11 185, а число диспансеров — с 327 до 3922.

[2] См. «L'Express», за 24 ноября 1953.

Мао Цзэ-дуна к северной границе страны. Начиная с 1950 года покупаемое в Китае оружие составляло лишь незначительную часть того вооружения, которое получала армия Демократической Республики Вьетнам. Наряду с постоянно увеличивающимся производством вооружения в самой республике существовал другой источник военного снабжения — военные трофеи, все более возраставшие по мере увеличения числа крупных поражений экспедиционного корпуса: в Као-банге, Хоа-бине, в области, населенной народностью тхаи, перед сражением в Диен-биен-фу.

Непрерывно улучшавшаяся организация вьетнамской армии также привлекала внимание западных специалистов [1]. Партизанские отряды, разрозненные в 1947 году, стали реорганизовываться в роты, батальоны (о создании которых сообщал в своем докладе Ревер еще в 1949 году) и в полки. Эта организация армии, отличавшаяся своей прочностью, была в то же время гибкой: там, где это возможно, полки входили в состав дивизий, но в других местах сохраняли самостоятельность, а на юге даже батальоны оставались самостоятельными.

Однако сила и успехи вьетнамской армии обусловливались скорее ее политическими особенностями, чем ростом вооружения и ее организационными принципами. Армия Демократической Республики Вьетнам является *демократической* армией.

Она демократична по самой своей природе и особенно благодаря «собраниям самокритики», значение которых трудно понять обозревателям экспедиционного корпуса. В армии имелись комиссары, которые играли в ней основную роль; солдатам не только разрешалось присутствовать на общих с офицерами собраниях, но их специально приглашали после каждого боя обсудить свои действия и действия офицеров.

Армия демократична по своему духу; каждый солдат искренно убежден (слово «фанатизм», которое употребляют противники Демократической Республики Вьетнам, точно передает сущность явления), что он борется за благо своего народа, за независимость своей страны. Трудные операции 1951 года были проведены под знаменем трех легендарных героев национальной независимости: кампании в Винь-йене было дано имя Чан-хынг-Дао; кампании в Ха-нам и Нинь-бине — имя Куанг-Чунга; кампании в Куанг-йене — имя Де-Тхама.

Эта армия демократична по своему комплектованию: она прошла путь, начиная от *ты-ве* — местных отрядов самообороны — до частей регулярной армии, создав, по выражению одного французского обозревателя, «живую пирамиду». Местное ополчение и местные войска не только обеспечивали пополнение регулярной армии отборными кадрами, но и постоянно взаимо-

[1] См., например, заметки генерала Шеванс-Бертэна в «Каррефур» от 30 марта 1949 года и в «Клима».

действовали с ней во всех наступательных и оборонительных операциях.

И, наконец, она демократична в своих отношениях с гражданским населением. Крестьяне, поставлявшие основные кадры солдат, оказывали им постоянную помощь: сообщали сведения о противнике, обеспечивали снабжение армии и предоставляли транспорт. Все население, включая и женщин в возрасте от 18 до 50 лет, было организовано в *зан-конг* (народные трудовые отряды); они были в состоянии обеспечить доставку боеприпасов и продовольствия, восстановление дорог и мостов, строительство траншей и подземных проходов. Их помощь, например, оказалась решающей во время сражения в области, населенной народностью тхаи.

* * *

Демократическая Республика Вьетнам является государством в полном смысле этого слова, так как она руководит экономической деятельностью миллионов людей, несет полную ответственность в юридической области, в области образования и здравоохранения, располагает постоянными источниками финансов и значительными вооруженными силами. Какова же была в тот период политика Франции в отношении Демократической Республики Вьетнам?

Начиная с 1947—1948 годов основным фактором, определявшим политику Франции в отношении Демократической Республики Вьетнам, являлась растущая зависимость Франции в этом вопросе от американской политики. Многочисленные заявления государственных и военных деятелей Франции и США[1] имели своей целью представить войну, которую вел экспедиционный корпус во Вьетнаме, как войну «в интересах всего мира», как защиту «свободного мира» от коммунизма. С момента начала войны в Корее и оккупации Формозы (Тайваня) 7-м флотом США военные действия Франции против Демократической Республики Вьетнам все больше и больше включались в общий стратегический план США на Дальнем Востоке.

Вашингтонскому правительству, враждебно настроенному к Китайской Народной Республике, было выгодно сохранить во Вьетнаме очаг войны, который мог бы послужить для него чрезвычайно важным плацдармом. В связи с этим в Сайгон непрерывно направлялись военные миссии и американские государственные деятели, а французскому правительству щедро предоставлялись займы и вооружение.

---

[1] Так, например, Поль Рейно говорил: «Мы защищаем в большей степени ваши интересы, чем наши». В свою очередь и Делаттр заявлял: «Мы отдали все, вплоть до рубашки». Следует также напомнить, что еще до выступлений П. Рейно и Делаттра В. Буллит осенью 1947 года после поездки в Сайгон опубликовал в журнале «Лайф» статью, в которой отметил основные черты новой внешнеполитической ориентации, отказался от традиционной американской политики «антиколониализма» и взял курс на поддержку Бао-Дая.

Однако при такой ситуации напрашивается весьма важный вопрос: не означало ли создавшееся положение замену новыми целями тех военных целей, ради которых Франция в 1945—1947 годах предприняла агрессию в отношении Демократической Республики Вьетнам? И не являлось ли подобное положение своего рода переменой ролей в пользу американцев, при которой экономические интересы Франции, столь значительные в 1946—1947 годах, отодвигались на задний план?

Следует отметить, что какой бы активной ни была поддержка французскими государственными деятелями американской политики *сдерживания* коммунизма, интересы французского финансового капитала по-прежнему продолжали играть важную роль в продолжении войны во Вьетнаме.

> Мы имеем в Индокитае, — сказал проконсул Болаэрт в своем выступлении 15 мая 1947 года в Ханое, — свои законные права и интересы. Мы много посеяли и не стыдимся заявить, что не хотим лишиться урожая.

В период войны французские колониальные компании стремились предельно активизировать свою деятельность во Вьетнаме, насколько это было возможно в условиях военного положения и сопротивления Демократической Республики Вьетнам. Добыча некоторых ископаемых, например вольфрама и меди, стала невозможной, ввиду того что залежи этих металлов находились на территории, контролируемой ДРВ. Значительно снизился также экспорт риса [1]. В то же время наиболее крупные капиталисты, например владельцы угольных компаний и владельцы каучуковых плантаций, сумели поставить на защиту своих интересов экспедиционный корпус, который, несмотря на то, что это было сопряжено с большими стратегическими трудностями, взял на себя охрану шахт и плантаций, в результате чего колониальное производство в этих двух секторах хотя и снизилось, но все же оставалось весьма значительным.

Если некоторые предприятия, как например заводы по производству стекла или прядильные фабрики, работали не на полную мощность, а такие, как писчебумажная фабрика в Дап-кау (все оборудование которой в декабре 1946 года было демонтировано властями Демократической Республики Вьетнам), вообще закрылись, то другие продолжали увеличивать выпуск продукции.

В частности значительно возросло производство пивоваренных и винокуренных заводов, что свидетельствовало о большом спросе на продукцию этих предприятий со стороны экспедиционного корпуса. В связи с необходимостью снабжения продовольствием экспедиционного корпуса и гражданского населения, укрывшегося в больших городах, значительно возрос импорт французских то-

---

[1] В 1951 году было экспортировано только 359 тысяч тонн риса, что составляло 21 процент от экспорта риса в 1939 году.

варов во Вьетнам[1], что в свою очередь вело к процветанию торговых фирм. Военные аферы стимулировались также и тем, что в связи с искусственным взвинчиванием пиастра создавались благоприятные возможности. Несмотря на неудачу некоторых отдельных афер, в целом прибыли крупных колониальных компаний начиная с 1946 года непрерывно и быстро росли[2].

Несомненно, что французский капитал стремился обеспечить себе будущее. «Промышленники и коммерсанты подсчитывают свои расходы и прибыли во Вьетнаме, чтобы не быть захваченными врасплох, если положение начнет ухудшаться», — писала по этому поводу одна из финансовых газет[3]. И они реинвестировали свои прибыли в другие места, заботясь, как отмечалось в докладе Индокитайского банка за 1950 год, «об их возможно более широком географическом размещении». В том же докладе отмечалось, что только одна восьмая часть капитала Индокитайского банка остается инвестированной в районе Китай — Индокитай — Юго-Восточная Азия. Согласно отчету, представленному в 1954 году Ассамблее Французского Союза, из Индокитая к этому времени был разрешен перевод пиастров на сумму около 4 миллиардов французских франков, главным образом в страны Северной Африки, Французской Экваториальной Африки и Французской Восточной Африки. Вместе с тем в это время сумма французских капиталовложений в Индокитае, то есть преимущественно во Вьетнаме, все еще составляла не менее 26 миллиардов пиастров[4]. Таким образом, прекращение реинвестирования прибылей не означало эвакуации всего французского капитала из Вьетнама.

И хотя США играли важную политическую роль в продолжении войны во Вьетнаме, было бы неверно говорить об «устранении французских интересов» из экономики Вьетнама и «замене их американскими» интересами. Несмотря на успешное развитие американской торговли с Индокитаем, она не достигала большого объема, а проникновение американского капитала в область французских колониальных интересов путем непосредственной скупки акций или же с помощью подставных лиц из числа вьетнамцев также не приобрело больших масштабов.

---

[1] В 1953 году общая сумма экспорта Франции в Индокитай составила 8 процентов всего экспорта Франции, в том числе экспорт хлопчатобумажных тканей составил 40 процентов, экспорт искусственных тканей — 40 процентов, экспорт мотоциклов и велосипедов — 36 процентов («La correspondance économique», «Economie et politique», № 2).

[2] Согласно данным КЕРЕС, опубликованным в 1953 году, прибыли 45 французских компаний во Вьетнаме увеличились почти в 20 раз за период с 1946 по 1951 год (с 542 миллионов франков в 1946 году до 10 миллиардов 101 миллиона франков в 1951 году).

[3] «La Vie française», 12 septembre 1952.

[4] «Le Monde», 1 août 1954. Эти 26 миллиардов соответствуют почти 180 миллиардам французских франков, если из этой суммы вычесть сумму убытков, причиненных разрушениями.

Бесспорно одно, что стремление американских и французских государственных деятелей «заставить отступить коммунизм в Азии» и интересы французских экономических кругов сходились в том, что необходимо продолжать все более интенсивное наступление на Демократическую Республику Вьетнам. Однако французские и американские государственные деятели, учитывая политический авторитет своего противника, оказались вынужденными противопоставить ему вьетнамское «правительство», которое хотя бы по внешним признакам считалось национальным и в котором они могли бы быть уверены. Именно поэтому они пытались вновь позолотить потускневший герб бывшего императора Бао-Дая. С 1948 до 1954 года по этому вопросу весьма активно велись переговоры во многих живописных местечках востока и запада, начиная от гонконгского «Пика» и грандиозных лабиринтов залива Алонг и кончая виллами Лазурного Берега, роскошными гостиницами на Женевском озере, историческим дворцом доброго короля Генриха и покоями Короля-Солнца в Версале. Однако, как бы ни были значительны эти усилия и какой бы полной не оказалась на бумаге независимость, дарованная вьетнамскому «присоединившемуся государству», все это не способствовало усилению влияния правительства Бао-Дая во Вьетнаме.

Единственной относительно серьезной базой этого правительства оставались политико-религиозные секты Кохинхины: Бинь-сюен [1], хоа-хао, каодаисты Тай-ниня, «группы защиты христианства» полковника Лероя, к которым следует также присоединить и католические вооруженные отряды, созданные в епископстве Фат-зием епископом Ле-хыу-Ту. Но и эти группировки, укоренившиеся довольно прочно в некоторых изолированных районах с отсталым крестьянским населением, лишь номинально признавали власть правительства Бао-Дая; фактически же они оставались независимыми и подчинялись почти феодальной власти своих руководителей, а баодаевская администрация не могла даже собирать налоги в этих районах. Помимо этих политико-религиозных сект, Бао-Дай и его сторонники: генерал Суан, престарелый Нгюен-фан-Лонг, финансист Чан-ван-Хыу, полицейский комиссар Там и «принц» Быу-Лок могли рассчитывать на поддержку только тех политических группировок, которые потеряли всякое уважение вследствие своей продажности и которым, в свою очередь, оказывали поддержку лишь некоторые помещики, напуганные аграрной политикой правительства Хо-ши-Мина и компрадоры Сайгона, разбогатевшие на военных махинациях.

---

[1] До 1946 года секта Бинь-сюен представляла собой лишь организацию уголовных преступников, опустошавших дельту Донная. Однако, извлекая выгоду из политической изоляции адмирала д'Аржанльё и его сторонников, они смогли легко выдать себя за организованную политическую силу, потребовать определенной платы за поддержку Бао-Дая и возобновить свою традиционную деятельность, теперь уже на законной основе (в 1954 году им была даже вверена полиция).

Можно было бы привести еще много убедительных примеров в отношении провала расчетов империалистов на широкую поддержку Бао-Дая народными массами.

В сентябре 1948 года сайгонский корреспондент ла Шевротьер описал в комической форме[1] те многочисленные приемы, к которым прибегала баодаевская администрация с целью организации «стихийных демонстраций» в пользу генерала Суана: тут были и полицейские облавы, и установление поденной оплаты чиновникам и лицам, специально нанявшимся для участия в «стихийных демонстрациях», и привлечение фотографов, старающихся найти наиболее удачные моменты для съемки.

В противоположность баодаевскому правительству, правительство Демократической Республики Вьетнам, как это отмечали многочисленные наблюдатели, имело прочную опору среди населения. Указывая на это обстоятельство, секретарь «Форс увриер» в Сайгоне в письме, приложенном к «докладу Ревера», писал:

> Если бы индокитайцам пришлось выражать свое мнение путем свободного голосования, Хо-ши-Мин без всякого усилия со своей стороны имел бы 95 процентов голосов, а Бао-Дай не собрал бы и пяти оставшихся процентов.

Именно этот политический провал французских планов определил и их военное поражение.

Французская армия была уже неспособна, несмотря на все увеличивающиеся поставки американского вооружения, поспевать за темпами роста армии Демократической Республики Вьетнам, так как численный состав французской армии оставался ограниченным вследствие растущей непопулярности этой войны во Франции и той психологической обстановки, в условиях которой французское правительство вынуждено было посылать контингенты войск в Индокитай. Достаточно вспомнить основные этапы эволюции общественного мнения во Франции в период 1948—1952 годов в связи с войной во Вьетнаме.

К оппозиции коммунистической партии и Всеобщей конфедерации труда, поддержанной кампаниями, развернувшимися в связи с делом Анри Мартэна и выступлениями рабочих, как например движением докеров, к оппозиции групп интеллигенции, таких, как «Эспри», «Тан модерн», «Обсерватёр», к оппозиции групп левых протестантов, которые с самого начала войны заявили свой протест, мало-помалу присоединились новые элементы. К оппозиционному движению примкнули христианские круги (некоторые федерации МРП, несколько групп католической молодежи, новые слои французских протестантов), для которых конференция в Исси-Ле-Мулино в феврале 1950 года, на которой присутствовало 150 членов христианской партии, явилась важным этапом. Затем примкнули радикальные круги, у которых протест Мендес-Франса в 1950 году вначале не нашел отклика

---

[1] «L'Union française», 11 septembre 1948.

и которые в 1951—1952 годах объединились вокруг бывшего премьер-министра Даладье, что означало их переход на более определенные позиции Лиги защиты прав человека. Наконец, оппозиция социалистов, которая в 1947—1949 годах была совершенно явной, стала сводиться лишь к парламентским выступлениям, в то же время руководители СФИО как в партии, так и во главе правительства решили поддержать попытку использования Бао-Дая. Но оппозиция продолжала существовать как в самой социалистической партии, так и в тех кругах, где партия имела влияние (см. решение конгресса профсоюза учителей). Начиная же с 1951 года, когда откололась группа «большинства», вся партия СФИО вновь высказалась за прекращение войны во Вьетнаме и за переговоры с противником.

Но если было чрезвычайно трудно усилить французскую армию, то была ли возможность в условиях режима Бао-Дая обеспечить экспедиционному корпусу поддержку, в которой он так нуждался? Обеспечение этой поддержки являлось одной из основных целей «баодаевского опыта». Однако надежда получить эту поддержку оказалась совершенно несбыточной.

Все же некоторые обстоятельства, казалось, способствовали созданию «вьетнамской армии». В оккупированных зонах постоянно возрастала нищета в результате роста цен [1] и спекуляции пиастрами, развившейся в результате военных операций, которые вынуждали население окрестностей стекаться в крупные города. Так, население Сайгон-Тё-лона в 1952 году достигло двух миллионов человек, то есть в семь раз превышало численность довоенного населения этих городов. В 1951—1952 годах баодаевское правительство завербовало в армию около 200 тысяч человек из среды наиболее деклассированных и обнищавших элементов городского и сельского населения. «Война питает войну», — так расценивалось это обстоятельство в Демократической Республике Вьетнам. Однако, несмотря на некоторый рост своих рядов, баодаевская армия никогда не была сколько-нибудь прочной и надежной опорой, так как она была лишена двух исключительно важных факторов, которыми располагала армия Демократической Республики Вьетнам: воли к победе и массовой поддержки населения. Каким образом можно было вызвать энтузиазм этой армии и разбудить воспоминания о Де-Тхаме или Куанг-Чунге? Можно ли было организовать трудовые отряды *зан-конг*, с тем чтобы усилить ее боеспособность? Правительство

[1] В бюллетене АФП за июнь 1948 года приводятся следующие данные: если взять уровень цен в Сайгоне в 1939 году за 100, то в 1948 году он составлял 1931 — для европейцев, 2452 — для зажиточных вьетнамцев и 3407 — для простого народа.

Если же взять уровень заработной платы в 1949 году за 100, то, согласно данным, опубликованным в журнале «Ля жён репюблик», он составил в 1952 году 116, индекс же цен за это время поднялся до 150; следовательно, покупательная способность снизилась на 23 процента по сравнению с 1949 годом.

было обеспокоено тем, что дезертирство в армии усиливалось и донесения агентуры постоянно сигнализировали о переходе отдельных гарнизонов и целых соединений, состоявших из выпускников офицерских школ, на сторону Демократической Республики Вьетнам. Боеспособность этой армии была настолько мала, что французское командование не решалось поручать ей проведение сколько-нибудь ответственных операций.

Экспедиционный корпус, оснащенный танками и самолетами, которых недоставало его противнику, располагавший такими важными базами, как крупные города, и применявший даже такое страшное оружие, как напалм, тем не менее терпел все более серьезные поражения. Сухой сезон, которым он успешно воспользовался в 1947 году во Вьет-баке, отныне стал ежегодно использоваться армией Демократической Республики Вьетнам.

Начиная с 1948—1949 годов размах партизанского движения вызывал серьезное беспокойство генерала Ревера, в связи с чем он предложил отвести французские войска в глубь дельты. К началу сухого сезона 1950 года войска Демократической Республики Вьетнам перешли в наступление в районе китайской границы. В октябре после падения поста Донг-кхе была предпринята попытка эвакуации гарнизона Као-банга, однако как этот гарнизон, так и полк, высланный ему на помощь гарнизоном Тхат-кхе, были полностью разгромлены и взяты в плен. Это серьезное поражение повлекло за собой разгром французских частей, расположенных в районе от Лао-кая до Ланг-шона. Под контролем экспедиционного корпуса на севере оставались только дельта, береговая зона до Монг-кая (угольный район) и область, населенная народностью тхаи.

Маршал Делаттр, облеченный всей полнотой гражданской и военной власти, зимой 1950/51 года стремился укрепить район дельты линией блокгаузов и в то же время захватить ключевые позиции в Хоа-бине, контроль над которыми обеспечивал связь между дельтой и областью, населенной тхаи. В этих стратегических планах сказывалась забота о положении дел в метрополии. Так, например, захват Хоа-биня был осуществлен с целью обеспечения принятия государственного бюджета в парламенте, члены которого были потрясены осенними поражениями французских войск во Вьетнаме. Но эти наступательные операции превосходили возможности экспедиционного корпуса. После смерти Делаттра гарнизон Хоа-биня был эвакуирован, причем с большими потерями для французов.

Начало сухого сезона 1952 года ознаменовалось новым широким наступлением армии Демократической Республики Вьетнам в направлении области, населенной тхаи. Эта область представляла для экспедиционного корпуса, который контролировал ее с 1946 года, тройной интерес: овладение ею давало возможность политически противопоставить тхаи вьетнамцам, контролировать

дорогу, по которой велась торговля опиумом между Лаосом и провинцией Юньнань, и, наконец, обладание этим районом позволяло нападать с тыла и флангов на базу Вьет-бак, особенно благодаря наличию больших аэродромов, построенных японцами в 1945 году в Диен-биен-фу и Шон-ла. После тяжелого трехмесячного сражения армия Демократической Республики Вьетнам заняла весь этот район, за исключением укрепленных пунктов На-шам и Лай-тяу, которые были заняты позже. Население освобожденных районов, не оказывавшее помощи экспедиционному корпусу и оставшееся безучастным к попыткам образования отрядов маки, теперь сотрудничало с бесчисленными вьетнамскими трудовыми отрядами *зан-конг*, с тем чтобы обеспечить снабжение дивизий Во-нгюен-Зиапа.

Однако эти растущие успехи Демократической Республики Вьетнам в период стабилизации сил не уничтожили ее желания добиться установления мира. В течение этих четырех лет Демократическая Республика Вьетнам неоднократно выступала с предложениями о заключении мира, но так и не получила ответа. Так, например, с предложением заключить мир выступил на пресс-конференции в Париже в 1948 году Чанг-нгок-Дань, направленный туда в качестве представителя Демократической Республики Вьетнам; предложение о мире содержалось в письменном интервью Хо-ши-Мина в мае 1949 года, данном им Клодину Шонэ, корреспонденту газеты «Фран-тирер»; в декларации Хо-ши-Мина индонезийскому агентству «Антара» в июле 1949 года, в обращении к Лео Фигеру в июле 1950 года, в послании Хо-ши-Мина интернированным французским гражданам (на рождество 1951 года), в котором повторялось, что заключение мира возможно. И сам факт освобождения большого числа французских военнопленных явился конкретным подтверждением реальности этих предложений [1].

* * *

С октября 1952 года начинается новый этап войны. Инициатива в проведении военных операций все более и более переходит к вьетнамской Народной армии, которая одинаково успешно ведет наступление и в районе Тонкинской дельты и в прилегающих к ней горных областях.

Демократическая Республика Вьетнам наряду с военными успехами к этому времени настолько смогла укрепить свое внутреннее положение, что была в состоянии провести в жизнь *новую аграрную политику*, которая в свою очередь должна была способствовать усилению республики. Французское командование в Диен-биен-фу, столкнувшись с солдатами, которые были вдох-

---

[1] В 1950 году был освобожден 671 человек, в 1951 году — 544 человека, в 1952 году — 545 человек.

новлены законом об аграрной реформе, обнародованным в декабре 1953 года, признало, что оно имеет дело уже не с «прежним противником».

Аграрная проблема, проблема феодальных отношений в сельском хозяйстве, не сходившая с повестки дня в течение всей истории старого Вьетнама, в колониальный период не только не была разрешена, но еще более обострилась. Еще в 1945 году крестьяне в своем подавляющем большинстве имели лишь мизерные участки или же вообще были лишены земли. Цифры, которые приводил Фам-ван-Донг в 1953 году в своем докладе об аграрной реформе, почти совпадают с цифрами французских статистических ежегодников.

Помещичьи земли составляли[1]	50%
Общинные земли (фактически также захваченные помещиками)	10%
Землевладения крестьян, составлявших 9/10 населения (более половины которых совершенно не имели земли)	30%
Земли колонизаторов и миссионеров[2]	10%

В 1945 году и затем в 1949 году были предприняты первые шаги, направленные против феодального режима: до 25% сокращена земельная рента (которая, как правило, ранее составляла более половины урожая), осуществлен временный передел общинных земель, переданы во временное пользование крестьянам земли колонизаторов и предателей родины. Из принадлежавших помещикам и колонизаторам 3 миллионов гектаров земли на 156 тысячах гектаров (5%) была сокращена в 1952 году арендная плата и 250 тысяч гектаров (8%) были распределены среди крестьян. Кроме того, было распределено 317 тысяч гектаров общинных земель (немногим более половины всех общинных земель). Все эти мероприятия, хотя и весьма ограниченные, означали определенный успех, если принять во внимание те трудности, с которыми было связано их проведение в жизнь на территории партизанских баз, а также в районах действия партизанских отрядов и в оккупированных зонах. Главной причиной ограниченности успеха этих первых мероприятий явилась политическая обстановка в деревне. В течение первых лет войны движение сопротивления было как бы скрыто за «бамбуковой изгородью» общин; за исключением крупных рисовых плантаторов юга, помещики поддерживали это сопротивление или, по крайней мере,

---

[1] Под этими данными имеются в виду 5 миллионов гектаров рисовых полей, сюда не включены различные колониальные плантации.

[2] Землевладения католических миссий, по данным, приводимым Фам-ван-Донгом, составляют 1 процент всех пахотных земель. Эта цифра, конечно, слишком мала. Старые хранители ипотечных документов в Индокитае охотно рассказывали, к каким многочисленным уловкам прибегали миссионеры, чтобы скрыть количество принадлежавшей им земли.

сохраняли благоприятный нейтралитет; к тому же помещики имели сильное влияние в народных советах, созданных в 1945 году. В таких условиях крестьяне, политически неопытные, не в состоянии были заставить помещиков точно выполнить решения правительства по аграрным вопросам. Таким образом, старый социальный режим в действительности пережил старый политический режим. В 1951 году Фам-ван-Донг отмечал, что крестьяне добились меньших результатов в соревновании *(тхидуа)*, чем рабочие.

Но в 1952 году, после 6 лет войны, соотношение политических сил в деревне изменилось.

Крестьяне научились читать, добились подъема сельскохозяйственного и ремесленного производства, стали организовываться в бригады трудовой взаимопомощи. Они сражались также в рядах Народной армии, принимали участие в работе народных комитетов и крестьянских союзах. В партии Лао-донг (Партии трудящихся) они вступили в еще более тесный контакт с рабочими и использовали их опыт борьбы. Таким образом, крестьяне стали политически более зрелыми и более активными.

> «Однако если поглубже вникнуть в жизнь крестьянских общин, — говорил в мае 1953 года Герой труда вьетнамский крестьянин Хоанг-Хань, — то можно увидеть, что крестьянские массы по-прежнему живут в нищете. Они не стали еще хозяевами деревни. Феодалы, используя тысячи средств, продолжают сохранять свою власть за «бамбуковой изгородью».

С другой стороны, растущая активность крестьянских масс и роль, которую они сыграли в борьбе за увеличение производства и в борьбе с врагом, обострили экономические противоречия в деревне. Активность крестьян вызывала беспокойство помещиков, и некоторые из них уже становились на путь прямой измены национальным интересам. Фам-ван-Донг в своем докладе в декабре 1953 года разоблачил эти попытки «реакционных и предательски настроенных помещиков» играть роль «агентов врага». Он напомнил также и о том, как французское верховное командование в 1953 году систематически оказывало по «плану Наварра» помощь феодальным элементам освобожденных районов, которым угрожала потеря их привилегий. Об этой помощи свидетельствовали парашютные десанты, сброшенные в этот период в Ланг-шоне и Лао-кае.

«Бамбуковая изгородь», феодальная эксплуатация крестьянства являлись основным препятствием на пути прогрессивного развития Демократической Республики Вьетнам. После 6 лет войны стало необходимо и одновременно возможно окончательно урегулировать аграрный вопрос и провести все те мероприятия, которые правительство наметило, но еще не успело провести в деревне.

19 декабря 1952 года, в день VII годовщины войны сопротивления, Хо-ши-Мин напомнил, что крестьяне составляют 90 процентов населения и армии, но по-прежнему являются самыми обездоленными, и призвал развернуть настоящую «мобилизацию масс» для ликвидации феодального режима.

После этого выступления Хо-ши-Мина в течение зимы и весны 1953 года проходил ряд дискуссий. Сначала партия Лао-донг (Партия трудящихся), затем Постоянный комитет Национального собрания и Центральный комитет фронта Лиен-вьет принимают решения по аграрному вопросу. Все эти документы послужили основой декрета по аграрному вопросу, изданному 12 апреля 1953 года.

По своему содержанию этот закон почти ничем не отличался от мероприятий, намеченных в 1945 и 1949 годах (осуществление которых в тот период проводилось очень слабо); он предусматривал: передел общинных земель, сокращение на 25 процентов арендной платы, сокращение ростовщического процента, раздел земель колонизаторов и предателей родины *(вьет-зян)*. Однако декрет 1953 года содержал еще два новых важных положения. Во-первых, устанавливался более строгий порядок проведения этого декрета в жизнь, в частности положение о сокращении арендной платы должно было иметь обратную силу в отношении помещиков, не подчинившихся аграрным декретам 1945 и 1949 годов. Во-вторых, выплата процентов за долги не только сокращалась, но во многих случаях долги вообще ликвидировались. Общинные земли и имущество колонизаторов и предателей родины, переданные крестьянам во временное пользование, теперь передавались им навсегда. Особенностью этого нового закона было то, что его проведение в жизнь было повсеместно поручено не местной администрации или же сохранившим еще свое влияние нотаблям, как это имело место в 1945 и 1949 годах, а самим народным массам, то есть крестьянским союзам и сельским комитетам, созданным в интерзонах, провинциях, уездах, общинах.

Следует также отметить, что проведение в жизнь аграрных мероприятий задерживалось в районах, населенных национальными меньшинствами, а между тем солдаты баодаевской армии присваивали там земельные участки, которые они собирались обрабатывать после своего возвращения из армии.

Проведение в жизнь декрета об аграрной реформе в течение весны, лета и осени 1953 года приобрело характер мощного народного движения. В период между апрелем и августом 1953 года в 22 деревнях Вьет-бака и IV интерзоны была в качестве опыта осуществления этого декрета возвращена незаконно взимаемая с 1949 г. арендная плата 3398 бедняцким семьям и 1539 семьям крестьян-середняков. В то же время было конфи-

сковано 1808 мау земли, а также 41 дом и 70 буйволов, принадлежавших предателям родины *(вьет-зян)* и местным деспотам. Посвящая этим событиям передовую статью, газета «Нян-зан» 6 октября 1953 года писала, что осуществление в этих провинциях аграрной реформы позволило в то же время раскрыть много тайных организаций, действовавших против Демократической Республики Вьетнам и поддерживавшихся помещиками.

Проведение в жизнь аграрных мероприятий в этих 22 деревнях ознаменовалось в то же время и важными политическими сдвигами. В партии Лао-донг число членов из крестьян-бедняков возросло с 37 до 53 процентов; увеличилось вдвое число членов в различных крестьянских организациях; решающее влияние в партизанских отрядах и местных административных комитетах приобрели крестьяне-бедняки; быстро росли и укреплялись бригады трудовой взаимопомощи; со всех сторон стекались добровольцы в отряды *зан-конг.*

Эти политические сдвиги, а также результаты, достигнутые в сентябре 1953 года благодаря проведению важных мероприятий, охвативших 200 деревень, широко рекламировались. Создавшаяся в результате этого обстановка позволила в декабре 1953 года сделать еще один важный шаг вперед к проведению аграрной реформы в полном смысле этого слова.

Национальное собрание, избранное в январе 1946 года, которое не собиралось с ноября того же года, утвердило эти новые аграрные мероприятия, придав им тем самым особую торжественность. Выступая на заседании Национального собрания, заместитель премьер-министра Фам-ван-Донг первую часть своего доклада посвятил итогам семи лет войны, а вторую часть — аграрной реформе, которую он определил как *«основное и неотложное требование движения сопротивления и народно-демократической революции».*

В своем докладе Фам-ван-Донг остановился вначале на той роли, которую сыграл в истории Вьетнама феодальный режим и как этот режим тормозил развитие вьетнамского общества.

> Вся история нашей страны, — говорил Фам-ван-Донг, — свидетельствует об отсталом, реакционном и неразумном характере феодального режима...
>
> Мы только что сбросили оковы, — сказал в заключение Фам-ван-Донг, — которые препятствовали развитию сил сопротивления. Этими оковами был феодальный режим.

Фам-ван-Донг остановился также на тех важных результатах, которые были достигнуты благодаря «мобилизации масс» и проведению в жизнь апрельского декрета.

> Крестьяне, охваченные энтузиазмом... приняли самое активное участие в осуществлении всех задач борьбы со-

противления... деревня, как говорится, начала менять свое лицо.

В заключение своего доклада Фам-ван-Донг остановился на тех последствиях, к которым должна была привести в будущем аграрная реформа. Он указал на то, что в результате проведения аграрной реформы участие крестьян в движении сопротивления возрастет и значительно повысится уровень сельскохозяйственного производства. Далее, Фам-ван-Донг отметил, что хотя все предпринимаемые правительством меры направлены к тому, чтобы решительным образом улучшить положение наиболее угнетенных классов, однако «эти меры далеки от того, чтобы ослабить или сузить национальный фронт; напротив, они его усилят и расширят». Фам-ван-Донг в своем докладе остановился также и на том, что новая аграрная политика не противоречит сохранению хороших взаимоотношений с помещиками-патриотами.

> Помещикам, которые не скомпромитировали себя сотрудничеством с колонизаторами, демократически настроенным помещикам и помещикам, участвующим в сопротивлении, аграрная реформа принесет реальную пользу: благодаря ей они *приобретут возможность и средство измениться самим,* освободиться от своего прошлого и стать новыми людьми, достойными нового Вьетнама.

Закон об аграрной реформе был принят Национальным собранием 4 декабря после продолжительного обсуждения, во время которого, в частности, выступал Хо-ши-Мин.

Основной принцип реформы очень прост: имущество *всех* помещиков разделяется между крестьянами-бедняками, включая крестьян не вьетнамской национальности и солдат баодаевской армии (при разделах за ними резервировалась определенная доля земли). Формы раздела имущества землевладельцев были разнообразны. Так, например, у французских колонизаторов земли и другое имущество просто конфисковались. Земли и имущество «реакционных и предательски настроенных помещиков, а также сельских деспотов» конфисковывались в зависимости от «совершенных проступков». Что же касается демократически настроенных помещиков и обычных землевладельцев, то они получали возмещение за конфискованную землю, скот, сельскохозяйственный инвентарь, причем все другое имущество сохранялось за ними. Меры же, которые будут приняты в отношении «выжидающих» помещиков, проживавших в оккупированных зонах, будут зависеть, согласно закону, от политических позиций, занимаемых ими по отношению к движению сопротивления. При определении категории помещиков и их дальнейшей судьбы принимался во внимание не только экономический, но и политический фактор.

Наконец, проведение в жизнь аграрной реформы, так же как и проведение апрельского закона, возлагалось непосредственно на самих крестьян, то есть на комитеты по проведению аграрной реформы — в интерзонах и провинциях и на крестьянские народные собрания и комитеты крестьянских союзов — в общинах. Были учреждены также специальные народные суды. Таким образом, власть нотаблей и богатых помещиков, которая в различных формах сохранялась со времени длительной китайской оккупации в период господства династий Чан и Ле, в период независимости во времена династии Нгюенов, так же как и в период подчинения этой династии французам, а затем японцам, наконец была свергнута. Хозяевами деревни стали крестьяне. Вьетнам вступил на путь разрешения феодального вопроса.

* * *

Параллельно с проведением аграрной реформы в период 1953—1954 годов шел процесс экономического, политического и военного укрепления Демократической Республики Вьетнам.

Новые ирригационные работы, укрепления плотин и поднятие целины позволили увеличить в 1953 году производство сельскохозяйственных продуктов с 20 до 50 процентов [1], а развитие ремесленной кооперации привело к снижению цен на предметы первой необходимости [2]; в то же время усиливается снабжение вьетнамских крестьян и крестьян национальных меньшинств сельскохозяйственным инвентарем [3].

Значительного размаха достигло развитие средств сообщения, особенно по сравнению с предшествующим периодом. Наиболее знаменательным являлось то, что вся освобожденная территория стала жить общей экономической жизнью в противоположность узкоместной деятельности, характерной для периода 1947—1948 гг. В IV интерзоне был восстановлен и бесперебойно действовал участок железной дороги протяженностью 300 километров. Строительство дорог шло повсюду: в период

[1] Производство сельскохозяйственных продуктов поднялось с 20 до 50 процентов в районе Тонкинской дельты и с 20 до 25 процентов на территории IV зоны.

[2] Согласно данным, опубликованным в «Кыу куок», в 1953 году цены на противомоскитные сетки снизились на 27 процентов, на полотенца — на 35 процентов, на бумагу — на 40 процентов.

[3] В провинции Тхай-нгюен за 5 месяцев 1953 года было изготовлено для крестьян этого района 40 тысяч различных сельскохозяйственных орудий; в V интерзоне из старых моторов автомашин, захваченных у противника, было изготовлено 200 механических насосов. В начале 1953 года были предприняты большие усилия, для того чтобы снабдить народность тхаи ножами, этими предметами первой необходимости, которых она была лишена с 1946 года. В 1953 году из Вьет-бака было доставлено 32 тысячи ножей.

Наименование работ	Выработка в колониальный период, $м^3$	Норма, установленная в период 1951—1953, г., $м^3$	Средняя выработка, $м^3$	Максимальная выработка, $м^3$
Земляные работы на мягком грунте	0,600	1,340	3,320	21
Земляные работы на твердом грунте . . .	0,250	0,500	1,800	5
Разработка карьеров без применения взрывов	—	0,250	0,690	12,500
Дробление булыжника	0,150	0,400	0,517	5,500
Засыпка булыжника . .	—	2,500	4,200	14

с 1951 по 1953 год было сооружено и восстановлено 2600 километров дорог. Сухие статистические данные, приводимые Фам-ван-Донгом в его докладе в декабре 1953 года, достаточно ярко свидетельствуют о размахе этого строительства.

> Дороги, которые мы строим, — сказал в заключение заместитель премьер-министра, — ведут к победе. Был момент, когда мы разрушали дороги, теперь мы их заново строим, и строим намного больше, лучше и быстрее, чем колонизаторы.

Внимание западных обозревателей особенно привлекло военное значение этой сети дорог [1]. Она, безусловно, имела большое значение в сражении за область, населенную народностью тхаи, и в битвах за Диен-биен-фу. В то же время эта сеть дорог позволила расширить торговлю между районами по всей освобожденной территории. Так, например, рис из IV интерзоны направлялся в III интерзону; в 1953 году в 5 раз возросла продажа соли из IV интерзоны во Вьет-бак; в то же время в два раза увеличился приток лесной продукции из пограничной зоны в Северный Аннам [2]. Возрождалась внешняя торговля. Так, например, чай из Фу-тхо, бумагу из Тхай-нгюена и кофе из IV интерзоны отправляли к китайской границе. Внешнеторговый обмен стал развиваться с 1951—1952 годов. В основе его лежала та же система, что и во внешней торговле Китайской Народной Республики: частный сектор сохранялся, но все более важную роль начинали играть кооперативы. В 1951 году было создано государственное управление, осуществлявшее общее планирование и в то же время регулировавшее цены, непосредственно обеспечивая продажу определенной части товаров.

---

[1] См. карту, опубликованную газетой «Монд» 19 марта 1954 года.
[2] «Кыу-куок», 19 марта 1954 года.

Развитию торговли способствовали такие факторы, как стабилизация цен[1] и денежного курса[2]. Общий подъем экономической деятельности в свободных зонах позволил повысить необлагаемый минимум с 61 килограмма в 1951 до 71 килограмма в 1952 году и 81 килограмма в 1953 году, в то время как сумма местного налога была снижена с 20 до 15 процентов по отношению к основному.

В результате возрастающей роли марксистской партии Лао-Донг, аграрной реформы и других экономических мероприятий, которые можно было осуществить в военной обстановке, Демократическая Республика Вьетнам все более сближалась с Китайской Народной Республикой, СССР и другими социалистическими странами. Об этом свидетельствует то важное значение, которое придавали «месячнику китайско-советско-вьетнамской дружбы», торжественно проведенному в этих трех странах в период с 18 января по 18 февраля 1954 года. Повсюду, даже в зонах партизанской борьбы, были проведены многочисленные народные митинги; вьетнамское радио посвятило этому событию специальные передачи; были выпущены почтовые марки, посвященные месячнику, и организованы специальные выставки. Во Вьетнаме демонстрировались советские фильмы о войне — «Сталинградская битва» и «Падение Берлина», китайские фильмы, посвященные проведению аграрной реформы, такие, как «Седая девушка». Вьетнамские крестьяне, которые при колониальном строе даже не знали о существовании кино, проделывали пешком путь в 40 километров, чтобы посмотреть эти фильмы.

В 1953 году были достигнуты новые успехи в политике освобождения и организации национальных меньшинств. В этих районах были открыты школы, в которых преподавание велось на местном языке. Кадровые работники, направляемые в эти районы, должны были в обязательном порядке изучить местный язык. С 30 августа по 10 сентября 1953 года состоялась конференция национальных меньшинств Вьет-бака, в которой приняло участие 120 делегатов — представителей 20 народностей. Эта конференция под председательством бригадного генерала Тю-ван-Тана, представителя народности тхо, выработала программу политического и экономического развития национальных меньшинств. В своем докладе Национальному собранию в декабре 1953 года Фам-ван-Донг сказал: «Мы должны стремиться совместно с нашими соотечественниками из среды национальных меньшинств к образованию *национальных автономных районов*».

---

[1] В четырех последних интерзонах цены на рис в 1953 году были снижены на 35 процентов, на ткани — на 30 процентов и на соль — на 35 процентов (см. «Кыу-куок» от 16 марта 1954 года).

[2] В течение первого квартала 1953 года соотношение между вьетнамским донгом и пиастром Индокитайского банка изменилось с 1 : 1 до 1 : 15. Эти данные были приведены в докладе Фам-ван-Донга на III сессии Национального собрания

Одновременно в 1953—1954 годах продолжало усиливаться влияние и расширяться деятельность Демократической Республики Вьетнам и в оккупированных зонах. Усилилось ее влияние в районе дельты, в связи с чем братья Олсон писали осенью 1954 года, что «со многих точек зрения район дельты также является основной базой вьетнамцев». Обозреватели обращали особое внимание на военную сторону этих успехов: в районе дельты постоянно находились значительные части (общей численностью примерно 80 тысяч человек) регулярной армии; в дельте была создана мощная сеть укрепленных деревень, связанных между собой многочисленными подземными ходами, построить которые могли люди, не только уверенные в силе своего труда, но и все без исключения умевшие хранить тайну. Согласно данным, сообщенным вьетнамскими властями итальянскому журналисту Каламандреи, в 2784 деревнях четырех провинций, расположенных в северной части дельты. в 1952 году насчитывалось 607 партизанских баз, а в июле 1953 года — 1486 баз.

В крупных городах, таких, как Ханой или Сайгон, девальвация пиастра в мае 1953 года вызвала новое повышение цен, так как бо́льшая часть предметов потребления импортировалась. Рост обнищания одних, затруднительное положение других еще более усиливали сопротивление баодаевскому режиму. Выборы, проведенные в 1953 году премьер-министром баодаевского правительства Тамом, закончились провалом, несмотря на то, что избиратели были предварительно самым тщательным образом отобраны и что большинство их составляли чиновники. Самые различные обозреватели, такие, как американский судья Дуглас, министр Кристиенс — член партии независимых, газета «Ридерс дайджест», в один голос отмечали тот факт, что влияние правительства Хо-ши-Мина было очень велико даже в зоне, контролируемой экспедиционным корпусом [1]. За исключением нескольких небольших групп политиканов, единственной организованной силой, на которую могло рассчитывать правительство Бао-Дая, были «политико-религиозные секты». Феодальный характер организаций Бинь-сюен, хоа-хао и каодаистов еще более усиливается в 1953—1954 годы. Главари этих сект продавали свою помощь министрам Бао-Дая: Таму, Быу-Локу, Нго-динь-Зиему, — которые взамен вынуждены были терпеть их вымогательства.

В то время как соотношение экономических и политических

---

[1] В своем интервью (осенью 1952 года) агентству Рейтер судья Дуглас сказал: «Находясь в Индокитае, я спросил одного католического епископа, кто является самым популярным человеком в Индокитае? «Хо-ши-Мин, конечно», — ответил мне он».

Л. Кристиенс, выступая перед членами партии независимых и крестьянами 18 марта 1953 года, сказал: «В Индокитае мы очень сильно ощущали атмосферу недоверия наподобие той, которая царила во Франции в период оккупации».

Газета «Ридерс дайджест» в апреле 1953 года писала: «За Хо-ши-Мином идет большинство населения».

сил продолжало изменяться в пользу Демократической Республики Вьетнам, во Франции росло и ширилось движение, направленное против войны во Вьетнаме. Это движение охватывало все более широкие слои партии радикалов, большинство членов УДСР, новые группы интеллигенции и, наконец, даже те политические группировки, которые по традиции относили к правым, но которых тревожило растущее ослабление Франции, вызванное продолжением войны во Вьетнаме. Во время обсуждения этого вопроса в октябре 1953 года один из депутатов-радикалов подсчитал, что 7 первых лет войны обошлись Франции в 1667 миллиардов франков (не считая американской помощи).

Число сторонников правительства по вьетнамскому вопросу хотя и составляло большинство в парламенте, непрерывно уменьшалось. Так, например, в октябре 1950 года оно составляло 349 человек против 218, в октябре 1953 года оно сократилось до 315 человек против 257, а затем до 311 против 262 (на 6 мая 1954 года) и до 289 против 287 (на 13 мая 1954 года).

Изменение обстановки как во Франции, так и во Вьетнаме, казалось, приближало конец войны. Конкретные пути к достижению этой цели были намечены Хо-ши-Мином и его интервью, данном в ноябре 1953 года шведской газете «Экспрессен». Но именно в этот период некоторые лица поддаются соблазну «снова разжечь» войну.

В мае 1953 года генерал Наварр, новый французский главнокомандующий, прежде чем занять свой пост, совершил поездку в Вашингтон. Во время этой поездки был выработан так называемый «план Наварра», который предусматривал: создание ударного корпуса для «очистки» дельты; налеты на тылы Демократической Республики, что дало бы возможность установить связь с феодальными элементами, обеспокоенными аграрной и национальной политикой правительства Хо-ши-Мина; создание ускоренным темпом «мобильных батальонов» из баодаевцев для закрепления достигнутых результатов. Затем американское правительство предусматривало устранение из правительства Бао-Дая прежних прислужников французской колониальной администрации, таких, как принц Быу-Лок или генерал Хинь, сын полицейского комиссара Тама. Этих людей предполагалось заменить человеком, которого до сих пор держали в резерве — католическим сановником Нго-динь-Зиемом (он долгое время жил в США, а его прежние распри с колониальными властями создали ему определенную репутацию). Экспедиционный корпус пытался в гораздо более крупных масштабах, чем во времена маршала Делаттра и впервые после 1847 года серьезно воспользоваться сухим сезоном и взять стратегическую инициативу в свои руки, но на этот раз в рамках «глобальной» политики, вдохновляемой непосредственно американцами и поддерживаемой полностью в Париже министрами МРП и некоторыми умеренными и радикалами. Американское правительство, которое вынуждено было

пойти на заключение перемирия в Корее, в сентябре 1953 года подписало с министром Ланьелем договор о предоставлении Франции 385 миллионов долларов.

Осенью 1953 года французское командование сосредоточило 44 отборных батальона в районе Тонкина, среди которых были корпус марокканцев, парашютисты, Иностранный легион, к которому символически был присоединен французский батальон, воевавший в Корее. В октябре эти войска перешли в наступление в районе дельты, осуществляя операцию под названием «Щука», а в ноябре была проведена операция под названием «Чайка», целью которой был захват Тхань-хоа, в самом сердце IV интерзоны. В январе 1954 года в результате осуществления операции «Атлант», проводившейся в присутствии вице-президента Никсона, прибывшего для наблюдения за выполнением этого «плана», войска Демократической Республики Вьетнам были вынуждены оставить один из важных прибрежных районов к югу от Кюи-нёна. Однако все эти успехи носили местный характер, более решающий удар предполагалось нанести захватом Диен-биен-фу.

Там были построены японцами в 1944—1945 годах два больших аэродрома, которые могли принимать тяжелые бомбардировщики. Захват этих аэродромов экспедиционным корпусом был вызван не столько стремлением спасти последние французские гарнизоны в области, населенной народностью тхаи (На-шам был эвакуирован в августе, Лай-тяу в декабре), сколько стремлением создать специальный «укрепленный плацдарм», роль которого была двоякой: с одной стороны, создать на фланге Южного Китая крупную авиационную базу, а с другой стороны, сковать и перемолоть лучшие части вьетнамской Народной армии. Эти две цели, которые и в военном отношении не были лишены противоречий, вызывали в то время серьезные разногласия среди членов французского верховного командования.

Диен-биен-фу — это решительный шаг, направленный на «интернационализацию» конфликта в тот самый момент, когда мировое общественное мнение все более настойчиво требовало разрешения конфликта путем переговоров. Зимой в Берлине министры иностранных дел великих держав приняли решение созвать весной того же года в Женеве международную конференцию по вопросу установления мира на Дальнем Востоке с участием пяти великих держав, включая Китайскую Народную Республику.

Когда 26 апреля открылась конференция, штурм Диен-биен-фу продолжался уже несколько недель, и положение его гарнизона было очень тяжелым. Именно тогда в Париже и Вашингтоне сторонники продолжения войны до победного конца, не задумываясь, подвергли массированному налету американской авиации Верхний Тонкин (этот факт был несколько позже разоблачен американским еженедельником «Юнайтед Стейтс Ньюс энд

Уорлд Рипорт»). Женева для этих людей была лишь своего рода алиби, дипломатическим маневром, позволявшим убедить общественное мнение, что нет иного пути, кроме интернационализации конфликта на Дальнем Востоке, то есть, что совещание в Женеве должно было, по их расчетам, быстро завершиться провалом. Именно поэтому Даллес сразу же после своего прибытия на конференцию стал резко проявлять враждебность ко всякого рода «успокоению», в то время как Бидо прибегал ко всевозможным уловкам, чтобы задержать прибытие делегации Демократической Республики Вьетнам, без которой совершенно немыслимо было вести настоящие переговоры.

7 мая 15 тысяч французских войск, осажденных в Диен-биен-фу, были вынуждены прекратить сопротивление. В то время как Даллес весьма поспешно и самым жалким образом должен был покинуть Женеву, конференция продолжала свою работу и решила пригласить для участия в ее работе Демократическую Республику Вьетнам, а также «присоединившиеся государства». 12 июня французское правительство впервые после 1947 года ушло в отставку вследствие провала своего внешнеполитического курса: в результате голосования 306 голосов против 293 министры Ланьель и Бидо были вынуждены уступить место Пьеру Мендес-Франсу. Под воздействием трех мощных факторов в течение нескольких недель положение резко изменилось.

Битва за Диен-биен-фу уже с самого начала продемонстрировала даже самым последним скептикам возросшую силу Демократической Республики Вьетнам. В военном отношении эта битва означала провал «плана Наварра» как вследствие того, что армия Демократической Республики Вьетнам стала более оснащенной в техническом отношении, так и вследствие растущей поддержки армии со стороны гражданского населения, чему в значительной степени способствовала аграрная реформа. Рост политического престижа Демократической Республики Вьетнам разрушил все надежды на создание сильной баодаевской армии (по типу южнокорейской), на что главным образом делалась ставка во франко-американских военных планах; за время битвы батальоны баодаевцев и тхаи разбежались.

Это серьезное военное поражение дало в свою очередь новый толчок развернувшемуся во Франции движению за прекращение войны во Вьетнаме. Даже в некоторых руководящих кругах усилились тенденции избавиться от тех политиков, которые особенно рьяно отстаивали необходимость продолжения войны до конца, и, поскольку заключение мира становилось необходимым, заменить их «новыми людьми», способными осуществить в Индокитае такое отступление, которое не означало бы полного провала французской политики. В этом была суть замены группы Ланьеля — Бидо — Плевена группой Мендес-Франса.

Наконец, международное общественное мнение, обеспокоенное тем, что война в Индокитае все более и более перерастала

рамки франко-вьетнамской войны и ставила на карту вопрос о сохранении мира во всем мире, оказало мощное давление на ход конференции в Женеве. Молотов и Чжоу Энь-лай от имени 800 миллионов населения своих стран неоднократно заявляли о необходимости добиваться мира и разрешения вьетнамского конфликта путем переговоров. Проявленные Молотовым и Чжоу Энь-лаем в этом вопросе настойчивость и сдержанность, которым Иден вынужден был отдать должное, выступая в палате общин, в значительной степени помогли избежать того разрыва, которого в первые дни добивались Даллес и Бидо, а впоследствии помогли дать правильное направление ходу переговоров. Роль других стран Азии (Индии, Пакистана, Индонезии, Цейлона и Бирмы), не участвовавших в конференции, но одновременно собравшихся в Коломбо и подтвердивших свое стремление добиться мира в Индокитае, более не игнорировалась; это в свою очередь оказало определенное влияние на позицию, занятую английской делегацией в Женеве.

Под давлением этих трех факторов, когда развернулась напряженная борьба между тенденцией к миру и весьма близкой опасностью перерастания конфликта во Вьетнаме в общий конфликт на Дальнем Востоке, критическое положение, сложившееся в Диен-биен-фу, окончательно склонило общественное мнение в пользу заключения мира.

Мир в Индокитае был достигнут. В течение июня 1954 года имел место целый ряд важных встреч: Мендес-Франс и Чжоу Энь-лай встретились в Берне. Затем Мендес-Франс имел в Париже беседу с Фостером Даллесом и Иденом, а Чжоу Энь-лай тем временем встретился с президентом Неру и затем с Хо-ши-Мином. Когда 10 июля министры снова вернулись в Женеву, то тех десяти дней, которые оставались до условленного дня «встречи», оказалось достаточно, чтобы окончательно договориться о заключении мира.

Подписанные в Женеве в ночь с 20 на 21 июля (в 3 часа 30 минут) соглашения предусматривали прекращение огня на всей территории Вьетнама приблизительно в течение одного месяца [1]. Военнопленные и интернированные гражданские лица по условиям соглашения должны были постепенно освобождаться.

Временная демаркационная линия была установлена вдоль 17-й параллели, по обе стороны которой должны были перегруппироваться военные силы противников. Экспедиционный корпус должен был покинуть район Ханоя по истечении 80 дней, коридор Хай-зыонг (который связывал Ханой с морем) по истечении 100 дней, зону Хай-фонга по истечении 300 дней. Войска Демократической Республики Вьетнам, со своей стороны, должны

---

[1] Одновременно с этим принятые соглашения предусматривали прекращение огня также в Лаосе и Камбодже.

были в течение 80 дней оставить горные районы северной Кохинхины (район Хам-там и Сюен-мок) и «первый сектор» V интерзоны (провинции Бинь-динь и Куанг-нгай); в течение 100 дней должны были эвакуироваться из Тростниковой долины и второго сектора провинций Бинь-динь и Куанг-нгай: в течение 200 дней с мыса Ка-мау и в течение 300 дней из Бинь-диня и Куанг-нгая должны были эвакуироваться последние воинские части. По условиям соглашения вьетнамские гражданские лица могли свободно и по собственному желанию перейти из одной зоны в другую.

Однако эта перегруппировка сил никоим образом не означала отказа от принципа объединения Вьетнама; Женевские соглашения, напротив, закладывали фундамент благоприятного политического урегулирования вьетнамской проблемы. *Не позже 20 июля 1956 года* на всей территории Вьетнама должны были состояться выборы, для проведения которых правительство Демократической Республики Вьетнам и баодаевские власти должны были вступить в контакт. Обе стороны с момента прекращения огня должны были воздерживаться от вступления в какие бы то ни было военные союзы и не должны были допускать строительства иностранных военных баз на своей территории.

Наконец, смешанные комиссии из представителей обеих сторон должны были контролировать прекращение огня, в то время как проведение в жизнь всех мер, предусмотренных Женевскими соглашениями, должно было обеспечиваться международной комиссией, образованной из представителей Индии (председатель комиссии), Польши и Канады.

Компромиссное соглашение в Женеве было подписано французским правительством только под давлением обстоятельств, но отнюдь не в соответствии с принципами проводимой им политики. Как впоследствии заявил Пьер Мендес-Франс во время обсуждения бюджета Французского Союза на 1955 год, это компромиссное соглашение означало только уступку, которой, казалось, нельзя было избежать. Но в то же время это соглашение положило конец ужасной бойне, которая длилась в течение 8 лет и стоила Вьетнаму сотен тысяч жизней. Вместе с тем Женевские соглашения привели к включению Китайской Народной Республики в международную жизнь, вернули Демократической Республике Вьетнам Ханой — исторический центр вьетнамской нации. Они открыли эру мирного возрождения Вьетнама.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ: ФРАНЦИЯ И ВЬЕТНАМ

Каковы будут в дальнейшем франко-вьетнамские отношения? Несомненно, что «уроки истории» не обладают никакими магическими свойствами. Для проведения правильной политики совершенно недостаточно быть послушным и хорошим учеником школы прошлого. Будущее необходимо завоевать.

Но, вступая на путь борьбы за будущее, необходимо обогатить свои знания. Вся история вьетнамского народа, история, «творцы которой отдали ей свою жизнь», может оказать ценную помощь в поисках пути к будущему, где не будет ни голода, ни напалма, ни ненависти.

С давних времен своей истории вьетнамский народ, несмотря на оковы феодализма, доказал свое право на существование своей самобытной культурой, своим языком, своей постепенно расширявшейся на юг территорией и, наконец, уже довольно сложными экономическими отношениями. Прочность его существования не смогли поколебать ни шестьдесят лет насильственного административного дробления, ни шестьдесят лет включения в искусственно созданный «Индокитай». Необходимо без колебаний признать, что колониальный период в истории Вьетнама имеет много темных сторон и недостатков. Это необходимо, для того чтобы отказаться от всякого сожаления о прошлом и установить между Францией и Вьетнамом действительно новые отношения.

В период от Августовской революции 1945 года и до Женевского перемирия Демократическая Республика Вьетнам — единственная наследница восьмидесятилетней непрерывной борьбы вьетнамского народа за независимость — утвердилась как государство. С той же определенностью и решимостью, которые она проявляла в течение всех 8 лет войны, Демократическая Республика Вьетнам в настоящее время обращается к Франции с предложением установить, по выражению Фам-ван-Донга, «отношения

доверия и дружбы, основанные на принципах равенства и взаимной выгоды».

Эта страна, которая только что вернулась к мирной жизни, испытывает большую нужду в различного рода оборудовании, машинах, специалистах, а также в финансовых средствах. Поэтому экономические отношения между Францией и независимым Вьетнамом, качественно отличные от тех, которые существовали в колониальную эпоху, должны не ослабевать, а неуклонно развиваться.

Совершенно излишне также сожалеть о том времени, когда вьетнамская учащаяся молодежь, плохо знающая историю своего народа и свою национальную литературу, со знанием дела рассуждала о каком-нибудь слове на надгробном памятнике Генриетты Английской. В настоящее время во Вьетнаме, где самые широкие слои населения включились в культурную жизнь, широкий путь открыт для кинофильмов, театральных трупп, музыкантов, лекторов, французской переводной литературы. Если культура французского народа может дать что-либо ценное для культурного наследия всех народов, то независимый Вьетнам сможет извлечь из нее значительно больше, чем это мог сделать колониальный, неграмотный Вьетнам. Женевские соглашения, таким образом, не уменьшили, а значительно расширили перспективы «французского присутствия» во Вьетнаме.

Если во франко-вьетнамских отношениях весьма тяжелым багажом являются всякого рода спорные вопросы, то в этих отношениях имеются также и глубокие традиции солидарности, которые могут в значительной степени способствовать ликвидации воспоминаний, связанных с колониальным периодом. Уже в 1863—1864 годах «партия колониалистов» испытывала большие трудности. Мужественную борьбу против захвата Тонкина вел на страницах «Кри дю пёпль» Жюль Гед. Приближение выборов 1885 и 1893 годов в значительной степени приостановило французское наступление на вьетнамское монархическое движение сопротивления. Начатая в 1909 году кампания за освобождение Фан-тю-Чиня достигла своей цели, а кампания 1932—1933 годов способствовала ослаблению репрессий, проводимых в тот период колониальной администрацией. Образование правительства Народного фронта во Франции способствовало широкому развитию вьетнамского национального движения. Наконец, развернувшееся во Франции с 1945 по 1954 год движение протеста против войны во Вьетнаме привело в конечном итоге к заключению мира. Память о всех этих событиях прошлого должна облегчить полное франко-вьетнамское примирение.

Мирные перспективы, которые открывают Женевские соглашения, должны вписать новые главы в историю вьетнамской нации. Вьетнамский народ в настоящее время в состоянии избавиться от всех оков, которые в прошлом препятствовали его

экономическому, политическому и культурному развитию. Сейчас, когда народы Азии уверенно идут вперед, вьетнамский народ должен иметь полную возможность национального развития. В то же время все те успехи, которых вьетнамский народ достиг в ходе долгой борьбы за свою независимость, а также узы дружбы и взаимной помощи, которые в ближайшем будущем могут и должны связать его с Францией, дадут возможность Вьетнаму играть особую роль в деле установления отношений мира и доверия между народами Востока и народами Запада.

БИБЛИОГРАФИЯ

Alberti, L'Indochine française, passé et présent, Paris, 1934.
Ajalbert, J., L'Indochine en péril, Paris, 1906.

Baron, S., Description du royaume de Tonkin («Revue Indochinoise»; 1914).
Barrow, J., A Voyage to Cochinchina, London, 1806.
Bell, Foreign colonial Administration in the Far East.
Bènigne Vachet, Memoires sur la Cochinchine (Bulletin de la Commission archéologique de l'Indochine) 1913.
Bernard, F., L'Indochine, erreurs et dangers, Paris, 1901.
Bernard, P., Le problème économique indochonois, Paris, 1934.
Bernard, P., Nouveaux aspects du problème économique indochinois, Paris, 1937.
Boudet et Bourgeois, Bibliographie de l'Indochine française, 3 vol. Hanoï, 1929—1943.
Bouillevaux, L'Annam et le Cambodge, Paris, 1874.
Briffaut, C., La Cité annamite, Paris, 1909.
Bowyear, Th., Extraits du journal de voyage («Bulletin des Amis du Vieux-Hué», avril 1920).

Callis, H., Foreign Capital in South-East Asia, New-York, 1942.
Célérier, P., Menaces sur le Viet-Nam, Saigon, 1950.
Chassigneux, E., L'Irrigation dans le delta du Tonkin, Paris, 1912.
Cordier, Histoire générale de la Chine.
Cordier, Bibliotheca Indosinica, Paris, 1912—1932, 5 vol.
Crawfurd, J., Journal of an Ambassy to Siam and Cochinchina, London, 1928.
Cultru, P., Histoire de la Cochinchine française de origines à 1883, Paris, 1910.

Deveria G., Histoire des relations de la Chine avec l'Annam, Paris, 1880.
Devillers Ph., Histoire du Viet-Nam de 1941 à 1951, Paris, 1952.
Diguet, E., Les Annamites, Paris, 1906.
Doumer, P., Situation de l'Indochine, Hanoï, 1902.
Duong-Van-Giao, L'Indochine pendant la guerre de 1914—1918, Paris 1925.

Embree et Dotson, Bibliography of the Peoples and Cultures of South-East Asia, Newhaven-Yale, 1950.
Ennis, T. E., French Policy and Developments in Indochina, Chicago, 1936.

Ferry, Jules, Le Tonkin et la mère-patrie.
Figueres, Léo, Je revien du Viet-Nam libre, Paris, 1950.
Finleyson, Récit dans le «Bulletin de la Société des Etudes indochinoises», 1 sept. 1939.
Feyssaalde, P., L'Endettement agraire en Cochinchine, Hanoï, 1933.
Franck, H. A., East of Siam, London, 1926.

Garros, G., Le Forceries humaines, Angers, 1925.
Gaultier, M., Minh-Mang, Paris, 1935.
Goltier, M., Minh-Mang, Paris, 1935.
Gosselin, Ch., L'Empire d'Annam, Paris, 1904.
Gaudal, Problèmes du travail en Indochine, Geneve, Bureau International du Travail, Etudes et rapports, B-26, 1937.
Goulet, G. Les Sociétés secrètes en Annam, Saigon, 1926.
Gourou, P., L'Asie, Paris, 1954.
Gourou, P., Les Paysan du delta tonkinois, Paris, 1936.
Gourou, P., L'utilisation du sol en Indochine française, Paris, 1940.

Hammer, E., The Stuggle for Indochina, Stanford, 1954.
Henry, Y., L'Economie agricole en Indochine, Hanoï, 1932.
Hibon, A., La crise en Indochine, Paris, 1934.
Homberg, O., Challye, F. etc., Le malaise actuel en Indochine, Paris, 1930
Huard et Durand, Connaissance du Viet-Nam, Hanoï, 1954.

Lanessan, de, L'Indochine française, Paris, 1889.
Lanoue, H., article dans «Cahier internationaux», Novembre, 1952.
Lanoue, H., Investissements français en Indochine («Cahiers internationaux», decembre, 1954).
Launay, Histoire ancienne et moderne de l'Annam, Paris, 1884.
Legrand de la Liraye, Notes historiques sur la nation annamite, Saigon, 1866.
Leroi-Gourhan et Poirier, Ethnologie de l'Union française, Paris, 1953.
Le-thanh-Khoi, Vietnam, Paris, 1955.
Lévy, P., Viet-Nam, Paris, 1951.
Le Myré de Villers, Institutions civils de la Cochinchine, Paris, 1908.
Lemonnier de la Bissachère, Etat actuel du Tonkin, de la Cochinchine et des royaumes de Cambodge, Laos et Lacthô, Paris, 2. vol., 1812.
Luro, E., Le Pays d'Annam, Paris, 1878.

Masson, Histoire de l'Indochine.
Maybon, Ch., Histoire moderne du pays d'Annam, Paris, 1920.
Millot, E., Le Tonkin, Paris, 1888.
Mitchell, K., Industrialisation of Western Pacific.
Monet, P., Française et Annamites, Paris, 1928.
Monier, R., La Question du monopole de l'alcool au Tonkin et dans le Nord-Annam, Paris, 1914.
Morel, J., Les Concessions de terres au Tonkin, Paris, 1912.
Morel, J., Contribution a l'histoire financière du Tonkin («Revue Indochinoise», 1909).
Mus, P., Viet-Nam, sociologie d'une guerre, Paris, 1952.
Mus, P., Article dans «Témoignage chretien», 10 février, 1950.

Naville, P., La guerre du Viet-Nam, Paris, 1949.
Nguyen-huu-Khang, La commune annamite, Paris, 1946.
Nguyen-van-Que, Histoire des pays de l'Union indochinoise, Saigon, 1932.

Ory, P., La commune annamite au Tonkin, Paris, 1894.

Pasquier, P., L'Annam d'autrefois, Paris, 1907.
Petrus Ky, Cours d'histoire annamite, Saigon, 1875.

Pham-huy-Thong, L'esprit public vietnamien hier et aujourd'hui.
Pham-van-Dong, le rapport sur la reform agraire («Cahier internationaux», mai et juillet, 1954).
Poivre, P., Voyages d'un philosophe, Yverdon, 1768.

Richard, abbé, Histoire naturelle, civile et politique du Tonkin, Paris, 2 vol., 1778.
Rhodes, de, A., Histoire du royaume du Tonkin, Lyon, 1651.
Robequain, Ch., L'Evolution économique de l'Indochine française, Paris, 1939.
Robequain, Ch., Le Thanh-Hoa, Paris, 1929.
Roubaud, L., Viet-Nam, Paris, 1931.
Romanet du Caillaud, F., Histoire de l'intervention française au Tonkin, Paris, 1877.
Rouyer, G., Histoire politique et militaire de l'Annam et du Tonkin depuis 1790, Paris, 1906.

Sabattier, G., Le Destin de l'Indochine, Paris, 1952.
Sainteny, Histoire d'une paix manquée, Paris, 1953.
Schreiner, A., Abrégé d'histoire d'Annam, Saigon, 1906.
Schreiner, A., Les Institutions annamites en Bass-Cochinchine avant la conquête francaise, Saigon, 3. vol., 1900-1902.
Silvestre, J., L'Empire d'Annam et le peuple annamite, Paris, 1889.
Silvestre, J., articles dans «Annales de l'Ecole des Sciences politiques, du 15 juillet 1895 au janvier 1898.

Thiollier, L., La grand Aventure de la piastre indochinoise, Saint-Etienne, 1930.
Thomson, V., French Indochina, New York, 1937.
Thomson, V., Notes on Labor Problems in Indochina, New York, 1943.
Truong-Chinh, le rapport sur culture («La Mivell critique», janvier 1904).

Viollis, A., Indochine S.O.S., Paris, 1931.

White, J., A Voyage to Cochinchina, London, 1824.

«Contribution à l'histoire des mouvements politiques de l'Indochine française», Hanoï, 1930—1933, 4 fasc.
«L'Histoire militaire de l'Indochine des débuts jusqu'à nos jours» Hanoï, 1922.
«Code de Le», traduits par Deloustal («Bulletin de l'Ecole française» 1908—1913).
«Code de Gia-Long», traduits par Philastre, Paris, 1909.
«Notice de Gia-Dinh» («Gia-Dinh Thoug-Chi»), traduits par Aubaret («Histoire et description de la Basse-Cochinchine», Paris, 1863).
«Bulletin économique de l'Indochine».
«Bulletin de l'Ecole française d'Extrême-Orient».
«Bulletin de la Société des études infochinoises».
«Bulletin des Amis du Vieux-Hué».
«Excursions of reconnaissances».
«La Correspondance internationale».
«La Nouvelle critique».
«Cahier internationaux».
«Cahier du bolchevisme».
«L'International communiste».
«Revue indochinoise».
«Viet-Nam Bulletin, Pékin».
«Viet-Nam information, Rangoon».

УКАЗАТЕЛЬ ИМЕН

ОГЛАВЛЕНИЕ

Ж. ШЕНО

ОЧЕРК ИСТОРИИ ВЬЕТНАМСКОГО НАРОДА

Редактор *Н. И. НАЙДЕНОВА*

Технический редактор *И. Я. Думбре* Художник *Л. А. Рабенау*

Сдано в производство 31/V 1957 г. Подписано к печати 7/X 1957 г. Бумага $60 \times 92^{1}/_{16}$ = = 10,9 бум. л. 21,8 печ. л., в т/ч. 1 вкл. Уч.-изд. л. 22,5. Изд. № 6/2989. Цена 15 р. 50 к. Зак. 2162.

ИЗДАТЕЛЬСТВО ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
Москва, Ново-Алексеевская, 52.

Тип. № 2 им. Евг. Соколовой УПП Ленсовнархоза, Ленинград, Измайловский пр., 29.

СПИСОК

опечаток к книге Ж. Шено „Очерк истории вьетнамского народа"

Стр.	Строка	Напечатано	Следует читать
7	17 снизу	приводило	приводили
19	21—22 сверху	с китайкими	с китайскими
249	11 сверху	и налогов	и налогов,
272	20 „	лиги Лиен-вьет	лиге Лиен-вьет
275	22 снизу	Южного Вьетнама)	Южного Вьетнама),
338	23 „	„La Mivell critique"	„La Nouvelle critique"

Зак. 2162.

15 р. 50 к.